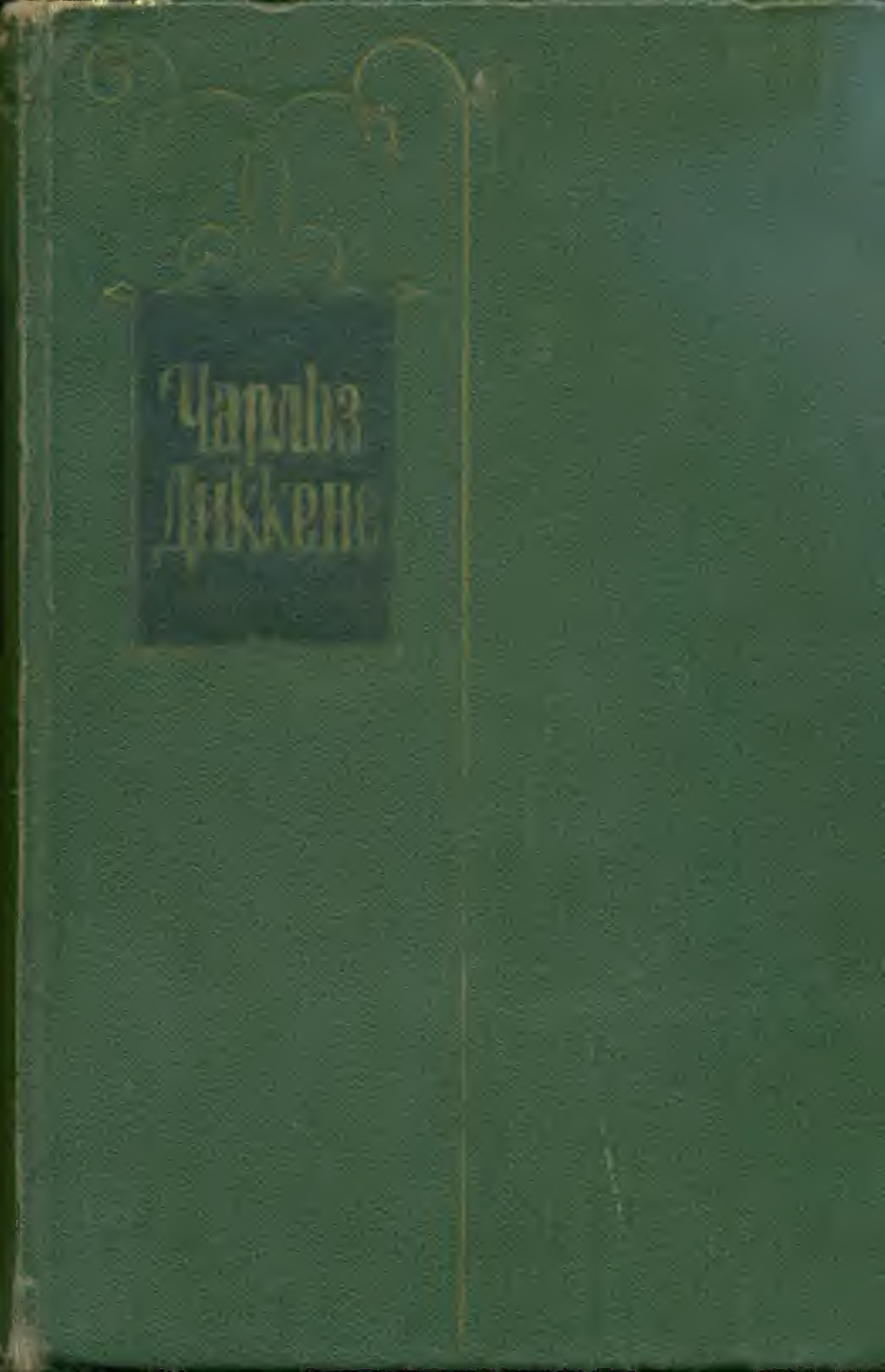

Чарльз
Диккенс

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС



СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией

А. А. АНИКСТА и В. В. ИВАШЕВОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1962

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС



СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

НАШ ОБЩИЙ ДРУГ

Роман

Книги
третья и четвертая

Перевод с английского
Н. ВОЛЖИНОЙ и Н. ДАРУЗЕС

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1962

CHARLES DICKENS

OUR MUTUAL FRIEND

1865

Иллюстрации художника
МАРКА СТОУНА

НАШ ОБЩИЙ ДРУГ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Долгая дорога

ГЛАВА I

Улица несостоятельных должников

В Лондоне был туманный день, и туман лежал густой и темный. Одушевленный Лондон, с красными глазами и воспаленными легкими, моргал, чихал и задыхался; неодушевленный Лондон являл собой черный от копоти призрак, который колебался в нерешимости, стать ли ему видимым или невидимым, и не становился ни тем, ни другим. Газовые рожки горели в лавках бледным, жалким светом, словно сознавая, что они ночные создания и не имеют права светить при солнце, а само солнце, в те редкие минуты, когда оно проглядывало тусклым пятном сквозь клубившийся туман, казалось угасшим, давно остывшим. Даже за городом стоял туманный день, но там туман был серый, а в Лондоне он был темно-желтый на окраине, бурый в черте города, еще дальше — темно-бурый, а в самом сердце Сити, которое зовется Сент-Мэри-Экс,— ржаво-черный. С любого пункта гряды холмов на севере можно было заметить, что самые высокие здания пытаются время от времени пробить головой море тумана и что особенно упорствует большой купол св. Павла; но ничего этого не было видно у их подножия, на улицах, где вся столица казалась сплошной массой тумана, полной глухого стука колес и таящей в себе грандиознейший насморк.

В девять часов такого утра контора фирмы «Пабси и К⁰» была отнюдь не самым веселым местом в Сент-Мэри-Экс,— улице вообще не веселой,— когда газовый рожок жалобно всхлипывал в окне конторы, а воровская струйка тумана, намереваясь удушить его, вползала через замочную скважину. Но газовый рожок погас, дверь открылась, и из нее вышел Райя с мешком под мышкой.

Выйдя из дверей, Райя почти в то же мгновение скрылся в тумане и пропал из глаз Сент-Мэри-Экс. Но глаза нашего повествования последуют за ним на запад, через Корнхилл, Чипсайд, Флит-стрит и Стрэнд, до Пикадилли и Олбени. Он шел туда важной и размеренной поступью, с посохом в руке, в одеянии до пят, и не одна голова, оглянувшись на его почтенную фигуру, уже затерявшуюся в тумане, решала, что это обыкновенный прохожий, которому воображение и туман придали мимолетное сходство с библейским патриархом.

Дойдя до дома, где на втором этаже помещалась квартира его хозяина, Райя поднялся по лестнице и остановился перед дверями очаровательного Фледжби. Не звоня в колокольчик, не взявшись за дверной молоток, он стукнул в дверь своим посохом и, прислушавшись, сел на пороге. Для его всегдашней покорности было характерно, что он сидел на темной и сырой лестнице, как, вероятно, многие из его предков сиживали в темницах, принимая все, что ни выпадало им на долю.

Через некоторое время, озябнув так, что ему пришлось дуть себе на пальцы, он встал и снова постучал посохом, снова прислушался и снова уселся ждать. Он повторял это трижды, прежде чем его настороженный слух уловил голос Фледжби, кричавшего с кровати:

— Эй, перестаньте стучать! Сейчас приду и открою дверь.

Но вместо того чтобы прийти сейчас же, он сладко задремал еще на четверть часика, и все это время Райя с невозмутимым терпением сидел и ждал на лестнице.

Наконец дверь распахнулась, и мистер Фледжби, мелькнув полами халата, снова нырнул в постель. Следуя за ним на почтительном расстоянии, Райя вошел в спальню, где огонь был давно разведен и пылал ярко.

— Что это ты? Который теперь, по-твоему, час ночи? — спросил Фледжби, отворачиваясь под одеялом к стене и показывая озябшему старику надежно укрытое плечо.

— Сейчас уже утро, сэр, половина одиннадцатого.

— Черт возьми! Так, значит, сильный туман?

— Очень сильный, сэр.

— Значит, сыро?

— Насквозь пронизывает,— сказал Райя, достав платок и вытирая мокрую бороду и длинные седые волосы; он стоял на самом краешке ковра перед камином, глядя на желанный огонь.

Фледжби с удовольствием нырнул поглубже и опять устроился поудобнее.

— На улице снег, лед, слякоть или что-нибудь в этом роде? — спросил Фледжби.

— Нет, сэр, нет. Не так уж плохо. Улицы совсем сухие.

— Нечего этим хвастаться,— возразил Фледжби, которому хотелось, но не удалось усилить контраст между теплой постелью и улицами.— Ну да ведь ты постоянно чем-нибудь да хвастаешься. Принес с собой книги?

— Они со мной, сэр.

— Ладно. Я еще минутку-другую подумаю насчет самого главного, а ты тем временем достань все из мешка и приготовься.

И еще раз нырнув под одеяло, Фледжби опять уснул. Старик, повинуясь его приказу, присел на краешек стула и, скрестив руки на груди, мало-помалу тоже задремал, разморенный теплом. Его разбудило появление мистера Фледжби в ногах кровати, уже в турецких туфлях, турецких шароварах розового цвета (добытых по дешевке у другого, кому они достались от третьего уже совсем даром) и в таком же халате и шапочке. В этом костюме ему для полноты картины недоставало только фонаря, пачки спичек и стула без сиденья.

— Ну, старик! — воскликнул Фледжби тоном легкой шутки.— Какую ты еще придумал хитрость, что сидишь закрыв глаза? Ты же не спишь. Лису врасплох не поймаешь, еврея тоже.

— Нет, правда, сэр, я, кажется, задремал,— ответил старик.

— Как бы не так! — возразил Фледжби с хитрым видом.— Других ты, может, и проведешь, но меня с толку не сбить. Ловкий ход, однако, если надо прикинуться равнодушным, чтоб нагреть кого-нибудь. Ох, и плут же ты!

Старик тихо покачал головой, отвергая обвинение, и, подавив вздох, подошел к столу, за которым мистер Фледжби наливал себе чашку горячего душистого кофе из кофейника, только что снятого с огня. Зрелище было поучительное: молодой человек, сидя в кресле, пил кофе, а старик стоял перед ним, склонив седую голову, и ждал, что он прикажет.

— Ну! — сказал Фледжби.— Давай сюда выручку да докажи с цифрами в руках, как это у тебя получается так мало. А прежде всего зажги свечку.

Райя повиновался, достал из-за пазухи кошелек и, указав по счету сумму, которую должен был принести, выложил деньги на стол. Фледжби пересчитал их очень внимательно, звякая каждым совереном.

— Полагаю, ты их не подтачивал,— сказал он, поднося одну монету к самым глазам,— вы, евреи, этим промышляете, дело известное. Небось отлично знаешь, как обрезают червонцы?

— Знаю, как и вы, сэр,— ответил старик, засовывая руки глубже в широкие рукава и почтительно глядя в глаза хозяину.— Разрешите мне сказать два слова?

— Можешь,— милостиво согласился Фледжби.

— Сэр, не смешиваете ли вы иногда — не намеренно, разумеется,— ту роль, в которой я честно зарабатываю хлеб у вас на службе, с той ролью, которую вам желательно, чтобы я играл?

— Не нахожу нужным разбираться в таких тонкостях, да и не стоит того,— хладнокровно отвечал очаровательный Фледжби.

— Даже ради справедливости?

— К черту справедливость! — сказал Фледжби.

— Даже из великодушия?

— Еврей и великодушие! — сказал Фледжби.— Что между ними общего! Тащи сюда расписки да не болтай всякой жидовской чепухи.

Расписки были представлены, и на целые полчаса все внимание мистера Фледжби сосредоточилось на них. Ра-

списки и счета оказались верными, и все бумаги вернулись на старое место — в мешок.

— Дальше,— сказал Фледжби,— потолкуем насчет векселей: это дело мне больше всего по душе. Какие сомнительные векселя тебе предлагают и по какой цене? Ты захватил с собой список того, что имеется на рынке?

— Длинный список, сударь,— сказал Райя, доставая бумажник и выбирая среди его содержимого сложенный документ; в развернутом виде он оказался большим листом бумаги, исписанным мелким почерком.

— Фью! — присвистнул Фледжби, взяв его в руки.— Одни банкроты, в долговой тюрьме и места не хватит! Придется сбывать частями, как по-твоему?

— Частями, как здесь предлагают, или оптом,— ответил старик, заглядывая хозяину через плечо.

— Половину придется выбросить на помойку, вперед знаю,— сказал Фледжби.— Можешь ты их скупить по бросовой цене? Вот в чем вопрос.

Райя покачал головой, и Фледжби еще раз пробежал список. Вдруг его узенькие глазки загорелись, и в ту же минуту, оглянувшись через плечо на серьезное лицо старика, смотревшего на него сверху вниз, он встал и подошел к камину. Положив лист на каминную доску, словно на конторку, Фледжби, не торопясь, читал список, стоя к старику спиной и грея колени, и даже перечитывал некоторые строчки, по-видимому особенно интересные. Временами он поглядывал в зеркало над камином, не следит ли за ним старик. Насколько можно было приметить, Райя не только не следил, но, зная подозрительность своего хозяина, стоял, опустив глаза в землю.

Мистер Фледжби предавался этому приятному занятию, пока на площадке за дверью не послышались чьи-то шаги и дверь не рванула чья-то рука.

— Слушай, ты, Навуходоносор! Это твоих рук дело,— сказал Фледжби,— это ты не запер за собой дверь.

Но тут шаги послышались уже в квартире, и голос мистера Альфреда Лэмла позвал громко:

— Вы где-нибудь здесь, Фледжби?

На что Фледжби, шепотом приказав Райе вступить в разговор, когда ему будет подан знак, ответил:

— Я здесь,— и отворил дверь спальни.— Войдите! — пригласил Фледжби.— Это джентльмен от Пабси и К⁰, из Сент-Мэри-Экс, я хочу прийти с ним к соглашению насчет просроченных векселей одного моего приятеля. Но, право, Пабси и К⁰ так строго взыскивают с должников, их так трудно уговорить, что я, кажется, трачу время даром. Мистер Райя, неужели вы не сделаете уступки для моего приятеля?

— Я ведь только представитель, сударь,— отвечал еврей тихим голосом.— Я делаю то, что мне приказано моим доверителем. Ведь не я вкладываю капитал в дело. И прибыль с него не я получаю.

— Ха-ха! — засмеялся Фледжби.— Лэмл?

— Ха-ха! — засмеялся Лэмл.— Ну еще бы, конечно, мы знаем.

— Ловко, черт возьми! Правда, Лэмл? — сказал Фледжби, без меры потешаясь над непонятной Лэмлу шуткой.

— Все тот же, все тот же! — заметил Лэмл.— Мистер...

— Райя, от Пабси и К⁰, Сент-Мэри-Экс,— вставил Фледжби, утирая выступившие на глазах слезы — до того его насмешила эта непонятная Лэмлу шуточка.

— Мистеру Райе приходится соблюдать формальности, принятые для таких случаев,— сказал Лэмл.

— Он только представитель! — воскликнул Фледжби.— Делает то, что ему велят! Не его капитал вложен в дело! Ох, вот это ловко! Ха-ха-ха! — Мистер Лэмл тоже засмеялся, сделав вид, будто понимает, в чем суть; но чем больше он усердствовал, тем смешнее казалась мистеру Фледжби непонятная Лэмлу шуточка.

— Однако,— сказал очаровательный Фледжби, опять вытирая слезы,— пора и перестать, а то может показаться, будто мы потешаемся над мистером Райей или над Пабси и К⁰ из Сент-Мэри-Экс, а у нас и в мыслях этого не было. Мистер Райя, если вы будете так любезны выйти на минуточку в соседнюю комнату, пока я поговорю с мистером Лэмлом, то я попробую с вами столковаться еще раз, перед вашим уходом.

Старик, ни разу не поднявший глаз за все время, пока мистер Фледжби изощрял свое остроумие, молча покло-

нился и вышел в дверь, которую распахнул перед ним мистер Фледжби. Закрыв дверь, Фледжби возвратился к Лэмлу, который стоял спиною к камину, забрав бакенбарды в одну руку, а другой откинув полы сюртука.

— Ого! — сказал Фледжби.— Что-то неладно!

— С чего вы это взяли? — спросил Лэмл.

— С того, что вы это показали,— ответил Фледжби нечаянно в рифму.

— Ну да, верно,— сказал Лэмл.— Есть кое-что неладное. Все дело разладилось.

— Быть того не может! — не сразу ответил Фледжби и, опустившись на стул и уперев руки в колени, воззрился на мрачное лицо приятеля, стоявшего спиной к камину.

— Говорю вам, Фледжби,— повторил Лэмл, описывая круг правой рукой,— все разладилось. Вся затея провалилась.

— Какая затея? — спросил Фледжби, все так же медленно, но гораздо строже.

— Та самая. Наша затея. Вот, прочтите.

Фледжби выхватил у него письмо и прочел его вслух:

Альфреду Лэмлу, эсквайру.

Сэр, позвольте мне вместе с миссис Подснеп выразить нашу общую благодарность за любезное внимание, оказанное миссис Лэмл и вами нашей дочери Джорджиане. Позвольте нам также отказаться от этого на будущее время и сообщить вам наше окончательное решение совершенно прекратить знакомство между обоими семействами. Имею честь, сэр, пребыть вашим покорнейшим и преданным слугою.

Джон Подснеп.

Фледжби глядел на три чистые стороны письма так же долго и внимательно, как и на первую исписанную страничку, потом перевел взгляд на Лэмла, который опять ответил ему широким жестом правой руки.

— Чьих рук это дело? — спросил Фледжби.

— Не могу себе представить,— ответил Лэмл.

— Может быть,— сильно нахмурив лоб и подумав несколько времени, высказал предположение Фледжби,— кто-нибудь вас очернил?

— Или вас,— еще сильнее хмурясь, отвечал Лэмл.

Мистер Фледжби, казалось, был готов взбунтоваться, но нечаянно дотронулся до носа. Некое воспоминание, связанное с этой частью тела, вовремя предостерегло его, и он остановился в раздумье, ухватившись за нос большим и указательным пальцами. А Лэмл тем временем поглядывал на него исподтишка.

— Что ж, от разговора дело лучше не станет,— сказал Фледжби.— Если мы когда-нибудь разузнаем, кто это сделал, он от нас не уйдет. Больше и говорить нечего, кроме того разве, что вы затеяли дело, да обстоятельства вам помешали.

— А вы прокопались, упустили время и не сумели воспользоваться обстоятельствами,— огрызнулся Лэмл.

— Гм! На это можно смотреть по-разному,— заметил Фледжби, засунув руки в карманы турецких шаровар.

— Мистер Фледжби,— начал Лэмл угрожающим тоном,— должен ли я вас понять так, что вы хотите свалить вину на меня или вообще недовольны моим поведением в этом деле?

— Нет,— ответил Фледжби,— если вы захватили с собой мою расписку и теперь вернете ее мне.

Лэмл предъявил расписку очень неохотно. Фледжби просмотрел ее, проверил, смял и бросил в камин. Оба глядели, как бумага вспыхнула, сгорела и легким пеплом улетела в трубу.

— Ну-с, мистер Фледжби,— повторил Лэмл,— должен ли я понять вас так, что вы хотите свалить вину на меня или вообще недовольны моим поведением в этом деле?

— Нет,— сказал Фледжби.

— Окончательно и безоговорочно?

— Да.

— Фледжби, вот вам моя рука.

Мистер Фледжби пожал ему руку, сказав:

— А если мы когда-нибудь узнаем, кто это сделал, он от нас не уйдет. И позвольте сказать вам еще одно, просто по-дружески. Я ваших обстоятельств не знаю и ни о чем не спрашиваю. Вы на этом понесли убытки. Очень многие попадают в затруднительное положение, может случиться со всяким, и с вами тоже. Но что бы с вами ни случилось, Лэмл, прошу вас, ради бога, только не попадайте в руки

Пабси и $К^0$, что в соседней комнате,— эти прижмут. Прижмут и кожу сдерут, уважаемый,— повторил Фледжби с особенным удовольствием,— спустят шкуру — дюйм за дюймом, начиная от загривка до самых пяток, да еще и в порошок растолкут. Вы видели, каков мистер Райя. Так вот, смотрите не попадите к нему в лапы, прошу вас как друг!

Мистер Лэмл, несколько встревоженный таким торжественным дружеским заклинанием, спросил, за каким чертом ему попадать в руки Пабси и $К^0$?

— Сказать по правде, мне не понравилось, как на вас посмотрел этот еврей, когда услыхал ваше имя,— отвечал прямодушный Фледжби.— Глаз у него что-то нехорош. Но, может, это только пылкая фантазия друга. Конечно, если вы уверены, что ни у кого нет ваших векселей, по которым вы так сразу не сможете уплатить, и они не попали к нему в руки, значит, это моя фантазия. А все-таки не понравился мне его взгляд.

Мрачный Лэмл выглядел так, словно какой-то бесенок-мучитель щипал его за нос, на котором то проступали, то исчезали белые пятна. Фледжби выглядел именно так, как должен был выглядеть щиплющий мучитель, и наблюдал за Лэмлом с гримасой на хитром лице, выполнявшей обязанность улыбки.

— Мне нельзя его так долго задерживать, а не то он выместит это на моем несчастном приятеле. Как поживает ваша милая супруга, такая умница? Она знает, что мы с вами провалились? — спросил Фледжби.

— Я показывал ей письмо.

— Очень удивилась? — спросил Фледжби.

— По-моему, она удивилась бы гораздо больше,— отвечал Лэмл,— если б вы были понастойчивей.

— Ах так! Значит, она винит меня?

— Мистер Фледжби, я не позволю, чтоб мои слова перетолковывали!

— Не выходите из себя, Лэмл,— смиренно упрашивал Фледжби,— никакой причины нет. Я только задал вопрос. Значит, она меня не винит? Это будет другой вопрос.

— Нет, сэр.

— Отлично,— сказал Фледжби, понимая как нельзя лучше, что она обвинила именно его.— Передайте ей мое почтение. До свиданья!

Они пожали друг другу руки, и Лэмл вышел, погруженный в размышления. Фледжби проводил его в туман и, возвратясь к камину, стал лицом к огню, широко расставив ноги в розовых турецких шароварах и задумчиво согнув колени, словно собирался на них опуститься.

— У тебя такие бакенбарды, Лэмл, каких за деньги не купишь, и мне они не нравятся,— бормотал Фледжби,— ты чванишься своими манерами и своим разговором. Ты хотел потянуть меня за нос, и ты провалил мое дело, а твоя жена говорит, что я же и виноват. Я тебя свалю. Обязательно свалю, хоть у меня и нет бакенбард,— тут он потер места, на которых им полагалось расти,— и манеры дурные, и разговаривать я не умею!

Отведя таким образом свою благородную душу, он сдвинул ноги в турецких шароварах, выпрямил колени и кликнул Райю из соседней комнаты.

— Эй ты, сюда!

При виде старика, кротость которого вопиющим образом противоречила навязанной ему роли, мистер Фледжби до того развеселился, что воскликнул, смеясь:

— Ловко, ловко! Нет, ей-богу, до чего ловко!

— Ну, старик,— продолжал Фледжби, высмеявшись до конца, ты купишь векселя, которые я отмечу карандашом — вот птичка, и вот, и вот,— и ставлю два пенса, что ты потом прижмешь этих христиан, как следует еврею. Теперь тебе еще понадобится чек, или ты соврешь, что понадобится, хотя у тебя где-то там имеется капиталец, знать бы только где, но ведь ты скорей дашь себя поперчить, посолить и поджарить на сковородке, чем сознаешься, так что чек я тебе выпишу.

Он отпер ящик и достал из него ключ от другого ящика, в котором был ключ еще от одного ящика, в котором был ключ от еще одного ящика, где лежала чековая книжка, и после того как он выписал чек и, повторив всю процедуру с ключами и ящиками в обратном порядке, убрал чековую книжку в сохранное место, он поманил к себе старика сложенным чеком, чтобы тот подошел и взял его.

— Старик,— сказал Фледжби, после того как еврей положил чек в бумажник и уже засовывал бумажник за пазуху,— с моими личными делами на сей раз покончено.

А теперь одно слово насчет тех дел, которые меня не совсем касаются. Где она?

Не успев вытащить руку из-за пазухи, Райя вздрогнул и замер.

— Ого! — сказал Фледжби.— Не ждал? Куда же ты ее спрятал?

Не в силах скрыть, что его поймали врасплох, старик глядел на своего хозяина в смущении, которым тот очень потешался.

— Уж не в том ли она доме в Сент-Мэри-Экс, за который я вношу квартирную плату и налоги? — спросил Фледжби.

— Нет, сэр.

— Не в твоем ли она саду, на крыше этого дома, готовится к смерти, или как там это называется? — спросил Фледжби.

— Нет, сэр.

— Так где же она?

Райя опустил глаза в землю, словно размышляя, может ли он ответить, не нарушив обещания, потом молча поднял их на Фледжби, видимо решив, что не может.

— Ну, довольно! — сказал Фледжби.— Сейчас я настаивать не буду. Но я хочу это знать и узнаю, заметь себе. Что ты там затеял?

Старик в извинение развел руками и покачал головой, как бы не понимая, чего хочет хозяин, потом обратил на него немой, вопросительный взгляд.

— Волокитой ты никак не можешь быть,— сказал Фледжби.— Ведь ты же «дряхлость, какую сердцу видеть тяжело» *, ну и так далее,— сам знаешь, если тебе известны хоть какие-нибудь христианские стишки. Ты ведь патриарх, из тебя песок сыплется, не влюблен же ты в эту Лиззи?

— О сэр! — протестующе воскликнул старик.— О, что вы, что вы, что вы!

— Так почему же ты не сознаешься, чего ради ты полез в эту кашу? — возразил Фледжби, едва заметно краснея.

— Сэр, я вам скажу правду. Но только (простите за такое условие) под самой строгой тайной, полагаясь на вашу честь.

— Туда же, честь! — воскликнул Фледжби, насмешливо кривя губы.— Какая там честь у евреев! Ну ладно. Валяй!

— Вы даете честное слово, сэр? — все настаивал Райя, почтительно, но твердо.

— Ну конечно. Честное благородное,— сказал Фледжби.

Старик, которому так и не предложили сесть, стоял, торжественно положив руку на спинку кресла. Молодой человек сидел в этом кресле, глядя в огонь с выражением настороженного любопытства, готовый подставить ему ножку и поймать врасплох.

— Валяй,— сказал Фледжби.— Выкладывай, какая у тебя была цель.

— Сэр, никакой цели у меня не было, кроме желания помочь беззащитной.

Чувства, вызванные этим невероятным признанием, мистер Фледжби мог выразить только удивительно долгим, насмешливым фырканьем.

— Как я познакомился с этой девицей и за что стал уважать и почитать ее, я уже говорил вам, когда вы видели ее в моем бедном садике на крыше,— сказал еврей.

— Разве? — недоверчиво отозвался Фледжби.— Хотя, может, и говорил.

— Чем лучше я ее узнавал, тем больше меня заботила ее судьба. И вот наступил перелом в этой судьбе. Ей досаждал неблагодарный брат-эгоист, досаждал неотвязный поклонник, расставлял сети другой, имевший над ней больше власти, досаждала слабость собственного сердца.

— Так она увлеклась одним из них?

— Сэр, это было вполне естественно: она почувствовала к нему склонность, потому что у него есть достоинства, и немалые. Но он ей не пара и жениться на ней не собирался. Опасности надвигались все ближе, тучи сгущались, и я, будучи, как вы уже говорили, слишком стар и немощен, чтобы меня заподозрили в иных чувствах, кроме отцовских, вмешался в это дело и посоветовал ей бежать. Я сказал: «Дочь моя, бывают опасные времена, когда всего нравственней и благородней решиться на бегство и когда самым героическим и отважным поступком становится бегство». Она ответила, что уже думала об этом, но не

знает, куда бежать, без чьей-либо помощи, и что надеяться ей не на кого. Я доказал, что есть на кого, и помог ей. И она бежала.

— Что же ты с ней сделал? — спросил Фледжби, щупая скулу.

— Я отвез ее далеко отсюда,— сказал старик, широким плавным движением отводя руку в сторону,— далеко отсюда и поместил у наших людей, где ей пригодится ее мастерство и где она сможет работать без помех с чьей-либо стороны.

Глаза Фледжби оторвались от огня и подметили движения его рук, когда Райя сказал «далеко отсюда». Фледжби тут же попытался (очень удачно) повторить этот жест и сказал, мотнув головой:

— Поместил ее в этом направлении? Ах ты старый мошенник!

Держа одну руку на груди, а другую — на спинке кресла, Райя, не оправдываясь, ждал дальнейших вопросов. Но Фледжби отлично видел своими близкосидящими глазками, что по этому единственному пункту бесполезно его допрашивать.

— Лиззи,— сказал Фледжби, снова глядя на огонь, а потом подняв глаза.— Гм, Лиззи. Ты не сказал ее фамилии там, в саду на крыше. Ну а я буду более откровенен. Ее фамилия Хэксем.

Райя наклонил голову в знак утверждения.

— Слушай-ка, ты,— сказал Фледжби.— Мне сдается, я кое-что знаю про этого более опасного соблазнителя, у которого над ней больше власти. Он имеет отношение к адвокатуре?

— Кажется, это его профессия.

— Я так и думал. А фамилия похоже что Лайтвуд?

— Нет, сэр, совсем не похоже.

— Ну, старый хрыч, говори уж и фамилию,— сказал Фледжби, глядя старику в глаза и подмигивая.

— Рэйберн.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул Фледжби.— Этот самый, вот оно как? Я думал на другого, а этот мне и во сне не снился. Не стану возражать, если ты обставишь любого из них, мошенник ты этакий, потому что оба они одинаково нос дерут. Ну а таких нахалов, как этот, я пока что

не встречал. Еще и бороду отрастил и чванится этим! Отлично, старик! Валяй дальше, желаю удачи!

Ободренный неожиданной похвалой, Райя спросил, не будет ли еще каких-нибудь приказаний.

— Нет,— сказал Фледжби,— можешь ползти, Иуда, да подумай-ка о тех приказаниях, которые уже получил.

Отпущенный с такими любезными словами, старик взял свою широкополую шляпу и посох и раскланялся с этим вельможей, скорее как высшее существо, милостиво благословляющее мистера Фледжби, чем как бедный приживал, которым помыкают.

Оставшись один, мистер Фледжби запер наружную дверь и вернулся к камину.

— Отлично сделано! — сказал очаровательный Фледжби самому себе.— Может, и не так скоро, да зато наверняка.— Это он повторил дважды и трижды, весьма самодовольно, опять раздвинув ноги в турецких шароварах и согнув колени.

— Меткий выстрел, вот что лестно думать,— продолжал он свой монолог.— И еврей убит наповал! А ведь когда я услышал эту историю у Лэмла, я ведь не сразу набросился на Райю. Ничего подобного: я его настиг постепенно.

В этом он был совершенно точен: у него не было привычки набрасываться, прыгать или подскакивать кверху, гонясь за чем бы то ни было в жизни,— он ко всему подползал.

— Я его настиг постепенно,— продолжал Фледжби, нащупывая бакенбарды.— Ваши Лэмли, или ваши Лайтвуды на моем месте непременно спросили бы его, не помог ли он этой девушке скрыться. Я гораздо ловчее берусь за дело. Сам спрятался в кусты, его выставил на солнце, прицелился и — сразу наповал. Ну, где там еврею равняться со мной, куда он против меня годится!

Его лицо опять искривила сухая гримаса вместо улыбки.

— А что касается христиан,— продолжал Фледжби,— глядите в оба, братья во Христе,—особенно те из вас, которые собираются объявить себя несостоятельными! Теперь на моей улице праздник; я куплю ваши векселя и покажу вам кое-что интересное. Иметь над вами власть так,

чтобы вы этого не знали, хоть и считаете себя всезнайками, да, за это, пожалуй, стоит выложить денежки. А вдобавок я же вас и прижму и прибыль получу — вот это будет на что-нибудь похоже!

После этой речи мистер Фледжби начал переодеваться из турецкого одеяния в христианское платье. Во время переодевания и утренних омовений и натирания лица последним и самым верным средством для произращения густых и блестящих волос на человеческой физиономии (из мудрецов он признавал только ростовщиков и шарлатанов) густой туман сомкнулся вокруг него и поглотил в черных как сажа объятиях. Если бы он его больше не выпустил, невелика была бы потеря для мира,— взамен нетрудно было бы подобрать другой экземпляр из наличного запаса.

ГЛАВА II

Почтенный друг в новом виде

Вечером того же туманного дня, когда желтая ставня «Пабси и К°» была уже спущена после дневных трудов, еврей Райя опять вышел на улицу. Но на этот раз с ним не было мешка и шел он не по делам своего патрона. Перейдя Лондонский мост, он вернулся на правый берег Темзы по Вестминстерскому мосту и так, сквозь туман, прибрел к дверям кукольной швеи.

Мисс Рен ждала его. Он увидел ее в окно, при свете едва тлеющего огня,— старательно присыпанного мокрой золой, чтобы угля хватило надолго и сгорело поменьше, пока ее нет дома,— она сидела в шляпе, дожидаясь его. Стук в окно вывел ее из задумчивости, и она пошла отворить ему дверь, опираясь при ходьбе на маленький костыль.

— Добрый вечер, крестная! — сказала мисс Дженни Рен.

Старик улыбнулся и подал ей руку, на которую она оперлась.

— Не зайдете ли погреться, крестная? — спросила Дженни.

— Если ты готова, то не зайду, милая моя Золушка.

— Отлично! — в восхищении вскричала мисс Рен.— Какой же вы умница! Если бы в этом заведении давали награды (а мы держим только выкройки), то вы получили бы большую серебряную медаль за то, что сразу меня поняли.

С этими словами мисс Рен вынула ключ из дверной скважины и положила его в карман, потом заботливо прихлопнула дверь и, пока оба они стояли на крыльце, попробовала, заперта ли она. Удостоверившись, что ее жилище остается в сохранности, она положила руку на локоть старика, а другой хотела было опереться на костыль. Но ключ был орудием таких гигантских размеров, что Райя предложил нести его.

— Нет, нет, нет! Я сама его понесу,— не согласилась мисс Рен.— Я ведь, знаете ли, ужасно кривобокая, а если положу ключ в карман, то это поможет кораблю выпрямиться. Сказать вам по секрету, крестная, я нарочно сделала карман с той стороны, что повыше.

И они пустились в путь сквозь туман.

— Да, крестная, это с вашей стороны очень умно, что вы меня поняли,— продолжала мисс Рен с большим одобрением.— Но, знаете ли, вы очень похожи на фею — крестную из детских книжек с картинками. Вы так не похожи на других людей, и кажется, что вы только сию минуту превратились в старика для какой-то доброй цели. Ага! — воскликнула мисс Дженни, заглядывая в глаза старику.— Я узнаю вас, крестная, под этой бородой!

— Дженни, а хватает ли твоей фантазии на то, чтоб я превращал и другие предметы?

— Еще бы не хватило! Если б вы только взяли у меня костыль и стукнули по мостовой,— вот по этому грязному булыжнику, по которому я топаю,— то сейчас же появилась бы запряженная шестерней карета. Слушайте! Давайте поверим, что это правда!

— От всего сердца,— ответил добрый старик.

— И знаете, о чем я вас попрошу, крестная. Сделайте мне такую милость, дотроньтесь палочкой до моего ребенка, чтоб он переменился к лучшему. О, мой сынок за последнее время стал таким скверным, гадким мальчишкой! Он меня с ума сведет. Вот уже десять дней палец о

палец не ударил. Да он еще и бредил: ему чудилось, будто четыре медных человека в красной одежде хотели бросить его в огненную печь.

— Но ведь это опасно, Дженни?

— Опасно, крестная? Моего скверного мальчишки всегда надо опасаться так или иначе. Может, он в эту самую минуту,— и маленькое создание оглянулось через плечо на небо,— поджигает наш дом. Не знаю, право, кому нужны такие дети. И трясти его нет никакого толку. Уж я его так трясла, что у самой голова кружилась... «Почему ты не чтишь матерь твою, заповедь позабыл, скверный мальчишка?» Все время ему это твержу. А он только хнычет и таращит глаза.

— А что еще надо изменить, кроме него? — спросил Райя сочувственно-веселым голосом.

— Право, крестная, как бы мне не стать эгоисткой, а то ведь я, пожалуй, попрошу вас выпрямить мне спину и ноги. Вам это ничего не стоит сделать при вашем могуществе, а для меня, бедной, очень много значит при моей болезни.

В ее словах не было ни раздражения, ни жалобы, но от этого они звучали не менее трогательно.

— А после того?

— Да, после того... Ну, это вы сами знаете, крестная. Мы с вами сядем в карету шестерней и поедем к Лиззи. Кстати, крестная, я вам хотела задать серьезный вопрос. Вы так умны, что умнее быть невозможно (ведь вас воспитывали феи), и потому можете мне сказать, что лучше — иметь и потерять что-нибудь дорогое или никогда его не иметь?

— Объясни, милая крестница.

— Теперь, без Лиззи, я чувствую себя гораздо более одинокой и беспомощной, чем раньше, когда я ее не знала.— При этих словах у нее навернулись слезы.

— Любимые спутники уходят из жизни почти у всех, дорогая моя,— сказал еврей,— так у меня ушла жена, и красавица дочь, и много обещавший сын — но счастье всетаки было.

— Да! — задумчиво ответила мисс Рен, нисколько не убежденная его словами, и точно отрубила это восклицание, вздернув кверху острый подбородок.— Так я скажу

вам, крестная, с чего лучше начать. Вам бы лучше переменить «есть» на «было» и «было» на «есть», да так и оставить.

— Разве это тебе поможет? Разве ты и тогда не будешь все время страдать? — спросил старик с нежностью.

— Правда! — снова отрубила мисс Рен.— Вы уже прибавили мне ума, крестная. Хотя для этого вам вовсе не требовалось быть всесильной волшебницей-крестной,— прибавила она, вздернув подбородок и скосив глаза.

Разговаривая, они перешли Вестминстерский мост, потом прошли по тем улицам, по которым недавно проходил Райя, и еще по другим, новым, так как, снова переправившись через Темзу по Лондонскому мосту, они спустились к реке и шли дальше берегом, где туман был еще гуще.

Но еще до этого, свернув в сторону, Дженни подвела своего почтенного друга к ярко освещенному окну игрушечной лавки и сказала:

— Поглядите-ка. Все это моя работа.

Перед ними был ослепительный полукруг кукол, в платьях всех цветов радуги, кукол, разряженных для представления ко двору, для бала, для выездов в коляске, для катания верхом, для прогулки, в уборе невесты или ее подружек, для всех радостных событий жизни.

— Мило, очень мило! — сказал старик, похлопав руками.— С большим вкусом сделано.

— Очень рада, что вам понравилось,— с гордостью ответила мисс Рен.— Всего смешней, крестная, это как я заставляю знатных дам примерять мои платья. Хотя эта самая трудная часть работы и была бы не легче, даже если бы спина у меня не болела и ноги слушались.

Старик смотрел на нее, видимо не понимая, о чем она говорит.

— Что вы, крестная, мне же приходится бегать по городу с утра до вечера. Если б я только сидела на скамеечке, кроила да шила, это была бы еще легкая работа. А вот примерка на знатных дам все силы у меня выматывает.

— То есть как это примерка? — спросил Райя.

— Ах, какая вы все-таки непонятливая, крестная! — возразила мисс Рен.— Слушайте. Бывают парадные при-

емы или большие гуляния в парке, или выставки, или праздники, ну там что хотите. Очень хорошо. Я протискиваюсь сквозь толпу и гляжу по сторонам. Когда я вижу знатную даму, которая годится для моего дела, то говорю себе: «Ты мне подходишь, моя милая!» Запоминаю все подробности, бегу домой, крою и сметываю на живую нитку. На другой день бегу опять на примерку, опять разглядываю свою знатную даму во всех подробностях. Иногда видно, что она думает: «Как эта девчонка на меня уставилась!»; иногда ей это нравится, иногда нет, но чаще бывает, что нравится. А я все время только и говорю себе: «Вот здесь надо немножко убавить, а вот тут совсем свести на нет»,— верчу ею, как хочу, и заставляю примерять мое кукольное платье. Званые вечера мне трудней всего даются, потому что там только в дверях увидишь их как следует; ныряешь то под колеса, то между конскими копытами, того и жди, что переедут когда-нибудь. А все-таки тут-то я их и ловлю. Когда они входят в вестибюль, выпорхнув из кареты, и мимоходом замечают мою рожицу за спиной полицейского, под дождем, то, должно быть, думают, что я ими любуюсь и восхищаюсь от души, ведь им и в голову не придет, что они только и делают, что работают на моих кукол! Была такая леди Белинда Уитроз. Как-то вечером я ее заставила поработать за двоих. Когда она вышла из кареты, я сказала: «Ты годишься, милая моя!» Побежала прямо домой, скроила и сметала на живую нитку. Потом прибежала обратно и стала ждать, спрятавшись за спиной у слуг, которые кличут карету. Да еще и погода-то была скверная. Наконец слышу: «Карету леди Белинды Уитроз!» Леди Белинда выходит. И она у меня примерила, да еще как старалась-то, пока села в карету. Вот она, леди Белинда, подвешена за талию, только для восковой куклы уж очень близко к газовому рожку, и носки вместе, а пятки врозь.

Они довольно долго тащились берегом реки, потом Райя спросил дорогу к трактиру под названием «Шесть Веселых Грузчиков». Следуя полученным указаниям и два или три раза потеряв дорогу, они каждый раз останавливались, раздумывали, потом снова пускались в путь наугад и в конце концов добрались до владений мисс Аби Поттерсон. Заглянув в стеклянную дверь, они увидели бар во

всей его красе и самое мисс Аби, торжественно восседавшую на своем уютном троне с газетой в руках. К ней они и обратились весьма почтительно.

Подняв глаза от газеты и помолчав немного, с таким выражением лица, словно ей надо было дочитать фразу до точки, прежде чем браться за какое-нибудь другое дело, мисс Аби спросила довольно сурово:

— Ну-с, так что же вам угодно?

— Нельзя ли нам видеть мисс Поттерсон? — спросил старик, снимая шляпу.

— Отчего же нельзя, напротив можно, и вы уже видите ее,— ответила хозяйка.

— Можно нам поговорить с вами, сударыня?

В это время мисс Аби заметила маленькую фигурку мисс Дженни Рен. Чтобы лучше ее рассмотреть, мисс Поттерсон отложила газету, встала и заглянула через прилавок. Костыль, казалось, просил для своей хозяйки разрешения войти и отдохнуть у огня, и потому мисс Аби отворила дверцу и сказала, словно отвечая костылю:

— Да-да, войдите и погрейтесь у огня.

— Меня зовут Райя,— начал старик, вежливо поклонившись,— я работаю в лондонском Сити. А это моя юная спутница...

— Погодите минутку,— прервала его мисс Рен.— Я дам этой леди мою карточку.

Она важно извлекла карточку из кармана, с трудом достав ее из-под огромного ключа, которым эта карточка была придавлена. Мисс Аби с явным изумлением взяла миниатюрный документ, на котором значилось следующее:

Мисс Дженни Рен **Кукольная швея** **Обшивает кукол у них на дому**

— Господи! — воскликнула мисс Поттерсон, широко раскрыв глаза. И выронила карточку.

— Сударыня, мы с моей юной спутницей позволили себе прийти по делу,— сказал Райя,— по делу Лиззи Хэксем.



Мисс Поттерсон в эту минуту наклонилась, развязывая ленты на шляпке кукольной швеи. Она оглянулась на него довольно сердито и сказала:

— Лиззи Хэксем держит себя уж очень гордо.

— Она держит себя так гордо потому, что дорожит вашим мнением,— ловко ввернул Райя,— и перед тем как уехать из Лондона...

— Куда же, скажите, ради бога? — спросила мисс Поттерсон, по-видимому думая, что Лиззи эмигрировала.

— В провинцию,— осторожно ответил старик,— и она заставила нас обещать, что мы разыщем вас и покажем вам бумагу, которую она нам именно для этого оставила. Я ее знакомый, но ничем не могу быть ей полезен, и познакомился с ней уже после того, как она отсюда переехала. Некоторое время она жила с моей юной спутницей, помогала ей и утешала ее как друг. В чем была большая нужда, сударыня,— прибавил он, понизив голос.— Поверьте мне, большая нужда.

— Могу этому поверить,— сказала мисс Аби, глядя смягчившимися глазами на маленькую швею.

— И если быть гордой значит никогда не ожесточаться сердцем, никогда не раздражаться и никому не причинять боли,— вмешалась мисс Дженни, вся раскрасневшись,— то она горда. А если нет, то она не горда.

Ее твердое намерение решительно противоречить мисс Аби не только не обидело эту грозную особу, но даже вызвало у нее милостивую улыбку.

— Правильно делаешь, дитя мое,— сказала мисс Аби,— так и надо: заступаться за тех, кто к нам хорошо относится.

— Надо или нет,— неслышно пробормотала мисс Рен, вздернув кверху подбородок,— я все равно так буду делать, а ты, старушка, думай обо мне что хочешь.

— Вот бумага, сударыня,— сказал еврей, вручая мисс Поттерсон документ, составленный Роксмитом и подписанный Райдергудом.— Не прочтете ли вы ее?

— Но прежде всего, дитя,— сказала мисс Аби,— приходилось тебе когда-нибудь пробовать пунш?

Мисс Рен покачала головой.

— Хочешь попробовать?

— Хочу, если это вкусно,— отвечала мисс Рен.

— Вот посмотришь. А если понравится, я тебе смешаю стаканчик с горячей водой. Поставь-ка ноги на решетку. Ночь такая холодная-холодная, туман так и липнет.— Когда мисс Аби помогала Дженни придвинуть стул к огню, шляпка, у которой она развязывала ленты, упала на пол.

— Боже, какие чудные волосы! — воскликнула мисс Аби.— И столько, что хватит на парики всем куклам в мире. Какое богатство!

— Это, по-вашему, богатство? — возразила мисс Рен.— Пф! А что вы теперь скажете? С этими словами она развязала ленту, и золотой поток хлынул до самого пола, закрыв ее самое и стул, на котором она сидела. От восхищения мисс Аби как будто смутилась еще больше. Доставая бутылку с ромом из ниши, она кивком подозвала к себе еврея и спросила:

— Девочка или взрослая?

— Ребенок по годам,— был ответ,— взрослая женщина по перенесенным испытаниям и уверенности в себе.

«Вы говорите обо мне, добрые люди,— подумала мисс Дженни, сидя под своим золотым плащом и грея ноги.— Знаю я ваши фокусы и повадки, хоть мне и не слышно, что вы говорите».

Пунш пришелся очень по вкусу мисс Дженни, когда она отведала его с ложечки, и достаточная порция смеси была приготовлена искусными руками Аби Поттерсон, причем и Райя угостился тоже. После этого вступления мисс Аби прочла документ, и каждый раз, как она поднимала брови при чтении, следившая за ней мисс Дженни выразительно и торжественно отпивала глоток пунша, в виде аккомпанемента.

— Насколько видно из письма,— сказала мисс Поттерсон, перечитав письмо несколько раз и подумав над ним,— оно доказывает только, что Райдергуд негодяй, а это не нуждалось в особых доказательствах. У меня есть свои сомнения насчет того, не он ли один совершил это дело, но теперь нечего и ждать, чтобы мои сомнения разъяснились. Да, верно, кажется, я обидела отца Лиззи, но ее самое я никогда не обижала: ведь даже когда дело обстояло всего хуже, я верила ей, вполне доверяла ей во всем и даже уговаривала ее поселиться у меня ради ее собственной без-

опасности. Мне очень жаль, что я была несправедлива к человеку, тем более что этого уже не изменишь. Передайте, пожалуйста, Лиззи мои слова; и не забудьте сказать, что если она захочет когда-нибудь прийти к «Грузчикам», то что бы там ни было в прошлом, она найдет у «Грузчиков» родной дом, найдет и друга. Она не со вчерашнего дня знает мисс Аби, это вы ей напомните; она знает, какими будут для нее и этот дом и этот друг. Я бываю резка, стеснять себя не привыкла, это уж как придется,— заметила мисс Аби,— вот и все, что я хотела сказать; ну и довольно.

Но, прежде чем пунш был допит до дна, мисс Аби вспомнила, что ей захотелось оставить себе копию с документа.

— Письмо короткое, сударь,— сказала она Райе,— может быть, вы не откажетесь быстренько переписать его.

Старик послушно надел очки и, стоя перед маленькой конторкой в углу комнаты, где мисс Аби держала свои расписки и начатые бутылки (у «Грузчиков» не допускалось, чтобы клиенты сами записывали свои долги, так строго велось дело), переписал письмо круглым, четким почерком. Глядя на его дряхлую фигуру, склонившуюся над рукописью наподобие старых времен книжника, и на кукольную швею перед камином, окутанную золотистым плащом, мисс Аби думала, уж не приснились ли ей эти две странные фигуры за стойкой «Шести Веселых Грузчиков», и ей казалось, что вот-вот она проснется, и виденье исчезнет.

В виде опыта мисс Поттерсон дважды закрывала и открывала глаза, и каждый раз заставала обе фигуры на месте, как вдруг, словно сквозь сон, ей послышался смутный шум в распивочной. Она вздрогнула, все трое переглянулись, и тут до них ясно донеслись громкие голоса и шарканье ног; потом послышалось, как второпях поднимают все окна, и тогда в дом ворвались крики и говор с реки. Еще минута, и Боб Глиддери с грохотом протопал по коридору, причем каждый отдельный гвоздь в его сапогах стучал так громко, будто все гвозди разом.

— Что случилось? — спросила мисс Аби.

— На кого-то наскочили в тумане, сударыня,— отвечал Боб.— Народу на реке уж очень много.

— Скажи, чтобы все чайники поставили на огонь,— крикнула мисс Аби.— Смотри, чтобы котел был полон. Достань ванну. Да повесьте одеяла к огню! Согрейте грелки. А вы, девушки, там, внизу, не теряйте головы да поворачивайтесь поживее!

Пока мисс Аби то отдавала эти приказания Бобу, схватив его за волосы и стукая об стенку головой, чтоб он был начеку и не терял присутствия духа, то осыпала кухню градом распоряжений,— завсегдатаи распивочной, толкая друг друга, бросились к пристани, и шум на берегу еще усилился.

— Пойдем посмотрим,— сказала мисс Аби своим гостям. Все трое кинулись в опустевшую распивочную и оттуда вышли через стеклянную дверь на веранду над рекой.

— Там внизу кто-нибудь знает, что случилось? — спросила мисс Аби своим властным голосом.

— Это пароход, мисс Аби,— крикнула какая-то фигура, смутно маячившая в тумане.

— Всегда так бывает, что пароход, мисс Аби,— крикнул кто-то другой.

— Вон его огни, мисс Аби, видите, мигают вон там,— крикнул третий.

— Он пары выпускает, мисс Аби, оттого и туман гуще и шума больше, видите? — объяснил четвертый.

Лодки отчаливали, загорались факелы, люди с топотом бежали к самой воде. Один из них свалился в воду с громким всплеском, и его благополучно извлекли под взрывы хохота. Требовали врача, требовали спасательный круг, крик переходил из уст в уста. Невозможно было разобрать, что происходит на реке, потому что каждая лодка, едва успев отчалить, пропадала в тумане. Ничего нельзя было понять, кроме того, что ненавистный пароход со всех сторон осыпали бранью. Он-де и убийца, который норовит прямо на виселицу; он и погубитель, которому один путь — на каторгу; капитана надо отдать под суд и приговорить к смертной казни; матросам только дай наехать на лодку, им это одно удовольствие; своими колесами он крушит лихтеры на Темзе; огнем из труб поджигает чужое добро; они все такие, от них людям только вред один, всегда так было, так оно и останется. Вся пелена тумана была пронизана бранью, звучавшей одинаково хрипло у всех, хотя

голоса были разные. В продолжение всего времени, пока пароход становился на якорь, в ожидании, чем кончится дело, его огни призрачно светились сквозь туман, слегка передвигаясь с места на место. Потом на нем зажгли фальшфейер *, и пароход окружило огненное сияние, словно подожгли самый туман, и на этом пятне света двигались тени людей и лодок, и раздавались крики, уже в другом тоне, более отрывисто и взволнованно: «Раз! Еще раз! Продвиньтесь вперед! Так! Берегись! Стой на месте! Тащи его!» — и тому подобное. Наконец последние вспышки фальшфейера догорели и погасли, вокруг снова сгустилась тьма, колеса парохода застучали и его огни стали постепенно удаляться по направлению к морю.

Мисс Аби и двум ее гостям показалось, что таким образом прошло довольно много времени. Теперь все крики и говор так же стремительно хлынули к берегу под окнами дома, как раньше от берега; и только на первой причалившей лодке знали, что произошло.

— Если это Том Тутл,— провозгласила мисс Аби самым повелительным тоном,— пусть немедленно подойдет поближе к дому.

Том смиренно повиновался, сопровождаемый целой толпой.

— Что там такое? — спросила мисс Аби.

— Иностранный пароход, мисс, наехал на ялик.

— Сколько человек в ялике?

— Один, мисс Аби.

— Нашли его?

— Да. Он долго пробыл под водой, мисс, но тело все-таки выловили.

— Пускай несут его сюда. Ты, Боб Глиддери, запри входную дверь, стань возле нее и никому не отпирай, пока я тебе не скажу. Из полиции кто-нибудь есть?

— Здесь, мисс Аби,— ответил полицейский.

— После того как внесут тело, не подпускайте толпу к дому. Да помогите Бобу Глиддери, чтобы никто не прорвался в комнаты.

— Слушаю, мисс Аби.

Самодержавная хозяйка вошла в дом вместе с Райей и мисс Дженни и расположила эти силы направо и налево от себя за стойкой, словно за бруствером.

— Вы оба стойте тут и не отходите от меня,— сказала мисс Аби,— тогда вас не зашибут и вам все будет видно. А ты, Боб, стань у дверей.

Сей страж повиновался, ловко закатав до самых плеч и без того высоко подвернутые рукава.

Гул приближающихся голосов, шум приближающихся шагов. Шарканье и говор перед дверями. Короткая пауза. Два странно глухих стука или толчка в дверь, словно лежащий на спине утопленник ударил в нее подошвами неподвижных ног.

— Это носилки или ставень, на чем там они его несут,— сказала мисс Аби, прислушавшись опытным ухом.— Открой, Боб!

Дверь отворилась. Тяжелая поступь несущих тело людей. Остановка. Замешательство в дверях. Все наладилось. Дверь закрылась. Приглушенные возгласы разочарованных зевак, оставшихся на улице.

— Несите сюда! — распорядилась мисс Аби: ибо таково было ее могущество над всеми подданными, что даже носильщики ожидали ее дозволения.— На второй этаж!

Потолок был низкий и у входа и на лестнице, и потому носильщики, поставив было свою ношу на пол, снова взялись за нее так, чтобы пронести, не поднимая высоко. Лежащая фигура, двигаясь мимо, оказалась почти на уровне стойки.

Мисс Аби отшатнулась назад, увидев ее.

— Боже мой,— сказала она, обращаясь к своим гостям,— это тот самый человек! Ведь это он подписал заявление, которое мы только что держали в руках. Это Райдергуд!

ГЛАВА III

Тот же почтенный друг в разных видах

Поистине это Райдергуда, и никого другого, или внешнюю оболочку Райдергуда, и ничью другую, вносят в спальню мисс Аби на втором этаже. Насколько гибок и изворотлив был Плут при жизни, настолько он окоченел теперь, и долго топчутся в дверях провожатые, и носилки по

дороге наверх наклоняются то так, то этак, с опасностью даже, что тело соскользнет с них и грузно свалится за перила, прежде чем удастся доставить его наверх.

— Ступайте за доктором,— произносит мисс Аби. А потом: — Ступайте за его дочерью.

И по обоим этим адресам быстро отправляются посланные.

Человек, посланный за доктором, встречает его по дороге, в сопровождении полицейских. Доктор исследует намокшее тело и объявляет, без особой надежды, что стоит, пожалуй, попытаться вернуть его к жизни. Все известные средства пускаются в ход, все присутствующие принимают в этом участие, не жалея сил. Никому нет дела до этого человека: все они его чуждались, все питали к нему отвращение, все подозревали его, но искра жизни в нем странным образом отделилась от него самого, и в ней они глубоко заинтересованы, вероятно, потому, что это — жизнь, а все они еще живы и когда-нибудь должны умереть.

В ответ на вопрос доктора, как это случилось и кого надо считать виновником, Том Тутл выносит приговор: несчастный случай, и виноват в нем только сам потерпевший.

— Он на своем ялике высматривал, где плохо лежит,— говорит Том,— хоть и не след отзываться дурно о покойнике, но была у него такая повадка — подкрадываться и высматривать,— вот и попал прямо под нос парохода, его и разрезало пополам.

Мистер Тутл выражается образно, имея в виду ялик, а не человека, ибо человек лежит перед ними совершенно целый.

Капитан Джой, толстоносый завсегдатай трактира в глянцевитой шляпе, является приверженцем весьма почтенной старой школы и, втершись в комнату под предлогом, что он оказал важную услугу — принес шейный платок утопленника, спешит подать доктору мудрый совет: подвесить тело кверху пятками, по обычаю предков, «наподобие того, как вешают баранину в мясной лавке», поясняет капитан Джой, а потом прокатить на бочках — маневр, особенно благоприятствующий дыханию. Эти крупицы опыта предков приводят мисс Аби в такое негодование, что она сразу хватает капитана за воротник и, не го-

воря худого слова, изгоняет с места действия, на что он не осмеливается возражать.

После этого в помощь доктору и Тому остаются только три завсегдатая: Боб Глемор, Уильям Уильямс и Джонатан (фамилия которого, если она имеется, неизвестна человечеству), чего вполне достаточно. Мисс Аби, заглянув в комнату спросить, не нужно ли чего, спускается в бар и там ожидает результатов вместе с кротким евреем и мисс Дженни Рен.

Если вы не отошли в вечность, мистер Райдергуд, любопытно было бы узнать, где вы сейчас скрываетесь. Эта неподвижная и мертвенная глыба, над которой мы трудимся так усердно и с таким неослабным терпением, не подает никаких признаков жизни. Если ты ушел навсегда, Плут, это очень страшно, и почти так же страшно, если ты вернешься к жизни. Нет, неизвестность и неразрешенная тайна вопроса, где ты находишься сейчас, больше страшит нас, чем самая смерть, и потому все окружающие боятся и глядеть на тебя и отвести от тебя глаза, а те, кто сидит внизу, вздрагивают при малейшем скрипе половицы.

Погодите! Неужели это веко дрогнуло? Так спрашивает себя доктор, затаив дыхание и пристально вглядываясь.

Нет!

Кажется, шевельнулась эта ноздря?

Нет.

Искусственное дыхание остановилось, но не чувствует ли моя рука слабой дрожи у него в груди?

Нет.

Снова и снова нет. Нет. Тем не менее попытаемся снова еще и еще раз.

Смотрите! Признак жизни. Несомненный признак жизни. Едва тлеющая искра может и угаснуть и разгореться ярким пламенем, но посмотрите! Четыре здоровых молодца, заметив ее, проливают слезы. Сам Райдергуд ни на том, ни на этом свете не мог бы выжать из них слезу; но человеческой душе, борющейся между бытием и небытием, легко этого достигнуть.

Он возвращается к жизни. Он то с нами, то снова уходит куда-то далеко, то с новой силой начинает бороться за возврат к жизни. И все же, как и все мы, когда теряем

сознание, как и все мы, когда пробуждаемся от сна, он неохотно возвращается к сознательному существованию и предпочел бы дремать, если бы мог.

Боб Глиддери приводит мисс Райдергуд, которой не было дома, когда за ней пришли, и которую с трудом разыскали. На голове у нее накинута шаль, и, с плачем сбросив эту шаль и сделав книксен мисс Аби, она первым делом подбирает волосы и закручивает их в пучок на затылке.

— Спасибо вам, мисс Аби, что вы приняли к себе отца.

— Должна тебе сказать, девушка, я не знала, кто это такой,— отвечает мисс Аби,— но если б я и знала, то, думаю, было бы то же самое.

Бедняжку Плезент вводят в спальню на втором этаже, дав ей для подкрепления глоток бренди. Если б ее призвали произнести надгробную речь над отцом, вряд ли она проявила бы много чувства, но она всегда питала к нему больше нежности, чем он к ней, и, увидев его распростертое бесчувственное тело, она спрашивает доктора, сжав руки и горько плача:

— Неужели нет надежды, сударь? Ах, бедный отец! Неужели он умер?

На что доктор, стоя на одном колене возле тела, озабоченный и настороженный, отвечает, не оглядываясь:

— Ну, девушка, если вы не возьмете себя в руки и не будете вести себя тихо, я вам не позволю остаться в комнате.

И Плезент послушно утирает глаза концом косы, которую снова приходится закручивать, и, подобрав ее, со страхом и интересом следит за всем происходящим. От природы сообразительная, она по-женски быстро применяется к обстановке и может оказать кое-какую помощь. Догадываясь, что может понадобиться доктору, она спокойно подает ему один предмет за другим, и в конце концов ей доверяют важное дело: поддерживать голову отца.

Для Плезент настолько непривычно видеть отца предметом сочувствия и интереса, видеть, как все вокруг не только согласны терпеть его общество в этом мире, но даже настойчиво и заботливо упрашивают его остаться в нем, что она переживает нечто новое, до сих пор не испы-

танное. У нее возникает смутная мысль, что если такое положение дел продлится надолго, то, пожалуй, все изменится к лучшему. Так же туманно представляется ей, что утонуло только то, что было в нем дурного, и если он счастливо вернется обратно и займет прежнее место в пустой форме, лежащей на кровати, то и дух его изменится. С такими мыслями она целует холодные как камень губы, твердо веруя, что бесчувственная рука, которую она силится согреть, еще вернется к жизни и станет любящей рукой, если ей суждено ожить.

Заблуждение сладостное для Плезент Райдергуд! Но как же ей, бедняжке, устоять против него, если все ухаживают за ее отцом с такой необычайной заботой, так тревожатся, так следят за ним, проявляют такое радостное волнение, когда искра жизни разгорается в нем! И вот он начинает дышать естественно, шевелится, и доктор объявляет, что он здесь, с нами, что он вернулся из таинственного путешествия, остановившись на полдороге к невидимой цели.

Том Тутл, стоящий ближе всех к доктору в эту минуту, с горячностью хватает его за руку. Боб Глемор, Уильям Уильямс и бесфамильный Джонатан — все они пожимают руки сначала друг другу, а потом доктору. Боб Глемор сморкается, и бесфамильный Джонатан тоже хотел бы последовать его примеру, но, не имея платка, должен искать другого выхода для своих чувств.

Плезент проливает слезы, радостные слезы, и ее приятное заблуждение достигает высшей точки.

В его глазах видно сознание. Он хочет о чем-то спросить. Он желает знать, где он. Скажите ему.

— Отец, твою лодку перевернуло на реке, а теперь ты в доме мисс Аби Поттерсон.

Он глядит на дочь, глядит вокруг, закрывает глаза и задремывает у нее на руке.

Недолговечное заблуждение начинает увядать. Грубое, злобное, тупое лицо всплывает на поверхность из речных глубин, а быть может, и из иных глубин. Чем больше он согревается, тем холоднее становятся доктор и его четыре помощника. Чем больше смягчаются его черты, возвращаясь к жизни, тем суровее и жестче становятся их сердца по отношению к Райдергуду.

— Теперь он выживет,— говорит доктор, моя руки и поглядывая на пациента все неодобрительнее.

— И получше его были люди, да им не везло так,— рассуждает Том Тутл, мрачно качая головой.

— Надо надеяться, что теперь он будет жить по-другому, не так, как я думаю,— говорит Боб Глемор.

— И не так, как раньше жил,— прибавляет Уильям Уильямс.

— Да нет, где ему! — говорит бесфамильный Джоватан, завершая квартет.

Они разговаривают негромко, щадя его дочь, но она видит, что все они отступили и стоят кучкой в дальнем углу комнаты, сторонясь его. Подозревать их в сожалении о том, что он не умер, когда был на полпути к этому, было бы крайностью, однако они явно хотели бы, чтобы предметом их стараний был кто-нибудь получше. Посылают весточку мисс Аби за стойку, и та является на место действия и глядит на Плута издали, шепотом беседуя с врачом. Искра жизни вызывала к себе глубокий интерес, пока дело оставалось нерешенным, но теперь, когда она разгорелась в мистере Райдергуде, по-видимому, все желают, чтобы обстоятельства позволили ей вспыхнуть в ком-нибудь другом, а не в этом господине.

— Как бы то ни было,— говорит мисс Аби Поттерсон, ободряя их,— вы исполнили свой долг, как полагается добрым и честным людям, а теперь идите-ка вниз да выпейте чего-нибудь за счет «Грузчиков».

Все идут вниз, оставив дочь ухаживать за отцом. В их отсутствие к нему является Боб Глиддери.

— Лицо у него что-то чудное, верно? — говорит Боб, осмотрев пациента.

Плезент слегка кивает головой.

— А очнется, так будет еще чудней, верно? — говорит Боб.

Дочь надеется, что не будет. Почему?

— Когда увидит, где он, понимаете? — объясняет Боб.— Потому что мисс Аби выставила его за дверь и не велела его больше пускать. А судьба, или как там она называется, опять его впустила. Ведь чудно, правда?

— По своей воле он бы сюда не пришел,— возражает бедняжка Плезент, силясь держаться с достоинством.

— Ну да,— отвечает Боб.— А если б и пришел, так его не пустили бы.

Мимолетное заблуждение теперь окончательно рассеялось. Так же ясно, как она видит на своих руках старого отца, который ничуть не исправился, видит она и то, что все будут избегать его, когда он придет в себя.

«Уведу его поскорей,— думает Плезент со вздохом,— дома ему лучше».

Скоро все возвращаются в комнату и ждут, чтобы Райдергуд пришел в себя и понял, как все они будут рады от него избавиться. Собирают какое-то платье, потому что его собственное насквозь промокло и в данную минуту весь его костюм состоит из одеяла.

Чувствуя себя все более и более неловко, словно общая неприязнь доходит до него даже сквозь сон и дает себя знать, пациент, наконец, широко открывает глаза и с помощью дочери садится в постели.

— Ну, Райдергуд, как вы себя чувствуете? — спрашивает доктор.

Он хрипло отвечает:

— Похвастаться нечем.

И действительно, он возвращается к жизни чрезвычайно угрюмым.

— Я не собираюсь читать вам наставления, но надеюсь, что такой счастливый исход повлияет на вас в лучшую сторону,— говорит доктор, значительно качая головой.

В ответ пациент недовольно бурчит что-то непонятное; однако дочь его могла бы перевести, если бы захотела, что «он не желает слушать попугайную болтовню».

После этого мистер Райдергуд спрашивает рубашку и, с помощью дочери, натягивает ее через голову, совершенно так, как сделал бы после драки.

— Ведь это пароход был? — спрашивает он у дочери.

— Да, отец.

— Буду с ним судиться, черт бы его взял! Он мне за это заплатит.

Сильно не в духе, он застегивает рубашку, раза два или три останавливаясь, чтобы осмотреть свои руки, словно желая проверить, какие повреждения он получил в кулачном бою. Потом сварливо требует остальное платье и медленно одевается, с видимым недоброжелатель-



ством к бывшему противнику и ко всем зрителям. Ему кажется, что нос у него разбит в кровь, и он несколько раз утирает его тыльной стороной руки, причем еще более усиливается сходство с кулачным бойцом.

— А где моя меховая шапка? — спрашивает он сердито, грубым голосом, натянув на себя одежду.

— В реке,— отвечает кто-то.

— Неужели не нашлось честного человека выловить ее? Все вы хороши, сколько вас ни есть.

Так говорит мистер Райдергуд, со злобой выхватывая из рук дочери одолженную кем-то шапку, и с ворчаньем напяливает ее на уши. Потом, поднявшись на слабые еще ноги, он опирается на ее плечо и рычит:

— Стой смирно, не можешь, что ли? Э, да ты на ногах не держишься, а туда же! — и уходит с арены, где у него только что произошла небольшая схватка со Смертью.

ГЛАВА IV

Серебряная свадьба

Мистер и миссис Уилфер встречали годовщину своей свадьбы не в первый раз, как Лэмли, а уже в двадцать пятый, но они и до сих пор всегда праздновали этот день в семейном кругу. Не то чтобы из этого празднования выходило что-нибудь особенно приятное, не то чтобы семья бывала разочарована из-за того, что не сбывалась надежда особенно радостно встретить этот знаменательный день. Его отмечали духовно, постом, а не пирами, что давало миссис Уилфер возможность держаться с величавой мрачностью и показывало эту внушительную женщину в самом выгодном свете.

В день радостной годовщины эта благородная дама настраивалась так, что вся целиком состояла из героического долготерпения и героического всепрощения. Сквозь непроглядный мрак ее спокойствия просвечивали намеки на былые возможности сделать лучшую партию, херувим же представлялся извергом, которому бог отдал в награду неизвестно за что такое сокровище, хотя многие, гораздо

более достойные люди, тщетно стремились им завладеть. Эта позиция херувима по отношению к сокровищу установилась так твердо, что ко дню годовщины он всегда настраивался на покаянный лад. Возможно, что покаянное настроение доходило в нем даже до укоров самому себе: как это он посмел жениться на такой возвышенной личности?

Что касается детей от этого брака, то они знали по опыту, что торжественная годовщина ничего хорошего не сулит, и с самых юных лет мысленно выражали в этот день пожелание, чтобы или мама вышла за кого-нибудь другого, или многострадальный папа женился на ком-нибудь другом. После того как в доме остались только две младшие сестры, пытливый ум Беллы в первую же годовщину бесстрашно поднялся на головокружительную высоту вопроса, иронически обращенного к себе самой: что папа нашел в маме, чтобы разыграть такого дурачка и предложить ей руку и сердце?

Но вот, наконец, год снова выводит на сцену и этот торжественный день вслед за другими днями, и Белла приезжает в коляске Боффинов, чтобы почтить своим присутствием семейный праздник. В доме Уилферов было принято возлагать в этот день пару кур на алтарь Гименея, и Белла заранее прислала записку, что привезет жертвоприношение сама.

Итак, соединенными усилиями лошадей, пары слуг, четырех колес и одной собачки цвета плум-пудинга и в таком же неудобном ошейнике, как у самого Георга IV, Беллу с ее курами подвозят к родительскому порогу. Их встречает сама миссис Уилфер, причем ее величавость, как в большинстве таких случаев, еще усугубляется загадочной и необыкновенно сильной зубной болью.

— Вечером мне не нужна будет коляска,— сказала Белла слуге,— я вернусь пешком.

Лакей миссис Боффин поднес руку к шляпе и, уже на выходе, встретил грозный взгляд миссис Уилфер, долженствовавший внушить наглецу, что ливрейные слуги в этом доме отнюдь не редкость, каковы бы ни были его лакейские мысли на этот счет.

— Ну, милая мама, как вы себя чувствуете? — спросила Белла.

— Я здорова, Белла, насколько можно этого ожидать,— отвечала миссис Уилфер.

— Боже мой,— сказала Белла,— что это вы говорите! Ведь я не вчера родилась.

— Вот-вот, сегодня она с утра такая,— вмешалась Лавви, выглядывая из-за плеча миссис Уилфер.— Тебе хорошо смеяться, Белла, но это так раздражает, что просто нельзя себе представить.

Миссис Уилфер, взгляд которой был до такой степени преисполнен величия, что никаких слов при этом уже не требовалось, повела дочерей на кухню, где полагалось готовить жертвоприношение.

— Мистер Роксмит,— произнесла она с видом покорности судьбе,— был очень любезен: он предоставил нам на сегодня свою гостиную. Поэтому, Белла, ты будешь принята в скромном жилище твоих родителей соответственно твоему теперешнему образу жизни: у нас будут и гостиная и столовая. Твой папа пригласил мистера Роксмита разделить с нами скромный ужин. Извинившись, что не может быть у нас, потому что приглашен в другое место, он предложил нам свою комнату.

Белле было известно, что секретаря никуда не приглашали, кроме разве его собственной комнаты у мистера Боффина, но она осталась очень довольна его отказом. «Мы только стесняли бы друг друга,— подумала она,— а это и без того случается нередко».

Однако ей так захотелось взглянуть на его комнату, что она забежала туда при первом же удобном случае и внимательно осмотрела все, что в ней находилось. Комната была и обставлена со вкусом, хотя и небогато, и прибрана очень чисто. На полках и этажерках стояли книги — английские, французские и итальянские; в портфелях на письменном столе громоздились деловые бумаги и какие-то счета, по-видимому относившиеся к имению Боффинов. На том же столе, аккуратно наклеенное на холст, покрытое лаком и свернутое в трубку, как карта, лежало то самое объявление, в котором описывались приметы человека, приехавшего бог знает откуда, чтобы стать ее мужем. Белла вздрогнула при этом зловещем напоминании, боязливо свернула объявление по-прежнему в трубку и завязала. Заглядывая во все углы, она увидела

гравюру, висевшую над креслом,— грациозную женскую головку в изящной рамке. «Ах вот как, сударь! — подумала Белла, останавливаясь перед ней.— Вот как, сударь! Догадываюсь, на кого это, по-вашему, похоже! А я вам скажу, что это гораздо больше похоже на дерзость, вот на что!»

С этими словами она убежала: не потому, что оскорбилась, но скорее потому, что больше нечего было смотреть.

— Вот что, мама,— сказала Белла, вернувшись на кухню с неостывшим еще на щеках румянцем,— вы с Лавинией думаете, что я, при моем великолепии, совсем ни на что не гожусь, а я намерена доказать вам обратное. Сегодня я хочу быть кухаркой.

— Погоди! — возразила ее величественная мамаша.— Я не могу этого позволить. Кухарка в таком платье!

— Что касается платья,— отвечала Белла, весело роясь в кухонном столе,— я подвяжу фартук и весь перед закрою полотенцем, а что касается позволения, то я обойдусь и без него.

— Ты кухарка? — сказала миссис Уилфер.— Ты, которая ни разу не бралась за стряпню, когда была дома?

— Да, мама,— отвечала Белла,— вот именно.

Она подвязалась белым фартуком и булавками аккуратно приколола к нему нагрудник, который доходил ей до самого подбородка и крепко обнимал ее за шею, словно собираясь поцеловать. Ямочки на щеках прелестно выглядели над этим нагрудником, а под ним не менее прелестной казалась вся ее фигурка.

— Ну, мама, с чего начинать? — спросила Белла, обеими руками откидывая локоны назад.

— Прежде всего надо изжарить кур.

— Ну конечно! — воскликнула Белла.— И посыпать их мукой и повертывать на огне, вот так! — Она принялась быстро вращать вертел.— А дальше что?

— Дальше,— произнесла миссис Уилфер, взмахнув перчатками с видом королевы, которую силой принудили отречься от кухонного престола,— я бы посоветовала тебе присматривать за ветчиной в кастрюльке, а также попробовать картофель вилкой. А потом надо приготовить зелень, если ты настаиваешь на таком недостойном тебя поведении.

— Конечно, настаиваю, мама.

Настояв на своем, Белла приглядывала за одним и забывала про другое, бралась за другое и забывала про третье, вспоминала о третьем и отвлекалась к четвертому, потом старалась нагнать упущенное, лишний раз повертывая вертел и не давая несчастным курам никакой возможности изжариться как следует. Но стряпать было все-таки очень весело. Тем временем мисс Лавиния металась между кухней и столовой, накрывая на стол. Эту обязанность Лавви (всегда занимавшаяся домашним хозяйством с воркотней и очень неохотно) исполняла на удивление шумно, рывками и толчками: скатерть она стелила так, что по комнате проносился вихрь, стаканы расставляла так, словно с грохотом стучались в двери, а ножами и вилками гремела так, что это напоминало скорее бряцанье мечей в рукопашной схватке.

— Погляди на маму,— шепнула Белле Лавиния, когда стол был уже накрыт и они вдвоем приглядывали за жарящимися курами.— Будь ты хоть самая почтительная дочь (про себя, конечно, всегда думаешь, что ты почтительная), поневоле захочется ткнуть ее в бок чем-нибудь деревянным, когда она сидит в углу вот так, навытяжку, словно гвоздь проглотила.

— Ты только подумай,— отвечала ей Белла,— что бедный папа тоже должен был бы сидеть в другом углу и тоже навытяжку!

— Милая моя, ну где же ему, папа так не сумеет,— возразила ей Лавиния,— он сейчас же развалится на стуле. Право, я не верю, чтобы кто другой сумел держаться так навытяжку, как мама, или придать своей спине такое оскорбленное выражение! Что с вами такое, мама? Вы нездоровы?

— Без сомнения я совершенно здорова,— возразила миссис Уилфер, переводя на младшую дочь взгляд, выражающий надменность и твердость духа.— Что могло со мной случиться?

— А отчего же вы нос повесили, мама? — отвечала дерзкая Лавви.

— Повесила нос? — повторила ее мамаша.— Повесила нос? Откуда у тебя такие вульгарные выражения, Лавиния? Если я не жалуюсь, если я молчаливо ми-

рюсь со своей судьбой, то пусть мои дети будут этим довольны.

— Ну что ж, мама,— возразила ей Лавви,— если уж вы меня сами заставляете, так я должна почтительно доложить вам, ваши дети премного вам обязаны за то, что вам вздумалось мучиться зубами каждый раз в годовщину вашей свадьбы; это с вашей стороны очень великодушно и для детей сущее удовольствие. А в общем выходит, что и зубной болью можно тоже хвастаться.

— Ты воплощенная дерзость,— отвечала миссис Уилфер,— как ты смеешь так разговаривать с матерью? Да еще в такой день! Скажи пожалуйста, да ты знаешь ли, где бы ты была, если б я не отдала свою руку твоему отцу в этот самый день?

— Нет, милая мама, не знаю,— возразила Лавви,— и при всем моем уважении к вашим познаниям и талантам, сильно сомневаюсь, чтоб и вы это знали.

Неизвестно, как изменилось бы поведение миссис Уилфер после такого бурного натиска на самое уязвимое место в укреплениях героической женщины, но в эту минуту прибыл парламентерский флаг в лице мистера Джорджа Самсона, приглашенного на праздник в качестве друга семьи, чья привязанность находилась теперь в переходной стадии от Беллы к Лавви, и та держала его в ежовых рукавицах, быть может, за проявленный им дурной вкус, то есть за то, что он не заметил ее с первого взгляда.

— Поздравляю вас с этим самым днем, миссис Уилфер,— сказал мистер Джордж Самсон, который по дороге заранее придумал это изящное поздравление. Миссис Уилфер поблагодарила его благосклонным вздохом и снова покорно отдалась на растерзание загадочной зубной боли.

— Удивляюсь, что мисс Белла снисходит до стряпни,— нерешительно произнес мистер Самсон.

Тут мисс Лавиния набросилась на злополучного молодого человека с уничтожающим замечанием, что, во всяком случае, это не его дело. После чего мистер Самсон надолго впал в уныние и пребывал в нем до прихода херувима, который очень удивился, увидев, чем занимается обворожительная женщина.

Тем не менее она настояла на своем и не только приготовила обед, но и подала его, а потом села и сама за

стол, уже без фартука и нагрудника, в качестве почетной гостьи, причем миссис Уилфер первая откликнулась на радостное воззвание мужа: «За все предлагаемое нам да возблагодарим господа...» — похоронным «аминь», словно рассчитывая отбить аппетит у проголодавшегося семейства.

— Удивительное дело, папа,— сказала Белла, глядя, как он режет курицу,— отчего это они такие красные внутри? Порода такая, что ли?

— Не думаю, что порода какая-нибудь особенная, душа моя,— возразил папа.— Я склонен думать, что они не совсем дожарились.

— А должны бы дожариться,— заметила Белла.

— Да, я знаю, милая,— ответил ей отец,— а все-таки они... не совсем готовы.

Пустили в ход рашпер, и добродушный херувим, нередко занимавшийся в семейном кругу совсем не херувимскими делами, как это случается видеть на картинах Старых Мастеров, взялся дожаривать кур. И в самом деле, помимо глядения в пространство — род деятельности, которому весьма часто предаются херувимы на картинах,— этот домашний херувим выполнял отнюдь не меньше самых разнообразных функций, чем его прототип: с той только разницей, что ему чаще приходилось орудовать сапожной щеткой, чистя обувь для всего семейства, нежели играть на огромных трубах и контрабасах, и что он проводил время с пользой, живо и весело бегая по своим делам, вместо того чтобы парить в небесах и показываться нам в ракурсе, непонятно для какой цели.

Белла помогала ему в дополнительной стряпне, и он был очень этим доволен, но она же и перепугала его до смерти, спросив, когда они снова сели за стол, как, по его мнению, жарят кур в Гринвиче и правда ли, что там так приятно обедать, как об этом рассказывают? Его ответные подмигивания и укоризненные кивки смешили коварную Беллу чуть не до слез; в конце концов она подавилась, и Лавиния была вынуждена похлопать ее по спине, после чего она расхохоталась еще пуще.

Зато ее матушка на другом конце стола весьма тактично умеряла общее веселье; отец в простоте души то и дело обращался к ней со словами:

— Душа моя, боюсь, что тебе совсем не весело?

— Почему же вам так кажется, Р. У.? — звучно и холодно отвечала она.

— Потому, душа моя, что ты как будто не в духе.

— Нисколько,— возражала ему супруга так же холодно.

— Не хочешь ли взять дужку, милая?

— Благодарю. Я возьму то, что вы мне предложите, Р. У.

— Но, милая, ты, может быть, хочешь взять другой кусок?

— Мне совершенно все равно, тот или этот, Р. У.

И величественная матрона продолжала обедать с таким видом, словно кормила кого-то другого ради общего блага.

Белла привезла десерт и две бутылки вина — доселе невиданное в день годовщины великолепие. Миссис Уилфер провозгласила первый тост, первая подняв бокал.

— Р. У., пью за ваше здоровье!

— Спасибо, милая. И я выпью за твое здоровье.

— За папу и за маму! — сказала Белла.

— Позвольте мне,— вмешалась миссис Уилфер, простирая перчатку.— Нет! По-моему, не так. Я пила за вашего папу! Но если вы хотите пить и за меня, то я вам очень благодарна и не возражаю.

— Господь с вами, мама! — перебила ее дерзкая Лавви.— Ведь вы же с папой обвенчались в этот день, вы с ним теперь одно! Никакого терпения с вами не хватит!

— Чем бы ни отличался этот день от других, во всяком случае, это не такой день, Лавиния, чтобы я позволила моей дочери набрасываться на меня и грубить. Я прошу тебя — нет, приказываю тебе! — не грубить. Р. У., именно сейчас будет весьма уместно напомнить вам, что это ваше дело — приказывать, а мое — повиноваться. Это ваш дом, у себя за столом вы хозяин. За наше с вами здоровье! — И она выпила бокал с ужасающей непреклонностью.

— Я, право, немножко боюсь, милая, что тебе не очень весело,— робко заикнулся херувим.

— Напротив, мне очень весело,— возразила миссис Уилфер.— Почему это мне не должно быть весело?

— Мне так показалось, милая, судя по твоему лицу...

— У меня может быть лицо как у мученицы, но не все ли это равно, да и кто об этом может знать, если я улыбаюсь?

И она улыбнулась, несомненно заморозив своей улыбкой всю кровь в жилах мистера Джорджа Самсона. Ибо этот молодой человек, встретившись с ней взглядом, был до такой степени перепуган выражением ее улыбающихся глаз, что стал доискиваться мысленно, что он сделал такого, чтобы навлечь на себя этот ужас.

— Душа, вполне естественно, впадает, как бы это выразиться — в мечтания или, лучше сказать, обращается к прошлому в такие дни, как этот,— произнесла миссис Уилфер.

Лавви, с вызовом скрестив руки, возразила, но так, однако, чтоб ее не услышали:

— Бога ради, мама, уж выбирайте поскорей одно или другое, что вам больше нравится, да и дело с концом.

— Душа естественно обращается к Папе и Маме,— продолжала миссис Уилфер с ораторским пафосом,— я имею в виду моих родителей,— в то далекое время, когда заря моей жизни еще едва занималась. Меня считали высокой, возможно, что я и в самом деле была высокого роста. Папа и мама, несомненно, были высокого роста. Я редко встречала женщин представительней моей матери и никогда — представительней отца.

Неукротимая Лавви заметила довольно громко:

— Кем бы ни был наш дедушка, все-таки он не был женщиной.

— Ваш дедушка,— возразила миссис Уилфер, метнув на нее грозный взгляд,— был именно таков, каким я его описываю, и уж наверное у него полетел бы кверху тормашками тот из внуков, который позволил бы себе в этом усомниться. Моя мама лелеяла мечту выдать меня за человека высокого роста. Быть может, это была слабость с ее стороны, но если так, эта же слабость была и у прусского короля Фридриха.

Это замечание было адресовано мистеру Джорджу Самсону, который не отважился вступить с ней в поединок и, съежившись как только мог за столом, устремил взгляд на свою тарелку. Миссис Уилфер продолжала еще более сурово и внушительно, словно вызывая на ответ этого труса:

— У мамы все-таки было какое-то предчувствие насчет будущего — она часто мне говорила: «Только не за коротышку! Дай мне слово, дитя мое, что не выйдешь за коротышку. Никогда, никогда не выходи замуж за коротышку!» Папа тоже говаривал (он был человек необыкновенно остроумный), что «китам не к лицу родниться с кильками». Первые остряки того времени искали его знакомства, и в нашем доме собиралось изысканное общество. Помню, как однажды у нас сошлись три гравера на меди и как они обменивались самыми тонкими остротами и шутками.

Тут мистер Самсон сдался на капитуляцию и, ерзая на стуле, сказал, что три гравера, конечно, большое общество, и это, наверно, было очень весело.

— Среди гостей, вращавшихся в этом изысканном кругу, одним из самых замечательных был джентльмен в шесть футов и четыре дюйма ростом. Он не был гравером.

Тут мистер Самсон сказал, неизвестно по какой причине:

— Нет, конечно нет.

— Этот джентльмен оказался так любезен, что обратил на меня внимание, и, разумеется, я не могла этого не заметить.

Тут мистер Самсон пробормотал, что, когда дело до этого доходит, не заметить бывает трудно.

— Я немедленно объявила моим родителям, что его авансы совсем некстати и что я не могу ответить на его чувство взаимностью. Они спросили, не потому ли, что он слишком высок? Я ответила, что дело не в высоком росте, но что у него слишком возвышенный ум. Как я уже говорила, в нашем доме был слишком блестящий тон, слишком трудно было бы мне, простой и скромной девушке, поддерживать этот тон в повседневной домашней жизни. Помню, мама всплеснула руками и воскликнула: «Помяните мое слово, кончится тем, что она выйдет за коротышку!»

Тут мистер Самсон взглянул на хозяина дома и соболезнующе покачал головой.

— Впоследствии она предсказывала даже, что муж у меня будет не только невысокого роста, но и невысокого

ума; но это было сказано в пароксизме материнского разочарования, если можно так выразиться. Через месяц,— и миссис Уилфер понизила голос, словно рассказывая страшную историю о привидениях,— я впервые увидела Р. У.— моего мужа. Через год я вышла за него. В такой день, как сегодня, вполне естественно вспоминаются именно такие мрачные совпадения обстоятельств.

Мистер Самсон, наконец, освободившись от взгляда миссис Уилфер, словно из-под караула, глубоко вздохнул и сделал весьма оригинальное и тонкое замечание насчет того, что подобные предчувствия очень трудно себе объяснить. Р. У. поскреб в затылке, обвел виноватым взглядом весь стол и, остановив его на жене, снова попытался заикнуться все о том же:

— Милая, право, я боюсь, что тебе не очень весело?

На что она опять ответила по-старому:

— Напротив, Р. У. Мне очень весело.

Положение злополучного Джорджа Самсона во время этой приятной беседы было поистине самое незавидное. Он не только чувствовал себя совершенно беззащитным под огнем красноречия миссис Уилфер, но и должен был терпеть нападки Лавинии, которая обращалась с ним хуже, чем с собакой, отчасти желая показать Белле, что теперь Джордж у нее в руках и она может вертеть им как хочет, отчасти же в отместку ему самому за то, что он и сейчас явно восхищается красотой Беллы. Ослепленный, с одной стороны, блеском красноречия миссис Уилфер, а с другой стороны, омраченный придирками и хмурыми взглядами Лавинии, которой было посвящено его отвергнутое Беллой чувство, молодой человек до такой степени не умел скрыть свои страдания, что на него жалко было смотреть. Если даже ум у него и помутился временно от таких мучений, то в оправдание ему следует сказать, что голова у него от природы была слабая и твердостью рассудка он никогда не отличался.

Так проходили эти приятные, усыпанные розами часы, и, наконец, Белле пришла пора отправляться обратно к Боффинам в сопровождении папаши. Упрятав ямочки на щеках в капор и завязав ленты, Белла простилась со всеми домашними, и, когда они вышли на свежий воздух, херувим глубоко вздохнул, словно ему стало легче.

— Ну, папочка,— сказала Белла,— можно считать, что и эта годовщина уже миновала.

— Да, милая, вот и еще один год прошел.

Белла еще крепче прижалась к нему и в утешение несколько раз похлопала его по руке.

— Спасибо, милая,— сказал он, словно утешение было выражено словами.— Что мне делается, душа моя. Ну, а ты как поживаешь?

— Я нисколько не исправилась, папа.

— Неужели нисколько?

— Да, папа. Напротив, я стала еще хуже.

— Боже ты мой! — воскликнул херувим.

— Я стала хуже, папочка. Я все подсчитываю, сколько мне надо годового дохода, когда я выйду замуж, и какой суммой — самое меньшее — я могла бы удовольствоваться. У меня даже морщинки появились на носу. Ты ведь заметил нынче вечером морщинки у меня на носу?

Папа на это только засмеялся, а Белла раза два-три встряхнула его руку.

— Как вам не стыдно, сударь, смеяться, когда вы видите, что ваша обворожительная женщина дурнеет и вся осунулась. Вам лучше бы приготовиться заблаговременно. Скоро я уже не смогу скрывать мою жадность к деньгам — это по глазам будет видно, и когда вы это сами заметите, это вас огорчит, но так вам и надо: зачем не заметили вовремя? Ну, сударь, мы же с вами заключили договор! Имеете ли вы что-нибудь сообщить мне?

— Душа моя, я думал, это ты должна мне что-то сообщить.

— Ах, вы так думали, в самом деле? Так что ж вы меня не спросили в ту самую минуту, как мы с вами вышли из дому? Доверием обворожительных женщин нельзя шутить. Так и быть, на этот раз я вас прощаю — и... гляди, папа: вот тебе поцелуй! — Тут Белла приложила пальчик в лайковой перчатке к своим губам, а потом к губам отца.— А теперь я буду говорить серьезно — мне нужно сказать тебе — сколько их? — четыре секрета. И заметь! Все очень важные, серьезные, настоящие секреты. Только чтоб это осталось между нами!

— Номер первый, душа моя?

— Номер первый просто изумит тебя, папа. Как ты думаешь, кто сделал мне предложение? — И тут она смутилась, хотя начала очень весело.

Папа заглянул ей в лицо, потом опустил глаза, потом опять заглянул ей в лицо и сказал, что никак не может угадать.

— Мистер Роксмит, папа.

— Да что ты говоришь, душа моя?

— Мис-тер Рок-смит, папа,— отвечала Белла, отделяя слог от слога для пущей убедительности.— Что ты на это скажешь?

Папа ответил вопросом на вопрос:

— А что ты ему на это сказала, душа моя?

— Конечно «нет»,— резко отчеканила Белла.

— Ну, разумеется,— задумчиво ответил ее отец.

— И я высказала ему, почему я считаю этот поступок нарушением доверия с его стороны и оскорблением себе лично,— продолжала Белла.

— Да, разумеется. Действительно, я и сам удивился. Как это он сунулся в воду, не спросясь броду,— разузнал бы сначала, что ли. Хотя, как подумаешь, он, кажется, всегда тобой восхищался.

— Восхищаться мной может любой извозчик,— заметила Белла с надменностью, отчасти напомнившей ее матушку.

— Очень возможно, душа моя. Ну, а номер второй?

— Номер второй, папа, почти то же, что первый, хотя это и не так возмутительно. Мистер Лайтвуд сделал бы мне предложение, если б я ему позволила.

— Надо так понимать, милая, что ты и не собираешься ему позволять?

Белла опять повторила не менее выразительно:

— Что ты, конечно нет! — И отец счел своим долгом отозваться:

— Конечно нет.

— Мне он не нравится,— сказала Белла.

— Этого уже достаточно,— прервал ее отец.

— Нет, папа, этого не достаточно,— возразила Белла, встряхнув его руку еще два раза.— Ведь я тебе говорила, какая я стала корыстная и дрянная девчонка? Только потому и считается достаточно, что у него нет ни денег,

ни клиентов и ничего в будущем, ровно ничего, кроме долгов.

— Гм! — ответил херувим, несколько приуныв.— А номер третий, милая?

— Номер третий, папа, гораздо лучше. Это великодушно, благородно, просто прелестно. Миссис Боффин сама сказала мне по секрету, да, сама,— а никого правдивей и добрей ее я не видела в жизни,— она сказала, что они с мужем хотят, чтоб я сделала приличную партию, и, если я выйду замуж с их согласия, они дадут мне хорошее приданое.

И тут признательная Белла расплакалась от избытка чувств.

— Не плачь, милочка,— сказал ей отец, утирая глаза,— это мне простительно расчувствоваться немножко, когда я вижу, что моя любимая дочь, после всех ее разочарований, окружена таким вниманием и со временем, наверно, будет блистать в свете, но ты сама не плачь, ради бога, не плачь. Я очень им обоим благодарен. Поздравляю тебя от всего сердца, душа моя.

Тут добродушный и мягкосердечный херувим вытер слезы, а Белла обняла его за шею и нежно поцеловала посреди дороги, взволнованно тараторя, что он самый лучший отец и самый лучший друг и что в день своей свадьбы она станет перед ним на колени и попросит прощения за то, что дразнила его, словно не знала цены его терпеливому, сострадательному, доброму и вечно юному сердцу.

При каждом новом эпитете она снова принималась целовать отца, так что у него, наконец, слетела с головы шляпа, и сама Белла расхохоталась без удержу, когда ветер покатил шляпу по мостовой, а отец бросился ловить ее.

Как только мистер Уилфер поймал шляпу и немножко отдышался, они опять двинулись дальше, и отец спросил Беллу:

— А четвертый номер, душа моя?

Смеющееся лицо Беллы сразу омрачилось.

— Может быть, сейчас еще не стоит говорить про номер четвертый, папа. Пока что буду надеяться, что еще не все потеряно, что на самом деле этого, может, и нет, что я ошиблась.

Перемена в Белле вызвала у херувима повышенный интерес к номеру четвертому, и он негромко спросил:

— Может быть, этого и нет, душа моя? Может быть, чего нет, душа моя?

Белла задумчиво посмотрела на него и покачала головой.

— Нет, все-таки я знаю, что так оно и есть, папа. Слишком даже хорошо знаю.

— Милая, ты меня совсем расстроила,— отвечал ей отец.— Может быть, ты еще кому-нибудь отказала, душа моя?

— Нет, папа.

— Ну, кому-нибудь дала согласие? — предположил он, высоко подняв брови.

— Нет, папа.

— Может, есть еще кто-нибудь, кто хочет попытать счастья, если ты ему позволишь?

— Насколько мне известно, нет, папа.

— Но, может быть, есть такой, который не решается сделать предложение, а тебе этого хотелось бы? — спросил херувим, прибегая к последнему ресурсу.

— Что ты, папа, конечно нет,— сказала Белла, опять встряхивая его руку.

— Да, конечно нет,— согласился отец,— Белла, милая, я не усну сегодня ночью, если ты мне не расскажешь про номер четвертый.

— Ах, папа, ничего хорошего нет в номере четвертом! Мне так жаль, так не хочется этому верить, я так старалась ничего этого не видеть, что очень трудно будет сказать даже тебе. Дело в том, что мистера Боффина портит богатство: он меняется с каждым днем.

— Дорогая моя Белла, надеюсь, что этого нет, уверен, что нет.

— Я тоже надеялась и верила, что нет; но с каждым днем он все больше и больше меняется к худшему. Не ко мне — со мной он всегда один и тот же,— но к другим. У меня на глазах он становится подозрительным, капризным, вздорным, деспотичным, несправедливым. Если богатство когда-нибудь портило хорошего человека, то оно испортило моего благодетеля. И все-таки, подумай, как страшна притягательная сила денег! Я это вижу, я боюсь

этого и не знаю, как на меня подействуют деньги, может быть тоже изменят к худшему. И все-таки я всегда думаю о деньгах, хочу денег; и в той жизни, какую я вижу перед собой, всё деньги, деньги и деньги, и еще то, как деньги могут изменить жизнь!

ГЛАВА V

Золотой Мусорщик попадает в дурное общество

Ошибался ли живой и ясный ум маленькой Беллы или Золотой Мусорщик в самом деле, пройдя через горнило испытаний, оказался шлаком? Худая слава бежит: скоро все мы это узнаем. В самый вечер ее возвращения с семейного торжества произошло нечто такое, за чем Белла следила во все глаза, насторожив уши. В доме Боффинов была одна боковая комната, которая называлась комнатой мистера Боффина. Далеко не такая пышная, как прочие апартаменты, она была много уютнее и дышала той семейственной простотой, которую деспотизм обойщиков упорно изгонял отовсюду, не сдаваясь на усиленные просьбы мистера Боффина пощадить ту или другую комнату. Итак, хотя эта комната занимала в доме весьма скромное место, выходя окнами на бывший угол Сайласа Вегга, и отнюдь не претендовала на бархат, атлас и позолоту, ее можно было бы сравнить с удобным халатом или теплыми домашними туфлями, и, когда старичкам хотелось провести вечер особенно приятно, сидя перед камином, они проводили его в комнате мистера Боффина.

Как только Белла вернулась, ей доложили, что мистер и миссис Боффин сидят в этой комнате. Войдя в нее, она застала там и секретаря: должно быть, он пришел по делу, потому что стоял с какими-то бумагами в руке возле стола, на котором горели затененные колпачками свечи, а мистер Боффин сидел за этим столом, откинувшись на спинку кресла.

— Вы заняты, сэр,— сказала Белла, нерешительно останавливаясь в дверях.

— Нисколько, милая, нисколько. Вы же свой человек. Мы вас не считаем за гостью. Входите же, входите. Вот и старушка сидит в своем уголку.

Миссис Боффин подтвердила его слова приветливым кивком и улыбкой, и Белла, взяв книжку, села в углу у камина, рядом с рабочим столиком миссис Боффин. Место мистера Боффина было по другую сторону камина.

— Ну, Роксмит,— сказал Золотой Мусорщик и так резко стукнул по столу, чтобы привлечь его внимание, что Белла вздрогнула, перевертывая страницу,— на чем же мы остановились?

— Вы говорили, сэр,— неохотно ответил секретарь, бросив взгляд на остальных присутствующих,— что пора уже назначить мне вознаграждение.

— Вас не убудет, если вы скажете «жалованье», любезный,— сердито заметил мистер Боффин.— Какого черта! Когда я служил, то не разговаривал про вознаграждение.

— Жалованье,— сказал секретарь, поправляясь.

— Роксмит, вы не гордец, надеюсь? — сказал мистер Боффин, глядя на него искоса.

— Надеюсь, что нет, сэр.

— Вот я так не гордился, когда был беден,— продолжал мистер Боффин.— Гордость с бедностью плохие товарищи. Не забывайте этого. Да и как это можно? Само собой разумеется, если человек беден, так ему нечем гордиться. Вздор и пустяки.

Слегка наклонив голову и глядя несколько удивленно, секретарь, казалось, соглашался с ним: губы его шевелились, произнося слово «вздор».

— Ну так вот, насчет этого самого жалованья,— сказал мистер Боффин.— Сядьте!

Секретарь сел.

— Почему же вы раньше не сели? — подозрительно спросил мистер Боффин.— Надеюсь, не из гордости? Да, так насчет жалованья. Я обдумал это дело и назначаю вам две сотни в год. Как по-вашему? Довольно этого или нет?

— Благодарю вас. Прекрасное предложение.

— Я ничего не говорю, знаете ли,— объяснил мистер Боффин,— может, это и больше чем нужно. И я вам скажу почему. Человек состоятельный, вроде меня, обя-

зан считаться с рыночной ценой. Сначала я в этом не так хорошо разбирался, а потом, когда познакомился с другими состоятельными людьми, так узнал, какие обязанности налагает богатство. Нельзя же мне вздувать рыночные цены потому только, что у меня самого денег куры не клюют. Овца на рынке стоит столько-то, и я должен платить столько-то, но не больше. Секретарь на рынке стоит столько-то, и я должен платить столько-то, но не больше. А впрочем, что ж, для вас я могу сделать исключение.

— Вы очень добры, мистер Боффин,— сказал секретарь с видимым усилием.

— Значит, мы установили цифру,— сказал мистер Боффин,— две сотни в год. Значит, с цифрой у нас покончено. Теперь, чтоб у нас не было недоразумений насчет того, что мне нужно за две сотни в год. Если я плачу за овцу, я покупаю ее целиком. Точно так же, если я плачу за секретаря, я покупаю его целиком.

— Другими словами, вы приобретаете все мое время?

— Конечно. Послушайте,— сказал мистер Боффин,— не то чтоб мне нужно было все ваше время: можете взять и книжку на минуту-другую, когда вам нечего будет делать; хотя, я думаю, для вас всегда найдется какое-нибудь полезное занятие. Но мне нужно, чтоб вы постоянно были на месте. Для меня удобнее, чтоб вы во всякое время были тут, под рукой. Надеюсь поэтому, что от завтрака до ужина вы не будете уходить из дому.

Секретарь поклонился.

— В прежние времена, когда я сам был на службе,— продолжал мистер Боффин,— разве я мог разгуливать по своей воле, где мне нравится? Значит, и вы тоже не можете разгуливать, где вам нравится. За последнее время у вас завелась такая привычка; но, может, это оттого, что мы раньше не договорились как следует. А теперь давайте договоримся, и пусть это будет вот как: если вам нужно уйти, вы спросите разрешения.

Секретарь опять поклонился. Видно было, что ему неловко, что он удивлен и чувствует себя оскорбленным.

— Я велю провести колокольчик из этой комнаты в вашу,— сказал мистер Боффин,— и буду звонить, когда вы мне понадобитесь. А сейчас больше не припомню, что еще я хотел вам сказать.

Секретарь встал, собрал бумаги и вышел. Глаза Беллы, проводив его до дверей, остановились на мистере Боффине, который самодовольно откинулся на спинку кресла, и снова обратились к книге.

— Я позволил распуститься этому голубчику, моему молодому человеку,— сказал мистер Боффин, вставая и прохаживаясь по комнате.— Так нельзя. Надо его поставить на место. Человек состоятельный имеет обязанности по отношению к другим состоятельным людям и за своими подчиненными должен смотреть в оба.

Белла чувствовала, что миссис Боффин расстроена и что глаза этого доброго создания стараются прочесть на ее лице, насколько внимательно она прислушивалась к разговору и какое он произвел на нее впечатление. Поэтому глаза Беллы еще внимательнее устремились на книгу, и она перевернула страницу с видом глубокой заинтересованности.

Миссис Боффин долго сидела задумавшись над своей работой.

— Нодди,— наконец сказала она.

— Да, милая,— отозвался Золотой Мусорщик, прерывая свою прогулку по комнате.

— Извини, что я вмешиваюсь, Нодди, но право же! Не был ли ты сегодня слишком строг с мистером Роксмитом? Не был ли ты немножко, самую малость, не такой как раньше?

— Еще бы, старушка, надеюсь, что не такой,— ответил ей мистер Боффин весело, даже хвастливо.

— Надеешься, голубчик?

— Нам нельзя оставаться все такими же, как раньше, старушка. Как же ты этого еще не поняла? Не годится нам больше вести себя по-старому, иначе все нас будут только обворовывать да обманывать. Раньше мы не были богачами, а теперь мы богачи: это большая разница.

— Ох, да, большая разница! — сказала миссис Боффин с тихим, протяжным вздохом, снова опуская работу и глядя на огонь.

— И нам надо считаться с этой разницей,— продолжал ее муж,— так, чтобы не ударить в грязь лицом,— вот мы какими должны быть. Нам теперь приходится остерегаться всех и каждого, потому что каждый норовит запу-

стить лапу тебе в карман; и никак нельзя забывать, что денежки счет любят; деньги к деньгам, а без них ничего не будет.

— Если уж все помнить,— сказала миссис Боффин, бросив работу и глядя на огонь,— так помнишь ли ты, Нодди, что ты говорил мистеру Роксмиту, когда он впервые пришел к тебе в «Приют» наниматься? Ты говорил, что если б богу было угодно сохранить жизнь Джону Гармону, то мы были бы довольны одной насыпью, которая нам завещана, и даже не мечтали бы обо всем остальном.

— Как же, помню, старушка. Только мы тогда еще не знали, что значит владеть всем остальным. Получили новую одежку, только еще не надевали ее. А теперь мы ее носим; носим, значит, по ней и надо протягивать ножки.

Миссис Боффин снова взялась за рукоделье и молча работала иглой.

— Что касается этого Роксмита, моего молодого человека,— сказал мистер Боффин, понизив голос и оглянувшись на дверь из боязни, чтоб его кто-нибудь не подслушал,— так с ним надо обращаться так же, как и с лакеями. Я теперь знаю, что их надо прижимать, а не то они тебя прижмут. Если ими не командовать, так они, наслушавшись всякого вранья о твоем прошлом, будут думать, что ты ничуть не лучше их, если не хуже. Только и можно взять строгостью, не то совсем пропадешь, поверь мне, старушка.

Белла украдкой метнула на него быстрый взгляд из-под ресниц и увидела темную тучу подозрений, скупости, чванства, омрачавшую когда-то ясное, открытое лицо.

— Однако это неинтересно для мисс Беллы,— сказал он.— Верно, Белла?

Обманщица Белла взглянула на него с задумчиво-рассеянным выражением, словно мысли ее были заняты книгой и она не слыхала ни единого слова!

— Ага! Нашла себе занятие получше, чем нас слушать,— сказал мистер Боффин.— Правильно, правильно! Тем более что вас нечего учить, милая, вы себе цену знаете!

Слегка покраснев от этого комплимента, Белла возразила:

— Надеюсь, сэр, вы не считаете меня тщеславной?

— Нисколько, милая,— ответил мистер Боффин.— Напротив, я считаю очень похвальным, что вы в вашем возрасте идете в ногу с веком и знаете, чего хотите. Вы правы. Ищите денег. Деньги — это главное. С вашей красотой у вас будут и деньги. Прибавьте к ним те деньги, которые мы с радостью дадим вам, и вы будете жить и умрете в богатстве! Только так и стоит жить и умирать! — умиленно воскликнул мистер Боффин.— В богатстве!

Лицо миссис Боффин приняло горестное выражение, и, внимательно посмотрев на мужа, она обратилась к приемной дочери:

— Не слушайте его, Белла, милочка.

— Как? — воскликнул мистер Боффин.— Что такое? Почему не слушать?

— Я не то хочу сказать,— с грустным взглядом ответила миссис Боффин,— я хочу сказать, верьте только тому, что он добр и великодушен, Белла, ведь он лучше всех на свете. Нет, Нодди, дай мне сказать хоть слово. Ты все-таки лучше всех на свете.

Она говорила так, как будто мистер Боффин возражал против этого: на самом деле он ни единым словом не выразил своего несогласия.

— А к вам, милая моя Белла,— сказала миссис Боффин все с тем же печальным выражением,— к вам он очень привязан, что бы ни говорил; поверьте, родной ваш отец не может принимать в вас больше участия и больше вас любить.

— Вот еще! — воскликнул мистер Боффин.— Что бы он ни говорил! Да я прямо так и говорю! Поцелуйте меня, деточка, пожелайте нам спокойной ночи и позвольте мне подтвердить то, что сказала моя старушка. Я очень вас люблю, милая, и совершенно с вами согласен: мы с вами уж позаботимся о том, чтобы вы были богаты. Эта ваша красота (которой вы имеете право гордиться, хотя в вас этого нет) стоит денег, и деньги у вас будут. Эти деньги тоже будут стоить денег, вы и на них наживетесь. У ваших ног золото. Спокойной ночи, милая.

Однако Белла осталась вовсе не так довольна его заверениями и картиной будущего богатства, как следовало ожидать. Целуя миссис Боффин и желая ей спокойной ночи, она чувствовала, что ей почему-то совестно глядеть

на все еще печальное лицо этой доброй женщины и видеть ее явные старания оправдать мужа. «Какая нужда его оправдывать? — думала Белла, сидя у себя в комнате.— Все, что он говорил, конечно, очень разумно и, конечно, очень верно. Это как раз то, что и я нередко себе говорю. Но почему мне это не нравится? Да, не нравится, и хотя он мой благодетель, я его осуждаю за это. Так скажи, пожалуйста, что это значит, ты, ветреная маленькая дрянь?» — строго спросила Белла, по привычке глядя на свое отражение в зеркале.

Зеркало, вызванное на объяснение, дипломатически скромно молчало, и Белла легла спать с тяжестью на душе, которая была гораздо хуже простой усталости. А наутро она опять ожидала увидеть тучи на челе Золотого Мусорщика, еще сильнее сгустившиеся тучи.

Теперь она часто сопровождала его в утренних прогулках по улицам; и как раз в это время начала разделять с ним довольно странное занятие. Всю свою жизнь он провел в четырех стенах, за скучной и тяжелой работой, и теперь с детской радостью ходил по лавкам. Это было для него ново, составляло одно из удовольствий его свободной жизни и не меньше радовало его жену. В течение многих лет они могли гулять по Лондону только в воскресенье, когда все лавки были закрыты, и теперь, когда каждый день на неделе стал для них праздником, они наслаждались неистощимым разнообразием и фантастической прелестью товаров, выставленных на витринах. Главные улицы казались им огромным театром, а пьеса ребячески забавной и новой; а с тех пор как Белла стала своей в их доме, Боффины всегда сидели в первом ряду и изо всех сил хлопали в ладоши. Но теперь мистер Боффин стал интересоваться только книжными лавками; больше того — хотя само по себе это особого значения не имело,— редкими книгами одного только рода.

— Посмотрите-ка сюда, милая,— говаривал мистер Боффин, подводя Беллу за руку к витрине книготорговца,— вы увидите издали, у вас глазки не только ясные, но и зоркие. Так вот, посмотрите хорошенько, милая, и скажите мне, нет ли там какой-нибудь книжки про скупцов?

Если Белла замечала такую книгу, мистер Боффин немедленно вбегал в магазин и покупал ее. А если таковой


BOOK
I.S

не находилось, они разыскивали другую книжную лавку, и мистер Боффин говорил:

— Ну, смотрите хорошенько, милая, нет ли здесь какой-нибудь «Жизни скупца» или другой книжки в этом роде; нет ли тут жизнеописаний каких-нибудь чудаков, которые могли бы оказаться скрягами.

Белла с величайшим вниманием рассматривала витрину, а мистер Боффин тем временем глядел ей в лицо. Как только она указывала на книжку под заглавием «Жизнеописания чудаков», «Анекдоты из жизни оригиналов», «Записки о странных людях» или что-нибудь похожее, мистер Боффин, весь просияв, бросался в магазин и покупал книгу. Формат, цена, качество не играли никакой роли. Всякую книжку, обещавшую возможность познакомиться с биографией скряги, он покупал, не медля ни минуты, и нес домой. Узнав у одного книготорговца, что целый отдел «Ежегодного сборника» отведен чудакам, мистер Боффин сразу купил весь комплект этого замысловатого труда и начал таскать домой по частям, причем один том доверял Белле, а три нес сам. Чтобы покончить с этим делом, им понадобилось около двух недель. После такой работы у мистера Боффина только пуще разыгрался аппетит на жизнеописания скупцов, и он снова пустился их разыскивать.

Скоро Белле уже не нужно было подсказывать чего искать: они с мистером Боффином договорились, что искать надо только жизнеописания скупцов. Утро за утром они вместе бродили по городу, занятые этими оригинальными поисками. Литература о скупцах попадалась редко, на сотню неудач бывал разве один случай удачи, и все же мистер Боффин искал своих скупцов так же неутомимо и рьяно, как и в первый день. Любопытно, что Белла никогда не видела этих книг в доме и не слышала от мистера Боффина ни слова насчет их содержания. Он, казалось, копил книги о скупцах так же, как они копили свои деньги. Как скупцы тряслись над ними, и держали их в секрете, и прятали их, так и мистер Боффин трясся над книгами, держал их в секрете и куда-то прятал. Но можно было заметить, и Белла без сомнения очень хорошо это заметила, что, продолжая накупать все эти мрачные хроники со страстью Дон-Кихота, собирающего рыцарские ро-

маны, он начал тратить деньги уже не такой щедрой рукой. И нередко, когда он выходил из лавки с новой покупкой, с новым описанием жизни одного из этих несчастных маньяков, Белла едва не отшатывалась в сторону, слыша сухой хитрый смешок, с каким он брал ее под руку и вел домой. Миссис Боффин, видимо, не знала о его новой склонности. Он никогда не заговаривал об этом, разве на утренних прогулках, когда они с Беллой были вдвоем; Белла тоже молчала, думая, что он как бы доверил ей свою тайну; да и тревожное лицо миссис Боффин, каким оно было в тот вечер, тоже часто вспоминалось ей.

Пока происходили все эти события, миссис Лэмл неожиданно открыла, что в Белле есть обаяние, и настолько притягательное, что она ему не может противиться. Лэмли, впервые представленные Боффинам этими милыми Венирингами, бывали у Боффинов на парадных приемах, и до сих пор миссис Лэмл ничего особенного в Белле не замечала, а тут вдруг сразу сделала такое открытие.

«Это просто что-то необыкновенное,— говорила она миссис Боффин,— я до глупости чувствительна ко всякой красоте, но это не совсем то; я никогда не могла устоять перед такими изящными манерами, но и это не то; тут что-то гораздо сильнее, и просто даже не подберешь слов, до какой неописуемой степени меня пленила эта очаровательная девушка».

Очаровательная девушка, услышав все это в передаче миссис Боффин, которая гордилась красотою Беллы и готова была на что угодно, лишь бы доставить ей удовольствие, естественно, нашла, что миссис Лэмл женщина проницательная и со вкусом. В ответ на такие чувства она стала очень любезна с миссис Лэмл и дала ей возможность ближе с собой познакомиться, так что восхищение стало взаимным, хотя со стороны Беллы оно всегда казалось более сдержанным, чем у восторженной Софронии. Как бы то ни было, теперь они так часто виделись, что в течение некоторого времени в карете Боффинов гораздо реже ездила миссис Боффин, чем миссис Лэмл,— добрая душа нисколько не завидовала такому предпочтению, замечая кротко:

— Миссис Лэмл моложе и больше ей подходит для компании; да и в моде она больше смыслит.

Кроме всего прочего, между Беллой Уилфер и Джорджианой Подснеп была еще и та разница, что Белле отнюдь не грозила опасность увлечься Альфредом. Она его недолюбливала и не доверяла ему. В самом деле, она была так наблюдательна и умна, что в конце концов перестала доверять и его жене, хотя по своей ветрености и тщеславному легкомыслию оттеснила недоверие куда-то в самый уголок своей души и там его позабыла.

Миссис Лэмл, в качестве близкого друга, желала, чтобы Белла сделала самую лучшую партию. Миссис Лэмл говорила шутя, что, право, надо бы показать нашей красавице, прелестной Белле, какие у них с Альфредом имеются под рукой богатые женихи, и тогда все они, как один человек, падут к ее ногам. Воспользовавшись удобным случаем, миссис Лэмл представила ей самых приличных из тех лихорадочных, хвастливых и бесконечно развязных джентльменов, которые вечно околачивались в Сити, интересуясь биржей, греческими, испанскими, индийскими, мексиканскими, учетом векселей, тремя четвертями и семью восьмыми дисконтного процента. Они, со свойственной им галантностью, принялись ухаживать за Беллой так, как будто она сочетала в себе и славную девчонку, и породистую лошадь, и отличной работы «эгоистку» [1], и замечательную трубку. Но ни малейшего успеха они не имели, хотя даже очарования мистера Фледжби были пущены в ход.

— Боюсь, милая Белла, что вам очень трудно понравиться,— сказала однажды миссис Лэмл, сидя в карете.

— Я и не надеюсь, что мне кто-нибудь понравится,— отвечала Белла, томно взмахнув ресницами.

— Право, душечка,— возразила Софрония, качая головой и улыбаясь самой сладкой из своих улыбок,— очень нелегко будет найти человека, достойного вас и вашей красоты.

— Дело не в человеке, дорогая моя,— спокойно ответила Белла,— а в хорошо поставленном доме.

— Душечка,— возразила миссис Лэмл,— ваше благоразумие меня просто изумляет, где вы так хорошо изучили

[1] Экипаж.

жизнь? Но вы правы. В таком случае, как ваш, самое важное — хорошо поставленный дом. Вы не можете перейти от Боффинов в такой дом, который вам не подходит, и даже если одной вашей красоты тут будет мало, то, надо полагать, мистер и миссис Боффин захотят...

— Да! Они уже это и сделали,— прервала ее Белла.

— Быть не может! В самом деле?

Огорченная мыслью, что она проговорилась раньше времени, Белла решила все же не отступать и от огорчения стала держаться несколько вызывающе.

— То есть они мне сказали, что собираются дать мне приданое, как своей приемной дочери,— объяснила она,— если вы это имели в виду. Но, пожалуйста, никому не говорите об этом.

— Не говорить! — повторила миссис Лэмл, словно это было совершенно немыслимо и взволновало все ее чувства.— Не говорить!

— Вам я могу сказать, миссис Лэмл,— начала опять Белла.

— Душенька, зовите меня Софронией, иначе я не стану звать вас Беллой.

С коротким, капризным «о!» Белла согласилась на это.

— О! Ну тогда, Софрония. Вам я могу сказать, Софрония, что у меня нет сердца, как это называется, и вообще я думаю, что все это пустяки.

— Какая смелость! — прошептала миссис Лэмл.

— И потому,— продолжала Белла,— я не ищу, чтобы мне понравились, мне этого не надо; разве только в одном смысле, о чем я уже говорила. Все остальное мне безразлично.

— Но вы не можете не нравиться, Белла,— сказала миссис Лэмл, поддразнивая Беллу лукавым взглядом и самой сладкой улыбкой,— ваш муж должен гордиться и восхищаться вами, и с этим вы ничего поделать не можете. Вы, может быть, не ищете, чтобы вам понравились, и может быть, не хотите нравиться, но тут уж ничего не поделаешь, дорогая; вы нравитесь против вашей воли, так что почему бы вам и не выбрать по своему вкусу, если можно.

Самая грубость этой лести подтолкнула Беллу рассказать, что она и в самом деле понравилась, не желая этого.

У нее было смутное опасение, что рассказывать об этом не нужно, но, хотя она и предчувствовала, что впоследствии это может наделать вреда, ей все же не приходило в голову, к каким результатам может привести ее откровенность,— и она начала:

— Не говорите о том, что можно нравиться и не желая этого. С меня за глаза хватит.

— Как? — воскликнула миссис Лэмл.— Уже подтвердилось, что я права?

— Не стоит об этом говорить, Софрония, и больше не будем. Не спрашивайте меня.

Это настолько ясно говорило «спросите меня», что миссис Лэмл так и сделала.

— Расскажите мне, Белла. Ну же, милочка! Какой это нахал осмелился надоедать, пристав как репей к вашим прелестным юбкам, так что его насилу отцепили?

— В самом деле нахал,— ответила Белла,— и такой, что даже похвастаться нечем! Но не спрашивайте меня!

— Угадать?

— Вам ни за что не угадать. Что вы скажете про нашего секретаря?

— Милая! Этот отшельник-секретарь, который всегда пробирается по черной лестнице, так что его никто никогда не видит?

— Не знаю, как он там пробирается по черной лестнице,— пренебрежительно отвечала Белла,— по-моему, ничего подобного за ним не водится; а что его никогда не видно, так я была бы рада совсем его не видеть, хотя его так же видно, как и вас. Но я-то, грешная, ему понравилась; и он еще имел дерзость мне в этом признаться.

— Дорогая моя Белла, не мог же этот человек сделать вам предложение?

— Вы в этом уверены, Софрония? — отвечала Белла.— А я — нет. По правде сказать, я уверена как раз в обратном.

— Он, должно быть, с ума сошел,— сочувственно отозвалась миссис Лэмл.

— Нет, был как будто в своем уме,— возразила Белла, вскидывая голову,— и даже проявил красноречие. Я ему высказала, что я думаю о его декларации и обо всем его поведении, и прогнала его. Конечно, все это было очень

некстати и очень для меня неприятно. Однако это до сих пор остается в тайне. Это слово дает мне случай заметить, Софрония, что я как-то невзначай доверила вам тайну: надеюсь, вы о ней никому не расскажете.

— Не расскажете! — повторила миссис Лэмл с прежним чувством.— Конечно нет!

На этот раз Софрония в доказательство своих слов нашла нужным перегнуться и тут же, в коляске, поцеловать Беллу поцелуем Иуды, ибо, пожимая после этого руку Беллы, она думала: «По твоему собственному признанию, мне не за что тебя щадить, тщеславная и бессердечная девчонка, которая зазналась благодаря глупой стариковской прихоти мусорщика. Если мой муж, пославший меня сюда, задумает какой-нибудь план и наметит тебя в жертвы, я больше не буду ему мешать». И в эту же самую минуту Белла думала: «Почему я всегда в разладе сама с собой? Почему я рассказала, словно по принуждению, то, о чем должна была молчать? Почему я вздумала дружить с этой женщиной, вопреки голосу моего сердца?»

Как обычно, зеркало ничего ей на это не ответило, когда она вернулась домой и обратилась к нему с вопросом. Быть может, если б она обратилась к другому, лучшему оракулу, результат был бы иной, более удовлетворительный; но она этого не сделала, и потому дальше все пошло так, как и следовало ожидать.

Насчет одного пункта, касавшегося ее наблюдений за мистером Боффином, ее мучило сильное любопытство: это был вопрос, следит ли за ним и секретарь, и замечает ли он в нем ту верную и неуклонную перемену, какую подметила она? С Роксмитом она почти не разговаривала, поэтому ей было очень трудно это узнать. Теперь их разговоры не выходили за пределы соблюдения самых необходимых приличий в присутствии мистера и миссис Боффин; а если Белла случайно оставалась наедине с секретарем, он немедленно выходил из комнаты. Читая или занимаясь рукоделием, она старалась угадать его мысли по выражению лица, поглядывая на него украдкой, но ничего не могла разобрать. Вид у него был подавленный, однако собой он выучился владеть превосходно, и когда мистер Боффин резко говорил с ним при Белле или как-нибудь иначе проявлял себя с новой стороны, на лице секретаря

нельзя было прочесть ровно ничего, словно на стенке. Слегка сдвинутые брови, выражавшие одно только сосредоточенное, почти механическое внимание, губы, сжатые, быть может, для того, чтобы скрыть презрительную улыбку,— вот что она видела с утра до ночи, изо дня в день, из недели в неделю,— однообразным, неизменным, застывшим, как у статуи.

Хуже всего было то, что совершенно незаметно, к большой досаде Беллы, о чем она и горевала со свойственной ей пылкостью, получилось так, что, наблюдая за мистером Боффином, она постоянно наблюдала и за секретарем.

«Неужели вот это не заставит его взглянуть на меня? Может ли быть, чтобы вот это не произвело на него никакого впечатления?» Такие вопросы Белла задавала себе столько же раз в день, сколько в нем было часов. Невозможно узнать. Всегда одно и то же застывшее лицо.

«Неужели он способен на такую низость — продать даже свой характер за две сотни в год?» — думала Белла. И потом: «А почему же и нет? Вопрос просто-напросто сводится к тому, кто чего стоит. Думаю, что я и сама продала бы свой характер, поступилась бы им, если б мне за это дали подороже». И снова она приходила в разлад с самой собою.

Лицо мистера Боффина тоже приобрело теперь непроницаемость, только иного рода. Прежнее простодушное выражение скрывалось теперь под маской хитрости, которая не позволяла разглядеть даже и добродушие. Даже улыбка его стала хитрой, словно он изучал улыбки на портретах скряг. За исключением редких вспышек раздражения или грубых хозяйских окриков, его добродушие по-прежнему оставалось при нем, но оно имело теперь неприятный оттенок подозрительности; и хотя в его глазах порою искрился смех и все его лицо улыбалось, он вечно сидел, обхватив колени руками, словно ему хотелось уберечь себя от кого-то, и он всегда был настороже, чтобы его как-нибудь не украли.

Украдкой следя за этими двумя лицами и сознавая, что это тайное занятие неизбежно должно наложить отпечаток и на нее самое, Белла пришла к выводу, что между всеми

ними нет ни одного искреннего и правдивого лица, кроме лица одной только миссис Боффин. Оно стало ничуть не менее искренним оттого, что сделалось менее лучезарным, чем встарь, правдиво отражая в своей тревоге и печали каждую новую черточку, каждую перемену в Золотом Мусорщике.

— Роксмит,— сказал мистер Боффин однажды вечером, когда все сидели в его комнате и они с секретарем просматривали какие-то счета,— я трачу слишком много денег. По крайней мере вы тратите слишком много моих денег.

— Вы богаты, сэр.

— Нет, я не богат,— возразил мистер Боффин.

Ответ был так резок, что почти равнялся обвинению во лжи. Но секретарь даже бровью не повел.

— Говорю вам, я не богат,— повторил мистер Боффин,— и я этого не допущу.

— Вы не богаты, сэр? — с расстановкой повторил секретарь.

— Ну, если даже и богат, так это мое дело,— возразил мистер Боффин.— Я не собираюсь швырять деньги зря для вашего или чьего бы то ни было удовольствия. Вам бы это тоже не понравилось, будь это ваши деньги.

— Даже и в таком маловероятном случае, сэр...

— Помолчите лучше! — сказал мистер Боффин.— Ни в каком случае вам это не должно нравиться. Ну вот! Я не хотел быть грубым, но вы меня рассердили, да и в конце концов я тут хозяин. И останавливать я вас не хотел, прошу прощения. Так что говорите, только не противоречьте мне. Вам никогда не попадалась жизнь Элвса,— вернулся он, наконец, к своей излюбленной теме.

— Скряги?

— Да, люди зовут его скрягой. Всегда надают какихнибудь прозвищ. Так вам приходилось читать о нем?

— Кажется, да.

— Он никогда не сознавался, что богат, а между тем мог бы купить двоих таких, как я. Приходилось вам слышать про Дэниела Дансера?

— Тоже скряга? Да, приходилось.

— Вот это был молодец, да и сестрица от него не отставала,— продолжал мистер Боффин.— Они тоже не го-

ворили, что богаты. А если бы назвались богачами, то, может, и богатства не было бы.

— Они жили и умерли в самой жалкой нищете. Разве не так, сэр?

— Нет, это мне неизвестно,— отрезал мистер Боффин.

— Тогда это не те скупцы, о которых я говорю. Эти жалкие твари...

— Не бранитесь, Роксмит,— сказал мистер Боффин.

— ...эти примерные братец и сестрица жили и умерли в самой ужасающей грязи.

— Значит, им так нравилось,— сказал мистер Боффин.— И сколько бы они ни тратили денег, думаю, им жилось бы не лучше. Но все-таки я не собираюсь швырять свои деньги за окно. Тратьте поменьше. Дело в том, что вы здесь мало бываете, Роксмит. Тут каждая мелочь все время требует внимания. А то, пожалуй, кому-нибудь из нас придется умереть в работном доме.

— Насколько я помню, сэр, так думали и те люди, о которых вы говорили,— спокойно заметил секретарь.

— И очень похвально, доказывает независимость,— сказал мистер Боффин.— Однако теперь оставим их в стороне. Уведомили вы хозяев, что съезжаете?

— Уведомил, как вы наказывали, сэр.

— Тогда вот что я вам скажу: заплатите за три месяца вперед, заплатите вперед, это в конце концов выйдет дешевле, и сейчас же перебирайтесь ко мне, чтобы всегда быть под рукой, да сократите расходы. Квартирная плата пойдет за мой счет, а мы постараемся на чем-нибудь сэкономить. У вас, кажется, есть хорошая мебель, это верно?

— Да, мебель в комнатах моя собственная.

— Тогда мне не придется покупать для вас новую. А если вы такой уж независимый и захотите передать мне свою мебель вместо платы за квартиру, то пожалуйста, как хотите, если вам от этого станет легче. Я об этом не прошу, но не стану вам препятствовать, если вы это сочтете своим долгом. А насчет комнаты,— выбирайте любую пустую комнату на верхнем этаже.

— Мне годится всякая комната,— сказал секретарь.

— Можете выбрать любую,— ответил мистер Боффин,— это будет все равно что шиллингов восемь или десять прибавки к вашим доходам. Вычитать за нее я не

стану: надеюсь, что вы мне за это отплатите с лихвой, сократив расходы. Теперь посветите мне, я зайду к вам в контору, и мы напишем письмецо-другое.

Пока шел этот разговор, Белла видела на ясном, добром лице миссис Боффин следы такой сердечной муки, что не решилась взглянуть на нее, когда они остались вдвоем.

Сделав вид, будто очень занята вышиваньем, она сидела, усердно работая иглой, пока миссис Боффин не остановила ее, слегка дотронувшись рукой до ее руки. Белла не сопротивлялась ей, и добрая душа поднесла ее руку к своим губам, уронив на нее слезу.

— Ох, дорогой мой муж! — сказала миссис Боффин.— Тяжело это видеть и слышать. Только верьте мне, милая Белла, наперекор всем этим переменам он все-таки лучше всех на свете.

Мистер Боффин вернулся как раз в ту минуту, когда Белла, стараясь ее утешить, ласково сжимала ее руку в своих руках.

— А? Что это она вам рассказывает? — спросил он, подозрительно заглядывая в дверь.

— Она только хвалит вас, сэр,— сказала Белла.

— Хвалит меня? Это верно? А не бранит меня за то, что я защищаю свое добро от шайки грабителей, которые рады были бы выжать меня досуха? Не бранит меня за то, что я коплю понемножку?

Он подошел к ним, и жена, сложив руки у него на плече, опустила на них голову.

— Ну-ну-ну! — уговаривал он ее довольно ласково.— Не расстраивайся, старушка!

— Но мне горько видеть тебя таким, дорогой мой.

— Пустяки! Помни, мы уже не те, что прежде. Помни, нам надо прижимать или нас прижмут. Помни: деньги к деньгам. А вы, Белла, не беспокойтесь ни о чем и не сомневайтесь. Чем больше я накоплю, тем больше вам достанется.

«Как хорошо,— подумала Белла,— что его любящая жена уткнулась ему в плечо и не видит, что в его глазах искрится хитрость и, бросая весьма неприятный свет на происшедшую с ним перемену, меняет к худшему весь его нравственный облик».

ГЛАВА VI

Золотой Мусорщик попадает из огня да в полымя

Вышло так, что Сайлас Вегг теперь довольно редко навещал баловня фортуны и жалкого червя в его (червя и баловня) доме, но, повинуясь данному наказу, ожидал его в «Приюте» от такого-то до такого-то часа. Мистера Вегга глубоко возмущало такое распоряжение, потому что назначены были вечерние часы, а их он считал особенно благоприятными для успехов дружеского договора. «Но так уж оно полагается,— с горечью заметил он мистеру Венусу,— чтобы выскочка, втоптавший в грязь таких замечательных людей, как мисс Элизабет, маленький мистер Джордж, тетушка Джейн и дядюшка Паркер, притеснял своего литературного человека».

Когда Римская империя окончательно пришла к упадку, мистер Боффин в следующий раз привез в кэбе «Древнюю историю» Роллена, но так как оказалось, что этот ценный труд обладает снотворными свойствами, то с ним было покончено около того времени, когда все войско Александра Македонского, состоявшее из сорока тысяч человек, залилось слезами, узнав, что их полководца трясет озноб после купанья. Иудейская война под предводительством мистера Вегга тоже подвигалась туго, и мистер Боффин привез в другом кэбе Плутарха, жизнеописания которого он нашел впоследствии весьма занимательными, хотя выразил надежду, что вряд ли и сам Плутарх рассчитывал, чтобы читатели во всем ему верили. Чему тут можно верить — вот что было для мистера Боффина основной литературной трудностью при чтении Плутарха. Некоторое время он колебался, не зная, верить ли половине, всему или ничему. Под конец, когда, как человек умеренный, он решил помириться на половине, то все еще оставался вопрос: которой половине? И этого препятствия он так и не смог одолеть.

Однажды вечером, когда Вегг уже привык к тому, что его патрон приезжает в кэбе с каким-нибудь нечестивым историком, переполненным неудобопроизносимыми именами неведомых народов невероятного происхождения, воевавших на протяжении бесконечно долгих лет и слогов и с непостижимой легкостью водивших несметные полчища

за пределы известного географам мира,— однажды вечером назначенное время прошло, а патрон так и не появился. Прождав лишние полчаса, мистер Вегг вышел к воротам и дал свисток, сообщая мистеру Венусу, на случай, если тот находится поблизости, что сам он дома и ничем не занят. И мистер Венус вынырнул из-под прикрытия стены соседнего дома.

— Добро пожаловать, собрат по оружию! — весьма жизнерадостно приветствовал его Сайлас.

В ответ мистер Венус довольно сухо пожелал ему доброго вечера.

— Входите, брат мой,— сказал Сайлас, хлопнув его по плечу,— садитесь к моему очагу, потому что, как там говорится в песне?

Злобы я не опасаюсь *
И коварства не страшусь,
Только правдой я прельщаюсь
И (забыл чем) веселюсь.
Трам-там-там та-та, та-та!

С этой цитатой (более верной духу песни, нежели ее словам) мистер Вегг подвел своего гостя к очагу.

— И вы являетесь, брат,— продолжал мистер Вегг, весь сияя гостеприимством,— являетесь, как я не знаю что, точка в точку, просто не отличишь, разливая вокруг сиянье.

— Какое там еще сиянье? — спросил мистер Венус.

— Надежды, сэр,— отвечал Сайлас.— Вот какое сиянье.

Мистер Венус, видимо сомневаясь в этом, недовольно глядел на огонь.

— Мы посвятим вечер нашему дружескому договору, брат,— воскликнул мистер Вегг.— А после того, подняв кипящий кубок — это я намекаю на ром с водой,— на грог,— мы выпьем за здоровье друг друга. Потому что, как сказал поэт?

И не нужна вам*, мистер Венус, ваша черная бутылка,
    Потому что я вам налью,
И мы выпьем стаканчик с лимоном, как вы любите,
    За былое, за старину!

Этот прилив гостеприимства и цитат показывал, что Вегг заметил некоторую раздраженность Венуса.

— Ну, что касается нашего договора и дружеского предприятия,— заметил Венус, сердито потирая колени,— так мне, между прочим, не нравится то, что мы ничего не предпринимаем.

— Рим, братец вы мой,— возразил Вегг,— это такой город (что, может быть, не всем известно), который начался с близнецов и волчицы, а кончился императорскими мраморами и был построен не в один день.

— А разве я сказал, что в один? — спросил Венус.

— Нет, вы этого не говорили, правильно.

— Но я говорю,— продолжал Венус,— что меня отрывают от моих анатомических трофеев, заставляют менять человеческие кости на обыкновенный мусор и ничего из этого не выходит. Думаю, мне придется это бросить.

— Нет, сэр! — вдохновенно запротестовал Вегг.— Нет, сэр!

Вперед, Честер, вперед! *
Дальше, мистер Венус, дальше!

Не помирать же из-за этого, сэр! При ваших-то достоинствах!

— На словах и я не против, а вот на деле я не согласен,— возразил мистер Венус.— А уж если все равно придется помирать, то я не желаю попусту тратить время, роясь в мусоре.

— Однако подумайте, как мало времени вы отдаете нашему предприятию,— уговаривал Вегг.— Сосчитайте-ка вечера, которые пошли на это дело, много ли их? И вам ли, сэр, сдаваться так скоро? Вам, человеку, который во всем со мной сходится: во взглядах, убеждениях и чувствах, человеку, который имел терпение связать проволокой всю основу общества — я имею в виду человеческий скелет!

— Мне это не нравится,— угрюмо возразил мистер Венус, опустив голову на колени и ероша пыльные волосы.— И чего ради стараться? Поощрения никакого нет.

— И в насыпях вы не видите, чего ради стараться? — убеждал его мистер Вегг, торжественно простирая правую руку.— В насыпях, которые вот сейчас смотрят на нас с высоты?

— Слишком уж они велики,— проворчал Венус.— Что для них значит, если мы тут поцарапаем, там поскребем, в одном месте копнем, в другом потычем? Да и что мы нашли?

— Что мы нашли? — воскликнул мистер Вегг, радуясь тому, что есть с чем согласиться.— Да! Ваша правда. Ничего. Но если спросить наоборот, приятель, что мы можем найти? Вот тут вы со мной согласитесь. Все что угодно.

— Не нравится мне это,— по-прежнему недовольно отвечал Венус.— Я в это дело ввязался не подумав. И опять-таки: разве этот ваш мистер Боффин плохо знает свалку? И разве он плохо знал покойника и все его повадки? А разве он надеется хоть что-нибудь найти, из чего это видно?

В эту минуту послышался стук колес.

— Мне не хотелось бы думать, что он способен нагрянуть в такое позднее время,— сказал мистер Вегг с видом человека, терпящего незаслуженную обиду.— А все-таки похоже, что это он.

Во дворе звякнул колокольчик.

— Это он,— сказал мистер Вегг,— значит, он и на это способен. Очень жаль: мне хотелось бы сохранить хоть последнюю каплю уважения к нему.

Тут за воротами послышался зычный голос мистера Боффина, который звал мистера Вегга.

— Эй, Вегг! Эй!

— Сидите, мистер Венус,— сказал Вегг.— Он, может, и не останется.— А потом отозвался: — Да, сэр, да! Сейчас к вам выйду, сэр! Одну секунду, мистер Боффин. Иду, сэр, тороплюсь, насколько нога позволяет!

И с видом жизнерадостной готовности он заковылял с фонарем к воротам, где в окошечко кэба разглядел мистера Боффина, заваленного книгами.

— Сюда! Помогите-ка мне, Вегг,— оживленно заговорил мистер Боффин.— Я не могу выйти, сначала надо очистить проход. Это «Ежегодный сборник», Вегг, полон кэб книжек. Знаете вы такой сборник?

— Знаю ли я «Животный сборник», сэр? — отвечал мошенник, не расслышав как следует названия.— Да я с

завязанными глазами отыщу в нем любое животное, мистер Боффин, об заклад готов побиться.

— А вот это «Кунсткамера» Керби,— сказал мистер Боффин,— «Оригиналы» Колфилда, и Уилсон * тоже тут. Ах, какие чудаки, Вегг, какие чудаки! Мне хочется сегодня же послушать про одного-двух, какие поинтереснее. Куда только они ни прятали свое золото, завернув его в тряпки. Держите вот эту стопку книжек, Вегг, а не то они сползут прямо в грязь. Нет ли у вас кого-нибудь еще, кто мог бы помочь?

— Есть один приятель, который собирался провести со мной вечерок, когда я уже совсем перестал вас ждать, сэр.

— Позовите его,— суетясь, воскликнул мистер Боффин,— пускай поможет. Не выроните эту книгу, что у вас под мышкой. Это Дансер. Они с сестрой пекли пироги из дохлой овцы, которую нашли во время прогулки. Где же ваш приятель? Ах, вот он, ваш приятель. Не поможете ли вы нам с Веггом перенести эти книги? Только не берите Джемми Тейлора из Саутуорка и Джемми Вуда из Глостера. Вот это оба Джемми. Я сам их понесу.

В большой ажитации, не переставая говорить и суетиться, мистер Боффин распоряжался переноской и укладкой книг и не успокоился до тех пор, пока все они не были сложены на полу и кэб не был отпущен.

— Ну вот! — сказал мистер Боффин, алчно глядя на книги.— Вот они, стоят рядком, словно двадцать четыре скрипача *. Наденьте очки, Вегг, я знаю, где тут самые интересные, и мы сразу попробуем почитать, что у нас тут имеется. Как зовут вашего друга?

Мистер Вегг представил мистера Венуса.

— Как? — обрадовался мистер Боффин, услышав эту фамилию.— Из Клеркенуэла?

— Из Клеркенуэла, сэр,— ответил мистер Вегг.

— Как же, я про вас слышал,— сказал мистер Боффин.— Слышал еще при старике. Вы его знали. Покупали вы у него что-нибудь? (Это с проницательным взглядом.)

— Нет, сэр,— возразил Венус.

— Но он вам кое-что показывал, верно?

Переглянувшись со своим приятелем, мистер Венус ответил утвердительно.

— А что он вам показывал? — спросил мистер Боффин, закладывая руки за спину и с живостью вытягивая шею.— Показывал он вам какие-нибудь ящики, шкатулки, бумажники, пакеты, что-нибудь запертое, запечатанное, завязанное узлом?

Мистер Венус только помотал головой.

— Вы знаете толк в фарфоре?

Мистер Венус опять помотал головой.

— Потому что, если он вам показывал чайник, так я буду очень рад это знать,— сказал мистер Боффин. И, приложив правую руку к губам, повторил задумчиво: — Чайник, чайник,— а потом обвел взглядом ряд книг на полу, словно в них заключалось нечто весьма интересное и относившееся к чайнику.

Мистер Вегг и мистер Венус в недоумении переглянулись, причем мистер Вегг, надев очки, вытаращил глаза поверх очков и постукал себя по носу, призывая таким образом мистера Венуса глядеть в оба.

— Чайник,— повторил мистер Боффин все так же задумчиво и глядя на книги,— чайник, чайник. Вы готовы, Вегг?

— Я к вашим услугам, сэр,— отвечал Вегг, садясь на свое обычное место на ларе и засовывая деревянную ногу под стол.— Мистер Венус, не желаете ли вы мне помочь? Садитесь со мной рядом, так будет удобнее снимать нагар со свечей.

Не успел он договорить до конца, как Венус уже принял это приглашение, и Сайлас толкнул его деревянной ногой для того, чтобы тот обратил особенное внимание на мистера Боффина, который стоял задумавшись перед огнем между двумя ларями.

— Гм! А-гм! — кашлянул мистер Вегг, желая привлечь внимание хозяина.— Не хотите ли вы, сэр, чтобы я начал с какого-нибудь животного из сборника?

— Нет,— сказал мистер Боффин,— не хочу, Вегг.— И, достав из кармана маленький томик, он спросил, очень бережно вручая книжку литературному человеку:

— Как это по-вашему называется, Вегг?

— Это, сэр,— ответил Сайлас, поправляя очки и глядя на титульный лист,— это Мерривезер, «Жизнеописания скряг и анекдоты из их жизни». Мистер Венус, не окажете

ли вы мне услугу? Придвиньте свечи немножко поближе, сэр.

Это было сказано для того, чтобы лишний раз переглянуться с Венусом.

— Кто там у вас есть? — спросил мистер Боффин.— Вам не трудно будет разобраться?

— Ну, сэр,— отвечал Сайлас, обратившись к оглавлению и медленно листая книжку,— я бы сказал, что они почти все тут имеются, сэр. Большой выбор, сэр; я вижу, тут и Джон Оверс, сэр, и Джон Литл, сэр, и Дик Джаррел, и Джон Элвс, и преподобный мистер Джонс из Блюбери, и Стервятник Гопкинс, и Дэниел Дансер...

— Читайте про Дансера, Вегг,— сказал мистер Боффин.

Еще раз переглянувшись с приятелем, Сайлас отыскал нужную страницу.

— Страница сто девятая, мистер Боффин. Глава восьмая. Содержание главы: Происхождение и состояние. Одежда и наружность. Мисс Дансер и ее женственное очарование. Особняк скряги. Найденное сокровище. История пирожков с бараниной. Скряга и его представление о смерти. Боб, дворняга скупца. Гриффит и его хозяин. Что можно сделать на один пенни. Замена огня. Выгода иметь табакерку. Скряга умирает без рубашки. Клад в навозной куче.

— А? Что такое? — спросил мистер Боффин.

— Клад, сэр,— повторил Сайлас очень внятно и с расстановкой,— в навозной куче. Мистер Венус, не будете ли вы так любезны снять нагар? — И когда тот взглянул на него, он прибавил, беззвучно шевеля губами: — Среди мусора.

Мистер Боффин придвинул себе кресло поближе к камину, между ларями, сел и сказал, с лукавым видом потерев руки:

— Ну-ка, почитайте нам про Дансера!

Мистер Вегг проследил жизнь этого выдающегося человека во всех фазах скупости и грязи, прочел о смерти мисс Дансер, последовавшей от питания одними холодными клецками, о том, как мистер Дансер подвязывал свои лохмотья веревкой, подогревал обед, садясь на него, и в заключение прочел утешительный эпизод о том, как скряга умер, прикрытый мешком вместо платья.

И, наконец, он прочел следующее:

— «Дом, или скорее куча развалин, в котором жил Дансер и который после его смерти перешел к капитану Холмсу, представлял собой жалкое, разрушенное строение, ибо его не ремонтировали более полувека».

Тут мистер Вегг посмотрел на своего приятеля и обвел взглядом комнату, которая уже давно не ремонтировалась.

— «Однако это разрушенное здание, убогое по внешности, содержало в себе несметные богатства. Понадобилась не одна неделя, чтобы раскопать все, и капитану Холмсу доставляло немалое удовольствие проникать в тайники скупца».

Тут мистер Вегг повторил «тайники скупца» и еще раз толкнул своего приятеля.

— «Одной из богатейших сокровищниц мистера Дансера оказалась навозная куча в коровнике: в ней нашли немногим меньше двух с половиной тысяч фунтов; а в старой куртке, крепко приколоченной к яслям гвоздями, оказалось еще пятьсот фунтов золотом и банковыми билетами».

Тут деревяшка мистера Вегга двинулась под столом вперед, медленно поднимаясь все выше и выше.

— «Было обнаружено несколько чашек с гинеями и полугинеями; в разное время по углам дома нашли несколько пачек банкнот. Некоторые из них были засунуты в стенные щели».

Тут мистер Венус взглянул на стену.

— «Узелки с монетами были спрятаны под чехлами и подушками кресел».

Мистер Венус оглядел ларь, на котором сидел.

— «Некоторые из них уютно покоились в глубине ящиков; в старом чайнике оказалось на шестьсот фунтов аккуратно сложенных банковых билетов. В конюшне капитан нашел кувшины, полные старинных крон и шиллингов. Трубу тоже обыскали, и труд этот не пропал даром: в девятнадцати ямках, засыпанных сажей, были найдены деньги, в общей сложности более двухсот фунтов».

Деревянная нога мистера Вегга поднималась все выше и выше, а правым локтем он все сильнее и сильнее толкал мистера Венуса, так что, наконец, не в силах сохранять

равновесие, он повалился боком на Венуса, притиснув его к краю ларя. Некоторое время ни тот, ни другой даже не пытались сесть как следует: на обоих нашло какое-то помрачение.

Однако вид мистера Боффина, который сидел в кресле перед камином, охватив колени руками и глядя на огонь, скоро привел их в чувство. Прикинувшись, для отвода глаз, будто чихает, мистер Вегг с судорожным «апчхи!» ловко поднялся сам и поднял мистера Венуса.

— Давайте почитаем еще,— облизываясь, попросил мистер Боффин.

— Дальше идет Джон Элвс, сэр. Угодно вам послушать про Джона Элвса?

— Да, послушаем, что такое делал Джон,— сказал мистер Боффин.

Тот, по-видимому, ничего не прятал, и потому чтение прошло довольно вяло. Зато оживление вызвала достойная подражания дама по фамилии Уилкокс, которая держала золото и серебро в банке из-под пикулей, в футляре для часов, в яме под лестницей полную жестянку монет и еще сколько-то денег в старой крысоловке. За ней следовала другая женщина, которая прикидывалась нищей и оставила целое богатство, завернутое в обрывки газет и старых тряпок. За ней следовала еще одна, по профессии торговка яблоками, которая скопила десять тысяч фунтов и запрятала их «там и сям, в щелях и углах, за кирпичами и под полом». За ней — француз, который втиснул в дымовую трубу, во вред тяге, «кожаный чемодан с двадцатью тысячами франков золотом и драгоценными камнями», найденный после его смерти трубочистом. Таким путем мистер Вегг добрался до заключительного примера, человека-сороки:

— «Много лет назад в Кембридже жили скупые старики, по фамилии Джардайн: у них было два сына. Отец был настоящий скряга, и после его смерти у него в постели нашли тысячу гиней. Оба сына выросли такими же бережливыми, как их родитель. Годам к двадцати они завели в Кембридже мануфактурную лавку и торговали в ней до самой своей смерти. Заведение братьев Джардайн было самой грязной лавкой во всем Кембридже. Покупатели заходили к ним редко, разве только из любопытства. Братья

выглядели весьма непривлекательно, так как одевались в самое грязное тряпье, хотя их всегда окружали пестрые ткани, основной предмет их торговли. Рассказывают, что постелей у них не было вовсе, и, чтобы не тратиться на эту статью, они спали под прилавком, на груде оберточной холстины. В домашнем хозяйстве они были скаредны до крайности и лет двадцать не видели куска мяса за своим столом. Тем не менее, когда старший брат умер, младший обнаружил, к великому своему удивлению, крупные суммы денег, утаенные даже от него».

— Вот! — воскликнул мистер Боффин.— Даже от него, видите! Их было только двое, и все же один прятал деньги от другого!

Мистер Венус, который после знакомства с французом все нагибался, стараясь заглянуть в трубу, заинтересовался последней фразой и позволил себе повторить ее.

— Вам это нравится? — спросил мистер Боффин, неожиданно поворачиваясь к нему.

— Прошу прощения, сэр?

— Вам нравится то, что читал Вегг?

Мистер Венус ответил, что находит это чрезвычайно интересным.

— Так заходите опять,— пригласил его мистер Боффин,— послушайте еще. Приходите когда угодно, хоть послезавтра, на полчаса раньше. Там еще много осталось, конца не видно.

Мистер Венус поблагодарил и принял приглашение.

— Удивительное дело, чего только люди не прячут,— в раздумье произнес мистер Боффин.— Просто удивительно.

— Вы имеете в виду деньги, сэр? — заметил Вегг, умильно поглядывая на Боффина и опять толкая своего друга и брата.

— Да, деньги! — сказал мистер Боффин.— И бумаги.

Мистер Вегг опять повалился на Венуса в тихом восторге. Затем, придя в себя, опять чихнул, чтобы скрыть свои чувства.

— Апчхи! Вы сказали, и бумаги тоже, сэр? Их тоже прячут?

— Прячут, а потом забывают,— сказал мистер Боффин.— Да вот и книготорговец, что продал мне «Кунстка-

меру»... где у нас «Кунсткамера»? — Он мигом опустился на колени и с увлечением начал рыться в книгах.

— Не помочь ли вам, сэр? — спросил Вегг.

— Не надо, я уже нашел: вот она,— сказал мистер Боффин, обтирая пыль рукавом.— Том четвертый. Я знаю, что он мне читал как раз из четвертого тома. Поищите-ка здесь, Вегг.

Сайлас взял книгу и начал ее перелистывать.

— Любопытная окаменелость, сэр?

— Нет, не то,— сказал мистер Боффин.— Вряд ли это могла быть окаменелость.

— Мемуары генерала Джона Рейда, по прозвищу «Круглый Нуль», сэр? С портретом.

— Нет, и не он,— сказал мистер Боффин.

— Замечательный случай с человеком, проглотившим крону, сэр?

— Чтобы спрятать ее? — спросил мистер Боффин.

— Нет, что вы, сэр,— отвечал Вегг, заглянув в книгу,— кажется, это вышло случайно. Ага! Вот оно, должно быть, «Необыкновенная находка завещания, пропадавшего двадцать один год».

— Вот это самое! — воскликнул мистер Боффин.— Читайте.

— «Чрезвычайно интересное дело,— прочел Сайлас Вегг,— разбиралось на последней сессии суда присяжных в Мэриборо, Ирландия. Вкратце оно сводится к следующему. В марте тысяча семьсот восемьдесят второго года некий Роберт Болдуин составил завещание, в котором отказал ныне спорную землю детям своего младшего сына. Вскоре после этого он одряхлел, выжил из ума, окончательно впал в детство и умер восьмидесяти с лишком лет от роду. Ответчик, его старший сын, тогда же заявил, что отец уничтожил завещание, и так как оно не отыскалось, этот сын и вступил во владение землями, о которых идет речь, и дело оставалось в таком положении ровно двадцать один год, причем вся семья была уверена, что отец умер, не оставив завещания. Но через двадцать один год умерла жена ответчика, и вскоре после этого он, в возрасте семидесяти восьми лет, женился на молодой женщине, что немало встревожило обоих его сыновей. Свои чувства они выражали так грубо, что рассердили отца; тот составил

завещание, обойдя в нем старшего сына и, в припадке гнева, показал это завещание младшему, который тут же решил украсть его и уничтожить, чтобы сохранить наследство для брата. С этой целью он взломал отцовский стол, где нашел завещание, но не отцовское, которое искал, а дедовское, о котором семья давно забыла и думать».

— Вот! — сказал мистер Боффин.— Видите, что люди прячут и забывают или хотят уничтожить и тоже забывают! — И он прибавил с расстановкой: — И-зу-митель-но!

Он обвел взглядом всю комнату, и Вегг с Венусом тоже обвели взглядом всю комнату. А потом Вегг уже один уставился на мистера Боффина с таким выражением, словно хотел наброситься на него и потребовать жизнь или тайну его мыслей.

— Однако пора и кончать на сегодня,— помахав рукой, сказал мистер Боффин после некоторого молчания.— Остальное до послезавтра. Поставьте книги на полку, Вегг. Думаю, мистер Венус не откажется вам помочь.

С этими словами он засунул руку за пазуху и с трудом вытащил оттуда какой-то предмет, который был слишком велик и сначала не поддавался. Каково же было изумление друзей-заговорщиков, когда этот предмет, появившись, наконец, оказался довольно стареньким потайным фонарем!

Совершенно не замечая эффекта, произведенного появлением фонаря, мистер Боффин поставил его себе на колени и, достав коробку спичек, неторопливо зажег в нем свечу, задул горящую спичку и бросил ее в камин.

— Хочу пройтись по двору и вокруг дома, Вегг,— объявил он.— Вы мне не нужны. Я с этим самым фонарем сделал в свое время сотни... нет, тысячи таких обходов.

— Но я не могу, сэр, никоим образом не могу,— учтиво начал было Вегг, но тут мистер Боффин, который поднялся с места и направился к двери, остановил его:

— Я уже сказал, что вы мне не нужны, Вегг.

Вегг сделал вид, словно только теперь сообразил, что именно от него требуется. Ему не оставалось ничего другого, как выпустить мистера Боффина и запереть за ним дверь. Но едва тот очутился за порогом, мистер Вегг стис-

нул Венуса обеими руками и произнес задыхающимся шепотом, словно его душили:

— Мистер Венус, надо за ним идти, надо за ним следить, нельзя выпускать его из виду ни на минуту!

— Но почему же? — спросил Венус, тоже задыхаясь.

— Приятель, вы могли заметить, что я был немножко взвинчен сегодня вечером. Ведь я кое-что нашел.

— Что же вы нашли? — спросил Венус, вцепившись в Сайласа обеими руками так, что они застыли в нелепой позе, схватившись словно два гладиатора.

— Сейчас уже некогда вам рассказывать. Он, должно быть, пошел искать. Сейчас же надо идти следить за ним!

Выпустив друг друга из объятий, они подкрались к двери, тихонько ее открыли и выглянули наружу. Ночь была облачная, и черные тени насыпей делали двор еще темней.

— Если он не дважды мошенник, зачем ему потайной фонарь? — шептал Вегг.— Нам было бы видно, что он там делает, если бы с ним был простой фонарь. Тихонько, вот сюда.

Оба осторожно крались за мистером Боффином по тропинке среди мусора, утыканной по краям осколками битой посуды. Они слышали характерный шум его шагов и треск шлака под его ногами.

— Наизусть знает всю свалку,— прошептал Сайлас,— ему и фонарь не нужен, черт бы его взял!

Однако Боффин приоткрыл фонарь в ту же самую минуту и осветил им первую насыпь.

— То самое место? — спросил Венус шепотом.

— Горячо,— ответил Сайлас так же тихо.— Очень даже горячо. Я так и думал, что он за этим пошел. Что это такое у него в руке?

— Лопата,— отвечал Венус.— А работать лопатой он умеет раз в пятьдесят лучше, чем мы с вами.

— А если он будет искать, да не найдет, тогда что нам делать, приятель? — задал вопрос Вегг.

— Прежде всего подождем, что у него выйдет,— сказал Венус.

Совет оказался кстати, потому что Боффин снова прикрыл фонарь, и насыпь осталась в темноте. Через несколько

секунд он снова приоткрыл фонарь, и стало видно, что он стоит у подножия другой насыпи, постепенно поднимая фонарь все выше и выше, так, чтобы можно было рассмотреть всю насыпь.

— Вряд ли это и есть то самое место,— сказал Венус.

— Нет, теперь опять холодно,— ответил Вегг.

— Мне пришло в голову,— прошептал Венус,— может, он смотрит, не копал ли тут кто-нибудь без него.

— Тише! — остановил его Вегг.— Теперь холодно, еще холоднее! Совсем замерз!

Это восклицание было вызвано тем, что мистер Боффин опять прикрыл фонарь, потом опять открыл, и стало видно, что он стоит возле третьей насыпи.

— Как, он лезет на насыпь? — сказал Венус.

— И лопата с ним! — заметил Вег.

Проворной рысью, словно лопата на плече подгоняла его, будя старые воспоминания, мистер Боффин поднимался по «извилистой дорожке» на ту самую насыпь, которую он описывал Сайласу Веггу в тот первый вечер, когда они начали разрушаться и падать. Вступив на эту дорожку, он прикрыл фонарь. Оба друга последовали за ним, низко нагнувшись, так, чтобы их фигуры не были заметны на фоне неба, когда он снова засветит свой фонарь.

Венус шел впереди, таща на буксире Вегга, чтобы помочь ему, если его непослушная нога застрянет в какой-нибудь яме. Они как раз вовремя заметили, что Золотой Мусорщик остановился перевести дух. Разумеется, они тоже остановились в тот же миг.

— Это и есть его собственная насыпь,— переведя дыхание, прошептал Вегг,— вот эта самая.

— Да ведь они все три его собственные,— возразил Венус.

— И он так думает, но только привык считать своей вот эту, потому что она с самого начала была ему оставлена; ее одну он унаследовал по завещанию.

— Когда он засветит фонарь,— сказал Венус, ни на минуту не спуская глаз с темной фигуры Боффина,— нагнитесь пониже и держитесь ближе ко мне.

Тот опять двинулся вперед, а они опять пошли за ним. Взобравшись на верхушку насыпи, он приоткрыл фонарь —

но пе совсем — и поставил его на землю. На верхушке насыпи был воткнут кривой, облезлый шест, видимо простоявший там уже много лет. Близко к этому шесту стоял фонарь, освещая нижнюю часть шеста и небольшой клочок земли, а далее тоненький и яркий луч света уходил в пространство, ничего не освещая.

— Не собирается же он выкапывать шест! — шепнул Венус, когда они присели пониже, прижавшись один к другому.

— Может, он выдолблен и чем-нибудь набит,— прошептал Вегг.

С какой бы то ни было целью, но мистер Боффин собирался рыть, отвернув для этого обшлага и поплевав на руки, а там и пошел копать вовсю, как полагалось старому землекопу. Выкапывать шест он и не покушался и только сначала отметил от шеста длину лопаты, отнюдь не собираясь копать глубоко. Довольно было десятка ловких взмахов лопатой. Потом он остановился, заглянул в ямку, нагнулся и достал оттуда нечто похожее на обыкновенную флягу: одну из тех плоских, короткогорлых бутылок, в каких голландец, как говорится, держит свою храбрость. Достав ее, он сейчас же закрыл свой фонарь, и им стало слышно, как он снова закапывает ямку в темноте. Опытной рукой он легко перекидывал мусор с места на место, и соглядатаи поняли, что им как раз пора убираться.

Мистер Венус проскользнул мимо Вегга и потянул его за собой на буксире. Однако спуск мистера Вегга совершился не без некоторых осложнений для него лично: непослушная нога застряла в мусоре на половине спуска, а так как времени было в обрез, то мистер Венус не постеснялся освободить друга, вытащив его за воротник, и всю остальную дорогу тот проделал на спине, причем полы сюртука завернулись ему на голову, а деревяшка волочилась сзади, наподобие тормоза. Мистер Вегг был так взбудоражен этим способом передвижения, что напоследок, очутившись на ровной земле вверх головой, никак не мог сообразить, где он находится, и не имел ни малейшего представления, в какой стороне его жилье, пока мистер Венус не впихнул его в дверь. Даже и тогда он только покачивался из стороны в сторону, бессмысленно озираясь вокруг,



пока мистер Венус не привел его в порядок, выбив из него пыль и вправив ему мозги.

Мистер Боффин сходил с насыпи не торопясь, так что процесс очистки давно закончился и мистер Венус успел отдышаться до его возвращения. Что фляга где-нибудь при нем, сомневаться не приходилось; где именно — было не так ясно. На нем было надето широкое, толстое пальто, застегнутое доверху, а фляга могла лежать в любом из полдюжины карманов.

— В чем дело, Вегг? — спросил мистер Боффин.— Вы бледны как свечка.

Мистер Вегг ответил, с буквальной точностью, что у него в голове все завертелось.

— Желчь,— произнес мистер Боффин, задувая фонарь и снова пряча его за пазуху.— Вы подвержены желчным припадкам, Вегг?

Мистер Вегг опять-таки ответил, строго придерживаясь истины, что никогда в жизни у него не бывало до такой степени неладно в голове.

— Примите завтра слабительное, Вегг,— сказал мистер Боффин,— чтобы к вечеру быть в порядке. Кстати сказать, эти места скоро кое-чего лишатся, Вегг.

— Лишатся, сэр?

— Да, лишатся насыпей.

Участники дружеского договора так явно старались не глядеть друг на друга, что могли бы с тем же успехом таращиться один на другого не сводя глаз.

— Вы с ними расстались, мистер Боффин? — спросил Сайлас.

— Да, их свезут. Моя уже все равно что свезена.

— Вы имеете в виду самую маленькую, с шестом на верхушке, сэр?

— Да,— сказал мистер Боффин, потирая ухо по старой своей привычке, но только с новым оттенком хитрости.— Она мне заработала хорошие денежки. Завтра начнут свозить.

— Так вы ходили прощаться со старым другом, сэр? — игриво спросил Вегг.

— Нет,— ответил мистер Боффин.— С чего это вам взбрело в голову?

Он был так резок и сух, что Вегг, подбиравшийся все

ближе и ближе к полам его пальто, время от времени исследуя тыльной стороной ладони, не удастся ли нащупать флягу, отступил шага на три назад.

— Извините, сэр,— смиренно сказал Вегг.— Не обессудьте.

Мистер Боффин посмотрел на него так, как собака смотрит на другую собаку, которая хочет отнять у нее кость,— и отвечал ему негромким рычанием, как могла бы ответить собака.

— Спокойной ночи,— сказал он под конец, после угрюмого молчания, заложив руки за спину и подозрительно оглядывая Вегга.— Нет! Оставайтесь тут. Я сам знаю дорогу, и светить мне не надо.

Алчность, вечерние чтения об алчности, зажигательное действие того, что ему только что пришлось видеть, а может быть, и прилив крови к его малокровному мозгу при спуске,— все это до такой степени раздразнило ненасытный аппетит Сайласа Вегга, что, как только дверь закрылась, он прянул вслед за Боффином, увлекая с собой Венуса.

— Нельзя его упускать! — воскликнул Вегг.— Нам никак нельзя его упускать! Фляга при нем. Нам нужно отнять эту флягу.

— Как, ведь вы не собираетесь отнять ее силой? — возразил Венус, удерживая его.

— Не собираюсь? А почему бы нет? Пускай силой, пускай какой угодно ценой! Неужели вы так боитесь старика, что упустите его, трус вы этакий?

— Я *вас* боюсь и никуда не пущу,— проворчал Венус, крепко держа его обеими руками.

— Вы слышали его? — возразил Вегг.— Слышали, как он сказал, что решил нас оставить с носом? Слышали, подлая вы тварь, что он продал на своз все насыпи, и, уж конечно, весь двор тогда перекопают. Вы трусливей всякой мыши, где уж вам стоять за свои права, а я не такой, я буду за них стоять. Пустите меня, я его догоню!

Он барахтался изо всех сил, порываясь выполнить свое намерение, но тут Венус приподнял его, бросил на пол, и сам повалился вместе с ним, отлично зная, что Веггу с его деревяшкой будет не так легко встать. Оба они покатились по полу; а в эту самую минуту мистер Боффин затворял за собой калитку.

ГЛАВА VII

Дружеский договор вступает в силу

После того как мистер Боффин ушел, хлопнув калиткой, оба участника дружеского договора долго сидели на полу, тяжело переводя дух и уставясь один на другого. В подслеповатых глазках мистера Венуса, в каждом рыжеватом волоске его пыльной шевелюры было заметно недоверие к Веггу и готовность вцепиться в него по малейшему поводу. Топорное лицо Вегга и вся его угловатая и сухая фигура, напоминавшая деревянную игрушку немецкой работы, выражали дипломатическую уступчивость, хотя и не по доброй воле. Оба были красны, встрепаны и еще не успели остыть после драки, а Вегг при падении сильно расшиб голову и теперь сидел, потирая затылок, с видом крайнего и неприятного удивления. Оба молчали, выжидая, кто заговорит первым.

— Друг, вы были правы, а я виноват,— начал Вегг, прерывая молчание.— Я забылся.

Мистер Венус понимающе качнул лохматой головой, словно желая сказать, что Вегг, напротив, скорее опомнился, если предстал перед ним в своем истинном виде, без прикрас.

— Однако, приятель,— продолжал мистер Вегг,— вам не дано было знать мисс Элизабет, маленького Джорджа, тетушку Джейн и дядюшку Паркера.

Мистер Венус согласился, что не имел чести знать этих замечательных людей, да еще прибавил, что, в сущности, никогда не желал с ними познакомиться.

— Не говорите этого, приятель,— возразил Вегг,— нет, не говорите! Ведь если вы их не знали, разве вы в состоянии понять, что можно прийти в бешенство от одного вида узурпатора.

Представив такое оправдание, по-видимому, делавшее ему большую честь, мистер Вегг ползком подобрался к стулу в углу комнаты, и там, после нескольких неловких прыжков, ему удалось принять вертикальное положение. Венус тоже поднялся с пола.

— Садитесь, друг,— сказал Вегг.— Какая же у вас выразительная физиономия, друг!

Мистер Венус невольно провел рукой по лицу и посмотрел на ладонь, словно желая проверить, не прилипло ли к ней сколько-нибудь выразительности.

— Заметьте, я отлично понимаю,— продолжал Вегг,— отлично понимаю, какой вопрос написан на вашей выразительной физиономии.

— Какой же вопрос?

— Вопрос, почему я не говорил до сих пор, что сделал кое-какую находку,— отвечал Вегг, крайне любезно и радостно.— Ваша выразительная физиономия говорит мне: «Почему же вы не сообщили про находку раньше, как только я пришел? Почему вы молчали, пока вам не взбрело в голову, что мистер Боффин приходил искать именно эту вещь?» На вашем лице это написано яснее всяких слов. Ну, а вы можете прочесть на моем лице, что я вам отвечу?

— Нет, не могу,— сказал Венус.

— Так я и знал. А почему не можете? — вопросил Вегг так же откровенно и радостно.— Потому, что у меня лицо не выразительное — я за этим не гонюсь. Потому, что я отлично знаю свои недостатки. Не все люди одинаковы — кому что дано. А словами я могу вам ответить. И какими словами? Вот какими. Я хотел вам сделать приятный суп-приз.

Произнеся с расстановкой и ударением слово «сюрприз», Вегг пожал обе руки своему другу и брату и похлопал его по обеим коленкам, словно ласковый покровитель, не желающий благодарности за ничтожную услугу, которую он только рад был оказать.

— Ваша выразительная физиономия,— сказал Вегг,— получив к полному своему удовольствию ответ, спрашивает еще: «Что же вы нашли?» Право, я слышу эти самые слова!

— Ну и что же? — огрызнулся Венус, напрасно прождав ответа.— Если вы слышите такие слова, чего же вы на них не отвечаете?

— Выслушайте меня! — сказал Вегг. (Он старался скрывать все, что только возможно, и когда ему грозило вынужденное разоблачение, рассыпался в улыбках и восклицаниях: «Выслушайте меня!») — Как-то днем, сэр...

— Когда? — грубо спросил Венус.

— Н-нет,— возразил Вегг, качая головой и проницательно, и вдумчиво, и в то же время игриво.— Нет, сэр! Это спрашивает не ваша выразительная физиономия. Это спрашивает ваш голос, только ваш голос. Продолжаю. Как-то днем, сэр, я прогуливался во дворе — делал обход, как одинокий часовой, сэр,— говоря словами друга моего семейства, автора «Конец — делу венец», переложенными для дуэта:

Покинут небосвод ущербною луной*, как вы припомните, мистер Венус,
Вещают звезды, мистер Венус, ночи середину,
И крепость и палатки на равнине
Обходит одинокий часовой,
Обходит часовой.

При таких обстоятельствах, сэр, случилось мне прохаживаться во дворе однажды днем, и случилось прохаживаться с железным прутом в руках, чем я иной раз пытаюсь скрасить однообразие литературной жизни, как вдруг этот самый прут наткнулся на предмет, который нет надобности вам называть...

— Есть надобность. Какой предмет? — спросил Венус полным ярости голосом.

— Выслушайте меня! — сказал Вегг.— Насос. Когда прут ударился о насос, оказалось, что не только верхушка в нем шатается и едва прикрыта крышкой, но внутри еще и гремит что-то. Это самое что-то, друг, оказалось плоской и продолговатой копилкой. Сказать ли вам, что она разочаровала меня своей легкостью?

— В ней были бумаги? — догадался Венус.

— Вот это говорит ваша выразительная физиономия! — воскликнул Вегг.— Бумага. Копилка была заперта, перевязана и запечатана, а сверху был пергаментный ярлык с надписью: «Джон Гармон. Мое завещание, временно здесь помещенное».

— Надо узнать, что в нем содержится,— сказал Венус.

— Выслушайте меня! — воскликнул Вегг.— Я так и сказал — и взломал копилку.

— Не позвав меня! — воскликнул Венус.

— Вот именно, сэр! — возразил Вегг ласково и радостно.— Вижу, вы заинтересовались! Слушайте, слушайте,

слушайте! Если уж, как вы изволили догадаться при вашей проницательности, устраивать вам суп-приз, так чтоб он был настоящий! Ладно, сэр. И вот, как вы сделали честь предположить, я прочел этот документ. По всем правилам написано, по всем правилам засвидетельствовано, очень коротко. Поскольку у него никогда не было друзей, а дети выказали непочтение и непокорство, то он, Джон Гармон, завещает Никодимусу Боффину малую насыпь, и хватит с него, а все свое остальное достояние, свободное от долгов и налогов, он передает в казну.

— Надо бы проверить, от какого числа то, которое утверждено,— заметил Венус.— Может, оно позже этого.

— Выслушайте меня! — воскликнул Вегг.— Я так и подумал. Я заплатил шиллинг (ваших там шесть пенсов, но это не важно), чтобы взглянуть на то завещание. Друг, то завещание составлено на несколько месяцев раньше этого. А теперь, как мой ближний и компаньон по дружескому договору,— прибавил Вегг, опять ласково беря его за обе руки и похлопывая по обеим коленкам,— скажите, не закончил ли я мой бескорыстный труд к вашему полному удовольствию и не устроил ли вам суп-приз?

Мистер Венус воззрился на своего ближнего и компаньона недоверчивым оком и сухо ответил:

— В самом деле, важная новость, мистер Вегг! Нечего и отрицать. Но все же хотелось бы, чтобы вы мне об этом сказали до того, как вы напугались нынче вечером, а еще хотелось бы, чтоб вы спросили меня, как своего компаньона, как нам поступить, прежде чем вам вздумалось брать на себя такую ответственность.

— Выслушайте меня! — воскликнул Вегг.— Я так и знал, что вы это скажете. Но вся забота была на мне одном, пускай и вся вина будет тоже на мне одном! — Это было сказано как нельзя более великодушно.

— Ну,— сказал Венус.— Давайте посмотрим это завещание и эту копилку.

— Так ли я вас понял, брат,— переспросил Вегг весьма и весьма неохотно,— что вы желаете видеть это завещание и эту...

Мистер Венус ударил по столу кулаком.

— Выслушайте меня! — сказал Вегг.— Выслушайте меня! Я сейчас за ними схожу.

Пробыв довольно долго в отсутствии, словно в своей алчности он никак не мог решиться показать это сокровище компаньону, Вегг вернулся со старой кожаной коробкой из-под шляпы, куда он спрятал копилку для большей пристойности и чтобы не навлечь подозрений.

— Мне что-то не очень хочется открывать ее здесь,— понизив голос, сказал Вегг, оглядываясь по сторонам,— вдруг он вернется, может, еще и не ушел; после того, что мы видели, как знать, что у него на уме.

— Это, пожалуй, верно,— согласился Венус.— Пойдем ко мне.

Вегг колебался, опасаясь выпустить копилку из рук и в то же время не решаясь открыть ее при существующих обстоятельствах.

— Идемте же ко мне, говорят вам,— уже сердясь, повторил Венус.

Не сообразив, под каким предлогом отказаться, мистер Вегг ответил восторженно:

— Разумеется! Ну разумеется.— Он запер «Приют», и они отправились, причем мистер Венус взял Вегга под руку и держал с замечательной цепкостью.

В окне мастерской мистера Венуса горел все тот же тусклый свет, в котором зритель не совсем ясно различал все тех же двух лягушек, с рапирами в лапах, до сих пор все еще не решивших вопрос чести. Мистер Венус, уходя, запер дверь на ключ, а теперь открыл ее ключом и, как только они вошли, снова запер изнутри; не раньше, однако, чем закрыл ставнями окно мастерской.

— Теперь никто не войдет, пока не впустим,— сказал он напоследок,— тут для нас самое укромное место.

И он сгреб в кучку еще горячие уголья на ржавой решетке очага, развел огонь и снял нагар со свечи на узеньком прилавке. Трепетные отблески огня вспыхнули там и сям на темных засаленных стенах: индийский младенец, африканский младенец, разобранный на части английский младенец, коллекция черепов и все остальное собрание редкостей вдруг стало на свои места, словно все они тоже отлучались из лавки, как и хозяин, и пунктуально минута в минуту вернулись к общему сбору, чтобы присутствовать при открытии тайны. Французский джентльмен заметно подрос, с тех пор как мистер Вегг его

видел; теперь у него появились ноги и голова, хотя руки временно отсутствовали. Кому бы ни принадлежала в прошлом эта голова, Сайлас Вегг счел бы за личное себе одолжение, если б у нее было поменьше зубов.

Сайлас молча уселся на деревянный ящик перед огнем, а Венус, опустившись на низенький табурет, извлек из-под рук скелета поднос с чашками и поставил на огонь чайник. Сайлас внутренне одобрил эти приготовления, надеясь, что в конце концов бдительный ум мистера Венуса угаснет, залитый чаем.

— Ну, сэр,— сказал Венус.— Теперь все тихо и спокойно. Посмотрим, что вы там нашли.

Все еще неохотно, еле-еле двигая руками и бросив не один взгляд на руки скелета, словно боясь, как бы эти руки не вытянулись вперед и не выхватили у него документ, Вегг открыл шляпную коробку и показал копилку, открыл копилку и предъявил документ. Он крепко держал его за уголок, а Венус, ухватившись за другой уголок, читал внимательно и жадно.

— Что, компаньон, верно я вам говорил? — сказал, наконец, мистер Вегг.

— Да, компаньон, верно,— ответил мистер Венус.

Мистер Вегг сделал легкое, изящное движение, словно собираясь сложить документ, но мистер Венус уцепился за свой уголок.

— Нет, сэр,— сказал Венус, мигая подслеповатыми глазами и покачивая головой.— Нет, компаньон. Теперь является вопрос, у кого это будет храниться. Вы знаете, компаньон, у кого это будет храниться?

— У меня,— сказал Вегг.

— Ни боже мой, компаньон,— возразил Венус.— Это ошибка. У меня. Теперь послушайте, мистер Вегг. Я не хочу с вами ссориться, еще меньше того — заниматься из-за вас анатомией.

— Что вы хотите этим сказать? — живо отозвался Вегг.

— Хочу сказать, приятель,— неторопливо ответил Венус,— что едва ли возможно быть более расположенным к человеку, чем я расположен к вам в данную минуту. Однако я у себя дома, я окружен трофеями моего искусства, и все инструменты у меня под рукой.

— Что вы хотите сказать, мистер Венус? — опять спросил Вегг.

— Я уже заметил, что окружен трофеями моего искусства,— мирно ответил Венус.— Их очень много, у меня большой запас разных человеческих костей, вся мастерская ими забита, мне сейчас просто не нужно больше никаких трофеев. Но я люблю мое искусство и все его приемы знаю назубок.

— Лучше всякого другого,— согласился мистер Вегг с довольно растерянным видом.

— Вы бы этого не подумали, но в ящике, на котором вы сидите,— сказал Венус,— находится смесь — кости от разных человеческих экземпляров. И в том прекрасном экземпляре, что в углу, тоже есть кости от нескольких человеческих скелетов,— тут он кивнул на французского джентльмена.— Ему еще недостает рук. Не скажу, однако, чтоб я очень с этим торопился. Мне не к спеху.

— Вы, должно быть, заговариваетесь, компаньон,— остановил его Сайлас.

— Уж извините меня, если заговариваюсь,— возразил Венус.— Со мной это случается. Я люблю свое искусство, знаю назубок все его приемы и намерен сам хранить этот документ.

— Но при чем же тут ваше искусство, компаньон? — спросил Вегг самым вкрадчивым тоном.

Мистер Венус мигнул вечно воспаленными глазками, обоими сразу, и, поправив чайник на огне, заметил про себя глухим голосом:

— Вскипит минуты через две.

Сайлас Вегг взглянул на чайник, взглянул на полки, взглянул на французского джентльмена в углу и слегка съежился, взглянув напоследок на мистера Венуса, который моргал красными глазками, запустив свободную руку в жилетный карман,— возможно, за ланцетом. Они с Венусом сидели по необходимости очень близко, совсем рядом, ибо каждый уцепился за уголок документа, который был не более как простым листом бумаги.

— Компаньон,— сказал Вегг, еще вкрадчивее прежнего,— предлагаю разрезать его пополам и чтоб каждый взял себе половину.

Венус помотал встрепанной головой и ответил:

— Не годится его портить, компаньон. Похоже будет, что завещание уничтожили.

— Компаньон,— сказал Сайлас после паузы, во время которой они молча созерцали друг друга,— не говорит ли ваша выразительная физиономия о том, что вы собираетесь предложить нечто среднее?

Венус помотал взлохмаченной головой и ответил:

— Компаньон, один раз вы уже утаили от меня эту бумагу. Больше вы ее от меня прятать не будете. Предлагаю вам хранить копилку и ярлык, а о бумаге я сам позабочусь.

Сайлас после недолгого колебания вдруг выпустил свой уголок документа и воскликнул опять тем же вкрадчивым и жизнерадостным тоном:

— Что такое жизнь без доверия! Что такое человек без чести? Берите на здоровье, компаньон, это будет в духе дружбы и доверия.

По-прежнему моргая обоими красными глазками сразу — но скромно и ничем не показывая своего торжества,— мистер Венус сложил бумагу, оставшуюся у него в руке, запер в ящик позади себя, а ключ положил в карман. После этого он предложил:

— Чашку чаю, компаньон?

На что мистер Вегг ответил:

— Спасибо, компаньон,— и чай был заварен и разлит по чашкам.

— Дальше возникает вопрос,— сказал Венус, дуя на блюдечко с чаем и глядя поверх него на своего поверенного и друга,— в каком направлении теперь действовать?

На этот счет Сайлас имел сказать очень многое. Сайлас позволил себе напомнить своему другу, брату и компаньону о волнующих эпизодах, которые они читали нынче вечером; о параллели между ними и покойным владельцем «Приюта», которую явно проводил в уме мистер Боффин, о теперешних обстоятельствах в «Приюте», о фляге и о шкатулке. О том, что будущность его друга и брата, а также и его самого, очевидно, обеспечена, потому что им стоит только назначить цену этому документу и получить деньги с баловня фортуны и ничтожного червя, который теперь гораздо более похож на червя, нежели на

баловня. О том, что, по его мнению, цену эту можно определить одним-единственным словом, и это слово «пополам!». О том, что возникает поэтому вопрос, когда именно крикнуть: «Чур, пополам!» О том, что он может рекомендовать план действий, с одной только оговоркой. О том, что этот план действий состоит в том, что им следует терпеливо выжидать; они допустят, чтобы насыпи постепенно срыли и свезли, а сами тем временем воспользуются случаем последить за работами; то есть, по его мысли, рыть и копать будут за чужой счет, а они могут еженощно исследовать уже перекопанный мусор для своих личных целей, а уже после того как мусор вывезут и они воспользуются этим случаем для своих выгод, только тогда, и никак не раньше, они нападут на баловня и червя, как снег на голову. Но тут-то и вступает в силу оговорка, на что он и обращает особое внимание своего друга, брата и компаньона. Никак нельзя допустить, чтобы червь и баловень захватил хотя бы часть состояния, которое они теперь вправе считать своим. После того как он, мистер Вегг, увидел, что баловень фортуны норовит воровским манером удрать с флягой, а ее драгоценное содержимое так и остается неизвестным,— он, Вегг, считает его просто за грабителя и, если бы не мудрое вмешательство друга, брата и компаньона, конечно, отнял бы у него награбленное. Поэтому он предлагает оговорку такого рода, что если баловень опять вернется таким же манером и, по наблюдении, при нем будет обнаружено еще что бы то ни было, меч, занесенный над его головой, немедленно будет ему предъявлен, его со всей строгостью допросят обо всем, что ему может быть известно, а потом они, его хозяева, будут держать его в самом унизительном нравственном рабстве и зависимости до тех пор, пока не сочтут нужным дозволить ему откупиться на свободу ценой половины его достояния. Если же, прибавил Вегг в заключение, он ошибся, потребовав только половину, то он надеется, что друг, брат и компаньон, не колеблясь, поправит его ошибку и укорит его за слабость. Может, гораздо более сообразно с положением вещей потребовать две трети; более сообразно с положением вещей потребовать даже три четверти. По этим пунктам он всегда готов пойти на уступки.

Мистер Венус, во время этой речи успевший уделить свое внимание и трем блюдечкам чаю, одному за другим, выразил свое согласие со всем вышеизложенным. Вдохновившись его согласием, мистер Вегг простер вперед правую руку и объявил, что эта рука еще никогда... Не вдаваясь в частности и не отрываясь от блюдечка с чаем, мистер Венус, по всем правилам вежливости, кратко выразил свою уверенность в том, что эта рука никогда еще не... Однако удовольствовался тем, что только взглянул на нее, а к сердцу прижимать не стал.

— Брат,— произнес мистер Вегг после того, как между ними установилось счастливое взаимопонимание,— мне хотелось бы спросить вас кое о чем. Помните тот вечер, когда я впервые заглянул сюда и застал вас омывающим в чае ваш мощный ум?

Продолжая чаепитие, мистер Венус кивнул в знак согласия.

— И вот вы сидите на том же месте, сэр, как будто никогда с него не сходили! — продолжал Вегг, глубокомысленно и восхищенно.— Вы сидите, сэр, с таким видом, будто можете выпить сколько угодно этого благоуханного напитка! Вы сидите, сэр, окруженный своими произведениями, и кажется, будто вас только что попросили исполнить «Родина, милая родина» *, чтоб доставить обществу удовольствие, и вы на это согласились!

Вдали от родины и роскошь не мила,
О, пусть вернут вам ваши чучела́,
С которыми живым пернатым не сравняться,
Чтоб с ними вы могли покоем наслаждаться.
Родина, родина, милая родина!

Как бы тут ни было жутко,— прибавил мистер Вегг прозой, обводя взглядом мастерскую,— но если принять все во внимание, так лучше места не сыщешь.

— Вы сказали, что хотите о чем-то спросить, а ведь ни о чем не спросили,— очень нелюбезно заметил Венус.

— Вы были расстроены в тот вечер,— сказал Вегг, выражая соболезнование,— ну, а теперь как обстоит дело? Идет на лад или нет?

— Она не желает,— отвечал мистер Венус тоном, комически соединявшим упрямое негодование с нежной ме-

ланхолией,— чтобы ее равняли, вы знаете с чем. Ну, и говорить больше не о чем.

— Ах, боже мой, боже мой! — воскликнул Вегг со вздохом, делая вид, будто вместе с ним глядит на огонь, а сам глядя на Венуса.— Вот каковы женщины! А ведь я помню, как вы сказали в тот вечер — вы сидели вон там, а я сидел вот здесь,— в тот вечер, когда вы только что потеряли душевное спокойствие, вы сказали, что интересовались тем самым делом. Вот какое совпадение!

— Ее отец,— начал Венус и остановился, чтобы отхлебнуть еще глоток чаю,— ее отец был в нем замешан.

— Вы, мне кажется, не назвали ее по имени? — произнес Вегг задумчиво.— Нет, в тот вечер вы не назвали ее по имени.

— Плезент Райдергуд.

— В самом деле! — воскликнул Вегг.— Плезент Райдергуд. Радость! Есть что-то трогательное в этом имени — Плезент — Радость. Боже мой! Имя как будто выражает, чем она могла бы стать, если б не сделала того далеко не радостного для вас замечания — и чем она не стала, именно потому, что произнесла эти слова. Мистер Венус, если я вас спрошу, как вы с ней познакомились, не прольет ли это бальзама на ваши раны?

— Я был тогда в гавани,— сказал Венус, делая еще глоток чаю и уныло щурясь на огонь,— искал попугаев,— и, сделав еще глоток, он замолчал.

Мистер Вегг, чтобы оживить его воспоминания, намекнул:

— Вряд ли вы собирались охотиться на попугаев, сэр, в английском-то климате?

— Нет, нет, нет,— с раздражением сказал Венус.— Я был в гавани, искал попугаев, которых привозят с собой моряки; хотел купить для чучел.

— Да-да-да, сэр?

— А еще искал, не найдется ли хорошенькой парочки гремучих змей, чтобы препарировать для музея,— и тут мне было суждено повстречаться с ней и иметь с ней дело. Это было как раз в тот день, когда на реке сделали эту находку. Ее отец видел, как эту самую находку взяли на буксир. Много было на этот счет разговоров, я и зашел к ней под благовидным предлогом, чтобы поближе познако-

миться, и с тех пор стал совсем не тот. И даже в костях у меня нет уж той крепости, а все потому, что я только о ней и думаю. Если бы мои кости принесли ко мне в разобранном виде, чтоб я их собрал, я бы даже не решился признать их за свои. До того меня это сокрушило.

Мистер Вегг, видимо охладев к рассказу, особенно пристально взглянул на одну из полок в темном углу.

— Как же, я помню, мистер Венус,— начал он тоном дружеского сострадания,— ведь я помню каждое ваше слово, сэр, помню, вы сказали в тот вечер, что у вас там, наверху...— а потом еще такие слова: «Э, да все равно».

— Попугай, что я у нее купил,— сказал Венус, уныло подняв, а потом опустив глаза.— Да, там он и лежит на боку весь высохший, вроде меня, только что в перьях. Духу не хватило сделать из него чучело, так и не смог, а теперь и подавно не смогу.

Лицо Сайласа вытянулось, и про себя он послал этого попугая в места более чем тропические, а затем, не имея больше сил разыгрывать сочувствие горестям мистера Венуса, начал приводить в порядок свою деревянную ногу, собираясь домой: от гимнастических упражнений этого вечера нога сильно пострадала.

Когда Сайлас уходил из мастерской, с коробкой от шляпы в руках, предоставив мистеру Венусу погружаться в забвение, наливаясь чаем, его бесхитростную душу очень тяготила мысль, для чего он вообще взял в компаньоны этого художника. Он горько сожалел о том, что перестарался с самого начала, ухватившись за соломинку; а намеки мистера Венуса, как теперь оказалось, ровно ничего не стоили и ничего общего с его целью не имели. Раскидывая умом в поисках способа отделаться от Венуса не тратя денег, упрекая себя за то, что он не сумел промолчать и выдал свою тайну, и безмерно превознося самого себя за чисто случайную удачу, он незаметно прошел расстояние от Клеркенуэла до особняка Золотого Мусорщика.

Ибо для Сайласа Вегга не могло быть и речи о том, чтобы мирно отойти ко сну, не выступив прежде в роли злого гения дома Боффинов. Всякая власть, если это не власть разума и добродетели, имеет величайшую притягательную силу для низменных натур; и бросить вызов ничего не подозревающему фасаду этого дома, зная, что в

его власти сорвать крышу над головой обитателей, словно крышу с карточного домика, доставляло невыразимое удовольствие Сайласу Веггу.

В то время как он, торжествуя, околачивался на другой стороне улицы, к дому подъехал экипаж.

— Скоро тебе конец,— сказал Вегг, угрожая ему шляпной коробкой.— Вот уже и лак на тебе потускнел.

Миссис Боффин вышла из экипажа и вошла в дом.

— Берегитесь, как бы вам не упасть, госпожа Мусорщица,— сказал Вегг.

Белла легко спрыгнула и вбежала в дом вслед за миссис Боффин.

— Какие мы проворные! — сказал Вегг.— Небось не побежишь так весело в убогий родительский домишко, милая моя. А ведь скоро придется тебе туда отправляться.

Немного погодя вышел секретарь.

— Ради вас меня обошли,— сказал Вегг.— А придется вам поискать себе другого места, молодой человек.

Тень мистера Боффина, рысцой бегавшего по комнате, мелькнула на шторах трех больших окон и снова мелькнула, когда он повернул обратно.

— Эй! — крикнул Вегг.— Ты здесь, вот ты где! А где же фляга? Ты бы, верно, отдал свою флягу за мою копилку.

Успокоившись и нагулявшись перед сном, он повернул домой. Такова была алчность этого человека, что он уже не мирился ни на половине, ни на двух третях, ни на трех четвертях, а думал прямо о захвате всего целиком.

— Хотя это не совсем-то годится,— размышлял он дорогой, остывая мало-помалу.— Так с ним и будет, если он от нас не откупится. Этим мы ничего не выиграем.

Мы настолько привыкли судить о других по себе, что до сих пор ему не приходило в голову, что мистер Боффин может и не откупиться, может оказаться честным и предпочтет оставаться бедняком. От этой мысли Вегга слегка бросило в дрожь, но только слегка, потому что такой вздор сейчас же им позабылся.

— Для этого он слишком уж полюбил деньги,— сказал Вегг,— он слишком любит деньги.

И когда он ковылял по тротуару, эти слова сложились в музыкальный мотив. Всю дорогу домой он выстукивал


W. T. GREEN SC

этот мотив по звонким улицам, тихо своей собственной ногой и громко — деревяшкой: «Он слишком любит деньги, он слишком любит деньги».

И даже на следующий день, когда Сайласа подняли с постели на рассвете, чтобы он отпер ворота целому обозу конных подвод, которые приехали свозить малую насыпь, он утешался этим ритмическим напевом. И весь день напролет, неусыпно следя за неторопливой работой, обещавшей затянуться на много дней и даже недель, когда бы он ни совершал небольшой круг по кучам мусора, чтоб не задохнуться от пыли, он всегда отбивал ногой один и тот же мотив: «Он слишком любит деньги, он слишком любит деньги».

ГЛАВА VIII

Конец долгого пути

Вереница конных подвод въезжала и выезжала со двора целый день, от зари до зари, а груды мусора как будто нисколько не уменьшались в конце такого дня, хотя через несколько дней стало заметно, что они тают понемножку. Милорды, почтенные господа и члены попечительных советов, если у вас после многолетнего копания в мусоре и перетряхивания всякого дрязгу набралась целая гора претенциозных ошибок, то вам следует скинуть почетные ваши мундиры и приняться за уборку, пригласив на подмогу всю королевскую конницу и всю королевскую рать, иначе гора развалится и погребет вас заживо.

Да, поистине, милорды, почтенные господа и члены попечительных советов, принимайтесь-ка за дело, с божьей помощью, как велит ваш катехизис. Если уж мы допустили, что при тех громадных капиталах, какие расходуются на помощь беднякам, лучшие из этих бедняков отворачиваются от нас, гнушаясь нашей помощью, прячутся от нас и позорят нас, умирая среди нас голодной смертью, то такое положение дел не может свидетельствовать о благоденствии, не может продолжаться без конца. Возможно, в евангелии от Подснепа написано иное, и вы не найдете этих слов, ища текста для проповеди в отчетах министерства торговли, но они были истиной, начиная с сотворения

мира, и останутся истиной, пока создатель мира не разрушит его. Тщеславное дело наших рук, которое не отпугивает профессионального нищего, стойко бьющего окна и неистово раздирающего одежды, жестоко и незаслуженно поражает убитого нищетой страдальца, отпугивает несчастного, достойного помощи. Надо это исправить, милорды, почтенные господа и члены попечительных советов, иначе в недобрый час наше же дело ляжет пятном на каждого из нас.

Старая Бетти Хигден отправилась в свое странствие так же, как многие труженики, простые и честные люди, странствуют по дорогам жизни. Терпением и трудом зарабатывать себе на хлеб и умереть спокойно, не допустив себя до работного дома,— вот что было ее величайшей надеждой здесь, на земле.

В доме мистера Боффина о ней ничего не слыхали, с тех пор как она отправилась в путь. Погода стояла ненастная, дороги испортились, но дух ее был бодр. Менее стойкие пали бы духом при таких неблагоприятных условиях, но долг, сделанный ею для закупки кое-какого товара, еще не был уплачен, дело у нее пошло хуже, чем она рассчитывала, и все же она твердо решила доказать свою правоту и сохранить свою независимость.

Честная душа! Когда она говорила секретарю про «забытье, которое временами на нее находит», она сама не придавала этому значения, переоценивая свои силы. Все чаще и чаще находило на нее это забытье, все темней и темней, словно тень приближающейся смерти. Что надвигавшаяся на нее тень становилась гуще и омрачила все кругом, словно подлинная тень, соответствовало законам физического мира, ибо весь свет, озарявший Бетти Хигден, был за пределами жизни.

Для странствия бедная старуха выбрала себе путь вверх по течению Темзы; на этом пути стоял ее последний приют, к нему, последнему, она была привязана, здесь ее любили и знали. Недолгое время она бродила поблизости от своего покинутого жилища, торговала, вязала, продавала вязание и шла дальше. В приятных городках Чертси, Уолтоне, Кингстоне и Стейнзе ее фигура примелькалась было, но через несколько коротких недель Бетти ушла дальше.

Обыкновенно она становилась в торговый день на рыночной площади, если в городе была площадь; иногда же на самом людном (он редко бывал очень людным) углу Главной улицы; или отыскивала на окольной дороге какой-нибудь большой дом и просила позволения войти со своей корзинкой, но ее не всегда пускали. Зато дамы, разъезжающие в колясках, частенько покупали у нее какой-нибудь пустяк: им обычно нравились ее ясные глаза и веселые речи. Вот это да ее опрятная одежда породили басню о том, будто она женщина с достатком, даже, можно сказать, богатая для своего звания. Обогатить другого подобным образом ничего не стоит, и потому такие басни с давних пор бытуют среди народа.

В таких приятных городках на Темзе можно услышать шум воды, падающей через плотину, а в тихую погоду даже шорох тростника; с моста можно видеть новорожденную реку, всю в ямочках, словно малое дитя, весело скользящую среди деревьев, еще не оскверненную отбросами, которые ждут ее ниже по течению, еще не внемлющую глухим зовам моря. Было бы слишком странно приписывать такие мысли Бетти Хигден; но Бетти слышала нежный шепот волн, обращенный ко многим подобным ей: «Иди ко мне, иди ко мне! Когда тебя настигнут позор и страх, которых ты так долго избегала, иди ко мне! Я попечительница, назначенная вечным законом на эту работу; меня ценят отнюдь не за то, что я уклоняюсь от нее. Моя грудь мягче, чем у сиделки из работного дома; смерть в моих объятиях отраднее, чем смерть среди призреваемых в работном доме. Иди ко мне!»

Много было простора и для других, гораздо менее горьких мыслей в ее непросвещенном уме. Понимают ли эти господа и их дети, живущие в таких красивых домах, что это значит, когда человеку по-настоящему голодно, по-настоящему холодно? Любопытно ли им глядеть на нее так же, как ей любопытно глядеть на них? Благослови господь этих милых, веселых деток! Заплакали бы они от жалости или нет, увидев больного Джонни у нее на руках? Поняли бы они что-нибудь, увидев мертвого Джонни в его кроватке? И все-таки, пусть хоть ради Джонни благословит господь милых деток! Так думала она, глядя и на более скромные дома, в более узких уличках, в то время когда

окна светились тем ярче, чем темнее становилось на дворе. Когда семьи собираются дома к ночи, не глупо ли думать, что жестоко с их стороны закрывать наглухо ставни, чтобы не видно было огней? И, глядя на освещенные лавки, она думала, что их хозяева теперь пьют чай в задней комнатке — так близко от нее, что и на улицу проникает вместе со светом запах чая и гренков,— пьют и едят, одетые в свои товары, с тем большим удовольствием, что торгуют ими. Так думала она и у кладбищенской ограды, мимо которой пролегала пустынная дорога, ведущая на ночлег. «Ах, боже мой! Никого нет здесь, под открытым небом, в такую темноту и в такую погоду, кроме меня да покойников! Но тем лучше всем остальным, кому тепло дома». Бедняжка никому не завидовала и ни на кого не злобилась в своей горькой доле.

Но чем больше она слабела, тем сильнее становились в ней прежние страхи, и для них было больше пищи в ее странствиях, чем для нее самой. То попадалось ей на глаза постыдное зрелище — какой-нибудь один обездоленный, то целая кучка мужчин и женщин в лохмотьях, с детьми, жалась друг к другу, словно клубок червей, чтобы хоть немножко согреться,— без конца ждали и томились на ступеньках крыльца, пока облеченный общественным доверием чиновник старался взять их измором, чтобы отделаться от них. То она встречала прилично одетого бедняка, вроде нее самой, шествующего пешком за много миль навестить больного родственника или друга, которого благотворительность засадила в большой и неуютный дом Призрения, настолько же далекий от родного дома, как окружная тюрьма (отдаленность которой — худшее наказание для преступников из сельских местностей), а во всем, что касается пищи, крова и ухода за больными — еще хуже тюрьмы. Иногда ей приходилось слышать, как читали вслух газету, и она узнавала, сколько единиц вычеркнуто регистратором из списков, как умершие голодной смертью, без крова; и для них этот ангел смерти находил место в итоге, словно это были полупенсы. Она слышала, как все это обсуждалось при ней, чего мы с вами, милорды, почтенные господа и члены попечительных советов, никогда не услышим в нашем неприступном величии, и от всего услышанного она летела прочь на крыльях отчаяния.

Не следует это понимать в переносном смысле. Старая Бетти Хигден сейчас же срывалась с места и уходила, как бы она ни устала, как бы ни болели у нее ноги, гонимая пробудившимся в ней страхом попасть в руки благотворителей. Замечательное усовершенствование для христиан — превратить доброго самаритянина * в пугало! Но так было в данном случае, и он типичен для многих, многих и многих.

Еще два случая усилили ее давний неразумный страх,— конечно, он и прежде был неразумен, ибо люди всегда неразумны и постоянно стараются напустить дыма без огня.

Однажды она сидела со своим товаром на скамье перед постоялым двором, как вдруг на нее опять нашло забытье, и такое сильное, что она потеряла сознание; когда она очнулась, оказалось, что она лежит на земле, голову ее поддерживает какая-то добродушная торговка и вокруг них уже собрался народ.

— А теперь тебе лучше, бабушка? — спросила одна из женщин.— Как ты думаешь, обойдется теперь или нет?

— А разве со мной что-нибудь было? — спросила Бетти.

— С тобой был не то обморок, не то припадок,— ответили ей.— Ты не билась, бабушка, а лежала без памяти, словно окоченела.

— А! Это онемение,— сказала Бетти, приходя в себя.— Со мной это бывает.

— Ну, а теперь прошло? — спросили ее женщины.

— Да, прошло,— ответила Бетти.— Я теперь буду крепче прежнего. Спасибо вам, милые, и дай бог, чтобы вам тоже люди помогали, когда вы доживете до моих лет.

Ей помогли встать, но держаться на ногах она была еще не в силах — ее поддержали, и она опять села на скамейку.

— Голова немножко кружится, и ноги не держат,— сказала старушка, сонно опуская голову на грудь той женщины, которая с ней заговорила.— Сейчас все пройдет. Ничего со мной больше не будет.

— Спроси у нее,— сказал кто-то из стоявших рядом фермеров, которые выбежали на улицу, бросив свой обед в трактире,— есть ли у нее родня?

— Есть ли у тебя родные, бабушка? — спросила женщина.

— Да, конечно,— отвечала Бетти.— Я слышала, что спросил тот джентльмен, только не могла так скоро ответить. Родных у меня много. Не беспокойтесь обо мне, милая.

— А тут, поблизости, есть кто-нибудь? — спросили мужские голоса; а после того и женские голоса повторили вопрос хором.

— Есть, совсем близко,— ответила Бетти, стараясь собраться с силами.— Не бойтесь за меня, соседи.

— Да ведь дорога тебе не по силам. Куда же ты пойдешь? — услышала она сочувственные голоса.

— Пойду в Лондон, когда все распродам,— сказала Бетти, с трудом вставая.— У меня есть друзья в Лондоне. Мне ничего не надо. Со мной ничего не случится. Спасибо вам. Не беспокойтесь обо мне.

Доброжелательный фермер в желтых гамашах и с красным лицом, укутанный в красный шарф, сказал хриплым голосом, что «не надо бы ее пускать».

— Ради господа бога, оставьте меня в покое! — взмолилась старая Бетти, и все ее страхи ожили в ней.— Я теперь совсем здорова и сейчас уйду.

Она подхватила свою корзинку и нетвердыми шагами бросилась было бежать от них, когда тот же фермер удержал ее за рукав, настаивая, чтобы она пошла вместе с ним к приходскому лекарю. Собравшись с силами и призвав на помощь всю свою решимость, бедная женщина, вся дрожа, оттолкнула его руку почти с гневом и пустилась бежать. Она почувствовала себя в безопасности только тогда, когда между нею и рыночной площадью было не менее мили, а то и двух, и, словно загнанное животное, забралась в рощицу, чтобы отдышаться там. Только тогда она впервые осмелилась вспомнить, как она оглянулась через плечо, выходя из города, и увидела вывеску «Белого Льва», качавшуюся над дорогой, палатки на рыночной площади, старинную серую церковь и кучку народа, глядевшую ей вслед, но не решавшуюся пуститься вдогонку.

Другой случай, напугавший ее, был такой. Она снова почувствовала себя плохо, потом ей стало как будто лучше,

и несколько дней она шла по большой дороге, там, где дорога подходит к самому берегу реки и отмечена белыми столбами в тех местах, где ее заливает в дождливое время. Навстречу ей по реке тащили баржу, и Бетти села на берегу отдохнуть и посмотреть на баржу. На повороте реки буксирный канат ослаб и окунулся в воду, и в эту минуту у Бетти так помутилось в голове, что ей почудилось, будто с баржи ей кивают мерно и торжественно, маня ее к себе, тени ее умерших детей, ее умерших внуков. Потом, когда канат снова натянулся и поднялся над водой, роняя брильянтовые капли, ей показалось, будто он разделился на два параллельных каната и, гудя как натянутая струна, ударил по ней, хотя он был далеко. Когда она снова открыла глаза, не было ни баржи, ни реки, ни дневного света, и человек, которого она никогда раньше не видела, наклонился к ней, держа в руках свечу над самым ее лицом.

— Ну, хозяюшка,— спросил он,— откуда вы и куда идете?

Бедняжка в смущении ответила ему вопросом, где она находится.

— Я шлюзовой,— сказал мужчина.

— Шлюзовой?

— Сторож при шлюзе, а это шлюз. Сторож или помощник сторожа, это все одно, пока тот, другой, лежит в больнице. Вы из какого прихода?

— Приход! — Она вскочила с койки, глядя на него со страхом и шаря руками свою корзинку.

— Вас об этом спросят в городе,— сказал сторож.— Там вы попадете разве только в разряд временных. Они вас скорехонько отправят на место жительства. В таком состоянии в чужой приход вас не примут, разве только временно.

— Опять у меня был обморок! — прошептала Бетти Хигден, хватаясь за голову.

— Был обморок, сомневаться не приходится,— ответил сторож.— По-моему, тут мало сказать «обморок», как было сказано мне, когда вас принесли. А друзья у вас имеются, бабушка?

— Самые хорошие, хозяин.

— Так я бы вам советовал разыскать их, если вы ду-

маете, что они могут вам помочь,— сказал сторож.— А деньги у вас есть?

— Совсем немножко, сэр.

— Хотите, чтоб они при вас остались?

— Конечно, хочу.

— Ну, знаете ли,— сказал сторож, пожав плечами, засунув руки в карманы и качая голосой с самым мрачным видом,— приходское начальство в городе отнимет их у вас, если вы пойдете туда, можете хоть присягу дать.

— Так я туда не пойду.

— Они вас заставят все отдать, сколько у вас есть,— продолжал сторож,— за то, что окажут временную помощь, и за то, что отправят в ваш приход.

— Спасибо вам, хозяин, за предостережение, спасибо за то, что приютили, всего вам хорошего.

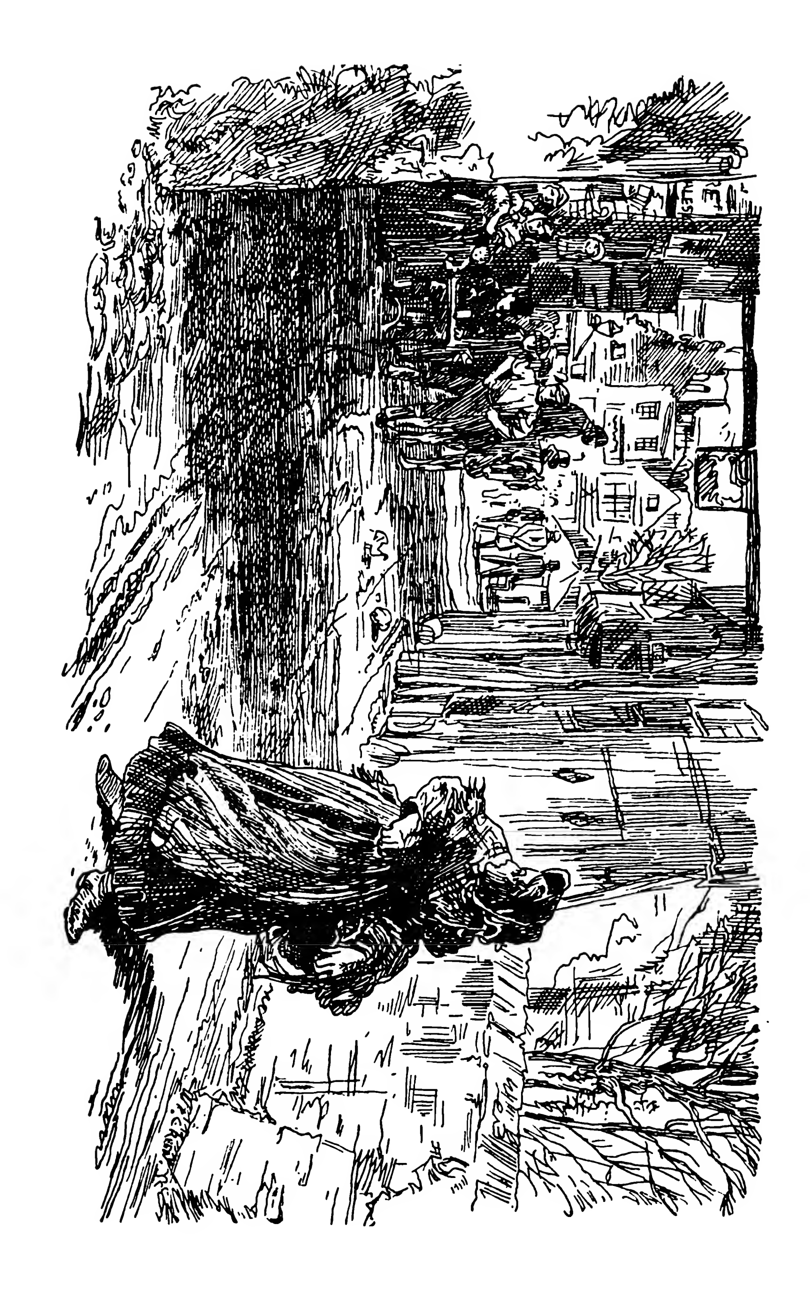
— Погодите-ка,— сказал сторож, загораживая ей дорогу к двери.— Что вы так дрожите и куда это вы заторопились, бабушка?

— Ах, сударь, сударь! — ответила Бетти Хигден.— Я всю жизнь старалась не попасть в приход, всю жизнь бегала от него и теперь хочу умереть на свободе!

— Не знаю уж,— сказал сторож, что-то обдумывая,— можно ли вас отпустить. Я человек честный, добываю хлеб в поте лица и могу попасть в беду, если отпущу вас. Один раз я уже попал в беду, ей-богу попал, знаю теперь, что это значит, и после того остерегаюсь. С вами опять может случиться обморок, как отойдете с полмили, а может и с четверть мили, вот тогда и спросят, почему же этот честный сторож при шлюзе ее отпустил, вместо того чтобы доставить в целости и сохранности в приход. Скажут, вот как должен был поступить человек честный,— продолжал сторож, умело затрагивая самую чувствительную струну в ней — страх,— он должен был доставить ее в приход. Вот чего следовало ожидать от человека с такими правилами.

Он стоял в дверях, а бедная старуха, измученная заботами и утомленная трудной дорогой, заливалась слезами и, сжав руки, умоляла его с тоской:

— Я же сказала вам, хозяин, что у меня есть хорошие друзья. Вот по этому письму вы увидите, что я вам не соврала, они еще будут вам благодарны.



Сторож развернул письмо с важным видом, посмотрел, и лицо его ничуть не изменилось. Но если б он мог прочесть, что там было написано, оно, верно, изменилось бы.

— А сколько мелочи, миссис, будет, по-вашему, совсем немного денег? — спросил он с рассеянным видом, сначала подумав.

Второпях ощупав свои карманы, Бетти выложила на стол один шиллинг, две шестипенсовых монеты и несколько пенсов.

— Если б я вас отпустил, вместо того чтобы доставить в приход,— сказал сторож, пересчитывая глазами деньги,— то вы бы оставили это здесь по собственному желанию?

— Возьмите их себе, хозяин, возьмите на здоровье, я еще вам скажу спасибо.

— Я человек честный,— сказал сторож, отдавая ей письмо и одну за другой опуская монеты в карман,— добываю свой хлеб в поте лица,— тут он провел рукавом по лбу, как будто именно вот эта часть его скромных прибылей была результатом тяжких трудов и добродетельного прилежания,— и поперек дороги вам становиться не хочу. Идите куда вам вздумается.

Она вышла из сторожки, как только он ей позволил, и опять побрела по дороге нетвердыми шагами, равно боясь и возвращаться и идти вперед, видя перед собой в огнях города то, от чего она бежала, и оставляя позади рассеянный повсюду смутный ужас, словно она бежала от каждого камня каждой рыночной площади. Она свернула на проселочную дорогу, где скоро сбилась с пути и заблудилась. В эту ночь она избавилась от доброго самаритянина в его последнем, официально признанном виде, переночевав под стогом, и если бы — стоит, быть может, призадуматься над этим, братья-христиане,— если бы в эту одинокую ночь самаритянин «прошел мимо» нее, она горячо возблагодарила бы господа за свое избавление.

Утро снова застало ее в пути, но она быстро слабела, мысли у нее все больше и больше путались, хотя она неизменно помнила о своей цели. Понимая, что силы быстро ее оставляют и что ее жизненный путь подходит к концу, она не могла ни сообразить, как ей вернуться к своим покровителям, ни даже ясно продумать эту мысль. Все по-

давляющий страх и порожденная им упрямая и гордая решимость умереть, не допустив своего унижения,— только эти две смутные мысли оставались в ее слабеющем уме. Она шла вперед, поддерживаемая только сознанием, что она должна победить в борьбе, которая длилась всю ее жизнь.

Настало время, когда все мелкие нужды нашей жизни отошли от нее. Она не в силах была бы проглотить ни куска, даже если бы для нее накрыли стол тут же в поле. День был сырой и холодный, но она этого не чувствовала. Она брела все дальше, бедняжка, крадучись, словно преступник, который боится, что его схватят, и не чувствовала почти ничего, кроме страха упасть при дневном свете и быть захваченной еще в живых. Она не боялась, что проживет еще одну ночь.

На груди у нее были зашиты деньги, отложенные на похороны и еще не тронутые. Если она протянет еще день, а потом ляжет и умрет под покровом тьмы, то она умрет независимой. Если же ее схватят живой, деньги отберут у нее, как у нищей, которая не имеет на них права, и отвезут в ненавистный дом Призрения. А если она достигнет своей цели, письмо найдут у нее на груди вместе с деньгами, и господа скажут, когда им отдадут письмо: «Она дорожила письмом; она сдержала слово; и, пока была жива, не допустила, чтобы письмо попало в руки тех, кого она так боялась». Лишенное логики весьма непоследовательное и легкомысленное суждение, но путники, шествующие по долине смертной тени *, бывают склонны к головокружительной легкости в мыслях; а изможденные старики из низших сословий так же не умеют рассуждать, как не умели жить, хотя, без сомнения, отнеслись бы к нашему закону о бедных * более философски, имей они десять тысяч годового дохода.

Так, держась окольных путей и избегая встреч с людьми, эта беспокойная старуха то пряталась, то брела дальше весь этот печальный день. Однако она была настолько не похожа на обыкновенную побродяжку, что иной раз, когда день уже склонялся к вечеру, глаза ее загорались ярким огнем, сердце начинало биться чаще, словно она говорила себе с восторгом: «Господь доведет меня до конца!»

Не будем рассказывать, какие незримые руки вели ее по этому пути бегства от самаритянина, какие голоса, давно умолкшие в могиле, звучали в ее ушах; как ей казалось, что она снова держит в объятиях умершее дитя, сколько раз она укутывала его своей шалью, стараясь согреть, какие разнообразные формы принимали деревья, представляясь ей то башнями, то кровлями, то колокольней; сколько всадников бешено скакало за ней с криком: «Вот она! Держи ее! Держи Бетти Хигден!» — и, подскакав совсем близко, эти всадники пропадали из виду. Бедное, ни в чем не повинное создание, она то брела, то пряталась, пряталась и снова брела вперед, словно она была убийцей и вся округа гналась за ней,— так прошел весь день и наступила ночь.

— Похоже на заливные луга,— шептала она иногда, во время дневного странствия, поднимая голову и замечая то, что ее окружало в действительности. И вот в темноте перед ней возникло большое здание, со множеством освещенных окон. Дым валил из высокой трубы позади здания, и откуда-то со стороны доносился стук водяного колеса. Между нею и зданием лежала полоса воды, в которой отражались освещенные окна, а на ближнем берегу росли деревья.

— Слава тебе, создателю,— прошептала Бетти Хигден, смиренно сложив высохшие руки,— вот я и дошла до конца моего странствия!

Она с трудом пробралась под деревьями поближе к одному стволу, откуда ей видны были из-за нависших ветвей и освещенные окна и их отражение в воде. Опустившись на землю и поставив рядом свою опрятную корзиночку, она прислонилась к дереву. Это напомнило ей подножие креста, и она поручила себя тому, кто умер на кресте. У нее еще достало сил поправить письмо у себя на груди так, чтобы было заметно сразу, что там лежит какая-то бумага. На это сил у нее еще достало, но потом силы сразу ее оставили. «Здесь я в безопасности,— была ее последняя смутная мысль.— Когда меня найдут мертвой у подножия креста, то это будет кто-нибудь вроде меня, кто-нибудь из тех, кто работает в том светлом здании. Теперь я не могу видеть освещенных окон, но знаю, что они есть. Благодарю тебя за все!»

* * *

Тьма рассеялась, над ней наклоняется лицо.

— Это не может быть та красивая леди?

— Не понимаю, что вы говорите. Дайте, я еще смочу вам губы водкой. Я за ней ходила. Вам показалось, что меня долго не было?

Как будто женское лицо, обрамленное массой густых, темных волос. Серьезное лицо, женщина молода и красива. Но все кончено со мной на земле, это, должно быть, ангел.

— Давно я умерла?

— Не понимаю, что вы говорите. Дайте я опять смочу вам губы. Я спешила как могла и никого не привела с собой, чтоб вы не умерли от испуга, увидев чужих людей.

— Разве я не умерла?

— Не могу понять вас. Голос у вас такой тихий и невнятный, что я ничего не слышу. А вы слышите меня?

— Да.

— Вы сказали «да»?

— Да.

— Я шла домой с работы по тропинке мимо рощи (я нынче работала в ночной смене), услышала стон и нашла вас под деревом.

— С какой работы, милая?

— Вы спросили, «с какой работы»? На бумажной фабрике.

— Где это?

— Ваше лицо обращено к небу, вам ее не видно. Это совсем рядом. Вы видите мое лицо, вот здесь, между вами и небом?

— Да.

— Можно, я подниму вас?

— Потом.

— Только приподниму вашу голову и положу себе на руку? Очень осторожно, мало-помалу. Вы даже не почувствуете.

— Потом. Бумага. Письмо.

— Вот эта бумага, у вас на груди?

— Спасибо!

— Дайте я опять смочу вам губы. Вскрыть письмо? Прочесть его?

— Спасибо!

Стоя на коленях, она читает с удивлением и уже с новым интересом смотрит на неподвижное лицо.

— Я знаю эти имена. Я часто их слышала.

— Пошлете вы письмо, милая?

— Не могу вас понять. Дайте, я опять смочу ваши щеки и лоб. Вот так. О бедная! — Эти слова она говорит сквозь быстро капающие слезы.— О чем вы спросили меня? Погодите, я наклонюсь к вам поближе.

— Вы пошлете письмо, милая?

— Послать к тем, кто его написал? Вы этого хотите? Да, конечно.

— Вы никому его не отдадите, кроме них?

— Нет.

— Ведь и вы тоже состаритесь, и для вас придет смертный час, милая, так не отдавайте же никому, кроме них.

— Не отдам. Клянусь всем святым!

— Не отдадите приходу? (С судорожным усилием.)

— Нет. Клянусь всем святым.

— И не позволите приходу тронуть меня, даже взглянуть на меня? (Опять через силу.)

— Нет. Обещаю верно.

Измученное старое лицо озаряется выражением благодарности и торжества. Глаза, до сих пор мрачно глядевшие в небо, с новым выражением обращаются к сострадательному лицу, с которого катятся слезы, и сморщенные губы с улыбкой спрашивают:

— Как тебя зовут, милая?

— Меня зовут Лиззи Хэксем.

— На меня, должно быть, страшно глядеть. Ты не побоишься поцеловать меня?

В ответ ее губы с готовностью касаются уже холодеющего, но улыбающегося рта.

— Спасибо! А теперь подними меня, милая.

И Лиззи Хэксем тихонько подняла видевшую много бурь седую голову — подняла высоко, к самому небу.

ГЛАВА IX

Кое-кому предсказывают судьбу

«Благодарим тебя за то, что тебе угодно было избавить сестру нашу от бедствий и горестей сего многогрешного мира». Так читал его преподобие Фрэнк Милви не совсем твердым голосом, ибо сердце подсказывало ему, что не все было благополучно между нами и сестрой нашей, лучше сказать, сестрой нашей перед законом — перед законом о бедных, и что мы иногда со страхом божиим читаем эти самые слова и над нашей сестрой и над нашим братом.

А Хлюп, к которому покойница никогда не поворачивалась спиной, до тех пор пока не сбежала от него, зная, что иначе им не расстаться,— Хлюп, по чистой совести, никак не мог отыскать в своем сердце той благодарности, которой от него требовали. С его стороны это был эгоизм, простительный, однако, смеем надеяться; ведь сестра наша была ему больше чем матерью.

Эти слова были прочитаны над прахом Бетти Хигден, в уголку кладбища близ реки, кладбища такого убогого, что на нем не было ничего, кроме заросших травою холмиков, не было даже ни единой надгробной плиты. Может, не такой уж большой труд был бы для наших гробокопателей и каменотесов, если бы в наш все учитывающий век мы писали имена на могилах за общественный счет так, чтобы новые поколения знали, кто где лежит; чтобы солдат, моряк, эмигрант, возвратясь на родину, мог найти место, где покоится его отец, мать, товарищ детских игр или невеста. Возводя очи горе, мы говорим, что все равны в смерти; а ведь мы могли бы опустить очи долу и применить эти слова к живым, которые находятся еще здесь, на земле. Быть может, это слишком сентиментально? Но как вы скажете, милорды, почтенные господа и члены попечительных советов, неужели у нас не найдется места хотя бы для капельки чувства, когда мы приглядимся пристальнее к нашему народу?

Рядом с его преподобием, в то время как он читал, стояли его маленькая жена, секретарь Джон Роксмит и Белла Уилфер. Только они да еще Хлюп провожали Бетти

Хигден до ее бедной могилы. Ни одного пенни не было прибавлено к деньгам, зашитым в ее платье; то, что так давно задумала эта честная душа, было теперь исполнено.

— Никак не могу выкинуть из головы,— сказал Хлюп, когда все уже было кончено и он стоял, неутешный, прислонившись этой самой головой к церковной двери,— никак не могу выкинуть из моей горемычной головы, что я не всегда старался катать для нее как следует, не работал изо всех сил, и теперь просто сердце разрывается, как подумаю об этом.

Его преподобие Фрэнк Милви, утешая Хлюпа, разъяснил ему, что даже лучшие из нас более или менее отстают в выполнении долга, так сказать, работая за своими катками,— а некоторые из нас даже и очень отстают,— и что все мы нерадивые, слабые, ненадежные слуги.

— Она была не такая, сэр,— возразил Хлюп, весьма огорченный этим подобием утешения и даже обиженный за свою покойную благодетельницу.— Будем говорить только за себя, сэр. Всякое дело она всегда делала как следует. И обо мне она как следует заботилась, и о питомцах тоже, и о себе самой позаботилась, да и обо всем, что ни возьмите, заботилась как надо. Ах, миссис Хигден, миссис Хигден! Такая вы были женщина, такая мать и такая работница, даже на миллион одной такой не сыщется!

С этими прочувствованными словами Хлюп отошел от церковной двери и, уронив свою горемычную голову на могилу Бетти в углу кладбища, заплакал навзрыд, в одиночку.

— Ее могила не кажется такой бедной, когда на ней видишь эту нехитрую фигуру,— сказал Фрэнк Милви, проводя рукой по глазам.— Богаче, я думаю, чем если б ее украшали все статуи Вестминстерского аббатства *.

Хлюпа не стали тревожить, и все вышли за калитку кладбища, оставив его одного. Сюда уже доносился шум водяного колеса бумажной фабрики, словно смягчавший картину ясного зимнего дня. Они приехали совсем недавно, и Лиззи Хэксем теперь рассказала им то немногое, что оставалось добавить к письму, в котором она спрашивала, как ей поступить, приложив к нему письмо Рок-

смита. Лиззи оставалось рассказать только о том, как она услышала стон, и что произошло после этого, и как она получила разрешение поставить гроб с телом в чистой и пустой кладовой при фабрике, откуда они только что проводили покойницу на кладбище, и как свято была исполнена ее последняя просьба.

— Я бы не могла сделать это все сама, без помощи,— говорила Лиззи.— Не то чтобы я не хотела, но не смогла бы без нашего директора.

— Как! Того самого еврея, который нас встретил? — спросила миссис Милви.

— Милая, почему же нет? — заметил как бы между прочим ее муж.

— Он действительно еврей,— отвечала Лиззи,— и эта дама, его жена, тоже еврейка, и просил их за меня тоже еврей. Но я думаю, что нет на свете людей добрее.

— А вдруг они захотят обратить вас? — предположила миссис Милви, хотя и кротко, но слегка ощетинившись, как оно и следует супруге пастора.

— Захотят... что именно, сударыня? — переспросила Лиззи с тихой улыбкой.

— Обратить вас в свою веру,— сказала миссис Милви.

Лиззи покачала головой, все так же улыбаясь.

— Они никогда не спрашивали, какой я веры. Они попросили меня рассказать историю моей жизни, и я рассказала им. Они просили меня быть прилежной и верной долгу, и я это обещала. Они охотно и с радостью исполняют свой долг по отношению ко всем нам, кто здесь работает, а мы тоже стараемся исполнить свой долг. Правда, они делают даже больше, чем обязаны, потому что удивительно заботливы во всем, даже в мелочах.

— Не трудно заметить, что вы тут любимица, моя милая,— сказала маленькая миссис Милви не совсем довольным тоном.

— Я была бы просто неблагодарная, если б сказала, что меня не любят,— возразила Лиззи,— ведь меня уже повысили, дали мне доверенное место. Но все равно: сами они веруют по-своему и никому из нас не мешают верить по-своему. С нами они никогда не говорят о своей вере и о нашей не заводят никаких разговоров. И если б

я была даже самая последняя работница на фабрике, все равно было бы то же. Они меня даже не спросили, какой веры была эта бедняжка.

— Мой друг,— сказала миссис Милви, отведя в сторону его преподобие,— мне хотелось бы, чтобы ты сам поговорил с ней.

— Душа моя,— вполголоса отвечал его преподобие Фрэнк своей доброй маленькой жене,— мне кажется, лучше будет предоставить это кому-нибудь другому. Обстановка не совсем подходящая. Охотников убеждать у нас вообще немало, душа моя; кого-нибудь из таких она скоро встретит.

Пока между ними шел этот разговор, и Белла и секретарь очень пристально наблюдали за Лиззи Хэксем. Впервые встретившись лицом к лицу с дочерью своего предполагаемого убийцы, Джон Гармон, естественно, имел свои тайные причины внимательно разглядывать ее лицо и манеры. Белла знала, что отца Лиззи ложно обвинили в том преступлении, которое имело такое большое влияние на ее собственную жизнь и судьбу, и ее любопытство было тоже вполне естественным, хотя в нем не было таких скрытых пружин, как у секретаря. Оба ожидали увидеть нечто совсем другое, очень непохожее на живую Лиззи Хэксем,— оттого и вышло, что она невольно послужила для них средством сближения.

После того как они дошли вместе с ней до маленького домика в чистенькой деревушке при фабрике, где Лиззи жила у пожилых супругов, работавших на бумажной фабрике, и Белла с миссис Милви уже сошли вниз, осмотрев комнатку Лиззи, зазвонил фабричный колокол. Лиззи сейчас же ушла, а секретарь с Беллой остались одни на улице, чувствуя себя не совсем ловко; миссис Милви занялась ловлей детишек и расспросами, не угрожает ли им опасность стать детьми Израиля — а его преподобие был занят, говоря по правде, мыслью, как бы ему уклониться от такого рода пасторских обязанностей и потихоньку скрыться куда-нибудь.

Наконец Белла сказала:

— Не поговорить ли нам лучше о том поручении, которое мы с вами на себя взяли, мистер Роксмит?

— Да, разумеется,— ответил секретарь.

— Я думаю,— пролепетала Белла,— что поручение дано нам обоим, иначе мы не были бы здесь оба?

— Думаю, что вы правы,— отвечал секретарь.

— Когда я сказала, что хочу поехать вместе с мистером и миссис Милви,— продолжала Белла,— миссис Боффин даже просила об этом, с тем, чтобы я составила мнение о Лиззи Хэксем. Оно не многого стоит, мистер Роксмит, и ценно в нем разве только одно: что это мнение женщины, но для вас это, может быть, лишний повод считать его ничего не стоящим.

— Мистер Боффин послал меня сюда с той же целью,— сказал секретарь.

Во время разговора они прошли до конца всю деревенскую улицу и вышли к реке, на лесистый берег.

— Вы хорошего мнения о ней, мистер Роксмит? — спросила Белла, сознавая, что она первая делает ему авансы.

— Я о ней очень высокого мнения.

— Я так рада это слышать! В ее красоте есть какое-то благородство, не правда ли?

— Да, она поразительно красива.

— В ней есть какой-то оттенок грусти, очень трогательный. По крайней мере я... я ведь не навязываю своего мнения, вы это знаете, мистер Роксмит, я только советуюсь с вами,— объяснила Белла с милой застенчивостью, словно оправдываясь.

— Я заметил в ней эту грусть. Надеюсь,— и тут секретарь понизил голос,— что это не следствие ложного обвинения, которое теперь снято.

Несколько шагов они сделали молча, потом Белла, взглянув раза два украдкой на секретаря, вдруг сказала:

— Ах, мистер Роксмит, не будьте со мной так суровы, не будьте так строги ко мне, будьте великодушны. Я хочу говорить с вами как равная с равным.

Секретарь вмиг просиял и ответил:

— Честное слово, я думал только о вас. Я заставлял себя быть сдержанным, боясь, как бы вас не обидела моя непринужденность. И все. Больше не буду.

— Благодарю вас, — сказала Белла, протягивая ему свою маленькую руку.— Простите меня.

— Нет! — с увлечением воскликнул секретарь.— Простите вы меня! — На глазах у Беллы стояли слезы, и блеск этих слез (хотя и отозвавшийся болью в его сердце) показался ему прекраснее всего на свете.

Они прошли еще немного дальше.

— Вы хотели говорить со мной,— сказал секретарь, совершенно освободившись от долго омрачавшей его тени,— о Лиззи Хэксем. И я тоже хотел говорить о ней, но не успел начать.

— Теперь, когда вы *можете* начать, сэр,— возразила Белла, словно подчеркивая это слово игрой ямочек на щеках,— что именно вы хотели сказать?

— Вы помните, конечно, что в своем коротеньком письме к миссис Боффин — коротком, но очень дельном,— она ставила условие, чтобы мы сохранили в строжайшей тайне ее фамилию и место жительства?

Белла кивнула.

— Я должен узнать, почему она назначила такое условие. Мистер Боффин поручил мне доискаться, в чем тут дело, да и мне самому очень хочется знать, не оставило ли то, уже снятое обвинение, какого-нибудь пятна на ее репутации. Я хочу сказать, не делает ли оно ее положение унизительным даже в ее собственных глазах.

— Да,— сказала Белла, задумчиво кивнув.— Я понимаю. Мне кажется, это будет и разумно и тактично.

— Вы, быть может, не заметили, мисс Уилфер, что она интересуется вами не меньше, чем вы ею. Как вас привлекает ее крас... ее внешность и манеры, так и ее привлекают ваши.

— Я этого *вовсе* не замечала,— возразила Белла, опять игрой ямочек на щеках подчеркивая это слово, будто курсивом,— мне казалось, что у нее...

Секретарь с улыбкой поднял руку, явно предупреждая готовые сорваться слова: «что у нее вкус гораздо лучше»,— и Белла вся вспыхнула, пойманная на этом невинном кокетстве.

— Так вот,— продолжал секретарь,— если вам перед отъездом удастся поговорить с ней наедине, то я думаю, между вами легко и естественно возникнет обоюдное доверие. Разумеется, вас никто не попросит употребить во

зло это доверие, и даже если б попросили, вы, конечно, этого не сделаете. Но если вы не откажетесь спросить ее только об одном — узнать, как она сама относится к этому обвинению,— вам это будет гораздо легче, чем мне и вообще кому бы то ни было. Мистер Боффин беспокоится на этот счет. И я тоже,— прибавил секретарь,— очень тревожусь, по особым причинам.

— Я очень рада быть хоть чем-нибудь полезной, мистер Роксмит,— отвечала Белла,— после той печальной картины я сильнее чувствую, что мое существование никому не приносит пользы.

— Не говорите так,— остановил ее секретарь.

— Но ведь я так думаю,— ответила Белла, поднимая брови.

— Ни один человек на свете не бесполезен, если он хоть кому-нибудь помогает жить,— возразил секретарь.

— Уверяю вас, мистер Роксмит, я никому не помогаю,— сказала Белла, чуть не плача.

— Даже вашему отцу?

— Милый папа, любящий, самоотверженный, всегда всем довольный! О да! Ему так кажется.

— Довольно уже и того, что ему так кажется,— сказал секретарь.— Простите, я вас перебил: мне неприятно, что вы себя недооцениваете.

«А когда-то вы недооценивали меня, сударь,— подумала Белла, надув губки,— и надеюсь, довольны тем, как вам за это досталось».

Об этом, однако, она ничего не сказала; она даже сказала нечто совершенно другое:

— Мистер Роксмит, мы с вами так давно не разговаривали откровенно, что мне трудно будет заговорить еще об одном... о мистере Боффине. Вы знаете, я очень ему благодарна, знаете, не правда ли? Вы знаете, что я чувствую к нему искреннее уважение и привязана к нему, люблю его за великодушие, ведь вы это знаете?

— Бесспорно. А кроме того, он очень любит ваше общество.

— Вот потому-то мне так трудно говорить о нем,— сказала Белла.— Но... хорошо ли он с вами обращается?

— Вы сами видите, как он со мной обращается,— отвечал секретарь смиренно, однако с достоинством.

— Да, и мне больно это видеть,— очень решительно сказала Белла.

Секретарь посмотрел на нее таким сияющим взглядом, что сколько бы раз он ни благодарил ее, этот взгляд все же сказал больше, чем сотня благодарностей.

— Мне больно это видеть,— повторила Белла,— и часто я от этого чувствую себя несчастной. Да, несчастной, потому что я никак не могу одобрить этого и участвовать в этом хотя бы косвенно. Да, несчастной, потому что я не могу, даже наедине с собой, согласиться с мыслью, что богатство портит мистера Боффина.

— Мисс Уилфер,— сказал секретарь, весь просияв,— если б вы знали, как меня радует, что *вас* не испортило богатство, вы поняли бы, что это меня вознаграждает за все обиды от кого бы то ни было.

— Не говорите обо мне,— сказала Белла, в нетерпении слегка хлопнув себя перчаткой.— Вы меня не знаете так...

— Как вы сами себя знаете? — договорил секретарь, видя, что она замолчала.— А разве вы себя знаете?

— Знаю, и довольно хорошо,— сказала Белла, с очаровательной готовностью выставить себя в черном свете,— и от более близкого знакомства с собой ничего не выиграю. Но вот мистер Боффин...

— Что мистер Боффин обращается со мной иначе, не так ко мне внимателен, как прежде, с этим нельзя не согласиться. Это настолько ясно, что и отрицать невозможно.

— А вы разве не согласны с этим, мистер Роксмит? — удивленно взглянув на него, спросила Белла.

— Я был бы рад не согласиться, будь это возможно, хотя бы ради себя самого.

— Правда,— ответила Белла,— для вас это, должно быть, очень мучительно и... обещайте мне, пожалуйста, что вы не обидитесь на мои слова, мистер Роксмит?

— Обещаю от всего сердца.

— ...И по временам мне кажется,— нерешительно прибавила Белла,— это должно вас как-то унижать в ваших собственных глазах, не правда ли?

Секретарь кивнул в знак согласия, хотя ни в чем другом это согласие не выразилось.

— Мисс Уилфер, у меня есть очень важные причины мириться с неудобствами моего положения в доме, где мы с вами живем. Поверьте, далеко не все они корыстного свойства, хотя по странному стечению жизненных обстоятельств я выбит из своей колеи. Если то, на что вы смотрите с таким сердечным участием, должно оскорбить мою гордость, то у меня есть и другие соображения, которых вы не знаете,— они-то и заставляют меня терпеть молча. Последние гораздо важнее первых.

— Мне кажется, я заметила, мистер Роксмит,— сказала Белла, глядя на секретаря с любопытством и словно не совсем его понимая,— что вы себя все время сдерживаете и стараетесь играть пассивную роль.

— Вы правы. Я сдерживаюсь и заставляю себя играть некую роль. Но я покоряюсь не потому, что слаб духом. У меня есть своя цель.

— И, надеюсь, хорошая,— сказала Белла.

— И, надеюсь, хорошая,— повторил он, пристально глядя на Беллу.

— Иногда мне казалось, сэр,— сказала Белла, отводя глаза в сторону,— что тут много значит ваше уважение к миссис Боффин.

— Вы опять-таки правы, это так и есть. Для нее я сделаю все на свете. Нет слов, чтобы выразить, как я уважаю эту добрую, самую добрую женщину.

— Вот и я тоже. Можно спросить у вас еще одно, мистер Роксмит?

— Все, что вам угодно.

— Вы, конечно, видите, как она страдает, когда становится заметно, что мистер Боффин очень изменился.

— Я это вижу каждый день, как видите и вы, и мне очень жаль, что я ее огорчаю.

— Вы ее огорчаете? — приподнимая брови, быстро повторила Белла.

— К несчастью, причина этих огорчений всегда я.

— Может быть, она и вам говорит, как нередко говорит мне, что вопреки всему мистер Боффин все-таки лучше всех на свете?

— Я часто слышу, как она говорит это вам, из прекрасного чувства верности и преданности ему,— ответил секретарь, все так же внимательно глядя на Беллу,— но не стану утверждать, чтобы она когда-нибудь говорила это мне.

Задумчивый и грустный взгляд Беллы встретился на мгновение с внимательным взглядом секретаря, а затем, несколько раз подряд кивнув своей хорошенькой головкой, как и подобало философу лучшей школы, с ямочками на щеках, рассуждающему о Жизни вообще, она подавила легкий вздох, словно не ожидая от жизни ничего хорошего, как раньше не ждала от себя.

Несмотря на все это, прогулка вышла очень приятная. Деревья уже облетели, кувшинки на реке давно отцвели, но на небе оставалась еще прекрасная лазурь, и ее отражала в себе вода, прохладный ветерок скользил над потоком, морща его легкой рябью. Кажется, из человеческих рук не выходило еще такого старого зеркала, которое не отразило бы ужасов и бедствий, если бы все образы, когда-то отражавшиеся в нем, вновь прошли чередой по его поверхности. Но если бы ясное и спокойное зеркало реки могло воспроизвести все, что происходило между ее мирными берегами, оно, казалось, отразило бы одно только безмятежное, цветущее, пасторальное.

Так они гуляли, разговаривая о только что засыпанной землей могиле, о Джонни и о многом другом. Так, на обратном пути, они встретили бойкую миссис Милви, которая бежала их разыскивать, с приятным сообщением, что за деревенских детей бояться нечего: в деревне есть христианская школа, где иудейское вмешательство не выразилось ни в чем худом, кроме разбивки сада. Так они вернулись в деревню в то самое время, когда Лиззи Хэксем возвращалась после работы с фабрики, и Белла оставила своих спутников, чтобы поговорить с ней у нее дома.

— Боюсь, моя комната покажется вам бедной,— сказала Лиззи, приветливо улыбаясь и усаживая гостью на почетное место у камина.

— Не такой уж бедной, милая Лиззи,— возразила Белла,— если б вы только знали.

И в самом деле, хотя в комнатку вела удивительно узкая винтовая лестница, как будто сооруженная в чистой

и белой печной трубе, и хотя потолок был очень низкий, а пол очень неровный, и хотя решетчатое окошечко было довольно-таки подслеповатое и маленькое — комнатка все же была гораздо уютнее, чем старая комната Беллы у них дома, которую она когда-то презирала и где она так плакалась на горькую необходимость пускать жильцов.

Уже смеркалось, когда обе девушки уселись перед камином и взглянули друг на друга. Полутемную комнату освещал огонь в камине. Вместо каминной решетки можно было вообразить себе старую жаровню, а раскаленный уголь заменял былую ямку среди жара.

— Для меня так ново — принимать у себя леди почти моих лет, и еще такую красавицу,— сказала Лиззи.— Мне так приятно смотреть на вас.

— Теперь я не знаю, с чего мне начать,— краснея, ответила Белла,— я ведь тоже хотела сказать, что мне приятно смотреть на вас, Лиззи. Но можно начать и не с начала, правда?

Лиззи пожала красивую руку, протянутую ей таким же красивым и искренним движением.

— Так вот, милая Лиззи,— сказала Белла, придвинув ближе свой стул и взяв Лиззи под руку, словно они собирались на прогулку,— мне поручено кое-что передать вам на словах, и я боюсь, что скажу не так, как надо, но я все-таки постараюсь. Речь идет о вашем письме к мистеру и миссис Боффин, и вот в чем дело... Погодите! Ах да! Дело вот в чем.

После такого вступления Белла заговорила о просьбе Лиззи сохранить ее тайну, очень мягко коснулась ложного обвинения и того, как оно было снято, а потом спросила, не имеет ли оно какого-нибудь отношения, близкого или самого отдаленного, к ее просьбе.

— Я чувствую, милая Лиззи,— сказала Белла, сама удивляясь своему умению подойти к делу,— что вам тяжело об этом говорить, но я тут замешана тоже: не знаю, известно ли вам, а может вы и сами догадались,— ведь я та самая девушка, которая по завещанию должна была выйти за этого несчастного человека, если б он нашел, что я его достойна. Меня втянули в это, не спросив моего согласия, и вас тоже втянули, не спросив вашего согласия, так что разница между нами очень невелика.

— Я не сомневалась, что вы и есть та самая мисс Уилфер, имя которой мне так часто приходилось слышать,— ответила Лиззи.— Не можете ли вы сказать мне, кто такой мой неизвестный друг?

— Неизвестный друг, милая? — переспросила Белла.

— Тот, который заставил снять обвинение с моего отца и после прислал мне писаную бумагу.

Белла о нем никогда не слыхала. Не имела даже понятия, кто он такой.

— Мне бы так хотелось поблагодарить его,— сказала Лиззи.— Он столько для меня сделал. Надо надеяться, когда-нибудь мне представится случай поблагодарить его. Вы спросили, не имеет ли это отношения...

— Это или само обвинение,— вставила Белла.

— Да. Он или что-нибудь другое заставляет меня жить вот так, скрываясь от всех, в уединении? Нет.

Отвечая, Лиззи Хэксем покачала головой, обратила взгляд на огонь, и при этом в ее скрещенных на груди руках выразилась спокойная решимость, что не укрылось от зорких глаз Беллы.

— Вы долго жили одна? — спросила Белла.

— Да, это для меня не ново. Я часто оставалась одна на долгие часы, и днем и ночью, еще когда был жив бедный отец.

— Мне говорили, у вас есть брат?

— У меня есть брат, но он со мной не ладит. Все же он хороший мальчик и сам выбился на дорогу. Я на него не жалуюсь.

Она говорила, глядя на пылающий огонь в камине, и по ее лицу скользнула тень скорби. Белла заметила это и дотронулась до ее руки.

— Лиззи, скажите мне, есть ли у вас подруга ваших лет?

— Я жила так одиноко, что у меня никогда не было подруги,— ответила Лиззи.

— И у меня тоже,— сказала Белла.— Не то чтоб я жила одиноко, мне даже хотелось подчас одиночества, лишь бы не видеть, как мама сидит в углу с лицом трагической музы, у которой болят зубы, а Лавви злится, хотя я, конечно, очень люблю их обеих. Мне бы хотелось, чтоб вы со мной подружились, Лиззи. Как вам ка-

жется, вы бы могли? Того, что называется характером, у меня не больше, чем у канарейки, но положиться на меня можно, это я знаю.

Своевольная, жизнерадостная, любящая по натуре, легкомысленная по неимению серьезной цели, капризная от привычки вечно порхать среди пустяков, она все-таки была неотразима. Лиззи она казалась такой необыкновенной, такой привлекательной, такой женственной и детски наивной, что сразу ее покорила. И когда Белла опять сказала:

— Как вам кажется, вы бы могли? — приподняв слегка брови, вопросительно склонив головку набок и затаив в груди некоторое сомнение на этот счет, Лиззи доказала ей, что может и что сомневаться в этом нечего.

— Скажите мне, душенька Лиззи, в чем все-таки дело, почему вы так живете?

Лиззи начала было, в виде прелюдии:

— У вас, наверно, много поклонников,— но Белла тут же прервала ее удивленным восклицанием:

— Что вы, милая, ни одного нет!

— Неужели ни одного?

— Ну, может, один и есть,— сказала Белла,— право, не знаю. У меня был один, но что он теперь обо мне думает, не могу сказать. Может, половинка и найдется (я, конечно, не считаю этого дурака Джорджа Самсона). Но что про меня говорить. Мне хочется послушать про вас.

— Есть один человек,— начала Лиззи,— человек сильных страстей и злого нрава, который говорит, что любит меня, и надо думать, говорит правду. Он дружит с моим братом. Он меня сразу оттолкнул чем-то, как только брат впервые привел его ко мне; но в последний раз, когда я его видела, он напугал меня так, что и сказать не могу.

И тут она умолкла.

— Вы для того и переехали сюда, чтобы скрыться от него, Лиззи?

— Я перебралась сюда сразу после того, как он встревожил меня.

— Вы и здесь его боитесь?

— Вообще я не трусиха, но его всегда боюсь. Я боюсь заглянуть в газету, боюсь слушать разговоры о том, что делается в Лондоне, боюсь, как бы он не натворил чего-нибудь.

— Так вы не за себя боитесь, милая Лиззи? — спросила Белла, подумав над ее словами.

— Я боялась бы и за себя, если б увидела его здесь. Я все смотрю, нет ли его где-нибудь, когда иду ночью с фабрики.

— Вы боитесь, что он в Лондоне сделает что-нибудь над собой?

— Нет. Он такой бешеный, что и над собой может что-нибудь сделать, но я думаю не об этом.

— Тогда можно сказать почти наверно, что есть и еще кто-то? — осторожно спросила Белла.

На минуту, прежде чем ответить, Лиззи закрыла лицо руками.

— Его слова всегда звучат у меня в ушах, и то, как он ударил рукой о каменную ограду, всегда стоит у меня перед глазами. Я старалась не придавать этому значения, забыть про это, но не могу забыть, не могу не думать. С его руки капала кровь, когда он сказал мне: «Дай бог, чтобы я не убил его!»

Вздрогнув, Белла обхватила обеими руками стан Лиззи, словно поясом, а потом спросила спокойно, тихим и мягким голосом, когда обе они глядели в огонь:

— Убить! Неужели он так ревнует?

— К одному джентльмену,—ответила Лиззи.— Не знаю даже, как вам сказать,— к джентльмену, чье положение в обществе гораздо выше моего; это от него я узнала о смерти отца, да и после того он принимал во мне участие.

— Он любит вас?

Лиззи покачала головой.

— Ухаживает за вами?

Лиззи перестала качать головой и прижала рукой обнимавший ее живой пояс.

— Это он настоял, чтобы вы сюда приехали?

— Ах нет! Ни за что на свете я бы не хотела, чтоб он узнал, что я здесь, или напал на мой след.

— Лиззи, милая! Но почему же? — спросила Белла, изумленная этой вспышкой. И живо прибавила, вглядев-

шись в лицо Лиззи: — Не надо. Не говорите почему. Вопрос был глупый. Я понимаю, понимаю.

Обе они замолчали. Лиззи, опустив голову, смотрела на горящие уголья, где когда-то ютились ее первые мечты и куда она с ранних лет уходила от той суровой жизни, от которой ей удалось спасти Чарли, зная наперед, какова будет награда.

— Теперь вы знаете все,— сказала она, поднимая глаза на Беллу.— Я ничего не утаила. Вот почему я живу здесь, скрываясь от всех, и в этом мне помог один добрый старик, он настоящий, верный друг мне. За то недолгое время, что я жила дома, с отцом, я узнала многое такое,— не спрашивайте, что именно, против чего я восстала и старалась это исправить. Не думаю, чтобы я тогда могла сделать больше, не потеряв влияния на отца,— но иногда все это тяготит меня. Если удастся загладить старое, то я надеюсь, что со временем у меня это пройдет.

— Пройдет и эта слабость к тому, кто не достоин вашего внимания, Лиззи,— сказала Белла ей в утешение.

— Нет, этого я не хочу,— отвечала она, вспыхнув,— не хочу верить, и просто не верю, что он не достоин внимания. Что я этим выиграю и сколько потеряю!

Выразительные тоненькие брови Беллы шевельнулись сначала, словно споря с огнем, потом она продолжала:

— Не думайте, что я настаиваю, Лиззи; но разве вы не выиграете этим спокойствия, надежды и даже свободы? Разве не лучше будет жить не прячась, не закрывая себе пути в будущее? Простите, что я спрашиваю, но разве это будет не лучше?

— Разве женское сердце с той слабостью, о которой вы говорили, ищет что-нибудь выиграть? — возразила Лиззи.

Ее вопрос до того расходился с теми взглядами Беллы на жизнь, которые Белла развивала своему отцу, что она невольно сказала про себя: «Вот тебе, корыстная маленькая дрянь! Слышишь? И тебе не стыдно?» — и разжала руки, обнимавшие стан Лиззи, специально для того, чтобы ущипнуть себя за бок.

— Но вы сказали, Лиззи, что вы еще что-то потеряете,— заметила Белла, наказав себя самое и возвращаясь к своей теме.— Вы не можете мне сказать, что именно вы потеряете?

— Я потеряю лучшие воспоминания, лучшие движения души и лучшие стремления, которые сейчас всегда со мной в моей будничной жизни. Я потеряю веру в то, что, если б он был мне ровня и любил меня, я бы приложила все силы, чтобы сделать его лучше и счастливей, так же как и он меня. Для меня потеряют цену те крупицы знаний, которыми я обязана ему и которые я осиливала с таким трудом, лишь бы он не подумал, что учить меня не стоит. Я потеряю память о нем, забуду его образ, забуду, какой он был или каким мог бы стать, если б я была ему ровня и он меня любил бы,— это образ всегда со мной, и я чувствую, что, пока он со мною, я никогда не сделаю ничего дурного. Я перестану дорожить воспоминанием о том, что он ничего мне не сделал кроме добра за все то время, что я его знала, что это он заставил меня перемениться, так же как... как вот эти руки — они были грубые, жесткие, потрескавшиеся, черные от загара в то время, когда я работала веслами на реке вместе с отцом, а теперь, на новой работе, стали гибкими и мягкими.

Эти руки дрожали, но не от слабости, когда она показала их Белле.

— Поймите меня, милая,— так продолжала она,— я даже никогда не мечтала, что в этой жизни он может быть для меня чем-нибудь, кроме такого образа, и я знаю, что не смогла бы вам дать никакого понятия, что это за образ, если б у вас самой не было в душе чего-нибудь подобного. Я даже не мечтала о том, что стану когда-нибудь его женой, как и он не думал об этом,— больше этого не скажешь словами. И все же я его люблю. Я люблю его так сильно, так глубоко, что, когда я думаю иной раз, какая мне выпала тяжелая доля, я все же горжусь ею и радуюсь ей. Я с гордостью и радостью перенесла бы даже муки ради него, хотя ему от этого мало проку и он никогда не узнает и не оценит этого.

Белла сидела словно завороженная глубокой, бескорыстной любовью этой девушки, своей ровесницы, так

смело и доверчиво открывавшей перед ней свои чувства. Но все же сама она до сих пор не испытала ничего подобного и даже не думала, что может быть такое чувство.

— Это было в ту страшную ночь,— сказала Лиззи,— когда он впервые увидел меня в моем старом доме у реки, совсем не таком, как этот. Может статься, он никогда больше меня не увидит. Лучше бы не видеть. Надеюсь, этого никогда больше не будет. Но чем бы ни одарила меня моя жизнь, я ни за что не соглашусь, чтобы свет этих глаз исчез из моей жизни. Теперь я все вам рассказала, душа моя. Если мне как-то немножко непривычно говорить об этом, я все же ничуть не жалею, что сказала. Еще за минуту до вашего прихода я никак не думала, что скажу кому-нибудь хоть слово; но вы вошли, и я на это решилась.

Белла поцеловала ее в щеку и тепло поблагодарила за доверие.

— Мне бы хотелось только, чтоб я его больше заслуживала,— сказала Белла.

— Больше заслуживали? — повторила Лиззи с недоверчивой улыбкой.

— Не то что я не оправдаю его,— сказала Белла,— пусть меня разорвут на куски, все равно ни слова не добьются, хотя в этом нет даже никакой заслуги, я от природы упряма как ослица. Я хочу сказать, Лиззи, что я просто самонадеянная и дерзкая девчонка, что вы меня пристыдили.

Лиззи поправила красивые каштановые волосы Беллы, рассыпавшиеся по плечам, когда та энергично тряхнула головкой, и, подбирая ее локоны, сказала с укоризной:

— Милая моя!

— Хорошо вам называть меня «милая»,— сказала Белла капризным, плачущим голосом,— я даже рада, что меня так называют, хотя у меня нет на это почти никакого права. Но все же я дрянная девчонка!

— Милая моя! — снова остановила ее Лиззи.

— Такая пустая, холодная, суетная и глупенькая тварь, —сказала Белла, произнося последнее слово с особенной силой.

— Неужели вы думаете, что я вас так плохо знаю? —

спросила Лиззи с тихой улыбкой, когда волосы были прибраны.

— А хорошо ли вы меня знаете? — сказала Белла.— Вы в самом деле думаете, что знаете меня? Ах, я была бы так рада, если б вы знали меня лучше, чем я сама, но я очень боюсь, что я все-таки лучше себя знаю!

Смеясь от всей души, Лиззи спросила ее, видела ли она свое лицо и слышала ли свой голос?

— Ну еще бы,— возразила Белла,— я довольно часто смотрюсь в зеркало и болтаю как сорока.

— Я, во всяком случае, видела ваше лицо и слышала ваш голос,— сказала Лиззи,— они-то и заставили меня сказать вам — не рискуя ошибиться — то, что я никому другому не сказала бы. Разве это так плохо?

— Нет, надеюсь, что нет,— и Белла надула губки, не то плача, не то смеясь.

— Когда-то я умела видеть в огне целые картины,— весело продолжала Лиззи,— и рассказывала о них брату. Хотите, расскажу вам, что я вижу вон там, где огонь горит всего ярче?

Они встали — подошло уже время расставаться,— и обе стояли перед камином, обнявшись на прощанье.

— Сказать вам, что я там вижу? — спросила Лиззи.

— Глупенькую маленькую тварь? — предположила Белла, подняв брови.

— Сердце, достойное любви и полюбившее навсегда. Сердце, которое пойдет в огонь и воду ради того, кому оно отдано, и никогда не изменит, никогда ни перед чем не дрогнет.

— Сердце девушки? — спросила Белла, сопровождая вопрос движением бровей.

Лиззи кивнула.

— И та, кому оно принадлежит...

— Это вы,— предположила Белла.

— Нет. Я очень ясно вижу, что это вы.

Так свидание окончилось обоюдными комплиментами и неоднократными напоминаниями Беллы о том, что они с Лиззи — друзья, а также обещаниями, что она скоро опять приедет в эти места. После чего Лиззи вернулась на фабрику, а Белла побежала в маленькую деревенскую гостиницу, к своим спутникам.

— Вид у вас довольно серьезный, мисс Уилфер,— с первых же слов заметил ей секретарь.

— Я и настроена серьезно,— ответила мисс Уилфер.

Она могла сказать ему только то, что тайна Лиззи Хэксем не имеет никакой связи с тем страшным обвинением или же с его снятием. Ах, вот что еще! — сказала Белла. Она может сказать и еще об одном: Лиззи очень хочется поблагодарить неизвестного друга, приславшего ей бумагу о том, что обвинение снято. Ей действительно этого хочется? спросил секретарь. Ах так, может быть, он имеет понятие, кто такой этот неизвестный друг? Он не имеет ни малейшего представления.

Они были на границе Оксфордшира — вот как далеко забрела бедная Бетти Хигден. Они должны были вернуться поездом, и так как станция была совсем рядом, его преподобие Фрэнк со своей супругой, Хлюп, Белла Уилфер и секретарь отправились туда пешком. Сельские тропинки в большинстве своем слишком узки для пятерых, и Белла с секретарем немножко отстали.

— Поверите ли, мистер Роксмит,— сказала Белла,— мне кажется, будто годы прошли с тех пор, как я вошла в комнатку Лиззи Хэксем.

— У нас был очень трудный день,— отвечал он,— и вы были сильно взволнованы на кладбище. Вы переутомились.

— Нет, я нисколько не устала. Я не сумела выразить то, что хочу сказать. Не то чтобы прошло очень много времени, я другое хотела сказать, но я чувствую, что за это время произошло очень многое — со мной, вы понимаете?

— И это к лучшему, я надеюсь?

— Надеюсь, что да,— ответила Белла.

— Вы озябли, я чувствую, что вы дрожите. Позвольте мне закутать вас этим пледом. Можно, я положу его вам на плечо, так, чтобы не измять вашего платья? Нет, так он слишком тяжел и слишком длинен. Позвольте, я переброшу другой конец через руку и понесу его, потому что вам уже нельзя будет взять меня под руку.

Оказалось, что все-таки можно. Как она ухитрилась сделать это, будучи так закутана,— господь ее знает, но она освободила руку — вот так — и просунула ее под локоть секретаря.

— У меня был долгий и интересный разговор с Лиззи, мистер Роксмит, и она от меня ничего не скрыла.

— Скрыть что-либо от вас было бы невозможно,— сказал секретарь.

— Удивительно, как это вышло,— сказала Белла, останавливаясь на месте и глядя на него,— вы мне говорите совершенно то же, что сказала она.

— Должно быть, потому, что я чувствую совершенно то же, что и она.

— То есть как, что вы этим хотите сказать, сэр? — спросила Белла, снова пускаясь в путь.

— Что если уж вы захотели войти к ней в доверие, да и к кому угодно, то вы этого непременно добьетесь.

Тут железная дорога хитро подмигнула зеленым глазом и широко открыла красный, и им пришлось пуститься бегом. Закутанной Белле было трудно бежать, и секретарю пришлось помогать ей. Когда она уселась напротив него в угол вагона, ее лицо разгорелось таким прелестным румянцем, что невозможно было оторвать от нее глаз, и хотя на восклицание Беллы: «Какие звезды, какая чудесная ночь!» — секретарь ответил: «Да!» — он, видимо, предпочитал созерцать звезды и ночь, глядя не в окно, а на ее милое оживленное личико.

О красивая леди, прелестная маленькая леди! Если б я был законным душеприказчиком Джонни, исполнителем его воли! Если б я имел право передать вам завещанное и взять с вас расписку! Нечто в этом роде, несомненно, примешивалось к реву паровоза, когда поезд трогался со станции и семафоры со всезнающим видом прищуривали зеленый глаз и открывали красный, готовясь пропустить вперед красивую леди.

ГЛАВА X

На разведке

— Значит, мисс Рен,— сказал Юджин Рэйберн,— я никак не уговорю вас одеть для меня куклу?

— Нет,— сердито ответила мисс Рен,— если вам нужна кукла, пойдите в лавку и купите себе.

— А моя очаровательная крестница,— жалобно произнес Рэйберн,— там, в Хартфордшире...

(«...Вральфордшире, хотели вы сказать»,— мысленно перебила его мисс Рен.)

...будет поставлена на одну доску со всей остальной публикой и не извлечет никакой пользы из моего личного знакомства с Придворной швеей?

— Если вашей крестнице будет полезно узнать,— и хорош же у нее крестный папенька, нечего сказать! — отвечала мисс Рен, тыча в воздух иголкой по направлению к Рэйберну,— что Придворной швее известны все ваши повадки и все ваши фокусы, можете сообщить ей об этом по почте, с поклоном от меня.

Мисс Рен работала при свечке, а мистер Рэйберн, которому было и смешно и досадно, стоял рядом с ее скамеечкой, ровно ничего не делая, и смотрел, как она шьет. Непослушный ребенок мисс Рен забился в уголок, опасаясь пущей немилости, и являл самый жалкий вид, весь дрожа с перепоя.

— Ах ты гадкий мальчишка! — воскликнула мисс Рен, услышав, как он стучит зубами.— Хоть бы все они провалились тебе в глотку и стучали у тебя в желудке, будто играя в кости! Тьфу, дрянной мальчишка! Бэ-э, бэ-э, паршивая овца!

При каждом из этих упреков она гневно топала ногой, на что несчастный пьяница отвечал жалобным хныканьем.

— Действительно, плати за тебя пять шиллингов! — продолжала мисс Рен.— Как ты думаешь, сколько мне нужно работать, чтобы заработать пять шиллингов, бессовестный мальчишка? Не хнычь так, а то я запущу в тебя куклой! Платить за тебя пять шиллингов! Штраф — нечего сказать, хорошенькое дело! Да я бы лучше мусорщику дала пять шиллингов, чтобы вывез тебя на тележке для мусора!

— Нет, нет, не надо! — протестовало убогое создание.

— Он того и гляди разобьет сердце своей матери, этот мальчишка,— сказала мисс Рен, обращаясь к Юджину.— Уж лучше бы я его не растила. Ведь хитер как черт, а глуп как не знаю что. Поглядите-ка на него! Нечего сказать, приятное зрелище для родительских глаз!

И в самом деле, в своем хуже чем свинском виде (ибо свиньи, объедаясь и опиваясь, хоть жиреют от этого и делаются вкусней) он являл собой приятное зрелище для чьих угодно глаз.

— Пьянчуга, надоедливый мальчишка,— со всей строгостью отчитывала его мисс Рен,— никуда не годен, разве только на то, чтобы заспиртовать его и посадить в большую бутылку как пример для других таких же пьянчужек,— если он не считается со своей печенью, неужто он и с родной матерью считаться не будет?

— Да! Читаться, ох, не надо, не надо! — воскликнул предмет этих гневных увещаний.

— Все «не надо» да «не надо»,— продолжала мисс Рен.— А на деле все надо и надо. Зачем ты пьешь?

— Я больше не буду. Право, не буду. Пожалуйста, не надо!

— Ну вот! — сказала мисс Рен, прикрыв глаза рукой.— Видеть тебя не могу. Ступай наверх, принеси мне мою шляпку и шаль. Будь хоть на что-нибудь годен, дрянной мальчишка, и уйди хоть на полминуты из комнаты, с глаз долой.

Повинуясь ей, старик зашлепал наверх, а Юджин увидел, что из-под пальцев маленькой швеи, прикрывавших ее глаза, проступили слезы. Ему стало жаль ее, но сочувствие было в нем все же не настолько сильно, чтобы он изменил своему обычному легкомыслию.

— Я иду в Итальянскую оперу, на примерку,— сказала мисс Рен, отнимая руку от глаз и язвительно усмехаясь, чтобы скрыть, что она плакала,— и прежде чем я уйду, хотела бы выпроводить вас, мистер Рэйберн. Во-первых, позвольте вам сказать раз навсегда, что ваши визиты ко мне совершенно бесполезны. От меня вы не получите того, что вам нужно, даже если принесете с собой щипцы и попробуете это вырвать силой.

— Вы так упрямитесь из-за кукольного платья для моей крестницы?

— Да! Такая уж я упрямая,— отвечала мисс Рен, вздернув подбородок.— И, разумеется, все это из-за платья, не стану врать я, а там как вам будет угодно. Убирайтесь-ка отсюда да выбросьте это из головы!

Ее убогий воспитанник уже вернулся и стоял за ее спиной, со шляпой и шалью.

— Давай шляпу мне, а сам ступай в угол, гадкий старикашка! — сказала мисс Рен, обернувшись и увидев его.— Нет, нет, не желаю я твоей помощи. Ступай сию минуту в угол!

Несчастный, слабым движением потирая трясущиеся руки, зашаркал на свой опальный пост, бросив, однако, по дороге любопытный взгляд на Юджина и толкнув его локтем, как могло бы показаться, если бы движения старика можно было считать произвольными. Инстинктивно отодвинувшись, чтобы избежать малоприятного соприкосновения с ним, Юджин больше не обращал на него внимания; лениво извинившись перед мисс Рен, он попросил разрешения закурить сигару и удалился.

— Ну, ты, дряхлый блудный сын,— сказала Дженни, выразительно качая головой и грозя пальчиком своей обузе,— сиди тут, пока я не вернусь. Посмей только без меня двинуться из угла хоть на минуту, я тебе задам!

С этим увещанием она задула свечу, оставив старику только огонь на очаге, положила тяжелый дверной ключ в карман, взяла костыль в руку и вышла из дому.

Юджин, куря сигару, не спеша направился к Тэмплу, но кукольной швеи он так и не увидел, потому что они пошли по разным сторонам улицы. Он шел задумавшись и остановился у Чаринг-Кросса, чтобы оглядеться, так же мало интересуясь толпой, как любой прохожий, и уже собирался снова двинуться вперед, как вдруг его взгляд заметил нечто совершенно неожиданное. Этим неожиданным оказался не кто иной, как гадкий сынишка Дженни Рен, пытавшийся перейти дорогу.

Нельзя было встретить на улице более смешного и жалкого зрелища, чем этот несчастный; весь дрожа, он то делал шаг вперед, то отступал обратно, напуганный стуком экипажей, которые были еще очень далеко или сворачивали совсем в другую сторону. Путь был совершенно свободен, когда старик сходил с тротуара, но на полдороге он останавливался, описывал полукруг, поворачивал обратно и опять возвращался на тротуар, хотя за это время можно было десять раз перейти улицу. После этого он стоял, весь дрожа, на краю тротуара, поглядывая то в ту, то в другую

сторону, а прохожие то и дело толкали его, переходили улицу и шли своей дорогой. Поощренный чужими успехами, он делал новую попытку, снова описывал полукруг и уже собирался поставить ногу на противоположный тротуар, как вдруг отскакивал обратно, вообразив, что на него могут наехать. И опять стоял, как бы готовясь к новому скачку, наконец, решался сойти в самый неподходящий момент, повинуясь окрикам кучеров, опять отступал обратно и, весь дрожа, стоял на старом месте, готовясь повторить снова все свои манипуляции.

— Мне сдается,— хладнокровно заметил Юджин, понаблюдав за ним несколько минут,— что мой друг, вероятно, уже опаздывает, если ему назначено свидание.

С этими словами он двинулся дальше и больше уже не думал о старике.

Лайтвуда он застал дома — тот уже отобедал в одиночестве. Юджин пододвинул кресло к огню, перед которым Лайтвуд попивал вино, читая вечернюю газету, принес стакан и налил себе, чтобы выпить с ним по-приятельски.

— Милый Мортимер, ты являешь собой точный портрет довольного трудолюбца, отдыхающего (в кредит) после добродетельных дневных трудов.

— Милый Юджин, ты являешь собой портрет недовольного лентяя, который никогда не отдыхает. Где ты был?

— Я был в городе,— ответил Юджин.— И возник перед тобой сейчас, намереваясь посоветоваться с моим высокопросвещенным и глубокоуважаемым юристом насчет состояния моих дел.

— Твой высокопросвещенный и глубокоуважаемый юрист, Юджин, такого мнения, что дела твои очень плохи.

— Хотя это еще вопрос,— глубокомысленно возразил Юджин,— разумно ли говорить так о делах клиента, которому нечего терять и которого никак не заставишь платить долги.

— Юджин, ты попал в лапы к евреям.

— Милый мой мальчик,— отвечал должник, спокойно поднося к губам стакан,— так как я уже побывал в лапах у христиан, то могу отнестись к этому философски.

— У меня сегодня было свидание с одним евреем, который не намерен нас щадить. Настоящий Шейлок * и на-

стоящий патриарх. Живописный старый еврей, седовласый и седобородый, в высокой шляпе и лапсердаке.

— А это не мой достойный друг, мистер Аарон? — спросил Юджин, забывая поставить стакан на место.

— Он зовет себя мистером Райей.

— Кстати говоря, мне сейчас вспомнилось, что это я окрестил его Аароном, без сомнения, инстинктивно стремясь принять его в лоно нашей Церкви,— сказал Юджин.

— Ах, Юджин, Юджин,— возразил Лайтвуд,— ты что-то остришь больше обычного. Что ты этим хочешь сказать?

— Только то, мой милый, что я имею честь и удовольствие быть знакомым с этим патриархом, которого ты описываешь, и зову его Аароном, потому что это мне кажется более библейским, более выразительным, более уместным и более лестным. Тем не менее его зовут иначе, хотя у него столько основательных причин называться Аароном.

— Я думаю, ты самый нелепый человек на свете,— сказал Лайтвуд, смеясь.

— Ничуть, уверяю тебя. Он говорил, что знаком со мной?

— Нет, не говорил. Он только сказал, что ожидает от тебя уплаты долга.

— Откуда видно, что он меня не знает,— очень серьезно заметил Юджин.— Надеюсь, что это не мой достойный друг мистер Аарон, ибо, сказать тебе по правде, Мортимер, мне кажется, он имеет предубеждение против меня. Я сильно подозреваю, что он приложил руку к исчезновению Лиззи.

— Кажется, все решительно каким-то роковым образом приводит нас к Лиззи,— сердито ответил Лайтвуд.— Вот и сейчас, Юджин, «в городе» значило «у Лиззи».

— А знаете ли, мой юрист человек необыкновенно проницательный,— заметил Юджин, обращаясь к мебели.

— Разве не верно?

— Да, верно, Мортимер.

— И все-таки, Юджин, ты ее по-настоящему не любишь, и тебе это известно.

Юджин Рэйберн встал, засунул руки в карманы и поставил ногу на каминную решетку, лениво покачиваясь и глядя в огонь. После долгой паузы он ответил:

— Этого я не знаю. И тебя прошу не говорить так, как будто оно само собой разумеется.

— Но если ты ее любишь, тем более ты должен оставить ее в покое.

Опять помолчав, Юджин ответил:

— Я и этого не знаю. Но скажи мне, видел ли ты, чтобы я так беспокоился из-за чего бы то ни было, как из-за ее исчезновения? Я спрашиваю просто так, из любознательности.

— Милый Юджин, хотел бы я это видеть!

— Так, значит, не видел? Совершенно верно. Ты подтверждаешь и мое впечатление. Похоже на то, что я ее люблю? Спрашиваю просто так, из любознательности.

— Это я тебя спрашивал, Юджин,— с укором сказал Мортимер.

— Знаю, милый мой, но ответить не могу. Я сам жажду ответа. Что я хочу сказать? Если мои старания отыскать ее не значат, что я ее люблю, тогда что же они значат? «Если Питер Пайпер подобрал пинту перца *, где же эта пинта?» — и т. д.

Хотя он говорил это веселым тоном, лицо у него было встревоженное и смущенное, как будто он и впрямь не понимал самого себя.

— Смотри, к чему это может привести,— начал было Лайтвуд, но Юджин перебил его:

— Ага! Видишь! Именно это я и не способен предусмотреть. Какой у тебя острый ум, Мортимер, ты нашел мое уязвимое место! Когда мы с тобой вместе учились, я брался за уроки в последнюю минуту, и так день за днем и строка за строкой; теперь мы и в жизни с тобой вместе, и я все так же берусь за урок в последнюю минуту. В этом деле я не пошел дальше вот чего: я хочу найти Лиззи, и намерен ее найти, и пущу для этого в ход все средства, какие подвернутся под руку. Честные и нечестные — для меня это все равно. Спрашиваю тебя — из любознательности,— что это может значить? Если я ее найду, то спрошу тебя — тоже из любознательности,— что это значит? Но на данной стадии это было бы преждевременно, а предупреждать события — не в моем характере.

Лайтвуд покачал головой — его друг высказывал все это с видом до того откровенным и рассудительным, что об

уклончивости не могло быть и речи, как вдруг за дверью послышалось шарканье и нерешительный стук — словно кто-то ухватился за дверной молоток нетвердой рукой.

— Шалуны-мальчишки из соседнего дома,— сказал Юджин,— которых я с удовольствием и без всяких церемоний спихнул бы с этой высоты во двор, должно быть, загасили фонарь. Я нынче дежурный, пойду отворю дверь.

Его друг едва успел опомниться от небывалой решительности, с какой Юджин говорил о поисках девушки и которая угасла с последними его словами, как тот уже вернулся, ведя за собой весьма непрезентабельную тень человека, дрожащую с головы до пят, в сплошь засаленных и замазанных лохмотьях.

— Этот интересный субъект,— сказал Юджин,— приходится сыном — и довольно трудным сыном, ибо у него имеются свои недостатки,— одной моей знакомой. Милый Мортимер — мистер Швей.

Юджин не имел понятия, как зовут старика по-настоящему; он знал, что имя маленькой швеи — вымышленное, однако представил старика без малейшей запинки, воспользовавшись первым именем, какое пришло на ум.

— По всем повадкам мистера Швея, обыкновенно довольно сложным, я вижу, дорогой Мортимер,— продолжал Юджин,— что он желает нечто сообщить мне. Я уже говорил мистеру Швею, что у меня нет секретов от тебя, и просил его изложить здесь свои соображения.

Несчастного, по-видимому, очень стесняла его рваная шляпа; Юджин швырнул ее по направлению к двери и усадил старика на стул.

— Я думаю, надо завести мистера Швея, чтобы добиться от него хоть какого-нибудь толку. Коньяку, мистер Швей, или же?..

— На три пенса рому,— сказал мистер Швей.

Микроскопическое количество спиртного было подано ему в винной рюмке, и он начал подносить рюмку ко рту, расплескивая вино по дороге.

— Нервы мистера Швея сильно расстроены,— заметил Юджин Лайтвуду.— И вообще я считаю необходимым окурить мистера Швея.

Он взял совок, поддел на него кучку горячих угольев, достал из коробки несколько ароматических лепешечек и положил их на уголья; затем, с величайшим спокойствием начал размахивать совком перед мистером Швеем, как бы отделяя его от остального общества.

— Господи помилуй! Юджин! — воскликнул Мортимер, опять рассмеявшись.— С ума ты сошел, что ли! Зачем он к тебе притащился?

— Сейчас услышим,— сказал Юджин, не переставая зорко наблюдать за лицом старика.— Ну, говорите же! Не бойтесь. Изложите ваше дело.

— Мист Рейберн! — начал гость хрипло и невнятно.— Это ведь мист Рэйберн?

И он тупо уставился в пространство.

— Разумеется. Смотрите на меня! Что вам нужно?

Мистер Швей словно осел на своем стуле и едва слышно произнес:

— На три пенса рому.

— Не будешь ли ты любезен, дорогой Мортимер, еще раз завести мистера Швея? — сказал Юджин.— Я занят окуриванием.

Точно такое же количество рома было снова налито в рюмку, и мистер Швей поднес ее ко рту тем же кружным путем. Выпив рому, он приступил к делу, очевидно опасаясь, что завод скоро кончится.

— Мист Рэйберн. Толкнул было вас, да вы не пожелали. Вам нужен тот адрес? Хотите знать, где она живет? Хотите ведь, мист Рэйберн?

Взглянув на своего друга, Юджин сурово ответил:

— Хочу.

— Я тот человек,— сказал мистер Швей, пытаясь ударить себя в грудь кулаком, но попадая куда-то по соседству с глазом,— который достанет. Тот, который достанет.

— Что вы достанете? — все так же сурово спросил Юджин.

— Тот адрес.

— У вас он есть?

Пытаясь изобразить гордость и достоинство, мистер Швей покачал головой, пробудив в слушателях живейшую надежду, потом ответил, словно это было самое лучшее, чего от него ждали:

— Нет.

— Тогда чего же вы хотите?

Мистер Швей после своей интеллектуальной победы опять осел и словно задремал на стуле, но все же ответил:

— На три пенса рому.

— Заведи его опять, Мортимер,— сказал Рэйберн,— заведи его опять.

— Юджин, Юджин,— тихо упрекнул его Лайтвуд, наливая ром,— как можешь ты унижаться, пользуясь таким орудием?

— Я же сказал, что отыщу ее любыми средствами, честными и нечестными,— ответил Юджин с тем же выражением решимости.— Это нечестное средство, и я воспользуюсь им — если раньше не поддамся искушению и не хвачу мистера Швея совком по голове. Вы можете достать адрес? Намерены это сделать? Говорите же! Если вы за этим пришли, скажите, сколько вам заплатить.

— Десять шиллингов — на три пенса рому,— сказал мистер Швей.

— Вы их получите.

— Пятнадцать шиллингов — на три пенса рому,— сказал мистер Швей, делая попытку выпрямиться.

— Вы их получите. И остановитесь на этом. Как вы достанете адрес, о котором говорите?

— Я тот человек, который достанет, сэр,— величественно произнес мистер Швей.

— Как вы его достанете, я спрашиваю?

— Со мной плохо обращаются,— захныкал мистер Швей.— Колотят с утра до вечера. Ругают. Она купается в золоте, сэр, а хоть бы когда поставила на три пенса рому.

— Дальше,— отвечал Юджин, постукивая по трясущейся голове совком.— Что же дальше?

Сделав попытку держаться с достоинством, собравшись с силами, и если можно так выразиться, роняя десять кусков самого себя, а подбирая один, мистер Швей, покачивая головой из стороны в сторону, посмотрел на своего допросчика, как ему казалось, презрительно и с высокомерной улыбкой.

— Она смотрит на меня как на мальчишку, сэр. А я не мальчишка, сэр. Человек. И с дарованием. Они друг



другу письма пишут. По почте. Человеку с дарованием легко достать другой адрес, раз у него есть свой адрес.

— Ну, так достаньте его! — сказал Юджин и, понизив голос, прибавил с сердцем: — Ах ты скотина! Достань адрес, принеси мне сюда и получишь на шестьдесят трехпенсовых порций рома. Выпей их сразу одну за другой, авось поскорее допьешься до смерти!

Последние слова этой специальной инструкции он произнес, поворотившись к огню, и высыпал угли в камин, после чего поставил совок на место.

Тут мистер Швей неожиданно обнаружил, что Лайтвуд нанес ему оскорбление, и пожелал немедленно объясниться с ним начистоту, вызывая его на бой и предлагая самые выгодные условия: поставить соверен против его полупенса. Затем мистер Швей расплакался, затем выказал наклонность вздремнуть. Это последнее явление потребовало самых крайних мер, поскольку угрожало затянуть визит на неопределенное время. Юджин, подхватив каминными щипцами изношенную шляпу гостя, нахлобучил ее ему на голову и, взяв его за ворот — все это он проделал, держась от него на длину вытянутой руки,— проводил его вниз по лестнице и вывел за ворота на Флит-стрит. Там Юджин повернул его лицом к западу и оставил одного.

Когда он вернулся, Лайтвуд стоял у камина, углубленный в невеселые, по-видимому, размышления.

— Я умою руки после мистера Швея — физически — и сейчас же вернусь к тебе, Мортимер.

— Я предпочел бы, чтобы ты умыл руки после мистера Швея — морально,— возразил Мортимер.

— Я тоже,— сказал Юджин,— но понимаешь ли, милый мой мальчик, мне без него никак не обойтись.

Через минуту-другую он снова уселся в кресло, невозмутимый как всегда, и принялся подшучивать над своим другом, удачно избежавшим столкновения с таким силачом и забиякой, как их гость.

— Это меня развеселить не может,— уныло сказал Мортимер.— Ты можешь развеселить меня шутками на любую тему, Юджин, но только не на эту.

— Что ж! — воскликнул Юджин.— Мне и самому немножко стыдно, так что давай переменим тему.

— Это так унизительно,— продолжал Мортимер,— так недостойно тебя — пускаться в эту позорную разведку.

— Вот мы и переменили тему! — беззаботно воскликнул Юджин.— Мы нашли новую в слове «разведка». Не будь похож на фигуру Терпения с каминной доски, неодобрительно взирающую на мистера Швея; сядь, и я расскажу тебе кое-что в самом деле забавное. Возьми сигару. Посмотри на мою. Я закуриваю — втягиваю дым — выпускаю кольцо,— вот оно,— это мистер Швей — оно исчезло, а раз оно исчезло, ты снова становишься человеком.

— Ты хотел поговорить о разведке,— заметил Мортимер, закурив сигару и с удовольствием затянувшись раза два.

— Совершенно верно. Разве не смешно, что каждый раз, когда я выхожу вечером из дому, меня непременно сопровождает один шпион, а нередко и двое?

Лайтвуд в изумлении перестал курить сигару и взглянул на своего друга, словно подозревая, что в его словах таится либо шутка, либо иное, скрытое значение.

— Честное слово, я не шучу,— сказал Рэйберн, отвечая на его взгляд беззаботной улыбкой,— я не удивляюсь твоим предположениям, но нет же, честное слово, нет. Я говорю именно то, что хочу сказать. Всякий раз, как я выхожу, после того как стемнеет, я оказываюсь в смешном положении человека, которого выслеживают издали два шпиона, но чаще — один.

— Ты не ошибаешься, Юджин?

— Ошибаюсь? Милый мой, это всегда одни и те же люди.

— Но на тебя еще никто не подал в суд. Евреи только грозятся. Они пока что ровно ничего не сделали. Кроме того, они знают, где тебя искать, и я твой представитель. Зачем же им трудиться?

— Вижу, ты рассуждаешь как юрист,— заметил Юджин.— Рука красильщика приобретает цвет той краски, в которую он красит или красил бы, если б ему дали заказ. Уважаемый адвокат,— не в том дело. Учитель вышел на улицу.

— Учитель?

— Да! Иногда учитель выходит вместе с учеником. Ну, без меня ты совсем заржавел! Все-таки не понимаешь? Те

самые, что заходили сюда как-то вечером. Они и есть те шпионы, которые оказывают мне честь, сопровождая меня под покровом ночи.

— И давно это началось? — спросил Лайтвуд, с нахмуренным лицом встречая улыбку друга.

— Полагаю, что с тех пор, как уехала известная особа. Возможно, что оно началось несколько раньше, чем я это заметил: в общем, все-таки получается, что в то самое время.

— Как по-твоему, они, может быть, воображают, что это ты ее похитил?

— Милый Мортимер, ты же знаешь, что профессиональные занятия поглощают все мое внимание: мне, право, некогда было даже подумать об этом.

— А ты не спрашивал, что им надо? Не протестовал?

— Зачем же я буду спрашивать, чего им надо, если мне это совершенно не интересно? И зачем мне выражать протест, если я ничего не имею против?

— Ты в самом бесшабашном настроении. Но ты же сам назвал положение смехотворным, а люди в большинстве случаев протестуют против этого, даже если совершенно равнодушны ко всему остальному.

— Ты просто очарователен, Мортимер, со своей трактовкой моих слабостей. (Кстати, самое слово «трактовка» всегда пленяло меня. Трактовка роли горничной такой-то актрисой, трактовка джиги танцовщиком, трактовка романса певцом, трактовка моря художником-маринистом, трактовка музыкальной фразы барабанщиком — все это звучит неувядаемо и прелестно.) Я говорил о том, как ты понимаешь мои слабости. Сознаюсь, мне неприятно попадать в смешное положение, и потому я предоставляю это шпионам.

— Мне бы хотелось, Юджин, чтоб ты говорил более трезво и понятно, хотя бы из уважения к тому, что я встревожен гораздо больше твоего.

— Скажу тебе трезво и понятно, Мортимер,— я хочу раздразнить учителя до бешенства. Я ставлю учителя в такое смешное положение, давая ему понять, насколько он смешон, что, когда мы встречаемся, видно, как он весь кипит и выходит из себя. Это приятное занятие стало утешением моей жизни, с тех пор как меня обманули извест-

ным тебе образом, о чем нет надобности вспоминать. Мне это доставляет невыразимую радость. Я делаю так: выхожу, после того как стемнеет, прогуливаюсь не спеша, разглядываю витрины и смотрю, нет ли где учителя. Рано или поздно, я замечаю учителя на посту; иногда в сопровождении подающего надежды ученика, чаще без него. Уверившись в том, что он на страже и шпионит за мной, я его вожу по всему Лондону. Один вечер я иду на восток, другой — на север; в несколько вечеров я обхожу все румбы компаса. Иногда я иду пешком, иной раз еду в кэбе, опустошая карманы учителя, которому тоже приходится ехать за мной в кэбе. В течение дня я изучаю и обхожу самые заброшенные тупики. По вечерам, облеченный в тайну на манер венецианской маски, я отыскиваю эти тупики, проскальзываю в них темными дворами, соблазняя учителя следовать за мной, потом внезапно поворачиваю и ловлю его на месте, прежде чем он успеет отступить. Мы сталкиваемся лицом к лицу, я прохожу мимо, будто бы не подозревая о его существовании, а он терпит адские муки. Точно таким же образом я прохожу быстрым шагом по короткой улице, быстро сворачиваю за угол и, скрывшись из виду, так же быстро поворачиваю обратно. Я ловлю его на посту, опять-таки прохожу мимо, якобы не подозревая о его существовании, и снова он терпит адские муки. Вечер за вечером его разочарование становится все острей, однако надежда снова оживает в учительской груди, и назавтра он снова следит за мной. Вот так-то я наслаждаюсь всеми удовольствиями охоты, извлекая большую пользу из здорового моциона. А когда я не наслаждаюсь охотой, то, насколько мне известно, он сторожит ворота Тэмпла всю ночь напролет.

— Очень странная история,— заметил Лайтвуд, выслушав ее серьезно и внимательно.— Мне она не нравится.

— Ты не в духе, мой милый,— возразил Юджин,— слишком уж ты засиделся. Пойдем насладимся всеми удовольствиями охоты.

— Ты хочешь сказать, что он и сейчас на страже?

— Нимало в этом не сомневаюсь.

— Ты видел его сегодня вечером?

— Я забыл взглянуть на него, когда в последний раз выходил из дому,— отвечал Юджин с невозмутимым спо-

койствием,— но полагаю, что он был на месте. Идем! Будь же британским спортсменом, насладись удовольствием охоты. Тебе это будет полезно.

Лайтвуд колебался; потом, поддавшись любопытству, встал с кресла.

— Браво! — крикнул Юджин, тоже вставая.— Или, ежели «Ату его!» более уместно, считай, что я крикнул: «Ату его!». Береги свои ноги, Мортимер, твоим сапогам нынче достанется. Если ты готов, я тоже готов,— надо ли говорить: «Пора вперед, рога трубят» и так далее?

— Неужели ничто не заставит тебя быть серьезным? — сказал Мортимер, улыбаясь вопреки своей озабоченности.

— Я всегда серьезен, но как раз в эту минуту я немножко взволнован тем, что южный ветер и облачное небо обещают нам славную охоту. Готов? Так. Мы гасим лампу, запираем дверь и выезжаем в поле.

Когда оба друга вышли из ворот Тэмпла на улицу, Юджин тоном любезного хозяина осведомился у Мортимера, по какому направлению ему хотелось бы начать гон?

— В районе Бетнел-Грина местность пересеченная и довольно затруднительная для бега,— сказал Юджин,— к тому же мы давно там не бывали. Что ты скажешь насчет Бетнел-Грина?

Мортимер согласился на Бетнел-Грин, и они повернули к востоку.

— Теперь, как только мы дойдем до кладбища при соборе святого Павла,— продолжал Юджин,— мы схитрим и замедлим шаг, и я покажу тебе учителя.

Однако оба они увидели его, еще не доходя до кладбища; он крался за ними один, в тени домов по другой стороне улицы.

— Теперь приготовься,— сказал Юджин,— я сейчас разовью скорость. Не приходило ли тебе в голову, что, если это продлится, дети Веселой Англии много потеряют в смысле образования? Учитель не может смотреть и за мной и за мальчиками вместе. Ну как, приготовился? Я пошел!

С какой скоростью он шел, для того чтобы загонять учителя, а потом как он топтался и мешкал, для того чтобы на иной лад испытать его терпение, какие странные пути он избирал ни для чего другого, как только для того, чтобы провести и наказать учителя; и как он изматывал его всеми

уловками, какие только мог изобрести его изворотливый ум,— все это Лайтвуд отмечал, изумляясь тому, что этот беззаботный человек может быть таким предусмотрительным и что такой лентяй может так стараться. Наконец, когда третий час охоты был уже на исходе и Юджин опять загнал несчастного учителя обратно в Сити, он провел Мортимера по каким-то темным проходам на маленький квадратный дворик, быстро вывел его назад, и они почти наткнулись на Брэдли Хэдстона.

— Ты же видишь, я тебе говорил, Мортимер,— заметил Юджин вслух, с величайшим хладнокровием, словно их никто не мог услышать,— ты сам видишь, я же тебе говорил — терпит адские муки.

Для данного случая это было не слишком сильно сказано. Он был похож не на охотника, а на загнанного зверя; замученный, растерянный, с выражением обманутой надежды и всепожирающей ненависти на лице, с белыми губами, дикими глазами, встрепанный, истерзанный ревностью и злобой, мучимый сознанием, что все это в нем заметно и что они этому рады, он прошел мимо них в темноте, словно бледный призрак головы, повисшей в воздухе: лицо было настолько выразительно, что вся остальная фигура делалась совершенно незаметной.

Мортимер Лайтвуд был не особенно впечатлителен, но это лицо произвело на него впечатление. Он не один раз заговаривал об этом по дороге домой, и не один раз после того как они вернулись домой.

Оба они уже часа три лежали в постелях, каждый в своей комнате, когда Юджина наполовину разбудили чьи-то шаги, и он совсем проснулся, увидев, что Мортимер стоит рядом с его кроватью.

— Что-нибудь случилось, Мортимер?

— Ничего не случилось.

— Так с чего же тебе вздумалось бродить среди ночи?

— Никак не могу уснуть.

— Отчего же так, хотел бы я знать?

— Юджин, это лицо стоит у меня перед глазами. Не могу его забыть.

— Странно,— сказал Юджин с легким смешком,— а я могу.

И, повернувшись на другой бок, он уснул.

ГЛАВА XI

Во мраке

Брэдли Хэдстону не спалось в ту ночь, когда Юджин Рэйберн так легко перевернулся на другой бок и уснул; не спалось и маленькой мисс Пичер. Брэдли проводил бессонные часы, изводя самого себя, поблизости от того места, где сладко спал его беззаботный соперник; маленькая мисс Пичер проводила эти часы, поджидая возвращения властелина своего сердца и с грустью думая о том, что в жизни у него не все благополучно. Однако у него было гораздо более неблагополучно, чем это представлялось не хитро устроенной шкатулочке с мыслями мисс Пичер, где не имелось никаких темных закоулков. Ибо человек этот был настроен очень мрачно.

Он был настроен очень мрачно, и сам это знал. Более того, растравлял это настроение в себе с каким-то извращенным удовольствием, подобно тому как больной иногда расчесывает рану на собственном теле.

Связанный в течение целого дня школьной дисциплиной, вынужденный следовать обычной рутине педагогических фокусов, окруженный крикливой толпой школяров, по ночам он вырывался на свободу, словно плохо укрощенный дикий зверь. Днем он держал себя в руках, и ему доставляло радость, отнюдь не печаль, думать о том, что ему предстоит ночью, и о той свободе, которую он себе даст. Если бы великие преступники говорили правду — чего они, будучи преступниками, не делают,— они не часто рассказывали бы о своей борьбе с преступлением. Они не борются с преступлением, напротив, они поддаются ему. Они плывут против течения, стремясь достичь кровавого берега, а не оттолкнуться от него. Этот человек прекрасно понимал, что ненавидит соперника всеми злыми силами своей низкой души и что если он проследит его путь к Лиззи Хэксем, то это не принесет ничего доброго ни ей, ни ему в ее глазах. Все его усилия были направлены на то, чтобы увидеть, наконец, ненавистную фигуру рядом с Лиззи в ее убежище — и прийти в бешенство. И он хорошо знал, что сделает после того, как увидит их вместе, знал так же

хорошо, как то, что мать произвела его на свет. Возможно, он не считал нужным часто напоминать себе ни о той, ни о другой хорошо известной ему истине.

Он знал также хорошо, что намеренно раздувает в себе гнев и ненависть и что ради самооправдания и в целях провокации позволяет издеваться над собой каждую ночь беспечному и дерзкому Рэйберну. Знал все это и тем не менее продолжал действовать в том же духе, с бесконечным терпением, трудом и настойчивостью,— так могла ли его мрачная душа не знать, к чему это ведет?

Растерянный, усталый и вне себя от ярости он остановился против ворот Тэмпла, когда они закрылись за Рэйберном и Лайтвудом, раздумывая, идти ли ему домой или оставаться на страже. Одержимый в своей ревности навязчивой идеей, будто Рэйберн посвящен в тайну, и едва ли не сам это затеял, Брэдли был уверен, что в конце концов одержит победу над Рэйберном, если будет все так же настойчиво преследовать его, как и раньше ему случалось преодолевать какую-нибудь школьную премудрость путем той же медленной и упорной настойчивости. Она уже сослужила хорошую службу ему, человеку быстро загоравшемуся страстью и медленно соображавшему,— и сослужит еще раз.

В то время как он стоял под чьей-то дверью, глядя на ворота Тэмпла, ему в душу закралось подозрение, что, быть может, Лиззи прячется там. Это было возможно и могло послужить поводом для бесцельных прогулок Рэйберна. Он думал и думал и, наконец, решил прокрасться на лестницу и послушать у дверей, если только сторож его пропустит. И вот бледная голова, словно подвешенная в воздухе, двинулась через дорогу, подобно призраку одной из многих голов, когда-то украшавших соседний Тэмпл-Бар *, и остановилась перед сторожем.

Сторож взглянул на нее и спросил:

— К кому вы?

— К мистеру Рэйберну.

— Сейчас очень поздно.

— Он, я знаю, вернулся с мистером Лайтвудом всего часа два назад. Но если он уже лег, я опущу записку в ящик для писем. Меня ждут.

Сторож промолчал и открыл ворота с некоторым сомне-

нием. Увидев, однако, что посетитель быстро идет в нужном направлении, он успокоился.

Бледная голова поднялась по темной лестнице и осторожно нагнулась почти до полу перед дверью, ведущей в комнаты Лайтвуда. Внутренние двери были, по-видимому, не заперты, и в щели одной из них падал свет от свечи, а за дверью слышались шаги. Слышался также говор двух голосов. Слов нельзя было разобрать, но оба голоса были мужские. Через минуту-другую голоса умолкли, шагов не стало слышно, и свет погас. Если бы Лайтвуд мог видеть то лицо, которое не давало ему уснуть, в темноте перед дверью, как раз в то время, когда он говорил о нем, вряд ли ему удалось бы уснуть в ту ночь.

— Не здесь,— сказал Брэдли,— но она могла быть и здесь.

Голова приподнялась до прежнего уровня, снова проплыла вниз по лестнице и дальше, к воротам. Там стоял человек, переговариваясь со сторожем.

— Ага! — сказал сторож.— Вот и он!

Заметив, что на него обратили внимание, Брэдли перевел взгляд со сторожа на его собеседника.

— Этот человек хочет оставить письмо для мистера Лайтвуда,— объяснил сторож, показывая письмо,— а я сказал, что один посетитель только что пошел на квартиру к мистеру Лайтвуду. Может быть, по одному и тому же делу?

— Нет,— ответил Брэдли, глядя на незнакомого ему человека.

— Нет,— угрюмо согласился человек,— мое письмо... это моя дочка писала, но только оно мое,— по моему, значит, делу, а раз дело мое, то оно никого не касается.

В нерешимости выходя из ворот, Брэдли услышал, как они закрылись за ним, услышал и шаги нагонявшего его человека.

— Извините,— сказал человек, который был, по-видимому, навеселе и скорее наткнулся на Брэдли, чем дотронулся до него, чтобы привлечь его внимание,— вы, может, знакомы с Другим Хозяином?

— С кем? — спросил Брэдли.

— С Другим Хозяином,— сказал человек, показывая большим пальцем правой руки через правое плечо.

— Не знаю, кого вы имеете в виду.

— Ну, слушайте,— начал он доказывать свою теорему на пальцах левой руки указательным пальцем правой.— Есть два Хозяина, так? Один да один — два — адвокат Лайтвуд, вот этот палец, так? Ну ладно, может, вы знакомы со средним пальцем, с Другим?

— Я знаю о нем столько, сколько мне нужно знать,— сказал Брэдли, хмурясь и глядя прямо перед собой.

— Ура-а! — воскликнул человек.— Ура, другой, другой Хозяин! Ура, Третий Хозяин! Я тоже по-вашему думаю!

— Не поднимайте шума в такой поздний час. О чем вы это болтаете?

— Послушайте, Третий Хозяин,— возразил человек, становясь еще более хриплым и сообщительным.— Другой Хозяин всегда шутит надо мной свои шуточки, думается мне, потому, что я человек честный и добываю свой хлеб в поте лица. А он — нет, да и где ему.

— А мне какое до этого дело?

— Третий Хозяин,— возразил человек тоном оскорбленной невинности,— если вы не хотите дальше слушать, то и не слушайте. Вы сами начали. Вы сказали, и даже очень ясно, что вы ему вовсе не друг. Но я никому не навязываюсь со своей компанией и со своими мнениями. Я честный человек, вот кто я такой. Посадите меня где угодно на подсудимую скамью — и я скажу: «Милорд, я честный человек». Посадите меня где угодно на свидетельскую скамью — я скажу то же самое его милости господину судье, и книгу поцелую. Не обшлаг свой поцелую: я поцелую книгу.

Не столько из уважения к такой положительной характеристике, сколько отчаянно хватаясь за всякую возможность приблизиться к тому, на чем было сосредоточено все его внимание, Брэдли Хэдстон ответил:

— Вам нечего обижаться. Я не собирался останавливать вас. Вы слишком громко кричали посреди улицы, вот и все.

— Третий Хозяин,— возразил мистер Райдергуд, смягченно и таинственно,— я знаю, что такое громко, и я знаю, что такое тихо. Само собой. Удивительно было бы, если б я не знал, когда меня зовут Роджер: так меня назвали по отцу, а того тоже по отцу, хотя кого в нашей

семье первого так назвали и откуда взялось это имя, я уж не берусь вам сказать. И пожелаю вам, чтобы здоровье ваше было лучше, чем оно с виду кажется, должно быть внутри у вас совсем худо, ежели оно не лучше чем снаружи.

Пораженный намеком, что лицо слишком явно выдает его замыслы, Брэдли сделал усилие, чтобы разгладить морщины на лбу. Пожалуй, стоило узнать, какое дело у этого чудака к Лайтвуду или к Рэйберну, а быть может, и к обоим, в такой поздний час. Он решил узнать, в чем оно состоит, ибо этот человек мог оказаться посыльным от Лиззи к тому, другому.

— Вы поздно заходите в Тэмпл,— заметил он, делая неудачную попытку казаться спокойным.

— Помереть мне на этом месте, если я не собирался спросить то же самое у вас, Третий Хозяин! — хрипло смеясь, воскликнул мистер Райдергуд.

— У меня это вышло случайно,— сказал Брэдли, растерянно оглядываясь вокруг.

— И у меня тоже вышло случайно,— сказал Райдергуд.— Ну да я вам скажу, не скрою. Почему бы и не сказать? Я помощник шлюзового сторожа там, выше по реке, нынче у меня свободный день, а завтра я буду дежурный.

— Да?

— Да, вот я и пришел в Лондон по своим делам. Мои личные дела, это, во-первых, получить место сторожа при шлюзе, а во-вторых, подать в суд на пароход, который потопил меня ниже моста. Я этого не допущу, чтобы меня топили, да еще даром!

Брэдли посмотрел на него, словно спрашивая, уж не выдает ли он себя за привидение.

— Пароход на меня наехал и потопил меня,— упрямо повторил мистер Райдергуд.— Посторонние помогли мне выбраться; а я и не просил их помогать, и пароход тоже их не просил. Я хочу, чтобы мне уплатили за то, что пароход погубил мою жизнь.

— По этому делу вы и явились к мистеру Лайтвуду среди ночи? — спросил Брэдли, недоверчиво глядя на Райдергуда.

— Да, по этому, и еще надо написать прошение насчет места первого сторожа при шлюзе. Раз там нужна пись-

менная рекомендация, кто же еще может мне ее дать? Вот я и говорю в этом письме, что написала моя дочка, а я поставил крест, чтоб все было по закону, кто же, кроме вас, адвокат Лайтвуд, может подать эту самую бумагу и кто еще, кроме вас, может присудить мне убытки с парохода? Потому что (так я говорю, и крест под этим поставил) довольно у меня было неприятностей из-за вас и вашего приятеля. Если бы вы, адвокат Лайтвуд, поддержали меня, как оно следует, да если б Другой Хозяин записал мои слова правильно (так я говорю, и крест под этим поставил), я бы теперь был при деньгах, а вместо того на меня навешали кличек и обвинений целую баржу, а мои слова заставили взять обратно. Я их и проглотил, а какая уж это еда, при хорошем-то аппетите! А ежели вы говорите «среди ночи», Третий Хозяин,— проворчал мистер Райдергуд, заканчивая это несколько монотонное перечисление своих обид,— так взгляните на этот узелок у меня под мышкой и зарубите себе на носу, что я иду обратно на свой шлюз, а Тэмпл у меня по дороге.

Брэдли Хэдстон не раз переменился в лице, слушая этот рассказ, и теперь наблюдал за рассказчиком более сосредоточенно и внимательно.

— А знаете ли вы,— сказал он после паузы, в продолжение которой они молча шли рядом,— что я мог бы назвать ваше имя, если бы захотел?

— Докажите,— ответил Райдергуд, останавливаясь и воззрившись на него.— Попытайтесь.

— Ваше имя — Райдергуд.

— Черт меня возьми, если не так,— отвечал тот.— А вот вас я не знаю как звать.

— Это совсем другое дело,— сказал Брэдли.— Я так и думал, что вы не знаете!

Брэдли шел, погрузившись в размышления, а Плут, что-то бормоча, не отставал от него. Смысл бормотанья был приблизительно такой: «Кажется, теперь Плут Райдергуд, ей-богу, достался всем во владение, и всякий, кто только вздумает, пользуется его именем, словно ручкой насоса». Смысл же размышлений был таков: «Вот орудие, и я им воспользуюсь!»

Они прошли по Стрэнду, миновали Пэлл-Мэлл и поднялись к Гайд-парку; Брэдли Хэдстон не отставал от Рай-

дергуда, предоставляя ему выбирать дорогу. Так медленно работал мозг учителя и так неясны были его цели, подчиненные единой всепоглощающей цели — вернее, подобно силуэтам темных деревьев на грозовом небе, они только окаймляли длинную дорогу, а в перспективе он видел те две фигуры — Рэйберна и Лиззи,— что было пройдено по меньшей мере еще добрых полмили, прежде чем он заговорил. Но даже и тогда он только спросил:

— Где ваш шлюз?

— Милях в двадцати с чем-нибудь, ежели хотите, даже милях в двадцати пяти с чем-нибудь вверх по реке,— ответил Райдергуд угрюмо.

— Как он называется?

— Шлюз Плэшуотер-Уир-Милл.

— А если я вам предложу пять шиллингов, что тогда?

— Что ж, я их возьму,— сказал Райдергуд.

Учитель опустил руку в карман, достал две полукроны и опустил их на ладонь Райдергуда; тот остановился у первого подходящего крыльца и звякнул ими о каменную ступеньку, прежде чем окончательно принять деньги.

— Одно за вами имеется, Третий Хозяин,— сказал Райдергуд, снова пускаясь в путь,— оно не плохо как будто и для будущего. Вы человек не скупой. Ну, а за что это? — спросил он, хорошенько припрятав монеты с той стороны, которая была подальше от его нового приятеля.

— Это вам.

— Ну, конечно, это-то я знаю,— сказал Райдергуд, словно о чем-то совершенно бесспорном.— Конечно, ни один человек в здравом уме не подумает, что я отдам деньги обратно, раз я их уже получил. Ну, а чего вы за это хотите?

— Не знаю, хочу ли я за это чего-нибудь. Или если хочу, так еще не знаю, чего именно.— Брэдли отвечал таким безучастным, отсутствующим тоном, словно разговаривал сам с собой, что Райдергуду показалось в высшей степени странным.

— Вы не любите этого Рэйберна,— сказал Брэдли, произнося это имя как-то неохотно, словно по принуждению.

— Да, не люблю.

— Я тоже.

Райдергуд кивнул и спросил:

— Так разве за это?

— Столько же за это, сколько за другое. Тут нужно как следует договориться, раз одна мысль нейдет из головы и занимает все внимание.

— Вам-то она не на пользу,— резко возразил мистер Райдергуд.— Нет! Не на пользу, Третий Хозяин, и нечего делать вид, будто это не так. Я говорю, она вам душу разъедает. Разъедает душу, ржавеет в вас, отравляет вас.

— Если даже отравляет, разве для этого нет причины? — дрожащими губами выговорил Брэдли.

— Причин довольно, держу пари на фунт стерлингов! — воскликнул мистер Райдергуд.

— Не сами ли вы заявили, что этот человек без конца оскорблял вас, обижал вас, клеветал на вас, и все в этом роде? И со мной он проделал то же самое. С головы до пят он весь состоит из ядовитых оскорблений и обид. Неужели вы до того глупы, что надеетесь неизвестно на кого и не знаете, что и он и Тот Другой с презрением посмотрят на вашу просьбу и раскурят ею свои сигары?

— Не удивлюсь, ей-богу, если они так и сделают,— сказал Райдергуд, начиная злиться.

— «Если» сделают! Непременно! Позвольте мне задать вам один вопрос. Я знаю не только ваше имя, но и кое-что другое о вас; мне известно кое-что и про старика Хэксема. Когда вы в последний раз видели его дочь?

— Когда я в последний раз видел его дочь, Третий Хозяин? — повторил Райдергуд, делая вид, будто он плохо понимает, о чем его спрашивают.

— Да. Не говорили с ней, а видели ее — где-нибудь?

Плут понял, в чем дело, хотя ключ к пониманию он ухватил очень неуклюжей рукой. В замешательстве глядя на взволнованное лицо учителя и словно решая в уме какую-то задачу, он ответил с запинкой:

— Я ее не видел... ни разу... с того дня, как старик помер.

— Вы ее хорошо знаете с виду?

— Еще бы я не знал! Как никто другой.

— И его также хорошо знаете?

— Кого это его? — спросил Райдергуд, снимая шапку, потирая лоб и тупо глядя на учителя.

— К черту имя! Неужели вам так приятно его слышать?

— О! *Его*! — сказал Райдергуд, который нарочно загнал учителя в этот угол, чтобы как следует разглядеть его искаженное лицо.— Его-то я узнаю из тысячи.

— Вы когда-нибудь...— Брэдли старался говорить спокойно, но что бы он ни делал со своим голосом, лицо не слушалось его,— вы когда-нибудь видели их вместе?

(Теперь Плут ухватился за ключ обеими руками.)

— Я видел их вместе, Третий Хозяин, в тот день, когда Старика вытащили из воды.

Брэдли мог скрыть все что угодно от зорких глаз целого отряда сыщиков, но ему было не скрыть от глаз невежественного Райдергуда тот вопрос, который он затаил в своей груди.

«Спросишь напрямик, коли захочешь получить ответ,— упрямо повторял про себя Райдергуд.— А напрашиваться я и не подумаю».

— Он с ней был дерзок? — спросил Брэдли после некоторой борьбы.— Или притворялся, что жалеет ее?

— Он прикидывался, будто бы уж так ее жалеет,— сказал Райдергуд.— Ну, ей-богу! Вот теперь, как подумаю...

Он сорвался и сделал промах самым естественным образом. Брэдли взглянул на него, дожидаясь объяснения.

— Вот теперь, как подумаю,— уклончиво начал мистер Райдергуд, ибо на язык у него вместо этих слов просились другие: «Вот теперь, когда вижу, что ты так ревнуешь»,— может, он из-за того и записал меня неправильно, что влюбился в нее!

Такое подозрение или видимость его (ибо на самом деле учитель не питал таких подозрений) было низостью, уже переходящей ту черту, на которой стоял учитель. До низости общения с типом, который хотел замарать и ее и брата этим позорным пятном, он уже дошел. Еще шаг — и он перейдет черту. Ничего не отвечая, он брел дальше, понурив голову.

Чего он мог добиться этим знакомством, он и сам не понимал, так туго ворочались его спутанные мысли. Этот человек имел зуб против того, кого он ненавидел,— уже много, хотя и меньше, нежели он предполагал, ибо в

этом человеке не было той смертельной злобы, какая кипела в его собственной груди. Этот человек знал Лиззи и мог, по счастливой случайности, увидеть ее или услышать о ней — уже нечто — одной парой глаз и ушей больше на счету. Этот человек был дурной человек и явно желал продаться ему. Да, это уже нечто, так как хуже его, Брэдли, личных целей ничего быть не могло, и он как будто чувствовал себя сильнее, опираясь на такого помощника, хотя, быть может, к его помощи и не придется прибегнуть.

Вдруг он остановился и напрямик спросил Райдергуда, знает ли он, где находится Лиззи? Ясно, он этого не знал. Он спросил Райдергуда, согласен ли тот, если получит какие-либо сведения о ней, или о том, что Рэйберн ищет ее, или сообщается с ней, передавать их за плату? Разумеется, Райдергуд был согласен. Он был «против них обоих»,— сказал он, выругавшись, а почему? Потому что оба они мешали ему добывать хлеб в поте лица.

— В таком случае, мы скоро увидимся,— сказал Брэдли, поговорив еще немного на эту тему.— Вот и дорога, ведущая за город, а вот и рассвет. И то и другое застало меня врасплох.

— А ведь я не знаю, где вас искать, Третий Хозяин,— запротестовал Райдергуд.

— Это не имеет значения. Я знаю, где вас искать, и приду к вам на шлюз.

— Какое ж это знакомство всухую, Третий Хозяин,— опять запротестовал мистер Райдергуд,— удачи не будет. Давайте смочим его глоточком рома с молоком, Третий Хозяин.

Брэдли согласился и зашел вместе с ним в распивочную, где стоял тяжелый запах прелого сена и гнилой соломы и где утешались, каждый на свой лад, ночные извозчики, батраки с ферм, завсегдатаи пивных и прочие ночные птицы, уже летевшие домой, на насест, и где ни одна из этих ночных птиц, витавших около залитой пивом стойки, не ошиблась и сразу признала в истерзанной страстями ночной птице, невзирая на ее скромное оперение, самую худшую из ночных птиц.

Прилив симпатии к полупьяному возчику, с которым

ему было по пути, привел к тому, что мистер Райдергуд взгромоздился на кучу пустых корзин и продолжал свой путь на подводе лежа, подсунув под голову узелок. Брэдли пустился в обратную дорогу и, незаметно пробираясь малолюдными улицами, дошел до школы и до дома. Взошло солнце и застало его умытым и причесанным, аккуратно одетым в приличный черный сюртук и жилет, с приличным черным галстуком, в приличных панталонах цвета перца с солью, с приличными серебряными часами в кармашке и волосяной цепочкой на шее: школьный охотник в полном охотничьем снаряжении, окруженный своей лающей и тявкающей сворой.

Однако и в самом деле прошлой ночью злые духи гораздо сильнее околдовали его, чем тех несчастных, которые в печальном прошлом под влиянием пытки и страха обвиняли себя в самых невозможных грехах. Он был измучен, истерзан, весь в поту. Если бы вместо мирных текстов из писания на стене появился протокол ночной охоты, то самые лучшие и способные из учеников сбежали бы от своего учителя.

ГЛАВА XII,

предвещающая недоброе

Поднялось солнце, залив светом весь Лондон, и в своем великолепном беспристрастии снизошло даже до того, что заиграло радужными искорками в бакенбардах мистера Альфреда Лэмла, сидевшего за завтраком. Мистер Лэмл, видимо, нуждался в освещении извне: на душе у него, судя по весьма хмурому выражению лица, было довольно мрачно.

Миссис Лэмл сидела за столом напротив своего повелителя. Счастливая чета мошенников, связанная прочными узами взаимного обмана, молчала, недовольно уставясь на скатерть. Все выглядело так мрачно в этой столовой, хотя она и выходила на солнечную сторону Сэквил-стрит, что многие из семейных поставщиков, заглянув глазком в щель ставня, сразу поняли бы намек и сочли бы своим долгом прислать счет и настаивать на уплате.

Впрочем, большинство семейных поставщиков давно уже прислало счета, не дожидаясь намека.

— Мне кажется,— сказала миссис Лэмл,— что вы сидите без денег с тех самых пор, как мы поженились.

— Может, так оно и есть, как вам кажется,— отвечал мистер Лэмл.— Это не имеет значения.

Составляло ли это особенность супругов Лэмл или так бывает и у других любящих пар? В своих супружеских диалогах они никогда не обращались друг к другу, но всегда к какому-то незримому призраку, очевидно находившемуся как раз на полдороге между ними. Быть может, в таких семейных обстоятельствах злой дух выходит из шкафа и присутствует при разговоре?

— Я не видела никаких денег в этом доме, кроме моей собственной ренты,— сказала миссис Лэмл, обращаясь к злому духу.— Могу хоть присягнуть.

— Не стоит трудиться,— ответил мистер Лэмл, обращаясь к злому духу,— повторяю, это опять-таки не имеет значения. Вам никогда еще не приходилось расходовать свою ренту с такой пользой.

— С пользой? В чем же эта польза? — спросила миссис Лэмл.

— В кредите, в широком образе жизни,— сказал мистер Лэмл.

Быть может, злой дух презрительно засмеялся, выслушав этот вопрос и этот ответ; но что засмеялась миссис Лэмл и мистер Лэмл засмеялся тоже, в этом нет сомнения.

— А что же будет дальше? — спросила миссис Лэмл, обращаясь к злому духу.

— Дальше будет крах,— ответил мистер Лэмл по тому же адресу. Миссис Лэмл пренебрежительно взглянула на злого духа, не обращая никакого внимания на мистера Лэмла, и опустила глаза, после чего мистер Лэмл проделал то же самое и тоже опустил глаза. Тут вошла служанка с поджаренным хлебом, и злой дух снова убрался в шкаф и притаился там.

— Софрония,— начал мистер Лэмл, когда служанка вышла. И повторил гораздо громче: — Софрония!

— Да?

— Выслушайте меня внимательно, прошу вас.— Он

строго посмотрел на нее, но она не проявила должного внимания, а потом продолжал: — Мне нужно посоветоваться с вами. Бросьте, бросьте, тут не до шуток. Вы знаете наш договор. Мы должны вместе работать в наших общих интересах, а вы на эти дела такая же ловкая, как я сам. Иначе мы не были бы вместе. Что предпринять? Нас загнали в угол. Что же нам делать?

— А разве у вас нет наготове плана, который можно было бы пустить в ход?

Мистер Лэмл запустил пальцы в бакенбарды в поисках мыслей и, не найдя ничего, ответил:

— Нет. Нам, как авантюристам, приходится вести азартную игру в надежде на крупный выигрыш, а последнее время нам что-то не везет.

Миссис Лэмл начала было:

— А разве у вас нечего...— но он прервал ее:

— У нас, Софрония. У нас, у нас.

— Разве у нас нечего продать?

— Черта с два. Я выдал одному еврею закладную на эту мебель, и он не сегодня-завтра может ее забрать. Думаю, что он забрал бы ее давным-давно, если бы не Фледжби.

— А при чем тут Фледжби?

— Знает его. Предостерегал меня еще до того, как я попал к нему в лапы. Просил еврея за кого-то и ничего не мог сделать.

— Вы хотите сказать, что Фледжби хлопотал за вас?

— За нас, Софрония. За нас, за нас.

— Хорошо, за нас?

— Я хочу сказать, что еврей до сих пор не трогал нас и что Фледжби уверяет, будто бы он его уговорил.

— Вы верите Фледжби?

— Софрония, я никогда никому не верю. Не верю с тех пор, милая моя, как поверил вам. Но похоже, что это так.

Намекнув задним числом на ее мятежные речи, адресованные злому духу, мистер Лэмл встал из-за стола — быть может, для того, чтобы скрыть улыбку и одно-два белых пятна на носу,— прошелся по ковру и остановился перед камином.

— Если б нам удалось тогда окрутить этого скота с Джорджианой... да что толку: снявши голову, по волосам не плачут.

Сказав это, Лэмл подобрал полы халата и, повернувшись спиною к огню, посмотрел на жену, а она побледнела и опустила глаза. Она спешила оправдаться перед ним, чувствуя за собой вину и, быть может, грозящую ей опасность,— она боялась его, боялась его руки и даже ноги, хотя он никогда и пальцем ее не тронул.

— А если б нам удалось занять деньги, Альфред?

— Выклянчить, занять или украсть. Для нас это все равно, Софрония,— перебил ее муж.

— Тогда мы смогли бы перебиться?

— Без сомнения. Я бы предложил другую, не менее оригинальную и бесспорную формулу, Софрония: дважды два — четыре.

Однако, заметив, что она обдумывает что-то, он снова подобрал полы халата одной рукой и, забрав пышные бакенбарды в другую руку, умолк, не сводя с нее глаз.

— В такую трудную минуту, Альфред, вполне естественно подумать о самых богатых и самых простодушных людях, какие нам знакомы,— сказала она, не без робости заглядывая ему в лицо.

— Совершенно верно, Софрония.

— О Боффинах.

— Вот именно, Софрония.

— Разве нельзя чего-нибудь от них добиться?

— Чего же можно от них добиться, Софрония?

Она снова задумалась, а он, как и раньше, глядел на нее, не сводя глаз.

— Конечно, я много раз думал о Боффинах, Софрония,— начал он после ни к чему не приведшего молчания,— но не нашел никакого выхода. Их очень зорко стерегут. Этот чертов секретарь стоит между ними и... и другими порядочными людьми.

— А нельзя ли от него отделаться? — спросила она. несколько оживляясь после нового раздумья.

— Что же, подумайте, Софрония,— снисходительно заметил ее осторожный супруг.

— Если бы можно было устранить его, изобразив это в виде услуги мистеру Боффину?

— Не торопитесь, подумайте, Софрония.

— Мы заметили, Альфред, что за последнее время старик стал очень подозрителен и недоверчив.

— И скуп тоже, милая моя, а это нам не сулит ничего хорошего. И все-таки не спешите, Софрония, подумайте.

Подумав, она продолжала:

— Предположим, что мы будем играть на той струнке, которую в нем подметили. Предположим, моя совесть...

— А мы знаем, какова эта совесть, душа моя. Итак?

— Предположим, совесть не позволяет мне молчать о том, что эта девчонка-выскочка рассказала мне о предложении секретаря. Предположим, совесть заставляет меня передать все это мистеру Боффину.

— Пожалуй, мне это нравится,— сказал Лэмл.

— Предположим, я сумею внушить мистеру Боффину, что моя тонкая чувствительность и мое благородство...

— Очень хорошо сказано, Софрония.

— Внушить мистеру Боффину, что *наша* тонкая чувствительность и наше благородство,— повторила она с горечью,— не позволяют нам молчать о таком корыстном и подлом умысле секретаря, о том, что он преступно обманывает доверие своего хозяина. Предположим, я поделилась своими добродетельными сомнениями с моим образцовым супругом и он, по свойственной ему честности, сказал: «Софрония, вы должны немедленно открыть глаза мистеру Боффину».

— Опять-таки, Софрония, мне это нравится,— заметил мистер Лэмл, переступив с ноги на ногу.

— Вы сказали, что его хорошо стерегут,— продолжала она.— Я тоже так думаю. Но если это приведет к тому, что он уволит секретаря, тогда вот вам и уязвимое место.

— Объясняйте дальше, Софрония. Мне это нравится все больше и больше.

— Оказав ему, по своей непогрешимой честности, такую важную услугу, открыв глаза на вероломство человека, которому он доверял, мы будем иметь право на его внимание и доверие. Чего этим можно добиться, трудно сказать,— подождем, а подождать придется. Вероятно, мы добьемся всего, чего тут можно добиться.

— Вероятно,— согласился Лэмл.

— Как вы думаете, может ли случиться, чтобы вы заместили секретаря? — спросила она тем же холодным, расчетливым тоном.

— Невозможного тут нет, Софрония. Этого можно добиться. Во всяком случае, можно как-нибудь ловко подвести к этому.

Глядя на огонь, она кивнула в знак того, что понимает намек.

— Мистер Лэмл,— начала она задумчиво, не без легкого оттенка иронии,— мистер Лэмл будет очень рад сделать все, что только в его силах. Мистер Лэмл и сам человек деловой и, кроме того, капиталист. Мистер Лэмл привык к тому, что ему поручают самые запутанные дела. Мистер Лэмл так превосходно распорядился моим небольшим капиталом; но, конечно, он еще до того создал себе репутацию как человек с состоянием, который выше всякого соблазна и вне подозрений.

Мистер Лэмл улыбнулся и даже погладил ее по голове. Размышляя об этом плане, он словно принюхивался к чему-то, и нос на его лице казался вдвое больше, чем когда бы то ни было.

Он стоял задумавшись, а она не шевелясь смотрела на подернутые пеплом угли в камине. Но как только он заговорил, она вздрогнула, перевела взгляд на него и стала слушать с таким выражением, словно думала о своем предательстве, и в ней снова ожил страх перед ним, перед его рукой и даже ногой.

— Мне кажется, Софрония, вы упустили из виду одну сторону вопроса. А может быть, и нет, ведь женщины хорошо понимают женщин. Нельзя ли нам отделаться и от этой девчонки?

Миссис Лэмл покачала головой.

— Она имеет большое влияние на них обоих, Альфред. Никак нельзя его сравнивать с влиянием наемного секретаря.

— Но эта милая девочка должна быть откровенна со своими благодетелями,— возразил Лэмл, криво улыбаясь.— Ей бы следовало безгранично доверять своим благодетелям.

Софрония опять покачала головой.

— Ну хорошо! Женщины понимают женщин,— сказал ее супруг, не совсем довольным тоном.— Я не настаиваю. А если б удалось убрать обоих, то мы сразу пошли бы в гору. Я бы управлял их имуществом, а моя жена — ими самими. Фьюу!

Опять покачав головой, она возразила:

— Они никогда не поссорятся с девушкой. Они ее ни за что не накажут. Нам придется ее терпеть, можете быть уверены.

— Что ж, пускай! — воскликнул мистер Лэмл, пожимая плечами.— Только помните, что нам она не нужна.

— Теперь остался только один вопрос,— сказала миссис Лэмл,— когда мне начинать?

— Чем раньше, тем лучше, Софрония. Я уже вам сказал, что наши дела в отчаянном положении и в любую минуту может произойти крах.

— Мне нужно застать мистера Боффина одного, Альфред. Если при этом будет его жена, она сумеет его успокоить. Я знаю, при ней мне не удастся довести его до вспышки гнева. Что касается самой девушки, о ней также не может быть и речи, раз я собираюсь злоупотребить ее доверием.

— Просить свидания письменно вряд ли удобно? — спросил Лэмл.

— Нет, конечно нет. Они удивятся, почему я пишу, будут советоваться друг с другом, а мне хочется захватить его врасплох.

— Тогда не лучше ли заехать и сказать, что вы хотите поговорить с ним наедине? — подсказал Лэмл.

— Это, по-моему, тоже не годится. Предоставьте дело мне. Уступите мне маленькую коляску на сегодня и на завтра (если сегодня ничего не выйдет), и я его подстерегу.

Не успели они сговориться, как мимо окон мелькнула мужская фигура, послышался стук в дверь и звон колокольчика.

— Вот и Фледжби,— сказал мистер Лэмл.— Он вами восхищается и очень высокого мнения о вас. Меня нет дома. Как-нибудь умаслите его, чтобы он уговорил еврея. Того зовут Райя, из торгового дома Пабси и К⁰.



Прибавив эти слова шепотом, чтобы они не дошли до оттопыренных ушей мистера Фледжби через две замочные скважины и прихожую, мистер Лэмл тихонько ушел наверх, сделав лакею знак не выдавать его.

— Мистер Фледжби,— произнесла миссис Лэмл, любезно встречая его,— я так рада вас видеть! Мой бедный Альфред ушел сегодня очень рано, последнее время он так озабочен своими делами. Садитесь, пожалуйста, дорогой мистер Фледжби.

Дорогой мистер Фледжби сел и, к своему удовольствию или, скорее, к неудовольствию, судя по выражению лица, убедился, что бакенбарды у него ничуть не отросли с тех пор, как он свернул за угол Олбени.

— Дорогой мистер Фледжби, нечего и говорить вам, что мой бедный Альфред сейчас очень беспокоится из-за своих дел, ведь он же сказал мне, как вы ему помогли в его временных затруднениях и какую важную услугу ему оказали.

— О! — сказал мистер Фледжби.

— Да,— подтвердила миссис Лэмл.

— Вот не знал, что Лэмл так откровенен насчет своих дел,— заметил Фледжби, усаживаясь поплотнее на стуле.

— Это только со мною,— произнесла миссис Лэмл с большим чувством.

— В самом деле? — сказал Фледжби.

— Только со мной, мистер Фледжби. Ведь я его жена...

— Да. Я... я так и думал,— сказал Фледжби.

— И могу ли я, как жена Альфреда, конечно, совершенно без его ведома и без спроса, дорогой мистер Фледжби, как вы и сами, верно, догадались при вашей проницательности, просить вас и еще раз о той же услуге: снова повлиять на мистера Райю, чтобы он потерпел еще немного? Ведь его зовут Райя, не так ли? Альфред проговорился во сне,— вот как я узнала эту фамилию.

— Кредитора зовут Райя,— сказал мистер Фледжби, делая довольно твердое ударение на первом слове.— Сент-Мэри-Экс, торговый дом Пабси и К°.

— Вот, вот! — воскликнула миссис Лэмл, сжимая руки в порыве чувств.— Пабси и К°.

— К просьбе женского...— начал мистер Фледжби и так основательно застрял на этом слове, что миссис Лэмл вкрадчиво подсказала:

— ...сердца?

— Нет,— возразил мистер Фледжби.— Пола... мужчина всегда обязан прислушаться, и я хотел бы, чтобы исполнение этой просьбы зависело от меня. Но этот Райя дурной человек, миссис Лэмл, право так.

— Поговорите с ним, дорогой мистер Фледжби.

— Нет, честное слово, дрянной человек! — сказал Фледжби.

— Постарайтесь. Постарайтесь еще раз, дорогой мистер Фледжби. Чего вы только не сможете сделать, если захотите!

— Благодарю вас, это очень лестно слышать,— сказал Фледжби.— Я не отказываюсь, попробую еще раз, коли вы просите. Но, конечно, не могу ручаться за последствия. Райя человек жесткого характера; уж если он что сказал, то так и сделает.

— Совершенно верно! — воскликнула миссис Лэмл.— Если он вам пообещает подождать, то и подождет.

«Чертовски умная женщина,— подумал Фледжби.— Я упустил из виду эту возможность, а она сразу ее заметила и воспользовалась ею, не медля ни минуты».

- Дело в том, дорогой мистер Фледжби,— продолжала миссис Лэмл самым пленительным голосом,— не буду скрывать от вас наших надежд, ведь вы такой друг Альфреду,— на его горизонте появился некоторый просвет.

Это образное выражение не сразу дошло до очаровательного Фледжби, и он переспросил:

— Что появилось?.. На чем?

— Альфред, дорогой мистер Фледжби, говорил со мной не далее как нынче утром, перед уходом, о своих планах, которые могут изменить к лучшему положение наших дел.

— Неужели? — сказал мистер Фледжби.

— О да! — Тут миссис Лэмл пустила в ход носовой платочек.— А вы понимаете, дорогой мистер Фледжби,— ведь вы изучили человеческое сердце, знаете свет,— как горько было бы потерять положение в обществе, потерять

кредит, когда возможность продержаться очень короткое время могла бы все спасти.

— О! — сказал Фледжби.— Так вы думаете, что Лэмл не вылетит в трубу, если дать ему отсрочку? Так принято выражаться на денежном рынке,— объяснил он себе в извинение.

— Да, вот именно. Это правда, сущая правда.

— Тогда это совершенно меняет дело,— сказал Фледжби.— Я непременно пойду к Райе, и сейчас же.

— Благослови вас бог, милый мистер Фледжби.

— Не за что,— возразил Фледжби. Она подала ему руку.

— Рука прелестной и великодушной женщины всегда будет наградой за...

— ...благородный поступок! — подсказала миссис Лэмл, стремясь поскорее от него отделаться.

— Я не то хотел сказать,— возразил Фледжби, который никогда, ни при каких обстоятельствах не принимал подсказки,— но вы очень любезны. Разрешите мне запечатлеть... э-э... один? Всего хорошего!

— Могу ли я рассчитывать, что вы с этим не задержитесь, дорогой мистер Фледжби?

Фледжби, уже стоя в дверях, оглянулся и послал ей самый почтительный поцелуй.

— Можете рассчитывать.

И в самом деле, мистер Фледжби бежал по улицам, стремясь к своей милосердной цели, словно окрыленный теми добрыми духами, которые служат делам Великодушия. Возможно, что они даже вселились в него, ибо лицо его озарилось радостью. Его голос звучал по-новому бодро и свежо, когда, не застав ни души в конторе на Сент-Мэри-Экс, он подошел к лестнице и позвал нараспев:

— Эй ты, Иуда, что ты там затеял?

Явился старик, как всегда почтительно кланяясь.

— Ого! — воскликнул Фледжби, отступив на шаг и подмигивая.— Недоброе у тебя на уме, Иерусалим!

Старик вопросительно взглянул на него.

— Да-да,— продолжал Фледжби.— Ах ты старый грешник! Ах ты плут! Как! Ты подаешь вексель Лэмла ко взысканию? И тебя никак ничем не уговоришь? Ты ни одной минуты ждать не хочешь?

По тону и взгляду хозяина старик понял, что действовать надо безотлагательно и взял свою шляпу с конторки, где она лежала.

— Тебе, хитрец, сказали, что он вывернется, если ты не успеешь его опередить, верно? — сказал Фледжби.— А тебе не выгодно его упускать из лап, так ведь? Раз у тебя есть вексель, а у него найдется чем заплатить? Ах ты Иуда!

Старик на минуту остановился в нерешимости, словно дожидаясь еще каких-нибудь наказов.

— Идти мне, сэр? — наконец спросил он тихим голосом.

— Он еще спрашивает, идти ли ему? — воскликнул Фледжби.— Спрашивает меня, как будто сам не знает, что ему делать! Спрашивает меня, а сам держит шляпу наготове? Спрашивает меня, а сам острым глазом — ведь как бритва режет — уже косится на свою палку, что стоит у дверей!

— Идти мне, сэр?

— Идти ли ему? — передразнил Фледжби.— Да, идти! Ковыляй, Иуда.

ГЛАВА XIII

Худая слава бежит

Очаровательный Фледжби, оставшись один в конторе, стал расхаживать по комнате, сдвинув шляпу набекрень, насвистывая и заглядывая во все углы и ящики, в надежде найти хоть какое-нибудь доказательство, что его обманывают, однако ничего не нашел.

— Невелика заслуга, что он меня не надувает, ведь я гляжу за ним в оба,— подмигнув, объяснил сам себе мистер Фледжби.

Лениво и величественно потыкав тростью в столы и стулья, он сплюнул в камин, утверждая свои хозяйские права на контору «Пабси и К^0», затем поступью владыки подошел к окну и выглянул на узкую улицу поверх ставня с надписью «Пабси и К^0». Надпись, служившая для отвода глаз, напомнила ему, что он один в конторе

и что дверь не заперта. Он двинулся было запереть ее, чтобы кто-нибудь, войдя, не принял его за главу фирмы, но тут услышал чьи-то шаги за дверью.

Это была кукольная швея с корзиночкой в одной руке и с костылем в другой. Ее зоркие глаза увидели мистера Фледжби раньше, чем он ее увидел, и ему не удалось запереть перед ней дверь, не столько потому, что она уже подошла, сколько потому, что она принялась отвешивать ему поклон за поклоном, как только он ее заметил. Она воспользовалась этим преимуществом, поднявшись по ступенькам с такой быстротой, что очутилась в конторе лицом к лицу с Фледжби, прежде чем он успел принять меры, чтобы она не застала никого дома.

— Надеюсь, вы в добром здоровье, сударь,— сказала мисс Рен.— Дома мистер Райя?

Фледжби плюхнулся на стул в позе человека, утомленного ожиданием.

— Должно быть, скоро придет,— ответил Фледжби,— он как-то странно сбежал и заставил меня дожидаться. Кажется, я вас раньше видел?

— Один раз видели, если глаза у вас на месте,— ответила мисс Рен, на последних словах понизив голос до шепота.

— Это когда вы играли во что-то такое на крыше? Помню. А как поживает ваша подружка?

— Мало ли у меня подружек, сударь,— отвечала мисс Рен.— Которая подружка?

— Все равно которая,— сказал мистер Фледжби, прищуривая один глаз,— любая из ваших подружек, все ваши подружки. Как они — ничего себе?

Несколько смутившись, мисс Рен ответила шуткой на шутку и уселась в углу за дверью, держа корзинку на коленях. Наконец, после довольно долгого и упорного молчания, она сказала:

— Извините, сударь, но по утрам я привыкла заставать мистера Райю дома и потому обыкновенно прихожу в это время. Мне и нужно-то всего-навсего купить лоскутков на несчастных два шиллинга. Может, вы мне их отпустите, и я побегу домой работать.

— Я вам отпущу лоскутков? — повернувшись к ней, сказал Фледжби, который сидел перед камином, щурясь

на огонь и ощупывая подбородок.— Вы, кажется, вообразили, будто я имею отношение к этой конторе и вообще к фирме?

— Вообразила? — откликнулась мисс Рен.— Он же сам тогда сказал, что вы хозяин!

— Этот старый хрыч в черном лапсердаке? Райя? Он что хотите скажет.

— Да вы и сами то же говорили,— возразила мисс Рен.— Или по крайней мере держали себя как хозяин и не противоречили ему.

— Одна из его хитростей,— равнодушно и пренебрежительно пожимая плечами, ответил Фледжби.— Он вечно хитрит. Он мне сказал: «Пойдемте на крышу, сударь, и я вам покажу красивую девушку. Только я буду называть вас хозяином». Так вот, я полез на крышу, а он показал мне красивую девушку (очень и очень стоило на нее посмотреть) и назвал меня хозяином. Не знаю зачем. Думаю, что и он не знает. Он хитрит из любви к искусству, ведь это такой мошенник,— и, поискав выразительного слова, мистер Фледжби прибавил: — мошенник из мошенников.

— Ох, моя головушка! — воскликнула кукольная швея, сжимая голову обеими руками, словно она раскалывалась.— Вы, верно, шутите?

— Нет, моя милая,— возразил Фледжби,— нисколько не шучу, уверяю вас.

Такое запирательство было не только ловким ходом, рассчитанным на тот случай, если неожиданный посетитель застанет Фледжби врасплох, но и отплатой мисс Рен за ее излишнюю резкость и милым образчиком острот по адресу старого еврея. «Слава у него худая, как оно и полагается старому еврею, за это ему и платят, а уж свои денежки я из него выколочу». Как деловой человек, Фледжби всегда рассуждал именно так, а тем более сейчас, когда старику вздумалось завести от него секрет, хотя сам по себе этот секрет доставил ему даже удовольствие, досадив неприятному для него человеку.

Мисс Рен сидела в углу за дверью, пригорюнившись и не поднимая глаз,— снова наступило долгое, упорное молчание, как вдруг мистер Фледжби насторожился, и по выражению его лица можно было догадаться, что он заметил

через стеклянную дверь нового посетителя, топтавшегося перед входом в контору. Послышался шорох и стук в дверь, немного погодя опять шорох и опять стук. Так как Фледжби не двинулся с места, дверь, наконец, тихонько приотворилась, и в нее заглянуло высохшее личико кроткого пожилого джентльмена.

— Мистер Райя? — очень вежливо осведомился посетитель.

— Я сам его дожидаюсь, сэр,— ответил мистер Фледжби.— Он ушел, а меня оставил здесь. Я жду его с минуты на минуту. Может быть, вы тоже присядете?

Джентльмен присел и поднес руку ко лбу, словно находясь в меланхолии. Фледжби искоса поглядывал на него, видимо наслаждаясь его унынием.

— Хорош денек, сэр,— заметил Фледжби.

Маленький, весь высохший старичок был так погружен в свои невеселые размышления, что обратил внимание на слова Фледжби, уже после того как он замолчал. Только тогда он встрепенулся и спросил:

— Простите, сударь. Кажется, вы что-то сказали мне?

— Я сказал, что день хорош,— повторил Фледжби несколько громче прежнего.

— Простите, сударь. Простите. Да.

И маленький высохший джентльмен опять поднес руку ко лбу, а мистеру Фледжби это опять доставило удовольствие. Когда джентльмен вздохнул и переменил позу, Фледжби, ухмыляясь, обратился к нему:

— Мистер Твемлоу, если не ошибаюсь?

Высохший джентльмен, видимо, изумился.

— Имел удовольствие обедать с вами у Лэмла,— сказал Фледжби.— И даже имею честь состоять с вами в родстве. Странное место для встречи; но когда бываешь в Сити, никак нельзя знать наперед, с кем встретишься. Надеюсь, что вы в добром здравии и жуируете жизнью?

Последние слова отзывались, быть может, наглостью, но, с другой стороны, это могла быть прирожденная приятность манер мистера Фледжби. Мистер Фледжби сидел в шляпе, поставив ногу на перекладину табурета. Мистер Твемлоу снял шляпу, как только вошел, и больше не надевал ее.

Совестливый Твемлоу, сознавая, что он расстроил планы очаровательного мистера Фледжби, был не на шутку смущен этой встречей.

Он чувствовал себя настолько неловко, насколько это возможно для джентльмена. Он решил, что с Фледжби надо держаться сухо, и поклонился ему издали. Фледжби, заметив это, еще больше сощурил свои узенькие глазки. Кукольная швея сидела в своем уголку за дверью, сложив руки на корзинке и придерживая ими костыль, и, по-видимому, ни на что не обращала внимания.

— Что-то он долго,— проворчал мистер Фледжби, взглянув на часы.— Который час на ваших, мистер Твемлоу?

На часах мистера Твемлоу было десять минут первого, сэр.

— Как в аптеке,— подтвердил Фледжби.— Надеюсь, мистер Твемлоу, что вас привело сюда более приятное дело, чем мое?

— Благодарю вас, сэр,— ответил мистер Твемлоу.

Фледжби опять сощурил свои узенькие глазки, весьма самодовольно поглядывая на Твемлоу, который сидел, робко постукивая по столу сложенным письмом.

— То, что мне известно о мистере Райе,— сказал Фледжби, весьма пренебрежительным тоном произнося это имя,— заставляет меня думать, что дела в этой конторе бывают только неприятные. Насколько я его знаю, это первейший жмот и скряга во всем Лондоне.

Мистер Твемлоу ответил на это замечание сухим, едва заметным кивком. Оно, видимо, его встревожило.

— До того даже,— продолжал Фледжби,— что если б я не обещал приятелю, так ни минуты не стал бы дожидаться. Но если уж друг попал в беду, надо ему помочь. Так я думаю, так и поступаю.

Добросовестный Твемлоу подумал, что такие чувства, кто бы их ни высказывал, заслуживают полного одобрения.

— Вы совершенно правы, сэр,— ответил он с чувством.— Вы подаете пример великодушия и благородства.

— Рад, что вы меня одобряете,— отозвался Фледжби.— Ведь вот совпадение, мистер Твемлоу.— Тут он соскочил со своего насеста и подошел к Твемлоу.— Друзья, за которых я пришел хлопотать, это те самые, в чьем доме

я познакомился с вами! Лемли. Она очень милая и приятная женщина, не правда ли?

Кроткий Твемлоу побледнел от угрызений совести.

— Да,— сказал он.— Она очень мила.

— А когда нынче утром она попросила, чтоб я попробовал уговорить их кредитора, этого Райю,— я действительно приобрел на него кое-какое влияние, хлопоча за одного приятеля, хотя вовсе не такое, как она думает,— когда такая женщина назвала меня милым мистером Фледжби и заплакала — ну, как вы думаете, что мне было делать?

— Ничего другого, как ехать,— пролепетал Твемлоу.

— Ничего другого не оставалось. Вот я и приехал. Не понимаю только,— сказал Фледжби, засовывая руки в карманы и прикидываясь погруженным в размышление,— почему Райя насторожился, когда я передал ему просьбу Лэмлей приостановить распродажу их имущества; почему он убежал, сказав, что скоро вернется; и почему он оставил меня одного так надолго.

Твемлоу, рыцарь Простого Сердца, был не в состоянии помочь ему. Его грызло раскаяние, мучили укоры совести. Первый раз в жизни ему пришлось действовать из-за кулис, и оказалось, что он поступил дурно. Он тайно выступил против этого доверчивого молодого человека только потому, что его обычаи не походили на обычаи мистера Твемлоу.

Однако доверчивый молодой человек продолжал воздавать ему добром за зло, покрывая стыдом его беззащитную голову.

— Извините меня, мистер Твемлоу,— видите ли, мне известно, какого рода дела здесь ведутся. Не могу ли я быть чем-нибудь вам полезным? Вас воспитали как джентльмена, а не как делового человека,— здесь опять проскользнула, быть может, и наглость,— возможно, что вы плохой делец. Чего же другого можно ждать?

— Делец я очень плохой, сэр,— отвечал Твемлоу,— в делах я смыслю еще меньше, чем в жизни; вряд ли я мог бы точнее определить свои недостатки. Я даже не понимаю как следует своего положения в том деле, которое привело меня сюда. Но есть причины, которые не позволяют мне принять вашу помощь. Мне было бы очень и

очень затруднительно ею воспользоваться. Я ее не заслужил.

Ребячески наивное создание! Обреченное всю жизнь пробираться такими узкими, тускло освещенными тропами и подбирать лишь крупинки и крохи по пути!

— Быть может,— сказал Фледжби,— вы немножко гордитесь и не хотите начинать этот разговор, поскольку вас воспитывали как джентльмена?

— Это не то, сэр,— возразил Твемлоу.— Не в том дело. Надеюсь, я умею отличить истинную гордость от ложной.

— Сам я знать не знаю, что такое гордость,— сказал Фледжби,— и, может быть, не так тонко разбираюсь в таких вещах, чтобы отличить одну от другой. Но я знаю, что это такое место, где даже и деловому человеку надо смотреть в оба, и если вам поможет моя сообразительность, то я к вашим услугам.

— Вы очень добры,— нерешительно ответил Твемлоу,— но мне очень не хотелось бы...

— Я, знаете ли, не настолько тщеславен, чтобы думать, будто моя сообразительность может пригодиться вам в свете,— продолжал Фледжби, метнув на него злобный взгляд,— но здесь она может быть вам полезна. Вы цените общество, и общество ценит вас, но мистер Райя — не общество. В обществе не принято поминать мистера Райю, ведь так, мистер Твемлоу?

Твемлоу, очень встревоженный, ответил, то и дело поднося руку ко лбу:

— Совершенно верно.

Внушающий доверие молодой человек попросил его рассказать о своем деле. Простодушный Твемлоу воображал, что Фледжби будет потрясен тем, что он ему откроет, и, ни на минуту не представляя себе возможности, что такие случаи бывают каждодневно, а не в кои-то веки, рассказал, что у него был когда-то друг, ныне покойный, гражданский чиновник и человек семейный, которому однажды понадобились деньги на переезд в связи с новой должностью, и как он, Твемлоу, «поручился за него своим именем», с обычным в таких случаях, но на взгляд Твемлоу совершенно невероятным результатом, что ему пришлось выплачивать деньги, которых он никогда не брал. Как,

в течение многих лет, он по грошам сократил основной долг, «соблюдая во всем строжайшую экономию, поскольку он пользовался постоянным, но весьма ограниченным доходом, зависящим от щедрот одного знатного родственника», и всегда выплачивал все проценты полностью, пунктуально ущемляя самого себя. Как с течением времени он привык к этому единственному в его жизни долгу и видел в нем возникающую каждые три месяца досадную помеху, но не хуже того, как вдруг его поручительство попало почему-то в руки мистера Райи, а тот прислал ему требование уплатить все полностью, круглой суммой, или отвечать за все последствия. В этом и заключалась суть рассказа мистера Твемлоу, вместе со смутными воспоминаниями о том, как его водили в какое-то присутственное место для «дачи показаний» (насколько он помнил это выражение) и как его водили в другое место, где жизнь его была застрахована в пользу кого-то, имевшего отдаленное отношение к торговле хересом и запомнившегося мистеру Твемлоу в силу того замечательного обстоятельства, что у него имелась продажная скрипка Страдивариуса и какая-то мадонна. За всем этим маячила тень сурового Снигсворта, словно обеспечение в тумане, на которую издали косились ростовщики и которая грозила мистеру Твемлоу баронским жезлом.

Все это мистер Фледжби выслушал со скромным и серьезным видом, как и подобало внушающему доверие молодому человеку, который знал все это наперед, и когда рассказ был окончен, он строго покачал головой.

— Мне это не нравится, мистер Твемлоу,— сказал Фледжби.— Мне не нравится, что Райя потребовал основной капитал. Если уж он решил подать ко взысканию, придется платить.

— Но предположим, сэр, что платить не из чего,— удрученно сказал Твемлоу.

— Тогда, знаете ли, придется вам самому отправиться.

— Куда? — слабым голосом спросил Твемлоу.

— В тюрьму,— ответил Фледжби. Тут мистер Твемлоу склонил неповинную голову на руку, испустив тихий стон отчаяния и стыда.

— Тем не менее будем надеяться, что дело не так уж плохо,— заметил Фледжби, делая вид, будто собирается с

духом.— Если вы мне позволите, я скажу Райе, когда он придет, кто вы такой, отрекомендую вас как своего друга и изложу ему ваше дело, чтобы вам самому не говорить; быть может, у меня это выйдет более по-деловому. Вы не сочтете это за вольность?

— Еще и еще раз благодарю вас, сэр,— сказал Твемлоу.— Мне очень и очень не хотелось бы пользоваться вашим великодушием, но моя беспомощность меня заставляет. Не могу же я не чувствовать, мягко выражаясь, что я ровно ничего не сделал, чтобы его заслужить.

— Куда это он девался? — пробормотал Фледжби, опять глядя на часы.— Зачем он ушел? Вы когда-нибудь видели его, мистер Твемлоу?

— Нет, никогда.

— Сущий Шейлок, как на него поглядишь, а в делах и еще того хуже. А всего хуже, когда он смирный. Если он смирный, я это считаю очень дурным знаком. Глядите хорошенько, когда он войдет, и, если он смирный, ни на что не надейтесь. Вот и он! С виду он смирный.

С этими словами, которые сильно встревожили безобидного Твемлоу, мистер Фледжби вернулся на прежнее место, а в контору вошел старик.

— Ну, Райя, я думал, вы пропали! — сказал Фледжби.

Старик, увидев постороннего, замер на месте. Он понял, что его хозяин собирается дать ему приказания, и приготовился их выслушать.

— Я, право, думал, что вы пропали, мистер Райя,— повторил Фледжби с расстановкой.— А теперь смотрю на вас — да нет, не могли вы этого сделать, нет, не могли!

Стоя со шляпой в руках, старик поднял голову и с тревогой взглянул на Фледжби, словно силясь понять, какое новое бремя тот хочет взвалить на него.

— Неужто вы убежали для того, чтобы опередить всех других и представить ко взысканию закладную Лэмла? — спросил Фледжби.— Ведь вы этого не сделали, скажите?

— Сделал, сэр,— тихим голосом ответил старик.

— Ох, чтоб вам! — воскликнул Фледжби.— Ну-ну-ну! Вот так так! Ну, мистер Райя, мне было известно, что вы человек жестокий, но я все же не думал, что до такой степени.

— Сэр,— ответил старик очень тревожно,— я делаю, как мне приказано. Я тут не хозяин, я только служащий у другого лица, не имею никакой власти и ничего не могу сделать.

— Будет вам,— возразил Фледжби, втайне торжествуя при виде того, как старик простер вперед обе руки, словно защищаясь от обоих наблюдателей.— Знаем мы вас и вашу песенку, мистер Райя. Вы вправе взыскивать с людей долги, если уж решились на это, но только не прикидывайтесь овечкой, как вся ваша братия любит прикидываться. По крайней мере передо мной. Да и к чему, мистер Райя? Вам известно, что я вас наизусть знаю.

Старик запахнул свободной рукой длинную полу своей одежды и печально взглянул на Фледжби.

— И не будьте, пожалуйста не будьте так дьявольски кротки, мистер Райя,— продолжал Фледжби,— потому что мне известно, что за этим последует. Послушайте, Райя. Вот этот джентльмен — мистер Твемлоу.

Еврей повернулся к нему и поклонился. Бедная овечка тоже поклонилась в ответ, учтиво и с испугом.

— Мне так не повезло,— продолжал Фледжби,— когда я просил вас сделать уступку для моего друга Лэмла, что я уж и не надеюсь выпросить что-нибудь для моего друга (и даже родственника) мистера Твемлоу. Думаю, однако, что если вы и пойдете на уступку, то разве только для меня, так что я уж постараюсь упросить вас, да кроме того я уже обещал это мистеру Твемлоу. Так вот, мистер Райя, это мистер Твемлоу. Всегда аккуратно платит проценты, всегда приходит вовремя и понемножку погашает свой долг. Так зачем же вам прижимать мистера Твемлоу? Что вы имеете против мистера Твемлоу? Почему не оказать снисхождения мистеру Твемлоу?

Старик заглянул в маленькие глазки Фледжби, ища в них разрешения не прижимать мистера Твемлоу, но не нашел даже намека на это.

— Мистер Твемлоу вам не родня,— сказал Фледжби,— не станете же вы мстить ему за то, что он всю свою жизнь был джентльменом и жил на средства своих родственников. Если даже мистер Твемлоу презирает дельцов, вам-то что до этого?

— Но простите,— прервала его кроткая жертва,— я их не презираю. Я счел бы это высокомерием.

— Вот видите, мистер Райя! — сказал Фледжби.— Как это мило сказано, не правда ли? Давайте договоримся о деле мистера Твемлоу.

Старик снова взглянул на него, ища позволения пощадить бедного старичка. Но нет. Мистер Фледжби намерен был доконать его.

— Мне очень жаль, мистер Твемлоу,— сказал Райя.— Я получил приказания и не могу уклониться от них. Деньги должны быть выплачены.

— Все сразу и наличными, вы хотите сказать, мистер Райя? — спросил Фледжби для полной ясности.

— Полностью, сэр, и сразу,— ответил Райя.

Мистер Фледжби сокрушенно покачал головой, глядя на Твемлоу, и без слов выразил свое мнение о почтенном старце, стоявшем перед ним с опущенными глазами: «Вот изверг, этот еврей!»

— Мистер Райя! — начал Фледжби.

Старик опять поднял глаза на Фледжби, в надежде, что тот, быть может, еще подаст ему знак.

— Мистер Райя, не вижу, к чему об этом молчать. В деле мистера Твемлоу замешано одно важное лицо, и вы это знаете.

— Знаю,— подтвердил старик.

— Так вот, мистер Райя, я просто указываю на это как на очень важное обстоятельство в его деле. Вы твердо решили (указываю просто на обстоятельство дела) требовать либо поручительства этого важного лица, либо его деньги?

— Твердо решил,— отвечал Райя, поняв это по лицу своего хозяина.

— Нисколько не беспокоясь о том и даже радуясь тому,— продолжал Фледжби елейным тоном,— какие ссоры и свары начнутся между мистером Твемлоу и этим важным лицом?

Ответа не требовалось, да его и не последовало. Бедный Твемлоу, переживавший жестокие душевные муки с тех пор, как в перспективе показался его знатный родственник, вздохнул и поднялся с места, собираясь уходить.

— Очень вам благодарен, сэр,— сказал он, протягивая Фледжби сухую и горячую руку.— Вы оказали мне большую услугу. Благодарю вас, благодарю.

— Не стоит благодарности,— отвечал Фледжби.— Ведь пока что ничего не вышло, но я еще останусь и попробую поговорить с мистером Райей.

— Не обманывайтесь, мистер Твемлоу,— сказал еврей, впервые обращаясь к нему прямо.— Никакой надежды для вас нет. Не ждите снисхождения. Вам придется уплатить все сполна и как можно скорее, иначе дело передадут в суд. Не рассчитывайте на меня, сэр. Деньги, деньги и деньги.

Сказав это особенно выразительно, он отвесил низкий поклон в ответ на вежливый кивок мистера Твемлоу, и достойный маленький джентльмен удалился в большом унынии. Очаровательный Фледжби до того развеселился, что после его ухода должен был отойти к окну, где долго стоял, облокотившись на ставень, и беззвучно смеялся, повернувшись спиной к своему подчиненному. Успокоившись, он снова повернулся к старику лицом и увидел, что тот стоит на прежнем месте, а кукольная швея все так же сидит в уголку за дверью и лицо у нее испуганное.

— Ого! — воскликнул мистер Фледжби,— вы совсем забыли про эту молодую особу, мистер Райя, а она тоже давно вас ждет. Отпустите ей лоскутков, только, пожалуйста, полной мерой, если можете расщедриться хоть раз в жизни.

Некоторое время он смотрел, как еврей наполняет ей корзиночку лоскутками, какие она всегда покупала; но скоро его опять разобрало веселье, и ему опять пришлось отвернуться к окну, прислониться к ставню.

— Ну, милая Золушка, теперь ваша корзинка полна,— сказал старик шепотом и с расстроенным видом.— Господь с вами! Идите домой!

— Не зовите меня «милой Золушкой»,— возразила мисс Рен.— Ах вы злая крестная.

Она погрозила ему пальчиком и так серьезно и выразительно, как грозила дома своему непослушному старому ребенку.

— Вы вовсе не крестная! — продолжала она.— Вы теперь Волк, серый Волк! И если мою милую Лиззи предали и продали, я теперь буду знать, кто ее предал и продал.

ГЛАВА XIV

Мистер Вегг собирается прищемить нос мистеру Боффину

После того как мистер Венус побывал еще несколько раз на чтении рассказов о скрягах, его присутствие на вечерах в «Приюте» стало почти обязательным. Мистер Боффин, по-видимому, находил особенное удовольствие в чудесах, которые демонстрировал Вегг, если при этом был еще один слушатель, так сказать, еще один человек для подсчета золотых гиней в чайниках, трубках, яслях, кормушках и прочих депозитных банках; Сайлас же Вегг, который в обыкновенное время по своей завистливости непременно обиделся бы на внимание, оказанное анатому, теперь при всяком удобном случае расхваливал Венуса Боффину, советуя дорожить обществом такого человека,— настолько он боялся, как бы Венус, оставшись без присмотра, не поддался искушению сыграть какую-нибудь штуку с хранившимся у него драгоценным документом. И еще одну дружескую услугу оказывал ему теперь мистер Вегг изо дня в день. После того как кончалось чтение и благодетель уходил из «Приюта», Вегг неизменно провожал домой мистера Венуса. Само собой разумеется, он так же неизменно просил разрешения полюбоваться документом, которым они с Венусом владели совместно, никогда, однако, не упуская случая заметить, что одно только наслаждение поучительной беседой мистера Венуса снова заманило его до самого Клеркенуэла, а уж раз он дошел до места, завлеченный светскими дарованиями мистера В., то уж кстати попросит разрешения проделать ту пустяковую формальность, так только, для порядка.

— Разве я не знаю, сэр,— прибавлял обычно мистер Вегг,— что человек с вашей чувствительной душой всегда сам захочет, чтобы его проверили; не могу же я не считаться с вашими чувствами.

К этому времени в мистере Венусе стала заметна некоторая доза ржавчины, и, сколько Вегг ни умасливал его елеем, при нажиме он повертывался на шарнирах очень туго и со скрипом. Венус дошел до того, что, присутствуя на литературных вечерах, раза два-три позволил себе по-

править мистера Вегга, когда тот уж очень перевирал какое-нибудь слово, а то и целый абзац, так что Вегг стал заранее проверять свой курс еще днем, с тем чтобы вечером благополучно обойти подводные камни и не сесть на них невзначай. Особенно он боялся всего, что имело хоть малейшее отношение к анатомии, и если замечал впереди какую-нибудь кость, то, приложив все усилия, обходил ее стороной, лишь бы не произносить вслух названия.

Однажды вечером, по велению неблагосклонной судьбы, ладья мистера Вегга оказалась окружена массой многосложных слов и запуталась в целом архипелаге трудностей. Будучи вынужден ежеминутно делать промеры и подвигаться вперед с величайшей осторожностью, мистер Вегг не мог уделять внимания ничему другому. Мистер Венус воспользовался его трудным положением и, приложив палец к губам, сунул клочок бумаги в руку мистеру Боффину.

Возвратившись вечером домой, мистер Боффин увидел, что в бумажке была визитная карточка мистера Венуса с нацарапанными на ней словами: «Буду очень рад, если окажете мне честь зайти по вашему собственному делу как-нибудь в сумерки, пораньше вечером».

В следующий же вечер мистер Боффин остановился перед витриной мистера Венуса, разглядывая лягушек в спирту, а Венус, бывший на страже, заметил его в ту же минуту и кивком пригласил зайти в помещение. Мистер Боффин так и сделал и, усевшись к огню на предложенный ему ящик с «человеческими костями, разными», долго оглядывал лавку изумленным взором. Огонь то угасал, то разгорался, сумерки уже сгустились, и все чучела в лавке мигали и моргали обоими глазами, как и сам Венус. Французский джентльмен, хотя и без глаз, ничуть не отставал от других, и при каждой вспышке огня его пустые глазницы, казалось, открывались и закрывались так же равномерно, как стеклянные глаза игрушечных собачек, уток и других птиц. Головастые младенцы не менее усердно содействовали ему, усиливая общее впечатление уродливыми гримасами.

— Видите, мистер Венус, я времени не терял,— сказал мистер Боффин.— Вот и я.

— Вот и вы, сэр,— согласился Венус.

— Не люблю никаких тайн,— продолжал мистер Боф-

фин,— то есть, вообще говоря, не люблю — надеюсь, однако, что вы мне сможете объяснить, для какой надобности вы молчали до сих пор.

— Думаю, что смогу, сэр,— ответил Венус.

— Отлично,— сказал мистер Венус.— Надо полагать, вы не ждете сегодня Вегга?

— Нет, сэр, никого не жду, кроме здесь присутствующих.

Мистер Боффин огляделся по сторонам, словно включая в это число и французского джентльмена и то общество, в котором он не вращался, и повторил:

— Здесь присутствующих.

— Сэр,— начал мистер Венус,— прежде чем приступить к делу, я попрошу, чтобы вы дали слово и поручились честью, что все это останется в тайне.

— Погодим немножко, посмотрим сперва, что значит такое выражение,— отвечал мистер Боффин.— Надолго ли в тайне?.. Навсегда, что ли?

— Понимаю ваш намек, сэр,— сказал Венус,— вы думаете, что дело, может быть, окажется не такого рода, чтобы вы сочли удобным хранить его в тайне.

— Может быть,— сказал мистер Боффин, осторожно поглядывая по сторонам.

— Правильно, сэр. Что ж, сэр,— заметил Венус, вцепившись для прояснения мыслей в свои пыльные волосы,— попробуем подойти с другой стороны. Я начинаю с вами дело, а вы ручаетесь честью без моего ведома ничего не предпринимать и не говорить, что я в нем участвую.

— Как будто правильно,— сказал мистер Боффин.— Я согласен.

— Вы даете слово и ручаетесь честью, сэр?

— Любезный,— возразил мистер Боффин,— слово я вам даю, а как можно его дать, не ручаясь честью, я не знаю. На своем веку я просеял горы мусора, но ни разу не видел, чтобы эти две вещи были в отдельных кучах.

Это замечание, казалось, несколько пристыдило мистера Венуса. Он замялся и сказал:

— Совершенно верно, сэр,— и, прежде чем возобновить прерванную речь, еще раз повторил,— совершенно верно, сэр. Мистер Боффин, если я сознаюсь вам, что согласился участвовать в сговоре, жертвой которого должны

были стать вы, чего никак не должно было делать, то, быть может, вы позволите мне упомянуть, что я был тогда в удрученном состоянии духа, и окажете мне снисхождение.

Золотой Мусорщик, сложив руки на набалдашнике толстой трости и опершись на них подбородком, покосился на него с каким-то загадочным выражением и сказал, кивнув головой:

— Разумеется, Венус.

— Этот сговор, сэр, клонился к тому, чтобы обмануть ваше доверие так нагло, что мне сразу же надо было сообщить вам. Но я этого не сделал, мистер Боффин, я соблазнился.

Не моргнув глазом, не шевельнув пальцем, мистер Боффин опять кивнул головой и спокойно повторил:

— Вот именно, Венус.

— Не то чтобы я пошел на это с охотой, сэр,— продолжал кающийся анатом,— или не упрекал себя за то, что свернул со стези науки на стезю...— он собирался сказать «злодейства», но, не желая усугублять свою вину, с большим подъемом переменил на «Вегга».

Мистер Боффин, глядя все так же спокойно и загадочно, ответил:

— Вот именно, Венус.

— А теперь, сэр,— продолжал Венус,— подготовив вас в общих чертах, я вам препарирую все детали.

После краткого профессионального вступления он перешел к истории дружеского договора и изложил ее правдиво. Можно было бы предполагать, что его рассказ вызовет у мистера Боффина какие-нибудь признаки изумления, гнева или других чувств, однако он не вызвал ничего кроме все того же замечания:

— Вот именно, Венус.

— Думаю, что я удивил вас, сэр? — с сомнением спросил мистер Венус.

Мистер Боффин ответил по-прежнему:

— Вот именно, Венус.

Теперь удивляться пришлось уже Венусу. Однако недолго. Ибо, когда Венус перешел к находке Вегга, а от нее к тому, как мистер Боффин у них на глазах откапывал голландскую флягу, последний изменился в лице, зашевелился, забеспокоился и кончил тем (когда замолчал мистер

Венус), что выказал явную тревогу, волнение и замешательство.

— Так вот, сэр,— сказал Венус в заключение,— вам лучше знать, что было в той голландской фляге и для чего вы ее откопали и унесли с собой. Я не хочу знать об этой фляге больше того, что видел. Я знаю одно: что я все-таки горжусь своим ремеслом (хотя с ним связан ужасный недостаток, поразивший мое сердце и почти в той же мере — мой скелет) и намерен жить только своим ремеслом. Говоря иными словами, я не намерен марать рук ни единым пенни, нажитым на этом деле. Единственно тем я могу загладить свою вину перед вами, что предостерегу вас насчет находки, сделанной Веггом. Мое мнение такое, что молчание Вегга задешево не купишь, и потому я составил такое мнение, что он начал распоряжаться вашим добром, как только понял свою силу. Вы сами решите, стоит ли вам покупать его молчание любой ценой, сами и примете меры, какие нужно. Что касается меня, то я никаких денег не возьму. Потребуется когда-нибудь сказать правду, я скажу, но больше того, что я уже сделал, мне делать не хочется, вот и все.

— Спасибо, Венус! — сказал мистер Боффин, крепко пожав ему руку.— Спасибо, спасибо, Венус! — И в сильном волнении он стал прохаживаться взад и вперед по лавчонке.— Послушайте, однако, Венус,— заговорил он, в волнении садясь снова,— если придется подкупать Вегга, то это обойдется не дешевле, чем подкупать вас обоих. Вместо того чтобы взять половину — уговор был, кажется, делить пополам? Всю прибыль поровну?

— Уговор был пополам, сэр,— ответил Венус.

— А вместо того он теперь заберет все. Мне придется платить столько же, если не больше. Вы же сами говорите, что совести у него нет, что он сущий грабитель.

— Таков он и есть,— сказал Венус.

— Не думаете ли вы, Венус,— вкрадчиво спросил мистер Боффин, глядя в огонь,— не кажется ли вам, что... вы могли бы прикинуться, будто участвуете в деле, пока Вегг не будет подкуплен, а потом вы успокоили бы свою совесть, вернув мне то, что взяли для виду?

— Нет, сэр, не кажется,— очень решительно возразил Венус.

— Даже чтобы искупить свою вину? — допытывался мистер Боффин.

— Нет, сэр. Мне кажется, по зрелом размышлении, для того чтоб оправдаться и выйти из дела, всего лучше будет опять войти в дело.

— Гм! — задумался мистер Боффин.— Когда вы говорите «дело», это значит...

— Это значит правое дело,— отвечал Венус кратко и решительно.

— Мне кажется, что право на моей стороне, если оно вообще есть,— обиженно проворчал мистер Боффин, нагнувшись к огню.— У меня больше прав на деньги старика, чем у казны. Что он видел от казны кроме налогов? А мы с женой были для него решительно всем.

Мистер Венус, опустив голову на руки, погрузился в меланхолию при виде такой скупости мистера Боффина и пробормотал для того только, чтобы еще глубже насладиться своим меланхолическим настроением:

— Она не желала равнять себя ни с чем таким и не желала, чтобы ее другие равняли.

— А чем же я буду жить,— спросил мистер Боффин жалобно,— если мне придется подкупать разных молодчиков на свои гроши? И как за это взяться? Когда нужно приготовить деньги? Когда предложить их? Вы же мне не сказали, когда он собирается на меня наброситься?

Венус объяснил, по каким причинам и с какой целью нападение на мистера Боффина отложено до тех пор, пока не будет вывезен мусор. Мистер Боффин внимательно слушал.

— И неужели не может быть никаких сомнений в подлинности этого проклятого завещания? — спросил он с надеждой в голосе.

— Решительно никаких,— ответил Венус.

— Где же оно находится теперь? — осторожно спросил мистер Боффин.

— Оно у меня, сэр.

— Неужели? — радостно воскликнул мистер Боффин.— Ну, а за хорошую цену, Венус, не бросите ли вы эту бумагу в огонь?

— Нет, сэр, не брошу,— отрезал мистер Венус.

— И не передадите ее мне?

— Это было бы то же самое. Нет, сэр,— ответил мистер Венус.

Золотой Мусорщик собирался задать еще не один вопрос, как вдруг на улице послышалось постукивание деревяшки, приближавшейся к дверям.

— Тише! Это Вегг,— сказал Венус.— Спрячьтесь вот за этого молодого аллигатора в углу, мистер Боффин, и можете судить сами. Я не стану зажигать свечку, пока он не уйдет; свет будет только от угольев. Вегг хорошо знаком с аллигатором и не станет его особенно разглядывать. Уберите ноги, мистер Боффин, а то я вижу башмаки из-за его хвоста. Голову спрячьте за его улыбкой, мистер Боффин, места вам вполне хватит... вот так, и вам будет очень удобно. Он немножко запылился, но очень подходит к вам по цвету. Удобно ли вам, сэр?

Мистер Боффин едва успел ответить утвердительно, как вошел Вегг, постукивая деревяшкой.

— Ну, приятель, как поживаете? — бодрым тоном осведомился Вегг.

— Так себе,— ответил мистер Венус.— Похвастаться нечем.

— Во-от как! — сказал Вегг.— Жаль, что вы так плохо поправляетесь: душа-то у вас велика для тела, вот в чем суть. А как наш товарец? Крепче запрешь, скорее найдешь, так, что ли?

— Желаете посмотреть? — спросил Венус.

— Будьте так любезны,— потирая руки, сказал Вегг.— Мне желательно взглянуть на него совместно с вами. Или, как похоже сказано в стихах, которые еще в старину были положены на музыку:

Твоими глазами смотрю на него *,
Клянусь не смотреть по-другому.

Повернувшись к нему спиной, Венус повернул ключ в замке и достал документ, по обыкновению придерживая его за уголок. Мистер Вегг, придерживая документ за другой уголок, стал его рассматривать, усевшись на место, только что освобожденное мистером Боффином.

— Все в порядке, сэр,— не сразу и очень неохотно согласился он, не в силах расстаться со своей добычей,— все в порядке.

И алчными глазами он так и следил за своим компаньоном, когда тот, снова повернувшись к нему спиной, повернул ключ в замке.

— Новостей никаких, я полагаю? — спросил Венус, опять усаживаясь на низенький табурет за прилавком.

— Кое-что есть, сэр,— ответил Вегг,— нынче утром случилось кое-что новенькое. Эта старая лиса, этот скряга и захватчик...

— Мистер Боффин? — переспросил Венус, оглянувшись на улыбку аллигатора длиной ярда в два.

— Какой он к черту мистер! — воскликнул Вегг, давая волю благородному негодованию.— Боффин. Мусорный Боффин. Эта старая лиса, этот ругатель и мучитель, нынче утром присылает на свалку своего лакея, молодого человека по имени Хлюп, распоряжаться нашей собственностью. Ей-богу, я его спрашиваю: «Что вам здесь нужно, молодой человек? Это частное владение», а он вытаскивает бумагу от другого подлеца, того самого, из-за которого меня обошли. «Настоящим Хлюп уполномачивается присматривать за вывозкой мусора». Это уж слишком, как по-вашему, мистер Венус?

— Вспомните, что он еще не знает о наших правах,— остановил его Венус.

— Так надо ему намекнуть,— сказал Вегг,— да повнушительнее, чтоб он набрался страху. А то дай только палец, он и всю руку заберет. Если спустить на этот раз, мало ли что он вздумает проделать с нашей собственностью. Я вам скажу, мистер Венус, вот до чего дошло: надо мне приструнить этого Боффина, иначе я лопну. Никак не могу сдерживаться, когда гляжу на него. Каждый раз, как он лезет к себе в карман, мне кажется, будто он ко мне в карман лезет. Каждый раз, когда он бренчит своими деньгами, мне кажется, будто он вольничает с моими деньгами. Живая плоть и кровь этого не стерпит. Нет, я даже больше скажу,— в ожесточении прибавил мистер Вегг.— Деревяшка этого не стерпит!

— Однако, мистер Вегг,— настаивал Венус,— ведь это была ваша мысль, что надо отложить расправу с ним, пока весь мусор не вывезут.

— А это тоже была моя мысль,— возразил Вегг,— чтобы пригрозить ему, если он явится вынюхивать и высле-



живать насчет собственности, дать понять, что он не имеет на нее никаких прав, сделать его нашим рабом. Разве это была не моя мысль, мистер Венус?

— Разумеется, ваша, мистер Вегг.

— Разумеется, моя, как вы сами сказали,— подтвердил Вегг, несколько смягченный такой готовностью соглашаться с ним.— Очень хорошо. Я считаю выслеживаньем и вынюхиваньем то, что он прислал к нам во двор одного из своих лакеев. И за это ему надо прищемить нос.

— Должен признать, что не по вашей вине ему удалось удрать с голландской флягой в тот вечер, мистер Вегг,— сказал Венус.

— Как вы сами это честно признали, друг! Нет, не по моей вине. Я бы эту флягу у него выцарапал. Можно ли было стерпеть, что он, как тать в нощи, явился копаться в мусоре, да и не в своем, а скорее в нашем (ведь мы можем отобрать у него все до последней пылинки, если он не заплатит, сколько мы потребуем), и унес клад из этих раскопок? Нет, этого нельзя стерпеть. И за это тоже следует прищемить ему нос.

— Как же вы намерены это сделать, мистер Вегг?

— Прищемить-то? Я намерен открыто оскорбить его,— возразил почтенный инвалид.— И если, глядя мне в глаза, он посмеет ответить хотя бы слово, оборвать его, чтоб он дух не успел перевести: «Еще одно слово, старый грязный пес, и ты нищий».

— А если он ничего не скажет, мистер Вегг?

— Тогда мы без всяких хлопот придем к соглашению,— отвечал Вегг,— я его обломаю и верхом на него сяду. Я его взнуздаю, затяну поводья, укрощу его и верхом сяду. Чем туже его взнуздать, тем больше он заплатит. А я намерен получить с него побольше, даю вам слово, мистер Венус!

— Уж очень это мстительно звучит, мистер Вегг.

— Мстительно, сэр? Не для него ли я разрушался и падал вечер за вечером? Не для его ли удовольствия торчал дома, чтобы он сшибал меня как кеглю,— шарами ли, книгами ли — какими ему вздумается? Да ведь я во сто раз лучше его, сэр, в пятьсот раз лучше!

Мистер Венус взглянул на него с сомнением, быть может намеренно вызывая его на самую неприглядную откровенность.

— Как? Не перед тем ли самым домом, который сейчас занимает этот жалкий червь и баловень фортуны,— продолжал Вегг, пользуясь для порицания самым высоким стилем и стуча кулаком по прилавку,— я, Сайлас Вегг, человек в пятьсот раз более достойный, сидел во всякую погоду, дожидаясь поручения или покупателя? Не перед этим ли самым домом я впервые увидел его купающимся в роскоши, в то время как я торговал там грошовыми песенками пропитания ради? Так неужели мне пресмыкаться перед ним во прахе, чтоб он топтал меня ногами? Нет!

При вспышке огня на уродливой физиономии французского джентльмена промелькнула усмешка, словно он подсчитывал, сколько тысяч клеветников и предателей ополчаются против баловней фортуны совершенно на тех же основаниях, что и мистер Вегг. Легко было вообразить, что головастые младенцы опрокинулись вверх ногами, пытаясь решить своим водяночным мозгом, сколько детей человеческих точно таким же образом превращают своих благодетелей в злейших врагов. Двухярдовую улыбку аллигатора можно было истолковать в таком смысле: «Все это было известно давным-давно, еще в глубинах первобытного ила».

— Однако,— сказал Вегг, возможно учуяв все же что-то неладное,— ваша выразительная физиономия, мистер Венус, говорит мне, что сегодня я гораздо скучнее и сердитее обыкновенного. Быть может, я чересчур много думал. Прочь, унылая Забота! Теперь все прошло, сэр. Только взглянул на вас, и «империя вновь обрела свою власть». Ибо, как говорится в песне, хотя и подлежит изменению, сэр:

Когда на сердце облако забот *,
Его рассеет Венуса приход, он
Как пенье скрипки наш ласкает слух
И в то же время возвышает дух, сэр.

Спокойной ночи, сэр.

— Мне скоро надо будет сказать вам словечко-другое, мистер Вегг,— заметил Венус,— насчет моего участия в деле, о котором мы говорили.

— Мое время, сэр, принадлежит вам,— возразил Вегг.— А пока что обещаю: ничто мне не помешает прищемить ему нос, этому мусорному Боффину. А уж если я его прищемлю, так не выпущу вот из этих самых рук, мистер Венус, так и буду держать, пока искры не посыплются.

С этим приятным обещанием Вегг вышел, постукивая деревяшкой, и закрыл за собой дверь.

— Погодите, я зажгу свечку, мистер Боффин,— сказал Венус,— вам будет удобнее выйти.

Засветив свечку, он держал ее в вытянутой руке до тех пор, пока мистер Боффин не выбрался из-за улыбки аллигатора с таким мрачным выражением лица, что могло показаться, будто аллигатор зло подшутил над мистером Боффином и теперь веселился, прохаживаясь на его счет.

— Вот предатель! — сказал мистер Боффин, выходя и отряхивая пыль с плечей и колен, поскольку в обществе аллигатора нельзя было набраться ничего другого.— Вот гадина!

— Аллигатор, сэр? — спросил Венус.

— Нет, Венус, нет. Этот Змей.

— Будьте любезны обратить ваше внимание, сэр,— заметил Венус,— ведь я ничего не сказал ему насчет того, что совсем выхожу из дела — мне никоим образом не хотелось бы выходить, не предупредив вас. Но ради собственного моего спокойствия, мистер Боффин, хочется развязаться поскорей, и потому я позволю себя спросить, когда для вас будет удобнее, чтобы я вышел из дела?

— Благодарствую, Венус, благодарствую, но только я не знаю, что вам сказать,— отвечал мистер Боффин.— Я и сам не знаю, что делать. Все равно он на меня набросится. Он, кажется, твердо решил на меня наброситься, не правда ли?

Мистер Венус полагал, что намерения Вегга именно таковы.

— Вы могли бы оказать мне некоторую поддержку, если бы остались в деле,— сказал мистер Боффин,— вы могли бы становиться между Веггом и мною и смягчать его. Как вы думаете, Венус, не могли бы вы прикинуться, будто остаетесь в деле, пока я сам не соберусь с мыслями?

Венус, натурально, осведомился, много ли понадобится мистеру Боффину времени, чтобы собраться с мыслями.

— Право, не знаю,— совершенно растерявшись, ответил мистер Боффин.— Все пошло шиворот-навыворот. Если бы меня не ввели во владение, я бы ничего не имел против. Но раз уж ввели, не очень-то будет приятно, если выведут, согласитесь сами, мистер Венус.

Мистер Венус, по его словам, предпочел бы, чтобы мистер Боффин сам разрешил этот деликатный вопрос.

— Не знаю, право, что и делать,— сказал мистер Боффин.— Если я посоветуюсь с кем-нибудь другим, это значит только, что придется посвящать в тайну и подкупать еще одного человека; тогда я совсем разорюсь, лучше уж было бы все бросить и прямо отправиться в работный дом. Если мне посоветоваться с моим молодым человеком, Роксмитом, так придется и его подкупать. Рано или поздно он тоже накинется на меня, не хуже Вегга. Для того я, должно быть, и родился на свет, чтобы на меня нападали.

Мистер Венус молча выслушивал эти жалобы, пока мистер Боффин семенил взад и вперед по лавчонке, держась за карманы, словно за больные зубы.

— В конце концов вы еще не сказали мне, Венус, как вы сами намерены поступить? Когда вы выйдете из дела и как вы это устроите?

Венус ответил, что так как документ нашел и передал ему Вегг, то он намерен отдать его обратно Веггу, заявив, что ему нечего на это сказать и нечего с этим делать, и пускай Вегг поступает как ему вздумается и сам отвечает за последствия.

— И тогда он обрушится на меня всей тяжестью! — в унынии воскликнул мистер Боффин.— Пускай уж лучше это были бы вы или вы с ним вдвоем, но только не он один!

Мистер Венус мог только повторить, что твердо намерен возвратиться на стезю науки и не сходить с нее до самой своей смерти; а на своих ближних отнюдь не покушаться, разве только после их смерти, и то единственно для того, чтобы отпрепарировать их как можно лучше, по мере сил и умения.

— А сколько времени вы согласились бы еще потерпеть, делая вид, будто остаетесь в деле? — спросил мистер Боффин, возвращаясь к прежней мысли.— Могли бы вы потерпеть, пока не вывезут весь мусор?

Нет. Это слишком затянуло бы душевные муки мистера Венуса.

— А если бы я представил вам причину? — спросил мистер Боффин.— Если б я представил вам основательную, достаточную причину?

Если под основательной и достаточной причиной мистер Боффин подразумевал настоящую, вполне надежную причину, то это могло бы иметь вес для мистера Венуса, даже вопреки его личным желаниям и расчетам. Он должен, однако, прибавить, что не видит никакой возможности, чтобы ему представили такую причину.

— Зайдите ко мне домой, Венус,— сказал мистер Боффин.

— Разве эта причина там, сэр? — недоверчиво улыбаясь и моргая, спросил Венус.

— Может, да, а может, и нет,— ответил мистер Боффин,— это как вам покажется. А вы до поры до времени не бросайте дела. Послушайте! Сделайте вот что. Дайте мне слово, что вы без моего ведома не предпримете никаких шагов относительно Вегга, так же как и я даю слово ничего не предпринимать без вас.

— Договорились, мистер Боффин! — после краткого размышления сказал Венус.

— Спасибо, Венус, спасибо! Договорились!

— Когда же мне к вам зайти, мистер Боффин?

— Когда вам угодно. Чем раньше, тем лучше. А теперь мне пора. Всего хорошего, Венус.

— Всего хорошего, сэр.

— А также и всей честной компании,— сказал мистер Боффин, обводя взглядом лавчонку.— Ну и кунсткамера, Венус; как-нибудь в другой раз хорошо бы с ними познакомиться поближе. Всего хорошего, Венус, всего хорошего! Благодарствую, Венус, спасибо, Венус!

И с этими словами он засеменил к выходу, а там и по улице, направляясь домой.

— Хотелось бы мне знать,— размышлял он дорогой, нянча свою трость,— возможно ли, чтоб Венус и вправду

собирался прищемить нос Веггу? А может быть, он хочет забрать меня в руки и раздеть догола, после того как я откуплюсь от Вегга?

Это была хитрая и подозрительная мысль, как раз по плечу выученику Скряг, и, семеня по улице, он и сам казался хитрым и подозрительным. Не раз и не два, даже не два и не три, а по крайней мере раз десять он замахивался тростью, нанося прямой удар по воздуху. Вероятно, он видел перед собой деревянную физиономию Сайласа Вегга, потому что бил с явным удовольствием.

Он подходил уже к своему дому, когда мимо него промчалась маленькая каретка, повернула назад и снова промчалась мимо. Эта каретка двигалась как-то странно; мистер Боффин опять услышал, как она остановилась позади него, повернула и опять проехала мимо. Потом снова остановилась, тронулась, скрылась из виду. Однако не очень далеко: когда он свернул на свою улицу, оказалось, что каретка стоит на углу.

Как только он поравнялся с кареткой, в окно выглянуло женское лицо, и когда он уже проходил мимо, дама негромко назвала его по имени.

— Что угодно, сударыня? — останавливаясь, откликнулся мистер Боффин.

— Это я — миссис Лэмл,— сказала дама.

Мистер Боффин подошел к окну и выразил надежду, что миссис Лэмл здорова.

— Не так здорова, дорогой мистер Боффин, и очень расстроена — быть может, неразумно — тем, что очень тревожилась и волновалась. Я давно вас поджидаю. Можно мне поговорить с вами?

Мистер Боффин предложил миссис Лэмл проехать к его дому, всего на какую-нибудь сотню шагов далее.

— Мне бы не хотелось, мистер Боффин, если вы не очень на этом настаиваете. Вопрос настолько затруднительный и щекотливый, что было бы не совсем ловко говорить о нем у вас дома. Вам, должно быть, это кажется очень странным?

Мистер Боффин сказал, что нет, хотя подумал, что да.

— А все потому, что я слишком дорожу добрым мнением моих друзей и даже ради выполнения долга ни за что не хотела бы потерять его. Я спросила мужа, моего доро-

гого Альфреда, должна ли я считать это своим долгом, и он ответил, что да. Жаль, что я не спросила его раньше. Это избавило бы меня от многих мучений.

(«Опять, что ли, на меня покушаются?» — подумал мистер Боффин, совсем сбитый с толку.)

— Альфред и послал меня к вам, мистер Боффин. Альфред сказал: «Не возвращайся домой, Софрония, пока не повидаешься с мистером Боффином и не расскажешь ему обо всем». Не сядете ли вы ко мне в карету?

Мистер Боффин ответил: «Почему же нет»,— и уселся рядом с миссис Лэмл.

— Поезжайте куда-нибудь не торопясь,— сказала миссис Лэмл своему кучеру,— и чтобы колеса не гремели.

«Так и есть, опять на меня покушаются,— сказал мистер Боффин самому себе.— Что-то будет?»

ГЛАВА XV

Золотой Мусорщик в самом худшем виде

Завтрак в доме мистера Боффина всегда проходил очень приятно, и за столом обычно хозяйничала Белла. Золотой Мусорщик выходил к завтраку с безоблачным лицом, словно начиная каждый новый день в своем природном здоровом духе, и только после первых часов бодрствования подпадал под разлагающее влияние богатства. В этот ранний час не трудно было поверить, что он ничуть не переменился. Однако с течением времени собирались тучи, и ясное утро омрачалось. Можно сказать, тени скупости и подозрительности удлинялись вместе с его собственной тенью, и мрак постепенно сгущался вокруг него.

Но вот, в одно утро, оставшееся всем надолго памятным, Золотой Мусорщик вышел к завтраку с лицом чернее ночи. Никогда еще не проявлялась так резко перемена в его характере. Его обращение с секретарем было настолько высокомерно и неуважительно, настолько полно недоверия, что молодой человек встал и вышел из-за стола в середине завтрака. Золотой Мусорщик проводил уходящего таким хитрым и злобным взглядом, что от одного этого Белла

застыла бы в негодовании, даже если б он не погрозил исподтишка Роксмиту, затворявшему за собой дверь. Этот день, самый злосчастный изо всех дней в году, был первым после того, как мистер Боффин беседовал с миссис Лэмл в ее маленькой каретке.

Белла взглянула на миссис Боффин, стараясь по ее лицу угадать, чем объясняется такой бурный припадок гнева у ее мужа, но ничего не угадала. Печаль и тревогу — вот все, что она могла прочесть на лице миссис Боффин, наблюдавшей за ней самой. Когда они остались вдвоем, что случилось не ранее полдня, ибо мистер Боффин долго сидел в своем кресле, а по временам вскакивал с места и семенил взад и вперед по комнате, сжимая кулаки и что-то бормоча, испуганная Белла спросила миссис Боффин, что случилось, в чем дело?

— Мне запрещено говорить об этом с вами, дорогая моя Белла, я не могу вам сказать,— другого ответа она не добилась. И все же, всякий раз, когда Белла в недоумении и тревоге поднимала глаза на миссис Боффин, она видела, что та наблюдает за ней все с тем же выражением заботы и печали.

День для Беллы тянулся долго и тоскливо; она была подавлена чувством надвигающейся беды и терялась в догадках, почему миссис Боффин смотрит на нее так, как будто и она в этом виновата. Было уже далеко за полдень, когда слуга вошел к ней в комнату и доложил, что мистер Боффин просит ее пожаловать к нему.

Миссис Боффин уже сидела там на диване, а мистер Боффин расхаживал взад и вперед по комнате. Увидев Беллу, он остановился, подозвал ее кивком и взял под руку.

— Не тревожьтесь, милая,— сказал он ласково,— я на вас не сержусь. Но что это, вы вся дрожите! Не тревожьтесь, милая моя Белла. Я вас не дам в обиду.

«Не даст в обиду»,— подумала Белла. И повторила вслух удивленным тоном:

— Не дадите в обиду, сэр?

— Да, да! — отвечал мистер Боффин.— Заступлюсь. Не дам вас в обиду. Позови-ка сюда мистера Роксмита, любезный.

Белла долго терялась бы в догадках, будь у нее на это

время; но слуга нашел Роксмита где-то поблизости, и он явился без промедления.

— Закройте дверь, сударь! — сказал мистер Боффин.— Мне надо сказать вам нечто такое, что вам, я думаю, не особенно приятно будет слышать.

— К сожалению, сэр,— возразил секретарь, закрыв за собой дверь и повернувшись к нему лицом,— я считаю это весьма возможным.

— Что вы хотите сказать? — взорвался мистер Боффин.

— Хочу сказать, что для меня не новость выслушивать от вас то, что мне не хотелось бы слышать.

— Ах вот как! Это мы, пожалуй, изменим,— сказал мистер Боффин, угрожающе кивнув головой.

— Надеюсь, что так,— ответил секретарь. Он держался спокойно и почтительно, но, как подумала Белла — и подумала с радостью,— очень достойно и мужественно.

— Ну, сэр,— сказал мистер Боффин,— взгляните на эту молодую особу рядом со мной.

Белла невольно подняла глаза и встретилась взглядом с мистером Роксмитом. Он был бледен и казался взволнованным. Потом она перевела глаза на миссис Боффин и увидела все то же выражение. В один миг ее словно осенило, и ей стало понятно, что она сделала.

— Я вам говорю, сэр,— повторил мистер Боффин,— видите вы эту молодую особу рядом со мной?

— Вижу, сэр,— ответил секретарь.

В эту минуту его глаза снова остановились на Белле, и, как ей показалось, в них был упрек. Возможно, однако, что этот упрек был в ней самой.

— Как вы смеете, сударь,— продолжал мистер Боффин,— без моего ведома ухаживать за этой молодой особой? Как вы смеете забывать свое положение, свое место у меня в доме и докучать ей своими наглыми ухаживаниями?

— Я отказываюсь отвечать на вопросы, предложенные таким оскорбительным тоном,— сказал секретарь.

— Отказываетесь отвечать? — повторил мистер Боффин.— Отказываетесь отвечать, вот как? Тогда я сам скажу, в чем дело, Роксмит, сам отвечу за вас. В этом вопросе две стороны, и я их разберу по отдельности. Одно — это просто наглость. Вот первая сторона.

Секретарь улыбнулся с горечью, словно говоря: «Я это вижу и слышу».

— Повторяю, с вашей стороны просто наглость даже думать об этой девушке. Эта девушка гораздо выше вас. Она вам далеко не ровня. Она поджидает человека с деньгами (и имеет на это право), а у вас денег нет.

Белла повесила голову и как будто слегка отстранилась от поддерживавшей ее руки мистера Боффина.

— Что вы такое, хотел бы я знать,— продолжал мистер Боффин,— какое вы имеете право так дерзко преследовать эту молодую особу? Она ждет, чтоб ей предложили настоящую цену; не для того она появилась на рынке невест, чтобы ее подхватил любой молодчик без гроша в кармане.

— О мистер Боффин! Миссис Боффин, прошу вас, заступитесь за меня! — прошептала Белла, вырываясь от мистера Боффина и закрывая лицо руками.

— Помолчи-ка, старушка! — сказал мистер Боффин, останавливая жену.— Белла, милая моя, не волнуйтесь, я заступлюсь за вас.

— Да разве вы заступаетесь, разве это значит заступаться? — с большим чувством воскликнула Белла.— Вы обижаете меня, сами обижаете.

— Не волнуйтесь, милая,— благодушно возразил мистер Боффин.— Я призову к ответу этого молодого человека. Ну, Роксмит! Если вы отказываетесь отвечать, то должны хоть выслушать, знаете ли. Так вот, я вам скажу, что первая сторона вашего поведения — это наглость; наглость и самомнение. Ответьте мне на один только вопрос, если можете: разве эта молодая особа не говорила вам то же самое?

— Мистер Роксмит, разве я это говорила? — спросила Белла, не отнимая рук от лица.— Скажите же, мистер Роксмит! Да или нет?

— Не огорчайтесь, мисс Уилфер; теперь это не имеет значения.

— Ага! Вы этого не отрицаете, однако! — сказал мистер Боффин, значительно кивнув головой.

— Но после того я просила прощения! — воскликнула Белла.— И сейчас попросила бы опять, стоя на коленях, если б это ему помогло!

Тут миссис Боффин громко зарыдала.

— Старушка,— сказал мистер Боффин,— перестань реветь! Сердце у вас доброе, и даже очень, мисс Белла, но я хочу объясниться начистоту с этим молодым человеком, раз уж я загнал его в угол. Ну, Роксмит! Повторяю, дерзость и самонадеянность — это одна сторона вашего поведения. А теперь я перехожу к другой, которая гораздо хуже. Это был корыстный расчет.

— Отрицаю с негодованием.

— Что толку отрицать, это ровно ничего не значит, отрицаете вы или нет. У меня тоже есть голова на плечах,— сказал мистер Боффин, прищурившись с самым подозрительным выражением, так что лицо его пошло морщинами, словно карта, полная углов и кривых линий.— Разве я не знаю, как обирают людей с состоянием? Если бы я не смотрел в оба да не придерживал бы карман, я бы и опомниться не успел, как очутился бы в работном доме. Разве Дансер, Элвс, Гопкинс и Блюбери Джонс, да и многие другие не знали по собственному опыту того же, что знаю и я? Кто только не старался их обобрать и довести до нищеты и разорения! Разве им не приходилось прятать все свое добро из боязни, чтоб его не украли? Разумеется, приходилось. Мне, пожалуй, станут еще рассказывать, будто они людей не знали!

— Жалкий народ! — пробормотал секретарь.

— Что вы там сказали? — набросился на него мистер Боффин.— А впрочем, не трудитесь повторять, и слушать не стоит, да я и знать этого не желаю. Я разоблачу ваши замыслы перед этой молодой особой, покажу ей вашу оборотную сторону, и что бы вы ни говорили, этого вам не избежать. (Теперь слушайте, милая моя Белла!) Роксмит, вы нищий. Я вас подобрал на улице. Верно это или нет?

— Продолжайте, мистер Боффин, не спрашивайте меня.

— Не спрашивать вас! — передразнил мистер Боффин, как будто не говорил этого сам.— Как же, стану я вас спрашивать. Уж это было бы ни на что не похоже. Так вот, я говорю, что вы нищий, которого я подобрал на улице. Вы подошли ко мне и попросили взять вас в секретари, и я взял. Очень хорошо.

— Очень плохо,— пробормотал секретарь.

— Что вы там говорите? — опять набросился на него мистер Боффин.

Секретарь ничего не ответил. Мистер Боффин долго глядел на него с комическим выражением обманутого любопытства и вынужден был начать снова:

— Этот Роксмит — нищий, которого я взял в секретари прямо с улицы. Этот самый Роксмит знакомится с моими делами, узнает, что я намерен оставить этой молодой особе некоторую сумму. «Ого! — говорит этот Роксмит; тут мистер Боффин с хитрым выражением похлопал себя пальцем по носу, изображая Роксмита в секретной беседе со своим собственным носом,— хороший будет улов, ну-ка попытаюсь». И вот этот самый Роксмит, алчный и голодный, став на карачки, подбирается к деньгам. Не плохо рассчитал: если б эта молодая особа была не так умна или не так благоразумна, набравшись разных романтических бредней, ему, ей-богу, удалось бы ее обойти и даже обобрать! Но, к счастью, она оказалась умней,— да и хорош же он теперь, когда его разоблачили. Вот он стоит! — закончил мистер Боффин, с забавной непоследовательностью обращаясь к самому Роксмиту.— Глядите на него!

— Мистер Боффин, с вашими неудачными подозрениями...— начал секретарь.

— Для вас они, конечно, неудачные, могу вас уверить,— прервал его мистер Боффин.

— ...никто не сможет бороться, и я не возьмусь за такое безнадежное дело. Но правды ради я скажу одно слово.

— Э, какое вам дело до правды,— сказал мистер Боффин, щелкнув пальцами.

— Нодди! Голубчик мой! — увещевала его жена.

— Сиди смирно, старушка,— возразил мистер Боффин.— Я говорю этому Роксмиту, какое ему дело до правды. И еще раз повторяю, какое ему дело до правды?

— Всякие отношения между нами кончены, мистер Боффин,— сказал секретарь,— и потому ваши слова для меня ничего не значат.

— Ого! Вы довольно-таки догадливы,— отвечал мистер Боффин с хитрым взглядом,— если сообразили, что отношения между нами кончены, а? Но вы меня не опередили.

Взгляните, что я держу в руке. Это ваше жалованье, я вам даю расчет. Вы только делаете, что велят. Первенства вы у меня не отнимете. Нечего прикидываться, будто вы сами уходите. Я вас увольняю.

— Мне это все равно, лишь бы уйти,— махнув рукой, заметил секретарь.

— Вот как? — сказал мистер Боффин.— А мне не все равно, позвольте вам сказать. Дать человеку, которого разоблачили, уйти самому, это одно, а уволить его за дерзость и самомнение, да еще за то, что он покушался на хозяйские деньги,— это другое. Один да один будет два, а не один. (Старушка, ты не вмешивайся. Сиди смирно.)

— Вы уже сказали мне все, что хотели? — спросил секретарь.

— Не знаю еще, все или нет,— ответил мистер Боффин.— Это как посмотреть.

— Быть может, вы подумаете, не найдется ли у вас еще каких-нибудь сильных выражений на мой счет?

— Подумаю, когда мне будет угодно, а не по вашей указке,— упрямо ответил мистер Боффин.— Вы хотите, чтоб последнее слово было за вами. А мне, может, нежелательно вам его предоставить.

— Нодди! Милый мой Нодди! Что же ты с ним так сурово? — воскликнула неукротимая миссис Боффин.

— Старушка,— сказал ее муж, отнюдь не сурово,— если ты будешь вмешиваться, когда тебя не просят, я возьму подушку, посажу тебя на нее и вынесу из комнаты. Ну, Роксмит, вы что-то хотите сказать?

— Вам, мистер Боффин, ровно ничего. Но мисс Уилфер и вашей милой, доброй жене я хотел бы сказать два слова.

— Валяйте говорите,— отвечал мистер Боффин,— да поживей, а то вы нам уже надоели.

— Я мирился,— начал тихим голосом секретарь,— с моим ложным положением у вас в доме, чтобы не разлучаться с мисс Уилфер. Быть рядом с ней — вот что изо дня в день служило мне наградой за те незаслуженные оскорбления, которые мне приходилось терпеть, за унижения, которым я подвергался при ней. После того как мисс Уилфер отвергла меня, я ни словом, ни взглядом не намекал на свои чувства к ней. Однако моя привязанность

осталась неизменной, если не сделалась еще глубже и серьезней,— пусть мисс Уилфер простит мне эти слова.

— Обратите внимание, этот молодчик говорит «мисс Уилфер», а имеет в виду фунты, шиллинги и пенсы! — воскликнул мистер Боффин, лукаво подмигнув.— Обратите внимание, говорит «мисс Уилфер» вместо «фунты, шиллинги и пенсы!».

— Мне нечего стыдиться моих чувств к мисс Уилфер,— продолжал секретарь, не обращая на него внимания.— Я признаюсь в них. Я люблю ее. Куда бы я ни уехал, оставив этот дом, моя жизнь всегда будет пуста без нее.

— Без фунтов, шиллингов и пенсов,— пояснил мистер Боффин, опять подмигнув.

— Если я не способен строить корыстные планы,— продолжал секретарь, все так же не обращая на него внимания,— в отношении мисс Уилфер, то в этом нет моей заслуги; какую бы я ни вообразил себе награду, все это меркнет и теряет всякую цену по сравнению с ней. Если б она обладала несметным богатством или самым высоким положением в свете, на мой взгляд, это имело бы только то значение, что, возможно, еще больше отдалило бы ее от меня и лишило бы меня последней надежды. Если бы,— закончил секретарь, глядя в лицо своему бывшему хозяину,— если бы одним только словом она могла лишить мистера Боффина его богатства и завладеть им сама, она не стала бы выше в моих глазах.

— Что ты теперь думаешь, старушка? — спросил мистер Боффин шутливым тоном, обращаясь к жене,— как тебе покажется этот Роксмит со своей заботой о правде? Незачем тебе говорить, что ты думаешь, я не хочу, чтобы ты вмешивалась, думать ты можешь и про себя. А насчет завладения моим капиталом, я тебе ручаюсь, что он бы этого не сделал, если бы мог.

— Нет, не сделал бы,— возразил секретарь, опять взглянув ему в лицо.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся мистер Боффин.— В некоторых случаях ничего не может быть лучше хорошей шутки.

— Я на минуту отвлекся от того немногого, что хотел сказать,— продолжал секретарь, отворачиваясь от ми-

стера Боффина и возвращаясь к прежнему своему тону.— Я начал интересоваться мисс Уилфер, как только впервые увидел ее; даже раньше, как только я о ней услышал. В сущности, это меня и заставило искать знакомства с мистером Боффином и поступить к нему на службу. До сих пор мисс Уилфер этого не знала. Я говорю об этом теперь только в подтверждение того (хотя надеюсь, что это излишне), что я чужд корыстным помышлениям, которые мне приписывают.

— Ну и ловко же закручено,— с хитрым взглядом произнес мистер Боффин.— Я и не думал, что он такой интриган. Смотрите, как он терпеливо и последовательно берется за дело. Он узнает обо мне, и о моем состоянии, и об этой молодой особе, об ее участии в истории молодого Джона, соображает, что к чему, и говорит себе: «Познакомлюсь-ка я поближе с этим Боффином и с этой девицей, обработаю их обоих, вот мое дело и выгорит». Так и слышу, как он это себе говорит, ей-богу! Вот гляжу на него сейчас и вижу!

Мистер Боффин указал пальцем на виновного, словно поймав его с поличным, и поздравил себя с такой проницательностью.

— Но, к счастью, милая моя Белла, он не на тех напал! — сказал мистер Боффин.— Нет! К счастью, ему пришлось иметь дело с вами и со мной, с Дэниелем и мисс Дансер, с Элвсом и Стервятником-Гопкинсом, с Блюбери Джонсом и со всеми нами, не с одним, так с другим. И мы его осилили, да еще как осилили. Надеялся выжать из нас денежки, а вместо того себя подвел, милая моя Белла!

Милая Белла ничего не ответила и ничем не выказала своего согласия. Она не шевельнулась ни разу с той самой минуты, как опустилась на стул, закрыв лицо обеими руками. На некоторое время наступило молчание, и миссис Боффин поднялась тихонько, собираясь подойти к ней, но мистер Боффин остановил ее жестом, и она послушно села опять на свое место.

— Вот ваше жалованье, мистер Роксмит,— сказал Золотой Мусорщик, бросая своему бывшему секретарю завернутые в бумажку деньги.— Для вас, я думаю, не унизительно будет поднять их после всего, до чего вы унизились в этом доме.

— Кроме этого, я ни в чем не унизился,— сказал Роксмит, поднимая сверток с пола,— а это мои кровные деньги, заработанные самым тяжелым трудом.

— Надеюсь, вы скоро уложитесь,— сказал мистер Боффин,— потому что, чем скорее вы уберетесь со всеми пожитками, тем лучше будет для всех нас.

— Вам нечего бояться, я не задержусь.

— Впрочем, прежде чем мы с вами окончательно разделаемся, я хотел бы задать вам еще один вопрос, хотя бы для того только, чтобы показать этой молодой особе, насколько вы, интриганы, бываете самонадеянны, в расчете на то, что никто не заметит, как вы сами себе противоречите.

— Спрашивайте о чем угодно,— возразил Роксмит,— но только поскорее, как рекомендуете сами.

— Вы притворяетесь, будто так сильно влюблены в эту молодую особу,— сказал мистер Боффин, покровительственно кладя руку на голову Беллы, но не глядя на нее.

— Я не притворяюсь.

— Ах так! Отлично. Значит, вы сильно влюблены в эту молодую особу, если уж так придираетесь к слову?

— Да.

— Как же ваше чувство примиряется с тем, что эта молодая особа — расточительница, легкомысленная дурочка, которая не умеет себя держать, бросает деньги на ветер и так и норовит попасть в работный дом?

— Я вас не понимаю.

— Не понимаете? Или не хотите понять? За кого же еще вы считали эту молодую особу и что вы думали о ней, если она принимала ваши ухаживания?

— Я ничего не думал, я был бы счастлив добиться ее взаимности и завладеть ее сердцем.

— Добиться взаимности, завладеть сердцем! — передразнил его мистер Боффин с невыразимым презрением.— Мяу-мяу, говорит кошка, кряк-кряк, говорит утка, гав-гав, лает собака! Добиться ее взаимности и завладеть ее сердцем! Мяу-мяу, кряк-кряк, гав-гав!

Джон Роксмит воззрился на мистера Боффина при этой выходке, словно усомнившись, не лишился ли он рассудка.



— Что полагается сей молодой особе, так это деньги,— сказал мистер Боффин,— и она отлично это знает.

— Вы на нее клевещете.

— Это вы на нее клевещете, с вашими взаимностями, сердцами и прочим вздором,— возразил мистер Боффин.— Все ваше поведение к одному клонит. Я только вчера вечером услыхал о ваших подвигах, а не то я бы с вами раньше поговорил, клянусь чем хотите. А слышал я о них от одной дамы, умницы, каких мало, и она тоже знает эту молодую особу, и я ее знаю, и всем нам троим отлично известно, что единственное, за чем она гонится,— это деньги, деньги, деньги, а вы с вашими взаимностями и сердцами просто обманщик, сэр.

— Миссис Боффин,— сказал Роксмит, спокойно обращаясь к ней,— от всего сердца благодарю вас за вашу неизменную доброту и ласковость. Прощайте! Прощайте. мисс Уилфер!

— А теперь, моя милая,— сказал мистер Боффин, снова кладя руку на голову Беллы,— вы можете быть совершенно спокойны, и, надо надеяться, поняли, что я вас не дам в обиду.

Но Белла, по-видимому, настолько этого не понимала, что, уклонившись от его руки и вскочив со стула, разрыдалась безудержно и воскликнула, простирая руки:

— Ах, мистер Роксмит, если б вы могли снова сделать меня бедной! Ах! Умоляю, пусть кто-нибудь снова сделает меня бедной, иначе я этого больше не вынесу, сердце мое разорвется! Папа, милый, сделай меня бедной и возьми домой! Я и там вела себя дурно, а здесь я стала еще хуже. Не давайте мне денег, мистер Боффин, мне не надо денег. Уберите их куда-нибудь, дайте мне только поговорить с моим добрым папой, положить голову ему на плечо, рассказать ему все мои печали. Никто другой меня не поймет, никто не утешит, никто, кроме него, не знает, какая я плохая, и все же он любит меня как малого ребенка. При нем я становлюсь лучше, чем при ком-либо другом,— чище сердцем, сильнее радуюсь и сильнее горюю!

И с горьким плачем повторяя, что она этого больше не вынесет, Белла прижалась головой к груди миссис Боффин.

Джон Роксмит и мистер Боффин со своих мест молча следили за ней, пока сама она не умолкла. После чего мистер Боффин заметил успокоительно и благодушно:

— Ну вот, милая, я за вас заступился, и теперь все хорошо. Меня, конечно, не удивляет, что вы немножко расстроились после стычки с этим господином; но теперь все прошло, милая, я вас в обиду не дам, и... и все теперь хорошо.

Мистер Боффин произнес эту фразу с таким видом полной удовлетворенности, словно все было раз навсегда покончено.

— Я вас ненавижу! — вдруг набросилась на него Белла, топнув ножкой.— То есть нет, ненавидеть вас я не могу, но и любить не могу тоже.

— О-го! — изумленным шепотом произнес мистер Боффин.

— Вы несправедливый, придирчивый, ворчливый, злой старик! — воскликнула Белла.— Мне досадно, что я такая неблагодарная, что я выбранила вас, но вы такой и есть, сами знаете, что такой!

Мистер Боффин вытаращил глаза и уставился сначала в одну точку, потом в другую, словно сомневаясь, уж не мерещится ли ему все это.

— Мне стыдно было вас слушать,— продолжала Белла.— Стыдно за себя, стыдно за вас. Вы бы должны стать выше низких сплетен какой-то льстивой особы, но вы теперь ужасно унизились.

Мистер Боффин, по-видимому, убедившись в том, что ему в самом деле все это мерещится, выкатил глаза и распустил галстук.

— Когда я переехала сюда, я уважала и почитала вас, и очень скоро привязалась к вам,— воскликнула Белла.— А теперь я вас видеть не могу. То есть я не знаю, может, я слишком много себе позволяю, но вы... вы просто чудовище!

Выпустив эту стрелу с большой затратой сил, Белла истерически засмеялась и заплакала.

— Самое лучшее, что я могу вам пожелать,— продолжала Белла свою обвинительную речь,— это, чтоб у вас не было ни единого фартинга. Если б какой-нибудь истинный друг или доброжелатель мог разорить вас, вы были бы просто душка, а как человек богатый вы — демон.

Выпустив эту вторую стрелу с еще большей затратой сил, Белла еще пуще расплакалась и расхохоталась.

— Мистер Роксмит, останьтесь еще на минуту, прошу вас. Выслушайте одно только слово перед уходом! Мне очень грустно, что вам пришлось из-за меня выслушать столько упреков. От всего сердца, горячо и искренне, прошу у вас прощения.

Она направилась к нему, и он шагнул к ней навстречу. Когда она подала ему руку, он поднес ее к губам и сказал:

— Благослови вас боже!

Смех уже не мешался со слезами Беллы, они были искренни и горячи.

— Мистер Роксмит, с гневом и негодованием слушала я все эти несправедливые слова по вашему адресу — только мне было гораздо больнее их слышать, потому что все это я заслужила, а вы — нет. Мистер Роксмит, я виновата в том, что весь наш разговор в тот вечер был передан в искаженном виде. Я проговорилась, выдала тайну, хоть и была очень недовольна собой. Я поступила очень дурно, но, право же, не со зла. В ту минуту мной владело тщеславие и безрассудство — таких минут у меня бывает много, много бывает и таких часов, даже, быть может, лет. За это я сурово наказана, простите же меня!

— От всей души прощаю.

— Благодарю вас, о, благодарю! Не прощайтесь со мной до тех пор, пока я не скажу еще одно слово, чтобы отдать вам должное. Единственная ваша вина была в том, как вы говорили со мной в тот вечер — с какой деликатностью и как терпеливо, одна я это знаю и благодарю вас за это,— но вы были слишком откровенны и дали повод отвергнуть вас пустой, взбалмошной девчонке, неспособной оценить по достоинству то, что вы ей предлагали. Мистер Роксмит, эта девчонка с тех пор успела понять свою пустоту и ничтожество, и не один раз, но никогда еще она не казалась себе такой пустой и ничтожной, как сейчас, когда мистер Боффин словно подхватил тот недостойный тон, каким она отвечала вам, эта тщеславная и корыстная девчонка.

Он опять поцеловал ей руку.

— Мне были ненавистны, мне были оскорбительны речи мистера Боффина,— продолжала Белла, снова топнув ногой и снова всполошив мистера Боффина.— Правда, было время, и совсем не так давно, когда мне так и следовало, чтобы за меня «заступались», но я надеюсь, что это время больше не повторится!

Он еще раз поднес ее руку к губам, потом осторожно опустил эту руку и вышел из комнаты. Белла бросилась назад, к тому креслу, где она так долго сидела, пряча свое лицо, но тут взгляд ее остановился на миссис Боффин.

— Он ушел,— отчаянно и негодующе рыдала Белла, обхватив руками шею миссис Боффин.— Его оскорбили как нельзя хуже, его выгнали как нельзя более несправедливо — и я тому виной!

Все это время мистер Боффин сидел с распущенным галстуком, вращая глазами, словно все еще не избавившись от дурноты. Решив, по-видимому, что уже приходит в себя, он некоторое время сидел, уставясь в пространство, потом завязал галстук, несколько раз втянул в себя воздух, несколько раз глотнул и, наконец, воскликнул с глубоким вздохом, словно почувствовав, в общем, некоторое облегчение:

— Ну-ну!

Миссис Боффин не промолвила ни слова, ни худого, ни хорошего, но все это время нежно ухаживала за Беллой, взглядывая порой на мужа, словно ожидая приказаний. Мистер Боффин, не давая никаких распоряжений, сел на стул поближе к ним и сидел с неподвижной физиономией, расставив ноги, положив руки на колени и растопырив локти,— дожидаясь, когда Белла вытрет слезы и поднимет голову, что она и сделала с течением времени.

— Я должна вернуться домой,— поспешно вставая, сказала Белла.— Я очень вам благодарна за все, что вы для меня сделали, но оставаться здесь я не могу.

— Дорогая моя девочка! — запротестовала миссис Боффин.

— Нет, нет, я не могу здесь оставаться,— повторила Белла,— право, не могу. Фу! Злой вы старик! (Это мистеру Боффину.)

— Не торопитесь, душенька,— уговаривала ее миссис Боффин.— Подумайте хорошенько, что вы делаете.

— Да, вам лучше подумать хорошенько,— сказал мистер Боффин.

— О вас я уже никогда не буду думать хорошо,— воскликнула Белла, вызывающе сдвинув свои выразительные бровки и каждой своей ямочкой стремясь на защиту бывшего секретаря.— Нет, никогда! Ваши деньги превратили вас в камень. Вы жестокосердный скряга. Вы хуже Дансера, хуже Гопкинса, хуже Блюбери Джонса, хуже всех этих дрянных людишек. Мало того! — продолжала Белла, опять заливаясь слезами.— Вы были совершенно недостойны джентльмена, которого потеряли навсегда!

— Уж не хотите ли вы сказать, мисс Белла,— не сразу нашелся Золотой Мусорщик,— что, по-вашему, Роксмит лучше меня?

— Да! — сказала Белла.— В миллион раз лучше.

Выпрямившись во весь свой рост (все-таки не очень большой), она выглядела замечательно хорошенькой, хотя и очень сердитой, когда отреклась навсегда от своего покровителя, горделиво тряхнув густыми каштановыми локонами.

— Я больше дорожу его мнением, чем вашим,— сказала Белла,— пускай даже он подметал бы улицы ради куска хлеба, а вы обдавали бы его грязью из-под колес вашей кареты чистого золота. Вот вам!

— Ну и дела! — вращая глазами, воскликнул мистер Боффин.

— И еще давно, в то время, когда вы думали, что вознеслись над ним, я уже видела, что вы ему подчиняетесь,— сказала Белла.— Вот вам! И по всему я видела в нем господина, а в вас — слугу. Вот вам! И когда вы так его унижали, я стала на его сторону и полюбила его — вот вам! И горжусь этим!

После этого бурного признания наступила реакция, и Белла разрыдалась без удержу, уткнувшись лицом в спинку стула.

— Ну, будет вам,— начал мистер Боффин, как только у него явилась возможность прервать молчание и сказать хоть слово.— Выслушайте меня, Белла. Я не сержусь.

— А я сержусь! — отвечала Белла.

— Слушайте,— продолжал Золотой Мусорщик,— я не сержусь, вам я желаю только добра, и на это готов посмотреть сквозь пальцы. Так что вы оставайтесь у нас, и больше мы поминать про это не будем.

— Нет, я не могу здесь оставаться,— воскликнула Белла, снова вскакивая с места,— я и подумать не могу о том, чтобы здесь остаться. Я должна вернуться домой совсем.

— Не глупите,— уговаривал ее мистер Боффин.— Не делайте того, чего уже нельзя будет изменить, не делайте того, о чем наверняка пожалеете.

— Никогда не пожалею,— отвечала Белла,— а если я останусь у вас после того, что случилось, то всегда буду жалеть и всю жизнь буду презирать себя за это.

— По крайней мере, Белла, смотрите не ошибитесь,— убеждал ее мистер Боффин.— Семь раз примерь, один раз отрежь, знаете ли. Оставайтесь тут, и все будет хорошо, как оно и должно быть. А если уедете, то больше уже не вернетесь.

— Я знаю, что больше не вернусь, этого я и хочу,— сказала Белла.

— Не надейтесь, что я оставлю вам свои деньги, если вы от нас уйдете,— ничего я вам не оставлю. Нет! Смотрите же, Белла! Ни единого фартинга.

— Надеяться! — свысока ответила Белла.— Вы думаете, есть такая сила, которая заставила бы меня взять их, сэр?

Но надо было еще проститься с миссис Боффин, и тут впечатлительная девушка опять не выдержала, несмотря на всю свою гордость. Став на колени перед доброй старушкой, Белла припала к ее груди и плакала и рыдала, изо всех сил сжимая ее в объятиях.

— Вы милая, милая, самая лучшая из женщин! — говорила Белла.— Вы лучше всех людей! Я никогда не смогу отблагодарить вас и никогда вас не забуду. Даже если я доживу до глубокой старости, ослепну и оглохну, я все равно буду видеть перед собой ваше лицо, слышать в воображении ваш голос до конца моих дней.

Миссис Боффин, растрогавшись, заплакала и обняла ее от полноты чувств, но ничего не сказала, назвала ее

только своей дорогой девочкой. Это-то она уж, конечно, твердила без конца, повторяя одно и то же, но больше не сказала ни слова.

Наконец Белла рассталась с ней и уже выходила из комнаты, вся в слезах, как вдруг, что было свойственно ее порывистой и любящей натуре, смягчилась и пожалела мистера Боффина.

— Я очень рада,— прорыдала Белла,— что побранила вас, сэр, потому что вы это вполне заслужили. Но мне очень жаль, что я бранила вас, потому что раньше вы были совсем другой. Давайте же простимся!

— Прощайте,— кратко ответил мистер Боффин.

— Если б я знала, которая рука у вас меньше грешила, я бы попросила позволения пожать ее в последний раз,— продолжала Белла.— Но не потому, чтоб я раскаивалась в том, что сказала. Я не раскаиваюсь. Все это правда!

— Попробуйте пожать левую,— равнодушно протягивая руку, отвечал мистер Боффин,— я реже ею пользуюсь.

— Вы были удивительно добры и ласковы ко мне,— сказала Белла,— за это я ее поцелую. Вы были очень, очень грубы с мистером Роксмитом, и потому я ее отбрасываю. За себя я благодарю вас, а теперь прощайте.

— Прощайте,— так же вяло отозвался мистер Боффин.

Белла бросилась к нему на шею, поцеловала его и выбежала из комнаты.

Она побежала наверх, села на пол в своей комнатке и залилась слезами. Но день уже клонился к вечеру, и ей нельзя было терять время. Она открыла все шкафы, где хранила свои платья, отобрала только те, которые привезла с собой, не трогая остального, и связала их кое-как в большой неряшливый узел, чтобы прислать за ним потом.

— Из тех я не возьму с собой ни одного,— сказала себе Белла, затягивая узел как можно крепче, со всей решительностью.— Все подарки я оставлю здесь и начну жить совсем по-новому, за свой риск и страх.

Чтобы это решение было выполнено по всем правилам, она даже переменила платье и надела то, в котором приехала к Боффинам. Даже шляпку она надела ту са-

мую, в которой она села в коляску Боффинов у себя в Холлоуэе.

— Вот я и собралась,— сказала Белла.— Немножко грустно, но я умыла глаза холодной водой и больше плакать не стану. Милая комнатка, мне было здесь так хорошо. Прощай! Больше мы с тобой никогда не увидимся.

Послав комнатке воздушный поцелуй на прощанье, она тихонько прикрыла за собой дверь и легкими шагами сошла вниз по широкой лестнице, поминутно останавливаясь и прислушиваясь, из боязни, как бы не встретиться с кем-нибудь из прислуги. По дороге ей никто не попался, и она благополучно спустилась в холл. Дверь в комнату бывшего секретаря стояла открытая настежь. Белла заглянула в нее мимоходом и по пустоте на его столе, по всему виду обстановки поняла, что он уже ушел. Тихонько приоткрыв большую парадную дверь и тихонько прикрыв ее за собой, она обернулась, поцеловала снаружи дверь — бесчувственное сочетание дерева и железа! — и быстрым шагом пошла прочь.

— Удачно вышло! — задыхаясь, молвила Белла, свернув на соседнюю улицу и замедляя шаги.— Если бы у меня не перехватило дыхание, я бы опять расплакалась. Ну, бедный дорогой мой папочка, ты совсем неожиданно увидишь свою обворожительную женщину.

ГЛАВА XVI

Пир трех человечков

Сити выглядело далеко не привлекательно, когда Белла проходила по его пыльным улицам. Почти все денежные мельницы кончили махать крыльями и в этот день больше не мололи. Хозяева уже разъехались, да и подмастерья собирались расходиться. У деловых подворьев и переулков был какой-то испитой вид, и самые мостовые выглядели усталыми, словно измученными поступью миллионов. Нужны были ночные часы, чтобы понемногу свести на нет дневное волнение улиц, живущих такой лихорадочной жизнью. А пока что в воздухе еще не улеглось возбужде-

ние после всей стукотни и толчеи денежных мельниц, и тишина походила больше на полное изнеможение гиганта, чем на отдых человека, который набирается сил.

Если Белла и мечтала, глядя на величественное здание Банка, как приятно было бы часок-другой покопаться блестящей медной лопаточкой в куче денег, словно в садовой грядке, то это было вовсе не от жадности. Она очень исправилась в этом смысле, и перед ее блестящими глазами возникали еще неясные картины, отнюдь не включавшие в себя золото, когда она вступила в пропахший лекарствами переулок с таким ощущением, словно перед ней раскрыли аптечный шкаф.

Контору Чикси, Вениринга и Стоблса ей указала пожилая особа, всю жизнь занимавшаяся уборкой конторских помещений; она выскочила навстречу Белле из трактира, утирая рот, и объяснила его влажность вполне естественными причинами, хорошо известными ученым, сообщив, что она только заглянула в дверь узнать, который час. Контора находилась в нижнем этаже, и входить в нее надо было из подворотни, и, направляясь туда, Белла уже сомневалась, можно ли ей войти и спросить Р. Уилфера, и принято ли это в Сити, как вдруг увидела в открытом окне самого Р. Уилфера, собиравшегося слегка закусить. Подойдя ближе, Белла разглядела, что закуска состояла из маленького хлебца и горшочка с молоком. В то самое время, как она это заметила, отец заметил самое Беллу и разбудил эхо в окрестности Минсинг-лейна восклицанием:

— Боже мой!

И тут он вылетел на улицу без шляпы, как полагается херувиму, обнял ее и повел в контору.

— Служебные часы уже кончились, я совсем один, милая,— объяснил он,— и теперь у меня нечто вроде чаепития в тишине; я так делаю иной раз, когда все уйдут.

Оглядев всю контору, словно она была тюрьмой, а отец — узником в ней, Белла обняла херувима и принялась душить его поцелуями и тормошить, как только ей вздумается.

— Как же ты меня удивила, душа моя,— сказал ее отец.— Я просто глазам своим не поверил. Честное слово, я подумал было, что они меня обманывают! Что это тебе

вздумалось самой идти в Минсинг-лейн? Почему ты не послала к нам лакея?

— Со мной нет лакея, папа.

— Ах вот как! Зато ты, верно, приехала в щегольском экипаже, душа моя?

— Нет, папа.

— Милая, неужели ты пришла пешком?

— Да, пешком, папочка.

Он до того изумился, что Белла никак не могла собраться с духом и сразу сообщить ему новость.

— И поэтому, папа, твоя обворожительная женщина чувствует некоторую слабость и очень не прочь напиться с тобой чаю.

Маленький хлебец и горшочек с молоком были размещены на подоконнике, на листе бумаги. Карманный ножичек херувима с первым кусочком хлеба на острие валялся рядом с ними, брошенный впопыхах. Белла сняла кусочек с ножа и положила его в рот.

— Милая моя девочка,— сказал ее отец,— подумать только, что ты станешь есть такую грубую пищу! Так уж пускай у тебя будет свой хлебец и свой горшочек молока. Одну минуту, душа моя. Молочная у нас как раз напротив, за углом.

Не слушая отговорок Беллы, он выбежал из комнаты и быстро вернулся с новыми запасами еды.

— Милая моя девочка,— сказал он, расстилая перед Беллой другой лист бумаги,— подумать только, что такая обворожительная женщина...— тут он взглянул на нее и сразу умолк.

— В чем дело, папочка?

— ...обворожительная женщина,— продолжал он гораздо медленнее,— может довольствоваться такой сервировкой! Это на тебе новое платье, душа моя?

— Нет, папочка, старое. Разве ты его не помнишь?

— Да, кажется, помню, душа моя.

— А надо бы помнить, папочка, ведь ты же его купил.

— Да, кажется, я купил, душа моя,— сказал херувим, слегка встряхиваясь, словно для того, чтобы прийти в себя.

— Или вкус у тебя так переменился, папочка, что ты не одобряешь собственного выбора?

— Как тебе сказать, душа моя,— отвечал он, с большим трудом проглатывая кусок хлеба, по-видимому, застрявший у него в горле,— мне кажется, оно не так роскошно, чтобы носить его сейчас.

— Так, значит, папа,— сказала Белла, ласково подсаживаясь к нему поближе,— ты иногда пьешь тут чай в тишине и одиночестве? Я не помешаю, если положу руку вот так, тебе на плечо?

— И да и нет, душа моя. «Да» — на первый вопрос и, конечно, «нет» — на второй. Что касается чаепития в тишине, душа моя, то, видишь ли, целый день занятий иной раз бывает немножко утомителен, и если ничего не поставить в промежутке между таким днем и твоей матерью, то ведь она тоже бывает иногда немножко утомительна.

— Я знаю, папа.

— Да, милая. Так что я иной раз пью чай вот здесь, у окна, и в тишине гляжу на переулок, что бывает очень успокоительно, в промежутке между рабочим днем и семейным...

— Счастьем,— с грустью подсказала Белла.

— И семейным счастьем,— повторил ее отец, с удовольствием принимая готовое выражение.

Белла поцеловала его.

— И в этой темной, грязной, как тюрьма, конторе ты, бедный, проводишь всю свою жизнь, когда ты не дома?

— Когда я не дома, душа моя, не иду сюда или не возвращаюсь отсюда, милая. Да. Видишь эту конторку в углу?

— В самом темном углу, всего дальше от окна и от печки? Самая ободранная конторка в комнате?

— Разве она так уж плоха на твой взгляд, душа моя? — спросил отец, склонив голову набок и рассматривая конторку взглядом художника.— Это моя. Ее называют «насест Рамти».

— Чей насест? — негодующе переспросила Белла.

— Рамти. Понимаешь, она выше других, и к ней ведут две ступеньки, вот они и прозвали ее насестом. А меня они прозвали Рамти.

— Как они смеют! — воскликнула Белла.

— В шутку, милая моя Белла, в шутку. Все они го-

раздо моложе меня и любят пошутить. Что за беда? Могли бы прозвать Ворчуном или Молчуном, да и мало ли на свете прозвищ, вот тогда я действительно мог бы обидеться. А то Рамти! Боже мой, почему же не Рамти?

В этот тяжелый день Белле было всего тяжелее сильно огорчить кроткого человека, который с раннего детства пользовался ее уважением, любовью и даже восхищением. «Лучше было бы сказать ему все сразу,— подумала она,— лучше было бы сказать вот сейчас, когда он что-то начал подозревать; вот теперь он опять развеселился, а я его расстрою».

Херувим снова принялся за хлеб с молоком в самом спокойном настроении, и Белла обняла его еще крепче и принялась ерошить ему волосы, по своей всегдашней привычке обращаться с ним шутливо, и совсем было приготовилась сказать: «Милый папочка, не огорчайся, но я должна сказать тебе кое-что неприятное», как вдруг херувим перебил ее самым неожиданным образом.

— Боже мой! — воскликнул он, снова разбудив эхо Минсинг-лейна.— Вот неожиданность!

— Что такое, папа?

— Сюда идет мистер Роксмит!

— Нет, нет, папа! — встревожившись, воскликнула Белла.— Быть не может.

— Да вот же он! Смотри сама!

Действительно, мистер Роксмит не только прошел мимо окна, но и вошел в контору. И не только вошел в контору, но, увидев, что там нет никого, кроме Беллы с отцом, бросился к ней и обнял ее, восторженно восклицая:

— Моя милая, милая девочка, храбрая, великодушная, бескорыстная, благородная девочка!

И если бы одно только это (чего было вполне достаточно, чтобы прийти в изумление), а то и Белла, на минуту поникшая головой, подняла ее и прильнула к груди Роксмита, словно тут и было ее настоящее, давным-давно избранное место!

— Я так и знал, что ты придешь к нему, и побежал за тобой,— сказал Роксмит.— Любовь моя, жизнь моя! Ведь ты моя?

На что Белла ответила:

— Да, я твоя, если ты этого хочешь!

И после этого совсем почти исчезла в его объятиях, отчасти потому, что он обнял ее очень крепко, отчасти же потому, что она ничуть этому не противилась.

Херувим, чьи волосы от такого поразительного зрелища и сами собой пришли бы в то состояние, в какое их только что привела Белла, попятился назад к окну, на то самое место, с которого только что встал, глядя на парочку расширенными до крайности глазами.

— Однако нам надо подумать о папочке,— сказала Белла,— я еще ничего не говорила; давай скажем папочке.

И оба они повернулись к папочке.

— Только сначала, милая,— заметил херувим слабым голосом,— я попросил бы тебя сначала спрыснуть меня молоком, а то мне кажется, будто я... умираю.

В самом деле, маленький человечек чувствовал ужасающую слабость, и колени под ним словно подламывались. Вместо молока Белла спрыснула его поцелуями, а потом дала выпить и молока, и он мало-помалу ожил от ее ласковых забот.

— Мы тебе, папочка, расскажем очень осторожно,— сказала Белла.

— Милая,— возразил херувим, глядя на них обоих,— вы мне уже так много рассказали в первом... порыве, если можно так выразиться, что теперь я, пожалуй, вынесу все что угодно.

— Мистер Уилфер,— радостно и взволнованно начал Джон Роксмит,— Белла согласна выйти за меня, хотя у меня нет никакого состояния, а сейчас нет даже определенных занятий, ничего в будущем, кроме того, чего я сам сумею добиться в жизни. Белла согласна!

— Да, я, пожалуй, мог бы догадаться, что Белла согласна, дорогой мой,— слабым голосом ответил херувим,— по тому, что видел сию минуту.

— Ты не знаешь, папочка, как дурно я с ним обращалась,— сказала Белла.

— Вы не знаете, сэр, какое у нее сердце,— сказал Роксмит.

— Ты не знаешь, папочка,— сказала Белла,— какой ужасной дрянью я могла бы стать, если б он не спас меня от себя самой!

— Вы не знаете, сэр,— сказал Роксмит,— какую жертву она принесла ради меня.

— Милая моя Белла,— отвечал херувим, все еще взволнованный и испуганный,— и милый мой Джон Роксмит, если вы позволите так называть вас...

— Да, папа, называй, называй! — потребовала Белла.— Я тебе позволяю, а моя воля — для него закон. Не правда ли, милый Джон Роксмит?

Белла впервые назвала его по имени, и в ее тоне звучала такая очаровательная застенчивость, сочетавшаяся с такой нежностью, уверенностью и гордостью, что со стороны Джона Роксмита было вполне простительно поступить так, как он поступил. А поступил он так, что Белла еще раз исчезла совершенно по-прежнему.

— Я думаю, дорогие мои,— заметил херувим,— что если б вы сели один по правую, а другой по левую руку от меня, то разговор у нас пошел бы по порядку, и дело скорей бы выяснилось. Джон Роксмит недавно упомянул о том, что сейчас у него нет занятий?

— Никаких,— сказал Джон Роксмит.

— Да, папа, никаких,— подтвердила Белла.

— Из этого я заключаю,— продолжал херувим,— что он ушел от мистера Боффина?

— Да, папа. И...

— Погоди минутку, милая. Мне хочется подойти к этому постепенно. И что, мистер Боффин обошелся с ним дурно?

— Обошелся с ним в высшей степени недостойно! — с пылающим лицом воскликнула Белла.

— Чего не могла одобрить,— продолжал херувим, движением руки предписывая Белле терпение,— одна корыстная молодая особа, состоящая в отдаленном родстве со мной? Правильно ли я подхожу к делу?

— Не могла одобрить, папочка,— смеясь сквозь слезы и радостно целуя его, сказала Белла.

— После чего,— продолжал херувим,— корыстная молодая особа, состоящая в отдаленном родстве со мной, которая еще раньше успела заметить и сказать мне, что богатство портит мистера Боффина, поняла, что нельзя продавать никому и ни за какую цену свое чувство добра

и зла, правды и лжи, справедливости и несправедливости. Правильно ли я подхожу к делу?

И так же засмеявшись сквозь слезы, Белла поцеловала его с той же радостью.

— И потому... и потому,— весело продолжал херувим, между тем как рука Беллы подбиралась вверх по жилету к его шее,— корыстная молодая особа, состоящая в отдаленном родстве со мной, отказалась от такой цены, сбросила роскошные наряды, входившие в эту цену, надела сравнительно бедное платьице, когда-то подаренное мной, и, положившись на мою поддержку в правом деле, явилась прямо ко мне. Так ли я говорю?

Рука Беллы теперь обнимала его шею, и лицом она приникла к нему.

— Корыстная молодая особа, находящаяся в отдаленном родстве со мной, отлично сделала,— продолжал ее добряк отец.— Корыстная молодая особа, находящаяся в отдаленном родстве со мной, недаром надеялась на меня. Мне она больше нравится в этом платье, чем в китайских шелках, кашмирских шалях и голкондских бриллиантах. Я очень люблю эту молодую особу. Я от всей души говорю избраннику этой молодой особы: «Благословляю вашу помолвку! Моя дочь приносит вам хорошее приданое — бедность, которую она избрала ради вас и ради правды!»

Голос изменил честному маленькому человечку, когда он подал руку Джону Роксмиту, и он замолчал, низко склонившись лицом над дочерью. Однако ненадолго. Скоро он снова поднял голову и весело сказал:

— А теперь, милая моя девочка, если ты сможешь занять Джона Роксмита на минуту-другую, я сбегаю в молочную и принесу хлеба и молока на его долю, и мы все вместе напьемся чаю.

По словам Беллы, это было похоже на ужин трех сказочных человечков в лесном домике, только без их угрожающего ворчанья: «Кто пил мое молоко?»

Ужин был чудесный, какого никогда в жизни не бывало ни у Беллы, ни у Роксмита, ни даже у Р. Уилфера. Совершенно неподходящая обстановка и две медные шишки на несгораемом шкафу Чикси, Веniринга и Стоблса, глядевшие из угла, словно тусклые глаза какого-нибудь дракона, придавали ужину еще больше прелести.

— Подумать только,— сказал херувим с несказанным удовольствием оглядывая контору,— что здесь могло произойти нечто подобное — вот что забавно. Подумать только, что мне суждено было увидеть мою Беллу в объятиях ее будущего мужа именно здесь,— ну, знаете ли!

И только после того, как хлебцы с молоком были уже съедены и первые тени, предвестницы ночи, уже спустились над Минсинг-лейном, херувим начал все больше и больше беспокоиться и, наконец, откашлявшись, сказал Белле:

— Гм! Милая, а ты не забыла про твою маму?

— Нет, папа.

— А про твою сестру Лавинию, милая?

— Нет, папа. По-моему, дома нам лучше не входить в подробности. По-моему, будет достаточно, если мы скажем, что я поссорилась с мистером Боффином и совсем ушла от них.

— Джон Роксмит знаком с твоей мамой, душа моя,— слегка замявшись, сказал ее отец,— и потому я не постесняюсь при нем напомнить тебе, что с ней будет, пожалуй, немножко трудно.

— Немножко, терпеливый папочка? — звонко засмеялась Белла; и тем звонче, чем больше нежности звучало в ее голосе.

— Ну что же! Говоря совершенно между нами, мы не будем уточнять... скажем, вообще трудно,— отважно согласился херувим.— И у твоей сестры тоже трудный характер.

— Ничего, папа.

— И знаешь ли, милочка, ты должна быть готова к тому,— очень ласково продолжал ее отец,— что у нас дома тебе после Боффинов покажется очень бедно и плохо, в лучшем случае совсем неуютно.

— Ничего, папа. Я бы вытерпела и не такие лишения — ради Джона.

Хотя заключительные слова были сказаны тихо и застенчиво, но Джон их все-таки услышал, и доказал это тем, что еще раз способствовал таинственному исчезновению Беллы.

— Ну что же! — сказал херувим весело, ничем не выражая неодобрения.— Когда ты... когда ты возвратишься

из заточения и вынырнешь на поверхность, душа моя, я думаю, пора будет запираться и идти домой.

Если бы контору Чикси, Веніринга и Стоблса запирали когда-нибудь более счастливые люди, радуясь тому, что запирают ее, то это уж, верно, были необыкновенные счастливцы. Но сначала Белла забралась на насест и, склонившись круглой щечкой на полное плечико самым неделовым образом, так, что ей не было видно пера из-за волны кудрей, спросила:

— Покажи мне, папочка, что ты тут делаешь целый день. Пишешь вот так?

Но, кажется, Джону Роксмиту все это очень нравилось.

Итак, три человечка, уничтожив все следы своего пиршества и стряхнув крошки, вышли из Минсинг-лейна, направляясь в Холлоуэй, и если двум из них не хотелось, чтобы расстояние было вдвое больше, то третий человечек очень ошибался. В самом деле, этот скромный дух считал, что он очень мешает им как следует наслаждаться прогулкой, и потому заметил извиняющимся тоном:

— Я думаю, мои милые, что мне лучше будет пойти вперед по той стороне дороги, как будто я иду сам по себе.

Что он и сделал, по-своему херувимскому обычаю усыпая дорогу улыбками вместо цветов.

Было уже около десяти часов, когда они остановились в виду Замка Уилферов; и так как место было тихое и безлюдное, то с Беллой опять начался ряд исчезновений, что грозило затянуться на всю ночь.

— Я думаю, Джон,— в конце концов намекнул херувим,— что, если бы вы уступили мне молодую особу, состоящую в отдаленном родстве со мной, я бы отвел ее домой.

— Уступить ее я не могу,— отвечал Джон,— но на время передаю вам. Моя любимая!

Это волшебное слово заставило Беллу мгновенно исчезнуть еще раз.

— А теперь, папочка,— сказала Белла, появляясь снова,— давай мне руку, бежим домой как можно скорей и покончим с этим. Ну, папа, раз!..

— Милая,— замялся херувим с довольно малодушным видом,— я только что хотел сказать, что, если твоя мама...

— Нечего оттягивать и терять время, сударь,— воскликнула Белла, выставляя вперед правую ножку,— видите вы это, сударь? Это — черта; станьте на черту, сударь. Раз! Два! Три! — побежали, папа!

Она помчалась вперед, таща за собой херувима, и ни разу не остановилась и не дала остановиться ему, пока не дернула за колокольчик.

— Ну, папочка,— сказала Белла, взяв его за уши, словно кувшин за ручки, и приближая свои розовые губки к его лицу,— чему быть, того не миновать!

Мисс Лавви вышла отпереть калитку со своим любезным кавалером и другом всей семьи, Джорджем Самсоном.

— Как? Неужели это Белла! — воскликнула мисс Лавви, отступая назад при виде сестры. А потом возопила: — Мама! Белла пришла!

Не успели они еще войти в дом, как на этот крик выплыла миссис Уилфер. Стоя в дверях, она встретила их со своей обычной церемонностью, мрачная как привидение.

— Рада тебя видеть, дитя мое, хотя мы тебя и не ждали,— сказала она, подставляя щеку, холодную как грифельная доска, на которой расписываются визитеры.— И тебя тоже, Р. У., хотя ты и опоздал. А где же лакей миссис Боффин, слышит ли он меня? — На этот вопрос, брошенный глухим голосом в ночную тьму, полагалось ответить самому лакею.

— Со мной нет лакея, мама,— сказала Белла.

— С тобой нет лакея? — торжественно повторила миссис Уилфер.

— Нет, мама.

Величественный трепет объял плечи и перчатки миссис Уилфер, словно говоря: «Непонятно!», после чего она во главе процессии проследовала в семейную гостиную, где и заметила:

— Если вы, Р. У.,— он вздрогнул при таком торжественном обращении,— не позаботились о прибавлении к нашему скудному ужину, то Белле он покажется очень невкусным. Холодная баранья шея с салатом едва ли может соперничать с роскошным столом мистера Боффина.

— Напрасно вы так говорите, милая мама,— ответила Белла,— стол мистера Боффина для меня ничего не значит.

Но тут вмешалась мисс Лавиния, не сводившая глаз с Беллиной шляпки.

— Как, Белла, что это значит?

— Да, Лавви, я знаю.

Неукротимая перевела взгляд на платье Беллы, даже нагнулась, чтобы рассмотреть его, и опять воскликнула:

— Что это значит, Белла?

— Да, Лавви, я знаю, что на мне надето. Я только что хотела сказать маме, когда ты меня перебила. Я совсем ушла от мистера Боффина, мама, и опять вернулась домой.

Миссис Уилфер не произнесла ни слова, но минуту или две взирала на свое чадо в грозном молчании, а затем удалилась вспять в свой угол, где и застыла неподвижно, уподобившись мороженой говядине на каком-нибудь русском рынке.

— Словом, дорогая мама,— сказала Белла, снимая опороченную шляпку и встряхивая волосами,— я очень серьезно поссорилась с мистером Боффином из-за того, как он обращался с одним из своих служащих. Мы совсем рассорились, так что теперь между нами все кончено.

— И должен сказать тебе, милая,— смиренно добавил Р. У.,— что Белла вела себя очень смело и поступила очень справедливо. А потому, я надеюсь, милая, что ты не станешь особенно огорчаться.

— Джордж! — произнесла мисс Лавиния загробным, предостерегающим голосом, заимствованным у мамаши: — Джордж Самсон, повторите! Что я вам говорила насчет этих Боффинов?

Мистер Самсон, увидев, что его утлая ладья погибает между мелями и бурунами, почел за благо совсем не повторять того, что слышал, боясь повторить не то что нужно. С ловкостью опытного моряка он вывел свою ладью на глубокое место, пробормотав:

— Да, в самом деле.

— Да! Я говорила Джорджу Самсону, как он и сам подтверждает, что эти отвратительные Боффины непременно затеют ссору с Беллой, как только она им надоест. Затеяли они ссору или нет? — сказала мисс Лавви.— Права я была или нет? Ну, Белла, что ты теперь скажешь про своих Боффинов?

— Лавви и мама,— сказала Белла.— Про Боффинов я скажу то же, что и всегда говорила, и всегда буду повторять. Но сегодня я не хочу ни с кем ссориться, и никто меня не заставит. Надеюсь, вы все-таки рады меня видеть, милая мама (она поцеловала мать), надеюсь, что и ты, Лавви, рада меня видеть (целуя и ее тоже),— и так как я вижу, что салат уже на столе, то я его сейчас приготовлю.

Белла весело принялась за дело, причем выразительная физиономия миссис Уилфер следовала за ней пристальным взором, являя собой сочетание известной в старину вывески «Голова Сарацина» * с механизмом голландских часов и наводя на мысль, что ее дочери можно было бы и не класть в салат уксуса. Однако величественные уста матроны не проронили ни слова. И это больше пугало ее мужа (что, надо полагать, было ей известно), чем любой поток ее красноречия в назидание обществу.

— Ну, милая мама,— сказала Белла через несколько минут,— салат готов, и давно пора ужинать.

Миссис Уилфер поднялась с места, все так же не говоря ни слова.

— Джордж! — произнесла мисс Лавиния тем же угрожающим тоном.— Стул для мамы!

Мистер Самсон забежал за спину достойной дамы и, неся стул в руках, последовал за ней по пятам к пиршественному столу. Она чинно уселась, вытянувшись в струнку, но наперед удостоила мистера Самсона таким свирепым взглядом, что молодой человек в большом смущении удалился на свое место.

Херувим, не осмеливаясь адресоваться лично к такому грозному существу, передавал ей ужин через третьих лиц: «Баранина для твоей мамы, милая Белла», или: «Лавви, я думаю, твоя мама скушает немножко салату, если ты положишь ей на тарелку».

Миссис Уилфер принимала эти яства с какой-то закаменелой рассеянностью и так же рассеянно кушала, иногда кладя вилку и нож на скатерть, словно спрашивая самое себя: «Что это я делаю?» — и в поисках объяснения гневно переводила взгляд с одного члена общества на другого. Действие этого магнетического взгляда было таково, что навлекший на себя молнию никак не мог притвориться, будто ничего не замечает, и потому посторонний зритель,

даже не глядя на миссис Уилфер, мог понять, на кого она смотрит, видя отражение гневного взора на физиономии виновника.

Мисс Лавиния была особенно любезна с мистером Самсоном в этот вечер и при первом же удобном случае сообщила сестре, почему именно.

— Не стоило тебя беспокоить, Белла, ведь ты вращалась в сфере настолько далекой от нашей семьи, что это тебе не было интересно,— сказала Лавиния, вздернув кверху подбородок,— но Джордж Самсон теперь ухаживает за мной.

Белла была рада это слышать. Мистер Самсон покраснел, приняв глубокомысленный вид, и счел себя вправе обнять мисс Лавви за талию, но, уколов палец о большую булавку в ее поясе, громко вскрикнул и навлек на себя гневный взор миссис Уилфер.

— У Джорджа все идет прекрасно,— сообщила мисс Лавиния, чего никак нельзя было предположить именно сейчас,— и мы с ним скоро поженимся. Мне не хотелось тебе говорить, пока ты была у твоих Боф...— тут мисс Лавиния спохватилась и продолжала более сдержанно: — Пока ты была у мистера и миссис Боффин; но теперь я, как сестра, считаю своим долгом сообщить тебе.

— Спасибо, милая Лавви. Поздравляю тебя.

— Благодарствую, Белла. Сказать по правде, мы с Джорджем поспорили, говорить тебе или нет, но я сказала Джорджу, что вряд ли тебя заинтересуют такие пустяки и что ты, пожалуй, совсем откажешься от нас всех, если он войдет в нашу семью.

— Ты ошибалась, милая Лавви,— сказала Белла.

— Оказывается, что так,— возразила мисс Лавиния,— но ведь, знаешь ли, милая, и обстоятельства изменились. Джордж теперь на новой должности, и виды на будущее у него в самом деле очень хороши. Я бы не решилась сказать тебе это вчера, когда ты сочла бы его карьеру ничтожной и не стоящей внимания, но сегодня я уже не робею.

— С каких пор ты стала робеть, Лавви? — с улыбкой спросила Белла.

— Не скажу, чтоб я когда-нибудь в жизни чувствовала робость,— отвечала Неукротимая.— Но, может быть, только деликатность по отношению к сестре мешала мне

сказать, что я с некоторых пор чувствую себя независимой, слишком даже независимой, милая, чтобы на мой будущий брак (ты опять уколешься, Джордж) смотрели свысока. Не то чтобы я порицала тебя, если б ты стала смотреть на мой брак свысока, в то время, когда ты, Белла, могла рассчитывать на самую блестящую партию. Я говорю только, что я почувствовала себя независимой.

Показались ли Неукротимой обидными слова Беллы о том, что она не хочет ни с кем ссориться, или же приступ злости был вызван возвращением Беллы в ту сферу, где вращался Джордж Самсон, или же вообще она по своему характеру не могла обойтись в этот вечер без того, чтобы не сцепиться с кем-нибудь,— как бы то ни было, она теперь с азартом накинулась на свою величественную мамашу.

— Мама, пожалуйста, не смотрите на меня таким неприятным взглядом! Если вы видите пятно у меня на носу, то так и скажите, а если не видите, оставьте меня в покое.

— Это ты со мной разговариваешь таким тоном? — спросила миссис Уилфер.— Да как ты смеешь!

— Бога ради, мама, к чему этот разговор? Если девушка достаточно взрослая, чтобы выйти замуж, то уж. конечно, она может протестовать, если на нее уставятся. как на часы.

— Дерзкая девчонка! — произнесла миссис Уилфер.— Твоя бабушка заперла бы дочь в темную комнату, посмей только она разговаривать таким тоном.

— Моя бабушка не стала бы глядеть так на людей. доводя их до расстройства,— отвечала Лавви, скрестив на груди руки и откидываясь на спинку стула.

— Нет, стала бы! — возразила миссис Уилфер.

— Очень жаль, что она так себя вела,— сказала Лавви.— А если бабушка еще не выжила из ума в то время, когда запирала дочерей в темную комнату, так, значит. ей давно пора было выжить. Нечего сказать, хороша же была моя бабушка! Интересно знать, уж не запирала ли она людей в купол святого Павла, и если да, то каким образом!

— Молчать! — возгласила миссис Уилфер.— Приказываю тебе замолчать!

— А я вовсе не намерена молчать, совершенно напротив,— спокойно возразила Лавви.— Я не желаю, чтоб

меня разглядывали так, как будто это я вернулась от Боффинов. Я не желаю, чтобы Джорджа Самсона разглядывали так, как будто это он вернулся от Боффинов. Если папа считает удобным, чтобы его разглядывали так, как будто это он вернулся от Боффинов,— его воля. А я не согласна. И этого не будет!

Маневры Лавинии открыли этот косвенный путь для нападения на Беллу, и миссис Уилфер ринулась на него:

— Ах ты бунтовщица! Непокорное дитя! Скажи мне вот что, Лавиния. Если бы ты согласилась, наперекор чувствам твоей матери, чтобы тебе покровительствовали эти Боффины, и явилась бы к нам из чертогов рабства...

— Это просто бессмыслица, мама,— прервала ее Лавиния.

— Как?! — величественно и строго воскликнула миссис Уилфер.

— «Чертоги рабства», мама, просто вздор и бессмыслица,— равнодушно возразила Неукротимая.

— Неужели ты думаешь, дерзкая девчонка, что мои глубокие чувства могли бы выразиться во взглядах, если бы ты явилась ко мне с визитом, сгибаясь под ярмом благодеяний и в сопровождении слуг в блестящей ливрее?

— Я хочу только, чтоб эти чувства адресовались именно тому, кому следует,— вот все, что я думаю,— возразила Лавиния.

— И если бы,— продолжала ее мать,— не слушая моих предостережений, что уже одно лицо миссис Боффин не сулит ничего доброго, ты променяла бы мать на миссис Боффин и в конце концов вернулась бы ко мне, отвергнутая миссис Боффин, униженная миссис Боффин, выгнанная из дому миссис Боффин, неужели ты думаешь, что мои глубокие чувства могли бы выразиться во взглядах?

Лавиния собралась было ответить своей почтенной мамаше, что в таком случае она обошлась бы без этих взглядов, но тут Белла поднялась с места и сказала:

— Спокойной ночи, милая мама. Я очень устала за этот день и пойду спать.

Это положило конец приятной беседе. Джордж Самсон откланялся вскоре после того, и мисс Лавиния проводила

его со свечой до прихожей, а потом, без свечи, до калитки; миссис Уилфер, умыв руки после Боффинов, удалилась в спальню наподобие леди Макбет, и Р. У. остался сидеть один в задумчивой позе, среди остатков ужина.

Однако чьи-то легкие шаги вывели его из задумчивости — это была Белла. Вся окутанная распущенными волосами, с головной щеткой в руках, босиком, она тихонько сошла вниз, чтобы проститься на ночь с отцом.

— Душа моя, ты бесспорно обворожительная женщина,— сказал херувим, беря в руку прядь ее волос.

— Послушайте, сударь,— сказала Белла,— когда ваша обворожительная женщина выйдет замуж, вы получите эту прядь, если хотите, и вам сплетут из нее цепочку. Будете вы дорожить таким сувениром о милом создании?

— Да, мое сокровище.

— Тогда вы ее получите, если будете хорошо себя вести, сударь. Мне очень-очень жаль, милый папочка, что из-за меня у нас дома поднялся такой шум.

— Милочка,— как нельзя более простодушно ответил ее отец,— не беспокойся на этот счет. Право, не стоит об этом даже и говорить, потому что у нас дома и без тебя было бы то же самое. Твои мать с сестрой всегда найдут из-за чего поднять шум: не одно, так другое. У нас никогда без шума не обходится, уж поверь мне, милая. Боюсь, что в твоей старой комнатке вместе с Лавви тебе покажется теперь очень неудобно.

— Нет, папа, мне все равно. А почему все равно, как ты думаешь, папа?

— Ну, детка, ты, бывало, жаловалась на свою комнату, когда она еще не была для тебя таким контрастом, как теперь. Честное слово, я могу ответить только: потому что ты сама стала лучше.

— Нет, папа. Потому, что я так рада и счастлива.

Тут она стала целовать его, щекоча длинными волосами так, что он расчихался, потом засмеялась так, что рассмешила его, а потом снова принялась целовать, заглушая смех, чтобы никто не услышал.

— Послушайте, сэр,— сказала Белла.— Вашей обворожительной женщине нынче по дороге домой нагадали счастье и богатство. Не бог знает какое богатство, потому что если ее нареченный получит то место, на которое на-


W. T. GREEN. Sc

деется, то у них будет сто пятьдесят фунтов в год. Но это только сначала, и даже если и потом денег не прибавится, то обворожительная женщина сумеет обойтись и этим. Но это еще не все, сэр. Ей нагадали, что некий блондин — очень маленький, как сказала гадалка, всегда будет находиться поблизости от обворожительной женщины, и в домике обворожительной женщины нарочно для него всегда будет приготовлен такой уютный уголок, какого еще не видано. Скажите-ка, сударь, как его зовут?

— А это не валет из карточной колоды? — спросил херувим с искоркой смеха в глазах.

— Да! — воскликнула Белла, в приливе радости снова бросаясь целовать его.— Валет Уилферов! Дорогой папочка, обворожительная женщина с радостью ждет, что предсказание сбудется и что она станет гораздо лучше, чем была. И маленький блондин тоже должен верить и ждать, что оно сбудется, и говорить себе, когда его уж очень доймут: «Берег близко!»

— Берег близко! — повторил ее отец.

— Что за прелесть этот валет Уилферов! — воскликнула Белла; потом, выставив беленькую босую ножку, прибавила: — Вот черта, сударь. Становитесь на черту. Ближе ногу. Мы вместе побежим к цели, слышите? А теперь, сударь, можете поцеловать обворожительную женщину, пока она не убежала от вас, счастливая и благодарная. Да, маленький блондин, счастливая и благодарная.

ГЛАВА XVII

Общественный хор

Изумление написано на лицах всех знакомых мистера и миссис Лэмл с тех самых пор, как на предкаминном коврике, вывешенном на Сэквил-стрит, появилось извещение о публичной распродаже их элегантной обстановки и всего имущества (включая БИЛЬЯРД — заглавными буквами). Но никто не изумлен и вполовину так сильно, как Гамильтон Венииринг, эсквайр, Ч. П. от Покет-Бричеза, который незамедлительно делает открытие, что из

всех друзей, занесенных в реестр его души, одни только Лэмли не являются самыми старыми и близкими друзьями. Миссис Вениринг, супруга Ч. П. от Покет-Бричеза, как и полагается верной жене, участвует в открытии мужа, разделяя с ним его невыразимое изумление. Быть может, чета Венирингов полагает, что это невыразимое чувство затрагивает также их репутацию, ибо самые умные головы в Сити, как сообщают шепотом, тоже не раз покачивались из стороны в сторону при обсуждении грандиозных сделок и колоссальных капиталов Вениринга. Верно только то, что ни мистер, ни миссис Вениринг не находят слов, чтобы выразить свое изумление, и потому является необходимость дать для самых старых и самых близких друзей обед по поводу этого изумления.

Ибо как раз к этому времени выясняется, что, какой бы ни вышел случай, Вениринги обязаны дать по этому случаю обед. Леди Типпинз пребывает в состоянии хронического обедания у Венирингов и в состоянии хронического воспаления, происходящего от этих обедов. Бутс и Бруэр разъезжают в кэбах, не имея ровно никакого иного дела, кроме как сбивать людей на обеды к Венирингам. Вениринг не вылезает из законодательных кулуаров, намереваясь заманить на обед коллег-законодателей. Миссис Вениринг обедала вчера с двадцатью пятью совершенно новыми людьми, нынче целый день отдает им визиты; а назавтра рассылает им всем приглашения на обед, имеющий быть ровно через неделю; не успел еще этот обед перевариться, как она заезжает с визитом к их братьям и сестрам, сыновьям и дочерям, племянникам и племянницам, тетушкам, дядюшкам и прочей родне и приглашает их всех на обед. И все же, так же как и вначале, сколько бы ни расширялся круг обедающих, следует заметить, что все они упорно ездят к Венирингам не для того, чтобы обедать с мистером и миссис Вениринг, а для того, чтобы обедать друг с другом.

Быть может, в конце концов — кто знает? — Вениринг и найдет, что это обедание хотя и обходится дорого, однако оправдывает себя, ибо вербует сторонников. Мистер Подсnеп, как представитель народа, не один проявляет столько забот о собственном достоинстве, если не о до-

стоинстве своих знакомых, и потому ожесточенно поддерживает тех знакомых, которых он удостоил признанием, боясь, как бы не пострадать, если их число уменьшится. Золотые и серебряные верблюды, ведерки для шампанского и прочие украшения стола Венирингов выглядят великолепно, и если я, Подснеп, замечаю где-нибудь мимоходом, что в понедельник я обедаю с великолепным караваном верблюдов, то нахожу обидным лично для себя, если мне намекают, что эти верблюды разбиты на все четыре ноги или что это подозрительные во многих отношениях верблюды. «Сам я не выставлю верблюдов; я выше этого: я человек солидный; но эти верблюды грелись в лучах моей славы; так как же вы смеете, сударь, инсинуировать, будто я мог озарять лучами своей славы верблюдов с подмоченной репутацией?»

Верблюдов полируют в кладовой у Химика для изумительного обеда по случаю разорения Лэмлей, а мистер Твемлоу чувствует себя не совсем хорошо, лежа на диване в квартирке над конюшней на Дьюк-стрит, возле Сент-Джеймс-сквера, потому что принял около полудня две патентованных пилюли, доверившись рекламе, приложенной к коробке (цена один шиллинг полтора пенса, включая гербовый сбор), где сказано, что они «весьма полезны в качестве предупредительной меры в отношении гастрономических удовольствий». И в то время, как он мучается, воображая, будто нерастворившаяся пилюля застряла у него в пищеводе и что-то вроде теплой клейкой массы подкатывает ему к горлу, входит слуга с докладом, что некая леди желает видеть мистера Твемлоу.

— Леди? — говорит Твемлоу, приглаживая свои взъерошенные перья.— Попросите эту леди сделать мне такую любезность — назвать свое имя.

Эту леди зовут миссис Лэмл. Эта леди задержит мистера Твемлоу не более как на несколько минут. Эта леди выражает уверенность, что мистер Твемлоу будет так добр, что непременно примет ее, узнав, что она особенно настаивает на непродолжительности свидания. Эта леди нисколько не сомневается в том, что мистер Твемлоу согласится, узнав ее имя. Особенно просила слугу не перепутать имя. Прислала бы визитную карточку, но не захватила ее с собой.

— Проводите леди сюда.— Леди входит, сопровождаемая слугой.

Маленькая квартирка мистера Твемлоу обставлена скромно, по-старомодному (она несколько напоминает комнату экономки в Снигсворти-парке) и была бы совершенно лишена всяких украшений, если б не гравированный портрет великого Снигсворта во весь рост, висящий над камином,— он изображен фыркающим на коринфскую колонну, с огромным свитком пергамента у ног, под тяжелой драпировкой, готовой вот-вот обрушиться ему на голову; все эти аксессуары дают понять зрителю, что благородный лорд занят спасением отечества.

— Садитесь, пожалуйста, миссис Лэмл.— Миссис Лэмл садится и приступает к разговору.

— Я не сомневаюсь, мистер Твемлоу, что вы слышали о несчастье, которое нас постигло. Разумеется, слышали — такие новости распространяются всего быстрее, особенно среди друзей.

Памятуя об изумительном обеде, Твемлоу, слегка поморщившись, сознается, что это ему известно.

— Быть может, это удивит вас меньше, чем других,— говорит миссис Лэмл жестким тоном, неприятно режущим ухо мистеру Твемлоу,— после того, что произошло между нами в доме, который теперь... Я позволила себе заглянуть к вам, мистер Твемлоу, чтобы прибавить нечто вроде постскриптума к моим тогдашним словам.

Сухие и впалые щеки мистера Твемлоу втягиваются внутрь еще больше, в предвидении какого-то нового осложнения.

— Право,— растерянно говорит маленький джентльмен,— право, миссис Лэмл, я просил бы вас сделать такое одолжение, избавить меня в дальнейшем от вашей доверенности. Я всегда ставил себе целью — к сожалению, в моей жизни было не так уж много целей,— никого не задевать, быть всегда в стороне от интриг и заговоров.

Миссис Лэмл, гораздо более наблюдательная, чем ее собеседник, не считает даже нужным смотреть на него, когда он говорит,— она и без того видит его насквозь.

— Мой постскриптум, оставим то же слово,— говорит миссис Лэмл, устремляя взор на мистера Твемлоу, чтобы ее речь произвела более сильное впечатление,— как раз

совпадает с тем, что вы говорите, мистер Твемлоу. Я далека от того, чтобы обременять вас новыми признаниями, и прошу вас только строго придерживаться нейтралитета.

Твемлоу собирается отвечать, и она снова опускает глаза, зная, что ее ушей вполне достаточно для того, чтобы воспринять содержимое сего скудельного сосуда.

— Полагаю, что на таких условиях,— волнуясь, говорит Твемлоу,— я смогу выслушать все, что вам угодно будет сообщить мне. Но если можно, со всей учтивостью и деликатностью, просить вас не выходить за эти рамки, то я именно просил бы вас об этом.

— Сэр,— говорит миссис Лэмл, снова поднимая на него глаза и снова пугая его своим жестким тоном,— я сообщила вам нечто для дальнейшего сообщения известной особе, если вы сочтете это нужным.

— Что я и сделал,— говорит Твемлоу.

— За что я и благодарю вас; хотя я, право, не знаю, почему я в этом деле предала мужа,— ведь эта девушка просто глупа. Когда-то я и сама была так же глупа,— так вот, может быть, по этой причине.

Увидев, какой эффект производит ее равнодушная улыбка и холодный взгляд, она продолжает, не сводя с него глаз:

— Мистер Твемлоу, если вы случайно увидите моего мужа, или меня, или нас обоих в фаворе или доверенности у кого бы то ни было — у наших общих знакомых или нет, это все равно,— то это еще не даст вам права пустить в ход против нас те сведения, которые я вам доверила для одной только цели. Вот что я хотела вам сказать. Это не условие: для джентльмена это только напоминание.

Твемлоу сидит, шепча что-то про себя, и подпирает голову рукой.

— Все это настолько ясно,— продолжает миссис Лэмл,— что я вполне полагаюсь (как и раньше) на вашу честь и больше не скажу ни слова.— Она пристально смотрит на Твемлоу, пока тот, пожав плечами, не отвешивает ей кривого поклона, словно говоря: «Да, можете на меня положиться»,— после чего она проводит языком по губам и вздыхает с облегчением.

— Надеюсь, я сдержала обещание, переданное вам через вашего слугу, и пробыла у вас всего несколько минут. Не смею долее вас беспокоить, мистер Твемлоу.

— Погодите,— говорит Твемлоу, вставая вместе с нею.— Одну минуту, простите меня. Я бы не стал искать вас, сударыня, для того, чтобы сказать вам то, что я собираюсь сказать, но так как вы разыскали меня сами и пришли сюда, то я позволю себе облегчить душу. Разве это было последовательно, говоря по совести, приняв такое решение против мистера Фледжби, называть его своим дорогим другом и просить услуги у мистера Фледжби? Если предположить, что вы так и поступили: сам я этого знать не могу, но мне рассказывали, что вы так и поступили.

— Значит, он вам сказал? — вопрошает миссис Лэмл, которая опять опустила глаза, слушая Твемлоу, а теперь снова пускает их в ход.

— Да.

— Странно, что он сказал вам правду,— говорит миссис Лэмл, не на шутку задумавшись.— Скажите, пожалуйста, где произошло это необыкновенное событие?

Твемлоу колеблется. Он меньше ростом, чем миссис Лэмл, и гораздо слабее, и когда она глядит на него сверху вниз с жестким выражением в утомленных глазах, он оказывается в таком невыгодном положении, что охотно превратился бы в женщину.

— Можно узнать, где это произошло? Строго по секрету?

— Должен сознаться,— говорит кроткий маленький джентльмен, постепенно выжимая из себя ответ,— что я почувствовал некоторую неловкость, когда мистер Фледжби заговорил об этом. Надо сказать, что сам себе я представился тогда в довольно непривлекательном свете. Тем более что мистер Фледжби оказал мне ту же самую услугу, что и вам, с большой учтивостью, чего я вовсе не заслужил.

Истинное благородство души бедного джентльмена заставляет его произнести эту последнюю фразу. «Иначе,— думает он.— будет казаться, что я отношусь к ней свысока, раз у меня нет своих таких же трудностей, а у нее, я знаю, они есть. Что было бы непорядочно, в высшей степени непорядочно».

— И заступничество мистера Фледжби так же подействовало в вашем деле, как и в нашем? — спрашивает миссис Лэмл.

— Так же не подействовало.

— Может быть, вы скажете мне, где вы виделись с мистером Фледжби?

— Простите, я так и хотел сделать. Я умолчал ненамеренно. Я встретил мистера Фледжби на месте, совершенно случайно. Под словами «на месте» я подразумеваю у мистера Райи, в Сент-Мэри-Экс.

— Значит, вы имели несчастье попасть в руки мистера Райи?

— К сожалению, сударыня,— отвечает Твемлоу,— единственное денежное обязательство, какое за мной имеется, единственный долг в моей жизни (но долг справедливый: заметьте, я его не оспариваю) попал в руки мистера Райи.

— Мистер Твемлоу,— говорит миссис Лэмл, глядя ему в глаза, чего он с удовольствием избежал бы, но не может,— ваше обязательство попало в руки мистера Фледжби. Мистер Райя только его маска. Оно попало в руки мистера Фледжби. Позвольте вам сказать, к вашему сведению. Это может быть вам полезно, хотя бы только для того, чтобы избавить вас от легковерия; вы не будете судить о правдивости других по себе и вас не будут обманывать.

— Быть не может! — восклицает ошеломленный Твемлоу.— Откуда вам это известно?

— Сама не знаю откуда. Все стечение обстоятельств показало мне это; меня словно озарило.

— Ах, так у вас нет доказательств!

— Очень странно,— сказала миссис Лэмл холодно и резко, с некоторым пренебрежением,— до чего все мужчины похожи друг на друга в некоторых отношениях, хотя бы по характеру они были совершенно различны! Казалось бы, нельзя быть дальше друг от друга, чем мистер Твемлоу и мой муж. Однако мой муж говорит мне: «У вас нет доказательств», и мистер Твемлоу отвечает мне теми же самыми словами!

— Но почему же, сударыня? — пытается спорить Твемлоу.— Подумайте: почему теми же самыми словами?

Потому что они констатируют факт. Потому что у вас *нет* доказательств.

— Мужчины очень умны по-своему,— произносит миссис Лэмл, свысока глядя на портрет Снигсворта и расправляя платье перед уходом,— но им тоже есть чему поучиться. Мой муж, который вовсе не так уж доверчив, прост или неопытен, так же не видит этого, как и мистер Твемлоу,— потому что нет доказательств. Однако пять женщин из шести на моем месте увидели бы это так же ясно, как вижу я. Как бы там ни было, я не успокоюсь (хотя бы в воспоминание о том, как мистер Фледжби поцеловал мне руку), пока и мой муж этого не увидит. А для вас будет лучше, мистер Твемлоу, если вы увидите это сейчас, хотя я и не могу представить вам доказательств.

Она идет к двери, и мистер Твемлоу, провожая ее, позволяет себе надеяться, что положение дел мистера Лэмла еще поправимо.

— Не знаю,— отвечает миссис Лэмл, останавливаясь и обводя узор на обоях кончиком зонта,— это зависит от многого. Может быть, теперь для него и найдется какой-нибудь выход, а может быть, и нет. Скоро узнаем. Если не найдется, мы обанкротимся здесь и нам, я думаю, придется уехать за границу.

Мистер Твемлоу, по своему добродушию, желает, чтобы все устроилось к лучшему, и говорит, что за границей тоже можно вести очень приятный образ жизни.

— Да,— отвечает миссис Лэмл, все еще водя зонтиком по стене,— но я сомневаюсь, чтобы карты и бильярд в качестве источника средств на оплату неопрятного табльдота можно было назвать приятным образом жизни.

Для мистера Лэмла очень много значит, вежливо замечает Твемлоу (впрочем, очень шокированный), иметь рядом с собой ту, которая останется с ним во всех превратностях судьбы и чье смягчающее влияние удержит его от гибельных и порочащих репутацию занятий. Миссис Лэмл перестает водить по обоям зонтиком и смотрит на Твемлоу.

— Смягчающее влияние, мистер Твемлоу? Нам надо есть и пить, одеваться и иметь крышу над головой. Всегда рядом с ним, во всех превратностях судьбы? Тут нечем

хвастаться; что остается делать женщине в моем возрасте? Мы с мужем обманули друг друга, когда поженились; теперь надо мириться с последствиями обмана, то есть друг с другом, нести совместно бремя ежедневных интриг в расчете на сегодняшний обед и завтрашний ужин до тех пор, пока смерть не разведет нас.

С этими словами она выходит на Дьюк-стрит, возле Сент-Джеймс-сквера. Мистер Твемлоу, возвратившись на свой диван, кладет больную голову на скользкий валик конского волоса, глубоко убежденный в том, что такой тягостный разговор совсем не то, что следовало бы принимать после чудодейственных пилюль, которые так полезны в отношении гастрономических удовольствий.

Однако к шести часам вечера достойный маленький джентльмен чувствует себя гораздо лучше и облекается в старомодные шелковые чулки и башмаки с пряжками, собираясь на изумительный обед к Венирингам. В семь часов вечера он уже семенит по Дьюк-стрит, направляясь к углу, чтобы сэкономить шесть пенсов на извозчике.

Божественная Типпинз к этому времени дообедалась до того, что человек скептически настроенный мог бы пожелать ей, разнообразия ради, наконец поужинать и лечь в постель. В таком скептическом настроении находится мистер Юджин Рэйберн, которого Твемлоу застает наблюдающим за Типпинз с самым мрачным выражением лица, в то время как это игривое создание подшучивает над ним, спрашивая, почему он до сих пор не занял место на мешке с шерстью *. Типпинз заигрывает и с Мортимером и грозит ему костяшками веера за то, что он был шафером у этих обманщиков, как их там? — ну, у тех, что обанкротились. В самом деле, веер настроен весьма оживленно и стукает мужчин направо и налево с довольно жутким звуком, наводящим на мысль о костях леди Типпинз.

С тех пор как Веиринг вступил ради общественного блага в парламент, у него появилось новое поколение близких друзей, к которым миссис Венеринг очень внимательна. Об этих друзьях, как об астрономических расстояниях, можно говорить только в самых грандиозных цифрах. Бутс рассказывает, что один из них — подрядчик, который (это уже вычислено) дает работу полумиллиону людей, прямо или косвенно. Бруэр говорит, что

другой из них, директор компании, в большом спросе в разных комитетах, настолько далеко отстоящих друг от друга, что ему приходится проезжать по железной дороге никак не меньше трех тысяч миль в неделю. Буфер говорит, что у третьего полтора года назад не было шести пенсов в кармане, но благодаря своему финансовому гению он выпустил акции по восемьдесят пять, скупил их без денег, а потом продал за наличные по номиналу — так что теперь у него триста семьдесят пять тысяч фунтов,— Буфер особенно настаивает на семидесяти пяти тысячах лишку и не желает уступать ни единого фартинга. Леди Типпинз вместе с Бутсом, Бруэром и Буфером особенно изощряется в шутках насчет этих Отцов биржевой церкви: она наводит лорнет на Бутса, Бруэра и Буфера и спрашивает, как они думают, стоит ли ей пококетничать с Отцами, принесет ли ей это богатство? и прочие шуточки в том же роде. Вениринг, напротив, очень внимателен к Отцам церкви, благоговейно удаляется с ними в оранжерею, откуда иногда доносится слово «комиссия», и где Отцы поучают Вениринга, как ему надлежит пройти мимо рояля, вступить на предкаминный коврик, перейти открытое поле у канделябров, влиться в движение толпы у консолей и в корне уничтожить оппозицию у оконных гардин.

Мистер и миссис Подснеп тоже присутствуют на обеде, и Отцы делают открытие, что миссис Подснеп — представительная женщина. Ее берет на буксир один из Отцов — бутсовский Отец, тот самый, который дает работу полумиллиону человек,— и ставит ее на якорь по левую руку от Вениринга; таким образом предоставив резвой Типпинз по правую руку от него (он, как и всегда, являет собой пустое место) возможность умолять, чтобы ей рассказали что-нибудь про этих милых землекопов; правда ли, что они питаются сырыми бифштексами и пьют портер прямо из бочек. Но, невзирая на все эти маленькие стычки, все же чувствуется, что обед был затеян для того, чтобы изумляться, и что изумлением не следует пренебрегать. И потому Бруэр, как человек, которому надлежит заботиться о поддержании своей громкой репутации, становится истолкователем общего настроения.

— Нынче утром,— говорит Бруэр, дождавшись благоприятной паузы,— я взял кэб и поехал на эту распродажу.

Бутс, пожираемый завистью, говорит:

— И я тоже.

Буфер говорит:

— И я тоже,— но не может найти никого, кто заинтересовался бы его сообщением.

— И на что это было похоже? — осведомляется Веиринг.

— Уверяю вас,— отвечает Бруэр, озираясь вокруг в поисках более достойного слушателя и отдавая предпочтение Лайтвуду,— уверяю вас, вещи шли почти задаром. Довольно приличные вещи, но ничего не дали.

— Я тоже так слышал нынче днем,— говорит Лайтвуд.

Бруэр хотел бы знать, то есть хотел бы спросить сведущего человека, каким образом — эти люди — могли дойти — до такого — полного краха? (Расстановку он делает для пущей торжественности.)

Лайтвуд отвечает, что с ним, разумеется, советовались, но приостановить распродажу, не имея денег, он не мог, и потому не выдаст никакой тайны, если предположит, что это произошло оттого, что люди жили не по средствам.

— Но как это возможно — жить не по средствам,— говорит Вениринг.

Ага! Все чувствуют, что выстрел попал прямо в цель. Как это возможно жить не по средствам! Химик, обнося гостей шампанским, смотрит так, словно мог бы объяснить им, как это возможно, если бы только захотел.

— Могу себе представить,— говорит миссис Вениринг, положив вилку и складывая вместе кончики своих орлиных пальцев,— как может мать смотреть на свою крошку, зная, что они живут не по средствам! (Она обращается к тому из Отцов, который делает три тысячи миль в неделю.)

Юджин выражает предположение, что миссис Лэмл не на кого смотреть, раз у нее нет ребенка.

— Совершенно верно,— отвечает миссис Вениринг,— но принцип остается тот же.

Бутсу ясно, что принцип остается тот же. Буферу тоже это ясно. Такова уж несчастная судьба Буфера — вредить делу, становясь на его защиту. Остальное общество вяло соглашалось с положением, что принцип

остается тот же, пока Буфер не сказал, что он тот же; и тогда возник общий ропот, что принцип вовсе не тот.

— Но я не понимаю,— говорит Отец с тремястами семьюдесятью пятью тысячами,— если эти люди, о которых тут говорилось, занимали положение в обществе,— значит, они принадлежали к обществу?

Вениринг должен признаться, что они здесь обедали и что даже свадьбу их сыграли тут.

— Тогда я не понимаю,— продолжает Отец,— каким образом жизнь не по средствам могла довести их до того, что здесь назвали полным крахом? Потому что всегда возможно исправить положение дела, в том случае, конечно, если люди что-нибудь значат.

Юджин, который, по-видимому, настроен мрачно и склонен предполагать, высказывает такое предположение:

— Предположим, у вас нет средств, а вы живете не по средствам?

Такие обстоятельства, слишком уж безнадежные, Отец не склонен обсуждать. Для всякого, кто хоть сколько-нибудь себя уважает, они тоже не подлежат обсуждению,— и потому отвергаются единогласно. Но это до того удивительно, как люди вообще могут дойти до полного краха, что каждый чувствует себя призванным дать особое объяснение. Один из Отцов говорит: «Играл в карты». Другой Отец говорит: «Спекулировал, не зная того, что спекуляция есть наука». Бутс говорит: «Лошади». Леди Типпинз говорит, прикрывшись веером: «Жизнь на два дома». Так как мистер Подснеп ничего не говорит, то спрашивают его мнения, которое он высказывает следующим образом, весь раскрасневшись и чрезвычайно сердито:

— Не спрашивайте меня. Я не желаю обсуждать дела этих людей. Мне не нравится эта тема. Это одиозная тема, оскорбительная тема, мне она претит, и я...

Излюбленным жестом правой руки, который смахивает все затруднения прочь и таким образом устраняет их навсегда, мистер Подснеп смахивает с лица земли этих жалких и совершенно непонятных людей, которые жили не по средствам и дошли до полного краха.

Юджин, откинувшись на спинку стула, наблюдает за мистером Подснепом с самым непочтительным выражением лица и, может быть, собирается высказать новое

предположение, когда все замечают, что Химик о чем-то спорит с кучером. Кучер выказывает намерение войти в столовую с серебряным подносом, словно желая сделать сбор для своего семейства; Химик же оттесняет его к буфету. Превосходя кучера величавостью, если не военными талантами, Химик одерживает победу над человеком, который ровно ничего собой не представляет, когда он не на козлах; и кучер, уступив победителю поднос, отступает побежденный.

Тут Химик, заметив на подносе клочок бумаги, читает его, с видом литературного цензора, и, выбрав время, идет к столу и подает поднос мистеру Юджину Рэйберну.

На что остроумная Типпинз замечает:

— Лорд-канцлер подал в отставку!

С раздражающей невозмутимостью и медлительностью,— он знает, что любопытство очаровательницы не знает границ,— Юджин делает вид, что не может обойтись без монокля, достает его, протирает, с трудом разбирает записку, даже после того как он ее прочел. На ней написано еще не просохшими чернилами: «Юный Вред».

— Дожидается? — оборотившись через плечо, доверительно спрашивает Юджин Химика.

— Дожидается,— так же доверительно отвечает Химик.

Юджин обращает извиняющийся взгляд к миссис Вениринг, выходит и видит у дверей холла юного Вреда, клерка Мортимера Лайтвуда.

— Вы мне велели, сэр, привести его, где бы вы ни были, если вас не будет, а я буду дома,— говорит шепотом этот скромный юноша, становясь на цыпочки,— вот я его и привез.

— Молодец. Где же он? — спрашивает Юджин.

— Он в кэбе, сэр, перед подъездом. Я подумал, что лучше его не показывать, если можно; он весь трясется, вроде как...— сравнение юного Вреда, быть может, подсказано окружающими его блюдами со сладким,— вроде как бланманже.

— Опять-таки молодец,— отвечает Юджин.— Я к нему выйду.

Выходит тут же и, небрежно положив руки на открытое окно кэба, смотрит на мистера Швея, который привез

с собой свою собственную атмосферу, и судя по запаху, привез ее, удобства ради, в ромовом бочонке.

— Ну, Швей, проснитесь!

— Мистер Рэйберн? Адрес! Пятнадцать шиллингов!

Внимательно прочитав поданный ему грязный клочок бумаги и спрятав его в карман жилета, Юджин отсчитывает деньги: начинает с того, что неосторожно отсчитывает первый шиллинг в руку мистера Швея, которая дергается, и монета вылетает в окно кэба, и в конце концов швыряет пятнадцать шиллингов прямо на сиденье.

— Ну, молодец, теперь отвези его обратно к Чаринг-Кроссу, а там отделайся от него.

Возвратившись в столовую и задержавшись на секунду позади экрана у дверей, Юджин слышит, за гомоном и стуком тарелок, голос прелестной Типпинз:

— Я просто умираю, до того мне хочется спросить, зачем его вызывали?

— Вот как? — бормочет Юджин.— Если ты не спросишь, может и в самом деле умрешь? Тогда я облагодетельствую общество и уйду. Прогулка, сигара — и я смогу это обдумать. Да, обдумать!

С задумчивым лицом он разыскивает свое пальто и шляпу, незримо для Химика, и уходит своей дорогой.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Поворот

ГЛАВА I

Ловушка поставлена

Тихим летним вечером все ласкало глаз вокруг Плэшуотерского шлюза. Мягкий ветерок шелестел свежей листвой зеленых деревьев, легкой тенью скользил над рекой и еще легче касался склоняющейся перед ним травы. Журчанье речной воды, подобно голосам морского прибоя и вихря, могло бы служить напоминанием о внешнем мире любому задумавшемуся человеку — только не мистеру Райдергуду, который попросту дремал, сидя на ровном выступе шлюзового затвора. Прежде чем выцеживать вино из бочки, его надо налить туда, но мистера Райдергуда не удосужились наполнить вином тонких чувств, и потому ничто в природе не могло откупорить ему душу.

Клюя носом, Плут то и дело терял равновесие и, просыпаясь, яростно таращил глаза и рычал, будто злобствуя на самого себя за неимением кого другого. После очередного пробуждения окрик: «Эй, там! У шлюза!» — помешал ему снова погрузиться в дремоту. Встав и встряхнувшись всем телом, как и подобает свирепому зверю, он заключил свое рычание ответным возгласом и повернулся, глядя вниз по течению.

Окликнул его гребец, который работал веслами быстро и легко, а сидел он в такой утлой лодочке, что при виде ее Плут пробормотал: «Ишь, скорлупка, бьюсь об заклад, опрокинешься!» — после чего принялся ворочать ле-

бедкой и отворять щит шлюза, чтобы пропустить гребца. Тот встал и зацепился отпорным крюком за деревянную сваю, и тут Райдергуд узнал в нем «Другого Хозяина» — мистера Юджина Рэйберна. Но мистер Рэйберн, то ли по невнимательности, то ли потому, что был слишком занят своей лодкой, не узнал его.

Скрипучие створки медленно приотворились, и легкая лодочка вмиг проскользнула между ними; скрипучие створки сомкнулись за ней, и она задержалась внизу между двумя воротами, дожидаясь, когда вода поднимется и пропустит ее дальше. Райдергуд налег на вторую лебедку и, поворачивая ее, заметил, что в тени зеленой изгороди, у бечевника, лежит какой-то человек — видимо, матрос с баржи.

Вода в шлюзе медленно прибывала, разгоняя по краям тину, скопившуюся у створок, и поднимая вместе с собой лодку, так что гребец, точно привидение, вырастал в ней на всем виду у матроса с баржи. Райдергуд заметил, что матрос тоже приподнялся, опираясь на локоть и не сводя глаз с фигуры гребца, медленно выраставшей над камерой шлюза.

Но пока створки с жалобным скрипом растворялись, Райдергуду надо было успеть получить сбор с проезжающего. «Другой Хозяин» швырнул на землю несколько монет, завернутых в бумажку, и тогда узнал его.

— Ах, это вы, мой честный друг? — сказал Юджин, опускаясь на скамью и берясь за весла.— Значит, все-таки устроились здесь?

— Все-таки устроился, только нет в этом заслуги ни вашей, ни адвоката Лайтвуда,— грубо ответил Райдергуд.

— Мы приберегли свою рекомендацию,— сказал Юджин,— для следующего, кто подвернется, когда вас упекут на каторгу или повесят, мой честный друг. А посему не задерживайтесь здесь. Ладно?

Юджин с таким невозмутимым видом налег на весла, что Райдергуд опешил и молча уставился вслед его лодке, которая скользнула мимо деревянных свай плотины, торчавших над водой, словно неподвижные волчки, и, уходя от встречного течения, скрылась у левого берега под нависшими над рекой ветвями. Так как теперь уже поздно было срезать противника хлестким ответом — если б это

вообще оказалось под силу честному человеку, он ограничился злобной руганью вполголоса, после чего затворил шлюзные створы и вернулся по деревянному мостику на тот берег, где шел бечевник.

Если, переходя мостик, Райдергуд и посмотрел на матроса, то разве лишь украдкой. Он лениво растянулся на земле, рядом с камерой шлюза, спиной к зеленой изгороди, и, взяв в рот травинку, стал жевать ее. Когда всплески весел Юджина Рэйберна затихли вдали, матрос прошел в тени изгороди, стараясь держаться как можно дальше от Райдергуда. Тот приподнялся, долго провожал его глазами и потом крикнул:

— Э-эй! Плэшуотер! У шлюза! Эй!

Матрос задержал шаги и оглянулся.

— Плэшуотер! Эй! У шлюза! Эй! Третий Хозяин! — снова крикнул Райдергуд, поднеся руки ко рту.

Матрос повернул назад. Чем ближе он подходил, тем больше Райдергуд убеждался, что это Брэдли Хэдстон, одетый в подержанное матросское платье.

— Вот потеха-то! — Райдергуд хлопнул себя по ляжке и со смехом повалился на траву.— Вы что же это, Третий Хозяин, под меня подделались? Ишь какой я красавчик, если со стороны-то поглядеть!

И в самом деле, во время своей ночной прогулки в обществе честного человека Брэдли Хэдстон, видимо, внимательно изучил его одежду, все приметил и постарался все запомнить. Теперь он был одет точно так же. И тогда как обычная одежда сидела на нем будто с чужого плеча, в теперешней он выглядел самим собой.

— Разве это ваш шлюз? — с неподдельным изумлением спросил Брэдли.— Там, где я спрятался, мне сказали, что надо идти до третьего, а это второй.

— Обсчитались, сударь,— ответил Райдергуд, подмигнув ему и дернув головой.— Впрочем, вам не шлюзы нужны, а кое-что другое. Да, да!

Он весьма выразительно ткнул указательным пальцем в ту сторону, где скрылась лодка, и Брэдли раздраженно вспыхнул, бросив беспокойный взгляд вверх по реке.

— Вы не шлюзы считали,— продолжал Райдергуд, как только учитель снова посмотрел на него.— Нет, не шлюзы!

— Какие же иные расчеты я делал, по-вашему? Математические, что ли?

— Первый раз слышу, чтобы оно так называлось. Слишком длинное слово. Хотя, кто вас знает, может у вас оно и так называется,— проговорил Райдергуд, все еще пожевывая травинку.

— Оно? Что за «оно»?

— Ну, не «оно», значит, «они»,— последовал хладнокровный ответ.— Так лучше — спокойнее.

— Как вас понимать? Что это за «они»?

— Попреки, обиды, оскорбления, которые и вам наносили и от вас терпели, вражда не на жизнь, а на смерть и тому подобные штучки,— ответил Райдергуд.

Брэдли Хэдстон снова вспыхнул, и взгляд его невольно снова устремился в сторону реки.

— Ха-ха-ха! Не бойтесь, Третий Хозяин! — сказал Райдергуд.— Второму Хозяину приходится грести против течения, но он не торопится. Скоро вы его догоните. Да что я вам толкую! Вы и сами знаете, как легко было его обогнать, при желании-то, между тем местом, где он вышел из течения,— скажем Ричмондом, и моим шлюзом.

— Вы думаете, я слежу за ним? — спросил Брэдли.

— Не думаю, а знаю,— сказал Райдергуд.

— Да, это так, это так,— признался Брэдли.— А вдруг,— его беспокойный взгляд снова устремился к реке,— вдруг он сойдет на берег?

— Эка беда! Сойдет — не пропадет! — сказал Райдергуд.— Лодка-то на берегу останется. Ее в узелок не завяжешь, под мышку не сунешь.

— Вы разговаривали с ним.— Брэдли опустился на одно колено рядом со сторожем.— Что он вам говорил?

— Дерзости,— ответил Райдергуд.

— Что?

— Дерзости,— повторил Райдергуд, сопроводив свой ответ ругательством.— Надерзил мне. Что от него услышишь, кроме дерзостей? Прыгнуть бы к нему в лодку с разбега, навалиться бы всей тушей да потопить!

Брэдли отвернулся от сторожа и сказал, рванув пучок травы:

— Будь он проклят!

— Ура! — крикнул Райдергуд.— Вот за это хвалю! Ура! Молодец, Третий Хозяин!

— На чей же счет он сегодня прохаживался? — спросил Брэдли и, силясь унять волнение, вытер лицо платком.

— Он прохаживался на тот счет,— угрюмо, злобно проговорил Райдергуд,— что меня должны скоро повесить, и чтобы я к этому готовился.

— Вот он на что надеется! Ну что ж, пусть, пусть! Плохо ему придется, если люди, которых он оскорбил и над которыми надругался, будут знать, что их ждет виселица! Пусть лучше сам готовится встретить свою судьбу. Он и не подозревает, каков смысл этих слов, а то у него хватило бы ума промолчать. Пусть надеется! Пусть, пусть! Когда люди, над которыми он глумился, которых он оскорбил, будут готовиться к виселице, тогда мы услышим похоронный звон, но колокол прозвонит не по этим людям, нет, нет!

Не сводя глаз с учителя, слушая его исступленные, полные злобы и ненависти слова, Райдергуд мало-помалу приподнимался с земли и под конец тоже стал на одно колено. Минуту они молча смотрели друг на друга.

— Нда-а! — протянул Райдергуд, неторопливо выплевывая на траву свою жвачку.— Значит, надо понимать так, что Второй Хозяин отправился к ней?

— Он выехал из Лондона вчера,— ответил Брэдли.— Теперь у меня почти не осталось сомнений, что он поехал к ней.

— Значит, вы в этом еще не уверены?

— Уверен! И вот откуда идет моя уверенность,— ответил Брэдли, хватаясь за грудь и сжимая пальцами свою грубую куртку.— Так уверен, будто вижу, что это начертано там! — Его рука стремительно взметнулась вверх, как бы полоснув небо ножом.

— Да, но вы и раньше так думали и все ошибались,— возразил Райдергуд. Он выплюнул остатки жвачки и провел обшлагом по губам.— Это по лицу видно, вон как вас скрутило-то.

— Слушайте,— Брэдли понизил голос и, наклонившись к сторожу, положил руку ему на плечо.— У меня сейчас каникулы...

— Нечего сказать, каникулы! — пробормотал Райдергуд, разглядывая осунувшееся лицо учителя.— Хороши же у вас трудовые дни, если вы на отдыхе такой!

— И как только каникулы у меня начались,— продолжал Брэдли, нетерпеливо отмахнувшись от него,— я все время слежу за ним. И не перестану следить до тех пор, пока не застану его с ней.

— Ну, застанете, а тогда что?

— Тогда вернусь сюда, к вам.

Райдергуд оперся о левую ногу, встал и хмуро посмотрел на своего нового приятеля. Через минуту они, будто сговорившись, зашагали в том направлении, где скрылась лодка,— Брэдли впереди, Райдергуд немного отступя, Брэдли вынул из кармана скромный маленький кошелек (подарок учеников, купленный в складчину по одному пенни с каждого), а Райдергуд задумчиво провел обшлагом по губам.

— Вот вам, получите фунт,— сказал Брэдли.

— Получу два,— сказал Райдергуд.

Между пальцами Брэдли сверкнул соверен. Шагая вразвалку рядом с учителем и глядя в сторону, на бечевник, Райдергуд поднял левую руку ладонью вверх и легонько потянул ее к себе. Брэдли полез в кошелек за вторым совереном, и на ладони Райдергуда звякнули две монеты, после чего рука его, заметно ускорив движение, препроводила получку в карман.

— А теперь я пойду дальше,— сказал Брэдли.— Он, глупец, решил, что на реке будет легче замести следы или вовсе сбить с толку. Но для того, чтобы отделаться от меня, ему надо стать невидимкой!

Райдергуд остановился.

— Если на этот раз вам повезет, Третий Хозяин, может, вы на обратном пути заглянете ко мне в сторожку?

— Хорошо.

Райдергуд кивнул, и матрос с баржи быстро зашагал по мягкой траве вдоль бечевника, держась в тени живой изгороди. Они расстались в той излучине, где река была видна далеко вперед. Путник, незнакомый со здешними местами, мог бы подумать, что вдоль кустарника то тут, то там стоят неподвижные человеческие фигуры, которые следят за матросом и точно поджидают его появления. Да

ему самому так казалось, пока он не присмотрелся к дорожным столбам со щитом города Лондона, где был изображен кинжал, пресекший жизнь Уота Тайлера *.

На взгляд мистера Райдергуда все кинжалы были одинаковы. А у Брэдли Хэдстона, который мог бы, не заглядывая в книжку, рассказать все, что следует знать молодому поколению про Уота Тайлера, лорд-мэра Уолворта и короля, вид любого острого, смертоносного оружия наводил на мысль только об одном-единственном человеке в целом мире. Следовательно, в этом отношении между Райдергудом, который смотрел вслед учителю, и самим учителем, который, проходя мимо столбов, украдкой касался рукой кинжала на щите, а глазами провожал лодку,— особой разницы не было.

А лодка уходила все дальше и дальше, скользя под нависшими деревьями по неподвижной тени, которую они отбрасывали на воду. Матрос, крадучись, шел следом за ней. По искристым брызгам Райдергуду было видно, когда и где гребец опускает весла в воду, а потом солнце спряталось, и на реку и на деревья легли красные отблески. Но вот они мало-помалу померкли и точно воспарили ввысь, подобно невинно пролитой крови, которая, как говорится в древнем поверье, вопиет к небесам.

Повернув назад (до шлюза было недалеко), Плут шел в глубоком раздумье, поскольку его скромные возможности позволяли это. «Зачем ему понадобилось подделываться под меня? Мало ли как можно было одеться!» Вот что занимало честного человека, и среди этих мыслей, точно гнилушка в воде, то поднимался, то снова прятался вопрос: случайно ли так получилось? Вскоре над этой головоломкой взяли верх практические соображения о том, какую поставить ловушку, чтобы проверить, случайно это получилось или нет. И, наконец, ловушка была придумана.

Плут Райдергуд вошел в сторожку и вынес оттуда на серый вечерний свет свой сундучок с одеждой. Усевшись на траву, он стал просматривать его содержимое вещь за вещью и, наконец, наткнулся на ярко-красный шейный платок, местами почерневший от носки. Платок чем-то заинтересовал честного человека, и он долго разглядывал его, а потом снял с шеи затасканную порыжелую тряпку

и повязал вместо нее этот самый платок, выпростав длинные концы наружу.

— Теперь посмотрим,— сказал Плут.— Если он увидит меня в этом красном платке, а потом я увижу его в таком же, значит тут дело не чисто.— Восхищенный собственной уловкой, он внес сундучок в сторожку и сел ужинать.

— Эй, там! У шлюза! — Окрик с баржи разбудил Райдергуда ночью, когда уже светила луна. Он пропустил баржу и, снова оставшись один, пошел затворять шлюз, как вдруг у самой камеры на противоположном берегу перед ним выросла фигура Брэдли Хэдстона.

— А-а! — сказал Райдергуд.— Уже вернулись, Третий Хозяин?

— Он остановился на ночь в «Приюте рыбака»,— ответил тот усталым, осипшим голосом.— Завтра, в шесть утра, поедет дальше. Я вернулся отдохнуть час-другой.

— Да-а! Отдых вам не помешает! — И с этими словами Райдергуд перешел по мостику на другой берег.

— Нет, помешает! — с раздражением крикнул Брэдли.— Я бы не отказался всю ночь идти за ним! Не нужен мне отдых! Но раз он сошел на берег, делать нечего. Мне важно было узнать наверняка, когда он поедет дальше, и если бы я не узнал, так остался бы там... Плохо придется тому, кого бросят в эту глубину со связанными руками. Стенки скользкие — не выберешься. Да, пожалуй, и под шлюзные створы засосет?

— Засосет ли, проглотит ли — все равно конец,— сказал Райдергуд.— Даже если рук не связывать. Деваться-то некуда — шлюз закрыт с обеих сторон. Тому ловкачу, который оттуда выкарабкается и станет передо мной здесь, я не прочь поднести пинту старого эля.

Брэдли с чувством болезненного наслаждения заглянул вниз.

— Вы тут бегаете в темноте и по самому краю камеры и по узеньким гнилым мосткам,— сказал он.— Неужели не боитесь утонуть?

— Не бывать этому! — заявил Райдергуд.

— Почему?

— Не-ет, это дело известное! — Райдергуд с уверенным видом покачал головой.— Меня уж раз вытащили из

воды, значит я никогда не утону. Боюсь только, как бы на том проклятом пароходе об этом не пронюхали да не отказались бы заплатить, что мне причитается. Наш брат хорошо это знает: если кого вытащили из воды, тому уж не утонуть.

Брэдли криво усмехнулся, дивясь такому невежеству, непростительному даже для школьников, и снова нагнулся над водой, таившей в себе какое-то недоброе очарование для него.

— Видать, понравилось вам! — сказал Райдергуд.

Будто не слыша этих слов, Брэдли продолжал смотреть вниз. Странное выражение появилось у него на лице,— такое странное, что Райдергуд не мог понять, что оно значит. Это было исступленное лицо человека, сосредоточившегося на каком-то замысле. Но замысел этот мог быть направлен и против него самого и против кого-нибудь другого. Если бы он вдруг отступил назад и с разбегу бросился в воду, в таком поступке не было бы ничего противоречащего выражению его лица. Может статься, эта взбаламученная душа еще колебалась, не зная, на какое злодеяние ей решиться.

Райдергуд долго стоял, скосив на него глаза.

— Вы ведь хотели отдохнуть час-другой? — наконец проговорил он. Но чтобы добиться ответа на свой вопрос, ему пришлось толкнуть учителя локтем.

— А? Да.

— Так, может, пойдете ляжете?

— Да. Спасибо.

Точно не проснувшись как следует, учитель последовал за Райдергудом в сторожку, и тот поставил на стол кусок солонины, полкаравая хлеба, бутылку джина и кувшин с водой. Воду в холодном, запотевшем кувшине он принес прямо с реки.

— Вот, Третий Хозяин,— сказал Райдергуд, наклонясь над столом с кувшином в руках.— Прежде надо поплотнее поужинать, а потом уж на боковую.— Длинные концы красного платка мотнулись у Брэдли перед глазами. Райдергуд убедился, что учитель посмотрел на них.

«Ага! Заметил! — подумал этот достойнейший муж.— Ну что ж! Теперь дадим тебе рассмотреть его как следует». И, приняв такое решение, Райдергуд сел по другую



сторону стола, распахнул куртку и стал не спеша перевязывать платок.

Брэдли пил, ел, и Райдергуд замечал, что, поднимая глаза от тарелки, он то и дело украдкой поглядывает на красный платок, точно проверяя и понукая свою тугую память.

— Как поужинаете, Третий Хозяин,— сказал честный человек,— так ложитесь на мою койку вон там в углу. Теперь в третьем часу светает. Я вас ранехонько разбужу.

— Будить меня не придется,— ответил Брэдли и через несколько минут, сняв только башмаки и куртку, улегся спать.

Откинувшись на спинку деревянного кресла, скрестив руки на груди, Райдергуд долго смотрел на учителя, который лежал, сжав правую руку в кулак, стиснув зубы, и, наконец, у него у самого стали слипаться глаза, и он тоже уснул, а когда проснулся, было совсем светло, и его гость уже встал и пошел к реке освежить голову.

— Не-ет, голубчик! — пробормотал Райдергуд, глядя с порога ему вслед.— На это тебе не хватит всей воды, какая есть в Темзе.

Минут через пять Брэдли собрался в путь и, как и накануне, зашагал прочь, в спокойную прибрежную даль. Райдергуд, не глядя на реку, знал, когда там плескала рыба, потому что при каждом всплеске учитель вздрагивал и оглядывался по сторонам.

«Эй, там, у шлюза! Эй!» — так с небольшими перерывами весь день. И «Эй, там, у шлюза! Эй!» — трижды за ночь. Но Брэдли все не было. Следующий день выдался душный, знойный. После полудня разразилась гроза, и когда хлынул ливень, учитель, сам как буря, ворвался в сторожку.

— Застигли их? — крикнул Райдергуд, вскакивая из-за стола.

— Застиг.

— Где?

— Там, куда он держал путь. Его лодка простоит на берегу три дня. Я сам слышал, как он отдавал распоряжение. У меня на глазах он дождался ее и встретился с ней. Я видел ...— Он осекся, точно у него перехватило ды-

хание, потом договорил: — Я сам видел вчера вечером, как они шли рядом.

— И что вы сделали?

— Ничего.

— А что собираетесь делать?

Брэдли упал на стул и рассмеялся. И вдруг у него хлынула кровь носом.

— Отчего это у вас? — спросил Райдергуд.

— Сам не знаю. Льет без останову. Со вчерашнего вечера это уже второй... третий... нет! четвертый раз принимается. Я счет потерял. Сначала привкус крови во рту, потом чувствую ее запах, начинаю захлебываться, и вдруг — фонтаном.

С непокрытой головой он вышел под проливной дождь, опустился у берега на колени и, пригоршнями черпая воду, смыл кровь с лица. А за ним глазам Райдергуда, стоявшего в дверях сторожки, открывалась темная завеса, которая грозно надвигалась на одну сторону неба. Брэдли поднялся и подошел к нему, промокший насквозь. С его обшлагов струями лилась вода.

— Вы на выходца с того света похожи,— сказал Райдергуд.

— А вам случалось видеть выходцев с того света? — последовал суровый вопрос.

— Я про то, что вы совсем из сил выбились.

— А что тут удивительного? Я ни минуты не отдохнул с тех пор, как ушел отсюда. Даже, кажется, не присел ни разу.

— Так пойдите лягте,— сказал Райдергуд.

— Хорошо, только дайте мне чего-нибудь утолить жажду.

На столе снова появились бутылка и кувшин, и, сильно разбавив джин водой, Брэдли выпил один за другим два стакана.

— Вы меня о чем-то спрашивали? — сказал он.

— Нет, не спрашивал,— ответил Райдергуд.

— А я говорю, спрашивали! — диким, отчаянным голосом крикнул Брэдли, круто повернувшись к нему.— До того как я пошел умываться.

— А-а, тогда-то! — сказал Райдергуд и слегка попя-

тился от стола.— Да, я спрашивал, что вы собираетесь делать.

— Разве в таком состоянии человек может что-нибудь решать! — Он с яростью взмахнул дрожащими руками так, что струйки воды полились на пол с его мокрых рукавов, будто он отжал их.— Разве тут можно составить какой-нибудь план, если я не спал столько времени!

— Да я о том же самом толкую,— ответил Райдергуд.— Ведь было сказано: подите лягте.

— Может, и было.

— Вот то-то и оно! И еще раз повторю: ложитесь, где вчера лежали. Чем подольше да покрепче поспите, тем легче вам будет решить, что делать дальше.

Проследив взглядом за его пальцем, показывающим на деревянную койку в углу, Брэдли с трудом собрал разбегающиеся мысли и вспомнил это убогое ложе. Он сбросил с ног изношенные, стоптанные башмаки и, как был, в мокрой одежде повалился спать.

Райдергуд сел в кресло, посмотрел на молнии, вспыхивающие в небе, прислушался к грому. Но гром и молнии, видимо, не так уж занимали его, потому что он снова, снова и снова с любопытством поглядывал на измученного человека, который лежал на койке. Воротник его грубой куртки так и остался поднятым от дождя и застегнутым на крючки. Не замечая этого, да не только этого, он не опустил его и когда умывался у реки и когда бросился на койку, хотя ему было бы гораздо удобнее спать с расстегнутым воротником.

Гром тяжело перекатывался в небе, зигзаги молний рвали на куски бескрайнюю завесу за окном, а Райдергуд все сидел в кресле и поглядывал на койку в углу. Человек, который лежал на ней, виделся ему то в красном свете, то в голубом, то почти сливался с непроглядной тьмой, то совсем исчезал в трепещущих вспышках ослепительно белого огня. Ливень порывами обрушивался на реку, и она точно вздымала свои воды ему навстречу, ветер, ломившийся в дверь сторожки, шевелил волосы и одежду спящего, так что казалось, будто какие-то невидимые посланцы ада поднимают его и хотят унести прочь. Но все эти перипетии грозы были для Райдергуда только помехой,— может, и весьма занимательной, но все же

только помехой, отвлекавшей его от наблюдения за спящим.

«Сон у него крепкий,— рассуждал Райдергуд сам с собой.— Но он все время начеку, и попробуй я только подняться, он, пожалуй, сразу вскочит, хотя раскаты грома ему нипочем. А уж о том, чтобы дотронуться до него, и думать нечего».

С величайшей осторожностью он встал с кресла.

— Третий Хозяин...— тихим, спокойным голосом.— Ну, как вам спится? Стало холодно. Сударь... может, курткой вас накрыть?

Ответа не было.

— Положим, куртка-то на вас,— пробормотал он еще тише и совсем другим тоном.— Куртка-то на вас, на вас куртка.

Спящий шевельнул рукой, Райдергуд немедленно сел в кресло и прикинулся, будто смотрит в окно на разыгравшиеся стихии. Это было величественное зрелище, впрочем не настолько уж величественное, чтобы приковать к себе его взоры, ежеминутно обращавшиеся к тому, кто спал на койке.

На что же поглядывал Райдергуд так часто и с таким любопытством? На шею спящего, прикрытую поднятым воротником. И, дождавшись, когда тяжелый сон накрепко сковал его гостя, истомленного и душой и телом, он осторожно отошел от окна и стал возле койки.

— Эх, бедняга! — с хитрым, опасливым блеском в глазах чуть слышно пробормотал Райдергуд, готовясь в любую минуту отскочить назад, если спящий проснется.— Неудобно ему спать в куртке. Расстегнуть ее, что ли? Посвободнее будет. Эх, бедняга! Право, расстегну, что же делать-то?

Он дотронулся до верхнего крючка и тут же отступил назад. Но гость продолжал спать крепким сном, и остальные крючки были расстегнуты более уверенным, а следовательно, и более легким движением. Потом он дотронулся до воротника и медленно, осторожно отвернул его.

Под воротником, на груди гостя лежали длинные концы ярко-красного шейного платка, вымазанные чем-то темным, чтобы придать ему заношенный вид. Райдергуд перевел недоуменный взгляд с платка на лицо спящего, с лица

спящего снова на платок, потом крадучись вернулся к окну, сел в кресло и долго сидел там, подперев подбородок рукой и в мрачном раздумье разглядывая спящего и платок, которым была повязана его шея.

ГЛАВА II

Золотой Мусорщик проявляет характер

Мистер и миссис Лэмл пожаловали к завтраку в особняк мистера и миссис Боффин. Считать этих гостей совершенно незванными было нельзя, но они так настойчиво напрашивались к золотой чете, что, если бы она захотела отказаться от удовольствия и чести видеть их у себя, это далось бы ей с большим трудом. В каком прекрасном расположении духа были мистер и миссис Лэмл и как они любили мистера и миссис Боффин — почти как друг друга!

— Дорогая миссис Боффин! — говорила миссис Лэмл.— Я словно заново родилась на свет божий, так мне приятно видеть своего Альфреда в тесном общении с мистером Боффином! Они созданы друг для друга. Душевная простота в сочетании с твердостью характера, природный ум наряду с сердечностью и мягкостью — вот отличительные черты их обоих.

Так как это было сказано громко, мистер Лэмл не преминул воспользоваться случаем, чтобы пожурить свою обожаемую и глубокочтимую супругу.

— Дорогая моя Софрония,— сказал этот джентльмен, направляясь вместе с мистером Боффином от окна к столу.— Явно пристрастная оценка достоинств вашего супруга...

— Нет, нет! Совсем не пристрастная, Альфред! — прочувствованным голосом воскликнула миссис Лэмл.— Зачем вы так говорите!

— Хорошо, дитя мое! Тогда выразимся по-иному: столь лестной характеристикой вашего супруга... Вы не возражаете, дорогая?

— Ах, что вы, Альфред!

— Итак, столь лестной характеристикой своего супруга, мое сокровище, вы недооцениваете мистера Боффина и переоцениваете меня.

— Первую часть обвинения я признаю, Альфред, что же касается второй — нет и нет!

— Вы недооцениваете мистера Боффина, Софрония,— повторил мистер Лэмл, воспаряя на высоты нравственного величия,— ибо ваша оценка низводит мистера Боффина на мой уровень, и вы переоцениваете меня, Софрония, предоставляя мне место на недосягаемом уровне мистера Боффина. Мистер Боффин по натуре своей более снисходителен, чем я.

— Более снисходителен, чем вы, когда дело касается вас самих, Альфред?

— Не о том речь, моя дорогая.

— Не о том речь, крючкотвор? — лукаво спросила миссис Лэмл.

— Нет, моя дорогая Софрония. Со своего низкого уровня я взираю на мистера Боффина, как на человека слишком великодушного, слишком снисходительного, слишком мягкого по отношению к тем людям, которые недостойны его и не испытывают к нему благодарности. Я на такое благородство чувств не посягаю. Более того, оно вызывает во мне негодование.

— Альфред!

— Да, моя дорогая, оно вызывает во мне негодование и толкает на то, чтобы, сжав кулаки, стать между этими недостойными людьми и мистером Боффином. А почему? Потому что, пребывая на более низком уровне, я знаю жизнь лучше мистера Боффина и не так щепетилен, как он. Не обладая великодушием мистера Боффина, я чувствую нанесенные ему обиды гораздо сильнее и считаю себя более пригодным к тому, чтобы отражать их.

Миссис Лэмл вдруг почувствовала, что втянуть мистера и миссис Боффин в приятную беседу сегодня не так-то легко. Им выкинули столько соблазнительных приманок, а они до сих пор даже не пикнули! Она сама и ее муж ведут такой чувствительный и дельный разговор, но ведут его одни! Милые старички, может быть, и восчувствовали то, что им пришлось услышать, однако в этом не мешало бы убедиться, тем более что по крайней мере

имя одного из старичков упоминалось довольно часто. Если же милые старички слишком застенчивы или слишком тупы, чтобы занять в беседе подобающее им место, тогда надо взять их за шиворот и водворить на это место силой.

— Позвольте! — с простодушной улыбочкой обратилась миссис Лэмл к мистеру и миссис Боффин.— Разве не следует понимать моего мужа так, что, восхищаясь кем-то и горя желанием служить кому-то, он забывает о своих временных невзгодах? Не слышится ли тут признание в благородстве собственного сердца? Я хоть и не сильна в логике, но мне кажется, что это так, мои дорогие мистер и миссис Боффин?

Но мистер и миссис Боффин и тут даже не пикнули. Он сидел, уставившись в тарелку, и молча ел булочку с ветчиной, а она в смущении разглядывала чайник. Простодушный вопрос миссис Лэмл повис в воздухе, смешавшись с паром от чайника. Она бросила взгляд на мистера и миссис Боффин и чуть заметно подняла брови, будто спрашивая своего супруга: «Что-нибудь не так?»

Мистер Лэмл, который неоднократно убеждался в силе воздействия на людей своей грудной клетки, расправил на ней манишку во всю ширь и с улыбкой возразил супруге:

— Софрония, дорогая моя, мистер и миссис Боффин могут напомнить вам старую поговорку: себя не хвали, от людей жди хвалы.

— Почему же моя похвала относится ко мне, Альфред? Не потому ли, что мы с вами во всем едины?

— Нет, дитя мое, не поэтому! Призадумайтесь хотя бы на минутку и вспомните, что мои чувства к мистеру Боффину, удостоившиеся сейчас такого одобрения, ничем не отличаются от ваших чувств к миссис Боффин, в которых вы мне сами признавались.

— С этим крючкотвором шутки плохи! — весело шепнула миссис Лэмл на ушко миссис Боффин.— Если он будет настаивать, мне придется во всем покаяться! Его слова выдают меня с головой!

Белые пятна начали то появляться, то исчезать на носу у мистера Лэмла, когда он увидел, что миссис Боффин только на секунду отвела глаза от чайника, улыбну-

лась застенчивой, вымученной улыбкой и снова потупилась.

— Вы признаете предъявленный вам иск, Софрония? — шутливо спросил Альфред.

— Мне придется прибегнуть к защите господина судьи,— все так же весело воскликнула миссис Лэмл. И добавила, обращаясь к мистеру Боффину: — Обязана ли я отвечать на этот вопрос, милорд?

— Если вам не хочется, сударыня, так не отвечайте,— сказал мистер Боффин.— Это не имеет никакого значения.

Супруги бросили на своего хозяина недоумевающий взгляд. Он говорил учтиво, но вместе с тем очень серьезно и таким голосом, в котором явно слышалось, что его чувству собственного достоинства претит тон застольной беседы.

Миссис Лэмл снова подняла брови, испрашивая распоряжений у своего супруга. Его легкий кивок означал: «Попытайтесь еще раз».

— Чтобы оградить себя от попреков в самовосхвалении, моя дорогая миссис Боффин,— бойко продолжала миссис Лэмл,— я должна поведать вам, как все это было.

— Нет, нет! Пожалуйста, не надо,— прервал ее мистер Боффин.

Миссис Лэмл со смехом повернулась к нему.

— Судья возражает?

— Сударыня,— сказал мистер Боффин.— У судьи (поскольку вы меня так называете) действительно имеются возражения. И возражает судья по двум причинам. Первая: судья считает, что это нечестно. Вторая: это огорчает госпожу судью (если уж вы называете меня судьей), то есть мою дорогую старушку.

Миссис Лэмл явно заколебалась, не зная, как держаться дальше — по-прежнему угодливо или вызывающе, как у Твемлоу.

— А что судья считает нечестным? — спросила, наконец, она.

— Позволить вам продолжать этот разговор,— ответил мистер Боффин и ласково кивнул, точно давая понять ей: «Мы сделаем все, что возможно, и постараемся обойтись с вами помягче».

— Это нехорошо, это нечестно,— повторил он.— Если моей старушке не по себе, значит есть на то свои причины. А я вижу, что ей не по себе, и для меня этого вполне достаточно. Вы позавгракали, сударыня?

Решив избрать вызывающий тон, миссис Лэмл отодвинула от себя тарелку, взглянула на мужа и рассмеялась, но отнюдь не весело.

— Вы позавтракали, сэр? — осведомился мистер Боффин.

— Благодарствую,— ответил Альфред, показывая все свои зубы.— Если миссис Боффин сделает мне такое одолжение, я выпью еще чаю.

Он неосторожно плеснул из чашки на свою мощную грудь, от которой столько ожидалось сегодня и которая не оправдала возложенных на нее надежд, но тем не менее выпил поданный ему чай с напыщенным видом, хотя белые пятна, то появлявшиеся, то исчезавшие у него на носу, обозначились так явственно, будто их вдавливали чайной ложечкой.

— Тысяча благодарностей. Теперь я позавтракал.

— Итак,— негромко проговорил мистер Боффин,— кто у вас за кассира?

— Софрония, душенька! — Мистер Лэмл откинулся на спинку стула и, помахав жене правой рукой, большой палец левой засунул за пройму жилета.— Это по вашей части.

— Я предпочел бы, сударыня,— сказал мистер Боффин,— чтобы это было по части вашего супруга, потому что... Впрочем, не важно, хотя я и предпочел бы иметь дело с ним. Тем не менее то, что мне надо сказать, я скажу как можно деликатнее, и если вы на меня не обидитесь, я буду этому сердечно рад. Вы оба оказали мне услугу, большую услугу (моя старушка знает, какую). И я вложил вот в этот конверт чек на сто фунтов. Помоему, ваша услуга стоит таких денег, и я с удовольствием плачу их вам. Надеюсь, вы будете настолько любезны и примете от меня эту сумму вместе с моей благодарностью?

Надменно, глядя куда-то в сторону, миссис Лэмл простерла над столом левую руку, и мистер Боффин вложил в нее конверт с деньгами. Она немедленно препроводила

конверт за вырез платья, после чего мистер Лэмл явно почувствовал облегчение и вздохнул свободнее, так как он окончательно уверился в получении ста фунтов только тогда, когда чек благополучно перешел из рук мистера Боффина в руки его дражайшей Софронии.

— Я не ошибусь,— спросил мистер Боффин, обращаясь к Альфреду,— если скажу, что вы, сэр, рассчитывали занять со временем место Роксмита?

— Да,— ответил Альфред, сверкнув в улыбке зубами и сразу став еще носатее,— не ошибетесь.

— А вы, сударыня,— продолжал мистер Боффин, обращаясь теперь к Софронии,— может, вы, по доброте своей, призадумались о моей старушке и оказали ей честь тем, что решили взять ее под свою опеку, стать для нее своего рода мисс Беллой Уилфер и даже чем-то большим, по сравнению с мисс Беллой Уилфер?

— Смею надеяться, сэр,— громко и с презрительной гримасой ответила миссис Лэмл,— что, если бы я возымела такую мысль, мне не представило бы труда стать чем-то бóльшим по сравнению с мисс Беллой Уилфер, как вы изволите ее называть.

— А как называете ее вы, сударыня? — спросил мистер Боффин.

Не удостоив его ответом, миссис Лэмл вызывающе постучала ножкой по полу.

— Мне думается, я и на этот раз не ошибся. Не так ли, сэр? — сказал мистер Боффин, поворачиваясь к Альфреду.

— Да, сэр,— с той же улыбкой ответствовал Альфред,— не ошиблись.

— Так вот,— тихо проговорил мистер Боффин.— Ничего из этого не получится. Я не хочу произносить ни одного такого слова, которое оставит у вас неприятное чувство, но ничего из этого не получится.

— Софрония, душа моя! Вы слышали? Ничего из этого не получится,— передразнивая мистера Боффина, повторил ее супруг.

— Да,— еще тише сказал тот.— Ровным счетом ничего. Вы уж не обижайтесь на нас. Идите своим путем, а мы пойдем своим, и, надеюсь, все обернется к нашему обоюдному удовольствию.

Миссис Лэмл посмотрела на него, будто говоря: «Исключите меня из числа лиц, которые получают удовольствие от такого решения вопроса!», но промолчала.

— Самое лучшее, что мы могли тут придумать,— продолжал мистер Боффин,— это пойти с вами на сделку. Вот мы и пошли. Вы оказали мне услугу, большую услугу, и я оплатил ее вам. Вы не возражаете против суммы?

Мистер и миссис Лэмл обменялись взглядом через стол, но возражать не стали. Мистер Лэмл пожал плечами, миссис Лэмл застыла в полной неподвижности.

— Вот и хорошо,— сказал мистер Боффин.— Учтя все обстоятельства, мы — то есть моя старушка и я — выбрали самый короткий и самый прямой путь для разрешения этого дела. Надеюсь, вы отдадите должное нашим добрым намерениям. Мы — то есть моя старушка и я — подробно все обсудили и поняли, что вводить вас в заблуждение или попустительствовать вам будет нехорошо, очень нехорошо. И тогда я дал понять...— Мистер Боффин замолчал в поисках каких-то других слов, но, не найдя более выразительных, повторил вполголоса: —...дал понять вам, что у вас ничего не получится. Хотел бы я сказать это поделикатнее, да не выходит. Надеюсь все же, вы не будете в обиде, потому что обижать вас я не собирался. А теперь,— добавил он, как бы подводя итог сказанному,— пожелав вам всего хорошего на вашем жизненном пути, мы так и говорим вам: всего хорошего, прощайте.

По одну сторону стола с наглым смешком поднялся мистер Лэмл, по другую, надменно вскинув брови, поднялась миссис Лэмл. В эту минуту на лестнице послышались торопливые шаги, и в комнату, без доклада, вся в слезах, вбежала Джорджиана Подснеп.

— Софрония! Моя дорогая Софрония! — воскликнула она, ломая руки, и кинулась миссис Лэмл на шею.— Вы с Альфредом разорились! Бедная моя Софрония! Ваш дом продается с торгов, и это после того, как вы были так добры ко мне! Мистер Боффин! Миссис Боффин! Простите меня, что я ворвалась к вам без приглашения, но если бы вы знали, как я тосковала по Софронии, когда папа запретил мне бывать у нее, если бы вы знали, как

мне было больно за Софронию, когда я услыхала от мамы, что Софрония теперь не нашего круга! Нет! Вы не представляете себе и не можете и никогда не сможете представить, как я всю ночь не сомкнула глаз и плакала о моей Софронии, о моем первом и единственном друге!

Разительная перемена произошла в миссис Лэмл, лишь только бедная, глупенькая девушка обняла ее. Она побледнела и бросила умоляющий взгляд сначала на мистера Боффина, потом на миссис Боффин. Те сразу поняли значение этого взгляда, проявив такую чуткость, какой, при данных обстоятельствах, нельзя было бы ждать от людей более образованных, у которых понимание идет не столько от сердца, сколько от разума.

— Мне дольше нельзя здесь оставаться,— продолжала бедная маленькая Джорджиана.— Мы с мамой с раннего утра ездим по лавкам, и я сослалась на головную боль и упросила маму, чтобы она позволила мне остаться в фаэтоне на Пикадилли, и побежала на Сэквил-стрит, но там сказали, что Софрония у вас, а потом мама поехала с визитом к этой ужасной старухе на Портленд-Плейс, она в тюрбане и точно каменная, и я сказала, что не пойду к ней, а лучше завезу наши визитные карточки Боффинам. Я знаю, невежливо говорить просто «Боффины», но, боже мой! у меня в голове все перепуталось, фаэтон ждет у дверей, и если папа узнает, что он скажет!

— Вам нечего бояться, душенька,— заверила ее миссис Боффин.— Вы же приехали повидаться с нами.

— Нет! Не с вами! — воскликнула Джорджиана.— Правда, это очень неучтиво, но я приехала повидаться с моей бедной Софронией, с моим единственным другом! Ах, Софрония! Мне было очень тяжело без вас, еще до того, как я узнала, что вы не нашего круга, а теперь стало еще тяжелее!

Слезы, настоящие слезы выступили на глазах у беззастенчивой миссис Лэмл, когда добрая, глупенькая девушка прижалась к ее груди.

— Боже мой! Ведь я приехала по делу!— спохватилась Джорджиана. Всхлипнув и утерев платком лицо, она принялась шарить в своей сумочке. — Если я уеду, так ничего и не сделав, тогда незачем было приезжать, и если папа узнает про Сэквил-стрит, что он скажет?! Что

скажет мама, если ей придется ждать меня у подъезда этого ужасного тюрбана? И ни у кого нет таких лошадей, как у нас — бьют копытами по мостовой и сводят меня с ума,— это сейчас-то, когда мне весь мой ум нужен, хотя его у меня не так уж и много! А они бьют и бьют копытами у дома мистера Боффина, где им вовсе не полагается стоять. Ох! Куда же это девалось? Ох! Не могу найти!— И все это залпом, заливаясь слезами и не переставая копаться в сумочке.

— Что вы потеряли, душенька? — спросила миссис Боффин, подходя к ней.

— Ах, это такой пустяк! — ответила Джорджиана.— Ведь мама до сих пор считает меня маленькой (а как жаль, что я уже не маленькая!). Я их почти не тратила и теперь накопила пятнадцать фунтов, а по-моему, Софрония, три бумажки по пять фунтов все-таки лучше, чем ничего, хотя это такой пустяк, такой пустяк! Ну вот, их нашла, так другое исчезло! О господи! Нет, и оно здесь!

Не переставая всхлипывать, Джорджиана извлекла, наконец, из своей сумочки ожерелье.

— Мама говорит, что девчонкам драгоценности не по носу,— снова начала она,— поэтому у меня никаких висюлек нет. Но моя тетя Хокинсон, наверно, была не согласна с ней и завещала мне вот это, хотя, если бы она его закопала, толк был бы один, потому что оно всегда лежит в футляре и в вате. Но теперь, слава богу, оно пригодилось, и вы его продадите, Софрония, дорогая моя, и купите на эти деньги все, что вам нужно.

— Дайте ваше ожерелье мне,— сказал мистер Боффин, бережно взяв ее за руки.— Я позабочусь, чтобы им распорядились так, как нужно.

— Вы друг Софронии, мистер Боффин? — воскликнула Джорджиана.— Какой вы добрый! Ах, боже мой, мне надо еще о чем-то сказать... О чем же? Из головы вылетело... Нет, не вылетело, все вспомнила! Я получу бабушкино наследство, когда достигну совершеннолетия, и оно будет мое собственное, мистер Боффин, и ни папа, ни мама, никто другой не смогут им распоряжаться, и мне хочется сделать как-нибудь так, чтобы часть его досталась Софронии и Альфреду, а для этого надо что-то где-то подписать,

и тогда кто-то выдаст им их долю. И с этими деньгами они снова будут нашего круга. Ах, боже мой! Мистер Боффин! Вы, друг моей дорогой Софронии, вы не откажете мне! Ведь не откажете?

— Нет, нет,— сказал мистер Боффин.— Я сделаю все, что нужно.

— Спасибо вам, спасибо! — воскликнула Джорджиана.— Если бы теперь моей горничной послать записочку и полкроны в придачу, я сбегала бы в кондитерскую и подписала бы это там или у нас в садике... только тогда надо, чтобы кто-то подошел к калитке и кашлянул, а я отопру ее своим ключом, и пусть принесут бумагу, чернил и хоть клочок промокашки. О господи! Надо бежать, не то папа и мама узнают, где я! Софрония! Дорогая моя Софрония! Прощайте! Прощайте!

Бедная, легковерная девочка еще раз горячо обняла миссис Лэмл, потом протянула руку мистеру Лэмлу.

— Прощайте, дорогой мистер Лэмл... нет, Альфред! Теперь вы не будете думать, будто я отреклась от вас, потому что вы стали не нашего круга? Правда, не будете? Боже мой! Я все глаза себе выплакала, и мама обязательно спросит, что случилось? Пожалуйста, проводите меня кто-нибудь! Прошу вас, прошу!

Мистер Боффин свел Джорджиану вниз по лестнице, усадил в экипаж и потом долго помнил эти заплаканные красные глаза и дрожащий подбородок поверх большого фартука кремового фаэтона, точно ее, как маленькую, уложили в кровать среди бела дня за какую-то детскую провинность, и вот она, жалкая, заливаясь покаянными слезами, выглядывает теперь из-под одеяла.

Когда мистер Боффин вернулся в столовую, мистер Лэмл и миссис Лэмл по-прежнему стояли у стола, каждый на своем месте.

— Я берусь,— сказал мистер Боффин, показывая им ожерелье и деньги,— вернуть все это назад, по принадлежности.

Миссис Лэмл взяла свой зонтик со столика и теперь водила им по узорной парчовой скатерти — точно так же, как по обоям в комнате мистера Твемлоу несколько дней назад.

— Надеюсь, мистер Боффин, вы не станете открывать

ей глаза? — спросила она, поворачиваясь к нему, но не глядя на него.

— Нет,— ответил мистер Боффин.

— Открывать ей глаза на истинные качества ее друга,— пояснила миссис Лэмл вполголоса, но сделав ударение на последнем слове.

— Нет,— повторил он.— Может, я попытаюсь намекнуть у них дома, что ей нужен добрый, заботливый руководитель, но больше ни ее родители, ни она сама ничего от меня не услышат.

— Мистер и миссис Боффин,— снова заговорила миссис Лэмл, продолжая старательно водить кончиком зонта по узорной скатерти.— Вряд ли кто другой на вашем месте, принимая во внимание все обстоятельства, пощадил бы меня и проявил бы ко мне столько снисхождения. Вы не откажетесь принять мою благодарность?

— Кто же от нее откажется? — живо отозвалась добрая миссис Боффин.

— Тогда позвольте мне поблагодарить вас обоих.

— Софрония,— насмешливо проговорил ее супруг.— Вы, кажется, расчувствовались?

— Знаете, дорогой сэр,— перебил его мистер Боффин,— когда ты сам уважительно о ком-нибудь думаешь и когда другие думают о тебе уважительно, это очень хорошо. Если даже миссис Лэмл и расчувствовалась, ничего дурного тут нет.

— Премного вам благодарен, но пусть она сама это подтвердит.

Не говоря ни слова, миссис Лэмл по-прежнему водила зонтиком по скатерти, и лицо у нее было неподвижное, сумрачное.

— Пусть подтвердит,— повторил Альфред,— потому что я сам готов расчувствоваться, глядя, как вы, мистер Боффин, распорядились ожерельем и деньгами. Наша маленькая Джорджиана была права: три бумажки по пять фунтов лучше, чем ничего, и если продать ожерелье, на эти деньги можно кое-что приобрести.

— *Если* продать,— подчеркнул мистер Боффин, пряча ожерелье в карман.

Альфред проследил алчным взглядом и за ожерельем и за банкнотами, которые тоже исчезли в боковом кармане

мистера Боффина. Потом не то с раздражением, не то с издевкой посмотрел на жену. Миссис Лэмл все рисовала кончиком зонта по скатерти, но теперь в ней, видимо, происходила внутренняя борьба, нашедшая выражение в том, как глубоко она провела напоследок по завиткам узора. И тут на скатерть из ее глаз капнули слезы.

— Черт бы побрал эту женщину! — воскликнул Лэмл.— Она и на самом деле расчувствовалась!

Миссис Лэмл подошла к окну, вся сжавшись под его злобным взглядом, с минуту смотрела на улицу, потом повернулась — уже спокойная, холодная.

— До сих пор у вас не было поводов жаловаться на мою чувствительность, Альфред, и в дальнейшем таких жалоб тоже не предвидится. Значит, все то, что было сейчас, недостойно вашего внимания. На деньги, полученные здесь, мы уедем за границу?

— Вы сами это знаете. Вы знаете, что мы должны уехать.

— Так будьте уверены, что я не повезу с собой свою чувствительность. А если бы и повезла, меня не замедлили бы освободить от этого груза. Итак, я распрощусь с ней. Собственно, уже распростилась. Вы готовы, Альфред?

— Я жду вас, Софрония. Больше мне здесь нечего делать.

— Тогда пойдемте. Весьма сожалею, что задержала наш преисполненный достоинства уход.

Она вышла из комнаты, он последовал за ней. Мистер и миссис Боффин не совладали со своим любопытством и, осторожно подняв оконную раму, долго смотрели им в спину. Улица была длинная, и они шествовали по ней с гордым видом, под руку — и молчали.

Дав волю воображению, можно было бы увидеть в этой чете пристыженных мошенников, скованных невидимыми наручниками, но при более трезвой оценке они показались бы просто людьми, которые смертельно устали друг от друга, сами от себя и от всего, что есть в мире. И, повернув за угол, они как будто и на самом деле исчезли из этого мира — во всяком случае для мистера и миссис Боффин, так как старичкам больше не пришлось встречаться с супругами Лэмл.

ГЛАВА III

Золотой Мусорщик снова впадает в ничтожество

В один из тех вечеров, когда в «Приюте» должно было состояться очередное литературное чтение, мистер Боффин пообедал в пять часов, поцеловал миссис Боффин и рысцой выбежал из дому, обеими руками прижимая к груди толстую палку, которая и на этот раз нашептывала ему что-то на ухо. Сосредоточенное выражение не сходило у него с лица, будто он старался не пропустить ни слова из таинственных речей толстой палки. Это было лицо человека, вникающего в какую-то запутанную историю, и, семеня мелкими шажками по тротуару, мистер Боффин то и дело бросал на свою спутницу такие взгляды, точно ему хотелось прервать ее возгласом: «Да быть того не может!»

Мистер Боффин и его палка добежали до перекрестка, где им, видимо, предстояла встреча с кем-то, кто должен был в то же самое время появиться здесь на пути от Клеркенуэла к «Приюту». На углу они остановились, и мистер Боффин вынул из кармана часы.

— Придется подождать Венуса минут пять. Я малость поспешил.

Но Венус, будучи человеком пунктуальным, появился как раз в ту минуту, когда мистер Боффин клал часы в карман. Он ускорил шаги, увидев, что его ждут на условленном месте, и вскоре поравнялся с мистером Боффином.

— Спасибо, Венус,— сказал тот.— Спасибо, спасибо и еще раз спасибо!

За что мистер Боффин благодарил анатома, так и осталось бы неизвестным, если бы сразу же вслед за тем не последовало разъяснения:

— Прекрасно, Венус, прекрасно! С тех пор как вы побывали у меня и согласились прикинуться, будто у вас с Веггом все идет по-прежнему, я точно подпорку за собой почувствовал! Прекрасно, Венус! Спасибо, Венус! Спасибо, спасибо и еще раз спасибо!

Скромно потупив глаза, мистер Венус пожал протянутую ему руку, и они оба зашагали по направлению к «Приюту».

— Как вы думаете, Венус, когда Вегг набросится на меня,— уж не сегодня ли? — грустно спросил по пути мистер Боффин.

— Думаю, что сегодня, сэр.

— У вас есть какие-нибудь особые основания так думать, Венус?

— Да знаете ли, сэр,— ответил анатом,— на днях он опять пожаловал ко мне проверить, цел ли наш товарец — как это у него называется; и сказал, между прочим, что медлить больше нечего, надо приступать к делу в следующий же раз, как вы придете. А так как следующий ваш приход ожидается сегодня, сэр...— Со свойственной ему деликатностью мистер Венус ограничился намеком.

— Значит, вы полагаете, что сегодня он и прищемит мне нос? Так, Венус? — спросил мистер Боффин.

— Именно так, сэр.

Мистер Боффин ощупал кончик носа, точно почувствовав прикосновение руки Вегга.

— Он ужасный человек, Венус! Он страшный человек! Просто не знаю, как я все это вынесу. Вы должны помочь мне, Венус. Я на вас полагаюсь, как на человека порядочного, верного. Вы не оставите меня, Венус?

Мистер Венус подтвердил, что не оставит, и после этого мистер Боффин, судя по выражению его лица, подавленный и встревоженный, продолжал путь молча. В ответ на их звонок во дворе послышалось глухое постукиванье деревянной ноги Вегга, и когда калитка скрипнула петлями, он сам, с ключом в руках, предстал перед ними.

— Мистер Боффин? — сказал Вегг.— Давненько вас здесь не видали, сэр!

— Да, Вегг. Я был занят последнее время.

— Вот как, сэр! — воскликнул литературный человек и угрожающе фыркнул.— Гм! А я поджидал вас, сэр, поджидал, так сказать, с особым нетерпением.

— Да что вы говорите, Вегг!

— Вот то самое и говорю, сэр! И если бы вы не пожаловали сегодня, я — пропади все пропадом — заявился бы к вам завтра с утра собственной персоной. Да-с!

— Надеюсь, ничего такого не случилось, Вегг?

— Нет, мистер Боффин, ничего такого не случилось,— последовал язвительный ответ.— Что может случиться в Боффиновом «Приюте»? Входите, сэр!

Здесь тенистый приют уготован тебе *,
Не па ложе из роз ты заснешь на заре.
Приходи, приходи, приходи, милый друг!
Ты придешь ли, придешь ли, придешь, милый друг?

Вызывающе, нагло сверкнули глаза мистера Вегга, когда после этой вокальной цитаты он впустил своего патрона во двор и повернул ключ в замке. Вид у мистера Боффина был пришибленный, покорный. И, шагая по двору следом за ним, Вегг шепнул Венусу: «Полюбуйтесь на этого червя и баловня фортуны! Он уже повесил нос на квинту!» А Венус шепнул Веггу: «Это потому, что он все знает. Я ему все сказал, чтобы вам легче было».

Войдя в комнату, отведенную для литературных чтений, мистер Боффин положил свою палку на отведенный ему ларь, сунул руки в карманы, высоко поднял плечи, чуть не сбив с головы сдвинутую на затылок шляпу, и с тоской во взоре посмотрел на Вегга.

— Как сообщил мне мой друг и компаньон, мистер Венус,— сказал этот всесильный человек,— вам уже известно, что вы в нашей власти. Снимите шляпу, и мы приступим к делу.

Мистер Боффин движением головы стряхнул шляпу на пол, сохраняя все ту же позу и все то же грустное выражение лица.

— Начнем с того, что я буду называть вас просто Боффином, для краткости,— сказал Вегг.— Не хотите, как хотите,— воля ваша.

— Пожалуйста, Вегг, я не возражаю,— ответил мистер Боффин.

— Тем лучше для вас, Боффин. Ну-с, желаете послушать чтение?

— Нет, сегодня я что-то не расположен, Вегг.

— Расположены или нет, все равно читать вам я не собираюсь,— продолжал Вегг, блестящий замысел которого несколько потускнел после такого непредвиденного ответа.— Хватит! Довольно я на вас трудился. Не позволю какому-то мусорщику топтать меня ногами. Отказываюсь

от должности наотрез, но жалованье пусть идет по-прежнему.

— Если вы так решили, Вегг,— сказал мистер Боффин, покорно прижимая руки к груди,— пусть будет по-вашему.

— И будет по-моему! — рявкнул тот.— Дальше. (Прежде чем приступить к делу, надо навести порядки здесь.) Вы подослали в «Приют» своего прислужника, который везде тут шныряет, за всеми подглядывает, все тут разнюхивает, сопляк этакий!

— Когда я посылал его сюда, у него насморка не было,— сказал мистер Боффин.

— Боффин! — вскричал Вегг.— Я вас предупреждаю — со мной шутки плохи!

Но тут мистер Венус вступился за мистера Боффина, заметив, что тот, по всей вероятности, истолковал слова мистера Вегга буквально, поскольку и сам он, Венус, только сейчас понял, что мистер Вегг выражался фигурально, а вначале ему показалось: уж не страдает ли вышеупомянутый прислужник каким-то недугом или дурной привычкой, лишающей общение с ним всякой приятности.

— Как там ни крути и как ни верти,— сказал мистер Вегг,— а его сюда подослали, и он торчит здесь безвыходно. Так вот, я этого не потерплю. И следовательно, от Боффина требуется перво-наперво, чтобы он призвал его сюда и велел ему убираться подобру-поздорову.

Тем временем ничего не подозревающий Хлюп проветривал свои многочисленные пуговицы у всех на виду, посреди двора. Мистер Боффин растерянно помолчал минуту, потом поднял оконную раму и поманил его.

— От Боффина требуется, чтобы он,— продолжал Вегг, подбоченившись и склонив голову набок, точно грозный обвинитель, допекающий свидетеля,— чтобы он уведомил своего прислужника, что хозяин здесь я.

И когда сверкающий пуговицами Хлюп вошел в комнату, мистер Боффин, безропотно покоряясь приказанию, сказал:

— Хлюп, друг мой, здесь хозяин мистер Вегг. Он не хочет тебя держать, и тебе придется уйти отсюда.

— Раз и навсегда! — строго заявил мистер Вегг.

— Раз и навсегда,— повторил мистер Боффин.

Хлюп разинул рот, уставился на них во все глаза и во все пуговицы, но Сайлас Вегг тут же, без малейшего промедления, вывел его во двор, взяв за плечи, вытолкнул на улицу и запер за ним калитку.

— Вот теперь атмосфера сразу разрядилась, человеку есть чем дышать,— сказал он, перенося через порог свою деревянную ногу и утирая платком лицо, несколько покрасневшее с натуги.— Мистер Венус, сэр, возьмите стул. Боффин, вы тоже можете сесть.

Не вынимая рук из карманов, мистер Боффин присел на самый кончик ларя, весь сжался и устремил на всесильного Вегга заискивающий взгляд.

— Этот джентльмен,— сказал Сайлас, показывая на Венуса,— этот джентльмен, Боффин, угощал вас подслащенной водицей, чего я делать не намерен. Но ему не приходилось, как мне, влачить на себе Римское ярмо и от него никто не требовал, чтобы он поставлял вашей ненасытной утробе разных скупцов и скряг.

— Дорогой мой Вегг, я не предполагал...— начал было мистер Боффин, но Сайлас перебил его на полуслове:

— Придержите язык, Боффин! Отвечайте, только когда вас спрашивают. Этого вам будет вполне достаточно. Итак, вас уже известили, что вы присвоили себе некое имущество, не имея на то ни малейшего права? Известили вас или нет?

— Да, так мне говорил Венус,— ответил мистер Боффин, ища взглядом поддержки у анатома.

— Так говорю вам я! — отрезал Сайлас.— Теперь глядите, Боффин,— вот моя шляпа, вот моя палка. Посмейте только не посчитаться со мной, и я, вместо того чтобы заключить с вами сделку, надену вот эту шляпу, возьму в руки вот эту палку и пойду договариваться с законным наследником. Ну-с, каков будет ваш ответ?

— Мой ответ будет таков,— сказал мистер Боффин, в волнении подавшись всем телом вперед и положив руки на колени.— Мой ответ будет таков, что я готов считаться с вами, Вегг. Так я говорил и Венусу.

— Совершенно верно, сэр,— подтвердил Венус.

— Вы слишком уж мягки, угощаете нашего приятеля подслащенной водицей, сударь! — упрекнул его Сайлас, осудительно покачав своей деревянной башкой.— Значит,

Боффин, вы горите желанием заключить с нами сделку? Прежде чем отвечать, вспомните про мою шляпу, а также про мою палку.

— Да, Вегг, я не отказываюсь от сделки с вами.

— «Не отказываюсь» — этого мало. Такого ответа я не приму. Вы желаете заключить с нами сделку? Вы испрашиваете моего милостивого разрешения на то, чтобы заключить сделку с нами? — Мистер Вегг снова подбоченился и склонил голову набок.

— Да.

— Что «да»? — крикнул неумолимый Вегг.— Одного «да» мало! Мне подавайте все полностью!

— Боже мой! — воскликнул горемычный старик.— До чего вы меня довели! Да! Я испрашиваю вашего милостивого разрешения на то, чтобы заключить сделку, если документ у вас вполне правильный.

— На этот счет можете не сомневаться,— сказал Сайлас, вытягивая шею.— Собственными глазами во всем убедитесь. Документ вам покажет мистер Венус, а я буду вас держать в это время. Далее, вы хотите знать, каковы наши условия? А именно размеры денежного вознаграждения и самую суть договора? Кого я спрашиваю, вас или нет?

Мистер Боффин не сразу нашелся что ответить.

— Боже мой! — снова воскликнул горемычный старик.— До чего вы меня довели — просто ум за разум заходит! Куда такая спешка? Будьте любезны, Вегг, скажите, какие ваши условия.

— Слушайте, Боффин,— ответил Сайлас.— Слушайте внимательно, потому что это самые божеские условия, и на другие я не пойду. Вы присовокупите вашу гору мусора (ту маленькую, что все равно вам отойдет) к прочему имуществу, потом разделите все наследство на три части, одну часть оставите себе, а от двух других откажетесь в нашу пользу.

Взглянув на вытянувшуюся физиономию мистера Боффина, мистер Венус скривил рот на сторону, ибо он не ожидал такого грабительского запроса.

— Стойте, Боффин,— продолжал Вегг.— Это еще не все. Вы уже успели порастрясти денежки — потратили коечто на себя. Я этого не потерплю. Вы купили дом. За него мы с вас вычтем.

— Вы меня разорите, Вегг,— слабо запротестовал мистер Боффин.

— Стойте, Боффин, это еще не все. Вы оставите горы мусора на мое попечение до тех пор, пока их не свезут отсюда. Если там обнаружатся какие-нибудь ценности, ведать ими буду я. Затем вы предъявите контракт на продажу мусора, чтобы мы знали до последнего пенни, на какую сумму он заключен, а также составите подробную опись всего остального имущества. Когда горы мусора сровняют с землей, тогда мы произведем окончательный расчет.

— Ужасно, ужасно, ужасно! Я кончу жизнь в работном доме! — воскликнул Золотой Мусорщик, схватившись за голову.

— Стойте, Боффин, это еще не все. Вы, не имея на то никакого права, вечно копались тут во дворе. Вас заставали тут во дворе за этим занятием. Две пары глаз, которые сейчас смотрят вам в лицо, видели, как вы откопали здесь голландскую флягу.

— Она моя собственная, Вегг! — взмолился мистер Боффин.— Я сам ее туда зарыл.

— Что в ней было, Боффин? — вопросил Сайлас.

— Ни золота не было, ни серебра, ни ценных бумаг, ни бриллиантов,— словом, ничего такого, что можно обратить в деньги, Вегг. Клянусь вам честью!

— Мистер Венус,— сказал Вегг, с многозначительным и самодовольным видом глядя на своего компаньона.— Будучи готовым к уклончивому ответу этого мусорщика, я набрел на одну мысль, которую, надеюсь, вы тоже поддержите. За эту флягу мы взыщем с мусорщика тысячу фунтов.

Мистер Боффин громко застонал.

— Стойте, Боффин, это еще не все. У вас в услужении находится некий проныра и фискал по имени Роксмит. Пока мы не закончим своих дел, ему здесь не место. Его надо уволить.

— Роксмит уже уволен,— глухо проговорил мистер Боффин, закрыв лицо руками и покачиваясь всем телом взад и вперед.

— Уволен? — изумился Вегг.— Ну что ж, Боффин, тогда это все.

Так как горемычный старик продолжал покачиваться взад и вперед и время от времени издавал стоны, мистер Венус стал уговаривать его мужественно снести удар судьбы, а самое главное, не спеша, исподволь привыкать к своему новому положению. Но об этом самом главном Сайлас Вегг как раз и слышать не захотел. «Да или нет, и никаких проволочек!» — Упрямец твердил этот девиз, грозя кулаком мистеру Боффину и угрожающе постукивал своей деревяшкой по полу.

Под конец мистер Боффин взмолился, чтобы ему дали возможность передохнуть хоть четверть часа и употребить это время на освежительную прогулку по двору. Мистер Вегг оказал такую милость с большой неохотой, и то лишь при условии, что он будет сопровождать мистера Боффина, так как тот, предоставленный самому себе, чего доброго откопает что-нибудь в мусоре. Вряд ли мусорным кучам приходилось осенять своей тенью более нелепое зрелище, чем то, что являли собой мистер Боффин, в полном смятении духа семенивший мелкими шажками по двору, и мистер Вегг, который вприпрыжку еле поспевал за своей жертвой и жадно следил, не глянет ли она туда, где таятся несметные сокровища. Когда положенные четверть часа истекли, мистер Вегг приковылял к финишу, запыхавшись и окончательно выбившись из сил.

— Ну, что тут поделаешь! — С этими словами мистер Боффин в отчаянии упал на ларь и так глубоко засунул руки в карманы, точно они у него были бездонные.— Зачем мне прикидываться, будто я могу тягаться с вами, когда тут ничего не поделаешь! Принимаю все ваши условия, только покажите мне этот документ, я хочу его видеть!

Вегг, которому не терпелось заклепать гвоздь, уже вогнанный по самую шляпку, заявил, что не пройдет и часа, как Боффину все покажут. Взяв его с этой целью под конвой, мистер Вегг нахлобучил ему шляпу на голову и вывел под руку во двор, тем самым утвердив свою власть над душой и телом этого горемыки, точно его злой гений, принявший видимую форму, равной которой по нелепости и мрачности не было даже в собрании редкостных уродцев мистера Венуса. Белобрысый анатом следовал за ними по пятам, будто и на самом деле служа подпоркой мистеру

Боффину, по крайней мере в физическом смысле, так как подпереть его морально ему до сих пор не представилось возможности. Мистер Боффин быстро семенил по тротуару и то и дело приводил Сайласа Вегга в столкновение с прохожими, уподобляясь собаке нищего слепца, не очень-то внимательно исполняющей обязанности поводыря.

Таким образом они добрались до заведения мистера Венуса, и, надо сказать, в довольно разгоряченном состоянии. Особенно ярко пылала физиономия у мистера Вегга, который, стоя посреди тесной лавки, первые несколько минут не мог выговорить ни слова, а все только отдувался и вытирал голову носовым платком.

Тем временем мистер Венус, предоставивший лягушкам доводить свою дуэль до конца при свечах к вящему удовольствию прохожих, прикрыл окно ставнями. Когда же в лавке наступил уютный полумрак и дверь была заперта на крючок, он сказал обливающемуся потом Сайласу:

— Теперь можно предъявить документ. Как вы полагаете, мистер Вегг?

— Не торопитесь, сэр,— ответила эта достойнейшая личность.— Не торопитесь. Сделайте одолжение, подвиньте вон тот ящик, где, как вы когда-то говорили, у вас хранится разное. Подвиньте его на середину лавки, поближе ко мне.

Мистер Венус так и сделал.

— Хорошо,— сказал Сайлас, озираясь по сторонам.— Оч-чень хорошо! Теперь, сэр, сделайте одолжение и подайте мне вон тот стул, а я поставлю его на ящик.

Венус подал ему стул.

— Ну-с, Боффин,— сказал Вегг,— влезайте туда и садитесь.

Мистер Боффин поднялся на это возвышение, точно с него должны были писать портрет, или подвергать его гальванизации, или посвящать в масоны *, словом, причинять ему какие-то неприятности, и сел на стул.

— Ну-с, мистер Венус,— сказал Сайлас, снимая куртку,— когда я обхвачу нашего приятеля сзади поперек туловища и прижму к спинке стула, можете показать ему то, чего он так добивается. Если вы будете держать в одной

руке это самое, а в другой свечку, он прекрасно все прочитает.

Мистер Боффин, видимо, хотел воспротивиться таким предупредительным мерам, но был вынужден покориться обстоятельствам, ибо Вегг тут же обхватил его сзади. Венус показал ему документ, и он стал медленно читать его вслух — так медленно, что мистер Вегг, державший его вместе со стулом, точно борец своего противника, снова зашелся от натуги.

— Венус, скажите, когда положите бумагу на место,— с трудом выговорил он.— Мочи моей больше нет.

Наконец документ спрятали, и Вегг, который занимал последние несколько минут такое неудобное положение, какое можно сравнить только с положением очень настойчивого человека, безуспешно старающегося стать на голову, тяжело отдуваясь, повалился на скамью. Что касается мистера Боффина, то он даже не попытался слезть со своего постамента и сидел там, скорбно опустив голову.

— Ну-с, Боффин,— сказал Вегг, как только дар речи вернулся к нему.— Теперь вам все ясно.

— Да, Вегг,— чуть слышно ответил мистер Боффин.— Теперь мне все ясно.

— Сомнений у вас больше нет, Боффин?

— Нет, Вегг, нет. Какие там сомнения,— последовал грустный ответ.

— Ну так вот, смотрите,— сказал Вегг.— Чтобы все условия выполнялись свято. Мистер Венус, если, ради столь знаменательного события, у вас в доме отыщется что-нибудь покрепче китайского чая, я на правах дружбы позволю себе напроситься на угощение.

Вняв напоминанию о законах гостеприимства, мистер Венус поставил на стол бутылку рома. На вопрос: «Будете разбавлять, мистер Вегг?», этот джентльмен благодушно ответил: «Нет, сэр, пожалуй, не буду. Ради столь знаменательного события следует отдать предпочтение горлодеру».

Отказ мистера Боффина от рома и возвышенное положение, которое он занимал, могли только способствовать тому, чтобы к нему обращались с вопросами. Приложившись к стаканчику, Вегг бесцеремонно оглядел его с головы до ног и произнес громким голосом:

— Боф-фин!

— Слушаю, Вегг,— ответил тот, со вздохом отвлекаясь от своих мыслей.

— Я не упомянул еще об одном условии, потому что эта мелочь сама собой разумеется. За вами нужен глаз да глаз. Придется взять вас под наблюдение.

— Я не совсем понимаю...

— Ах, не понимаете? — язвительно повторил Вегг.— Куда же девалась ваша смекалка, Боффин? Так вот, имейте в виду — пока мусор оттуда не вывезли и пока мы не завершим нашей сделки, ответственность за все имущество лежит на вас. И отвечать вам придется передо мной. Мистер Венус тот поит вас подслащенной водицей, так я займусь вами сам.

— Я сейчас сидел и думал,— с тоской в голосе проговорил мистер Боффин,— думал о том, что мне придется держать все это в тайне от моей старушки.

— О чем это вы — о разделе имущества? — осведомился Вегг, наливая себе третий стаканчик горлодера, ибо второй был уже выпит.

— Да. Если из нас двоих моя старушка умрет первая, пусть, бедняжка, так и думает до конца дней своих, что наследство все еще мое и я расходую его бережно.

— Сдается мне, Боффин,— сказал Вегг, с проницательным видом покачивая головой и так коряво подмигивая, будто веко у него было деревянное,— сдается мне, что вы отыскали это в какой-нибудь книжке про какого-нибудь старикашку, который слыл скрягой и прикидывался, будто денег у него куры не клюют. Впрочем, меня это не касается.

— Неужели вы не понимаете, Вегг? — жалобно проговорил мистер Боффин.— Неужели вы не понимаете? Моя старушка так привыкла к тому, что мы богаты. Для нее это будет тяжелым ударом.

— Нечего тут понимать! — вскипел Вегг.— Ваша доля будет ничуть не меньше моей. Чем вы лучше меня?

— Кроме того,— мягко продолжал мистер Боффин,— моя старушка честных правил.

— А она чем лучше меня? Я тоже честных правил! — осадил его Вегг.

Этот пункт переговоров, видимо, вывел мистера Боффина из терпения, но все же он сдержался и сказал более или менее покорно:

— Все-таки, Вегг, от моей старушки это надо скрыть.

— Ну, что ж, хотите скрыть, так скрывайте,— проговорил Вегг пренебрежительно, но, видимо, боясь испортить дело отказом.— Уж от меня-то она ничего не узнает, а я и без того не выпущу вас из-под моего строгого надзора. И я ведь ничем не хуже вас, даже лучше. Приглашайте меня к обеду. И вообще я буду захаживать к вам запросто. Небось раньше вы с вашей старушкой не гнушались мной, когда я помогал вам уплетать телятину и пироги. А кто здесь жил *до вас?* Мисс Элизабет, маленький мистер Джордж, тетушка Джейн и дядюшка Паркер — вот кто жил!

— Побольше спокойствия, мистер Вегг, побольше спокойствия,— воззвал к нему Венус.

— То есть побольше подслащенной водицы, сэр? — огрызнулся тот несколько заплетающимся языком.— Я взял его под надзор, и я буду надзирать за ним!

И перед флотом Нельсон рек: *
«Пусть этот честный человек
Почтет за долг караулить Боффина!»

Боффин! Я провожу вас домой.

Мистер Боффин покорно слез с возвышения и отдался в руки Сайласа, предварительно дружески пожав руку мистеру Венусу. Надзиратель и поднадзорный снова вышли на улицу и через некоторое время остановились у особняка мистера Боффина.

Но даже тут, когда мистер Боффин попрощался со своим стражем и отпер дверь собственным ключом и осторожно притворил ее за собой,— даже тут всемогущему Сайласу понадобилось еще раз убедиться, насколько сильна только что обретенная им власть.

— Боф-фин! — крикнул он в замочную скважину.

— Да, Вегг? — послышалось из той же замочной скважины.

— Выходите. Покажитесь мне еще раз. Дайте поглядеть на себя.

Мистер Боффин,— о, как низко пал он с высот блаженного неведения! — покорно отворил дверь.

— Так! Ну, теперь можете идти и ложиться спать,— сказал Вегг, осклабившись.

Не успела дверь затвориться, как он опять позвал в замочную скважину:

— Боф-фин!

— Да, Вегг?

На этот раз Сайлас ничего не сказал и только изобразил посредством пантомимы, как он прищемит нос мистеру Боффину, который стоял по ту сторону двери, нагнувшись к замочной скважине. Потом он беззвучно рассмеялся и заковылял домой.

ГЛАВА IV

Тайный брак

Однажды ранним утром, торопясь отнюдь не в контору, херувимчик-папа поднялся с постели осторожно, тихонько, чтобы не разбудить величественной мамы, покоившейся рядом с ним. У папы было назначено в этот день важное свидание с обворожительной женщиной.

Однако папа и обворожительная женщина не собирались выходить из дому вместе. Белла встала около четырех часов утра, а шляпки на ней до сих пор почему-то не было. Она поджидала папу на лестнице — точнее, сидя на верхней ступеньке, и, видимо, поджидала его только для того, чтобы поскорее выпроводить из дому.

— Завтрак готов, сэр,— шепнула она папе, крепко обнимая его.— Вам остается только поскорее все съесть и все выпить и пуститься наутек. Как ты себя чувствуешь, папа?

— Насколько я могу судить, ничуть не лучше взломщика, который еще новичок в деле и торопится поскорее унести ноги, покуда его не застигли на месте преступления.

Беззвучно рассмеявшись, Белла подхватила папу под руку и на цыпочках повела его вниз, в кухню, останавливаясь на каждой ступеньке, чтобы приложить указательный палец сначала к своим розовым губкам, а потом к губам папы, по излюбленному ею способу целовать его.

— Ну, а как ты-то себя чувствуешь, друг мой? — спросил Р. У., когда Белла подала ему завтрак.

— Я радуюсь, папочка, что прорицатель не ошибся и что наш хороший маленький человечек ведет себя так, как было предсказано.

— Гм! Хороший маленький человечек — только он один? — воскликнул Р. У.

Белла наложила еще одну печать на папины губы, потом опустилась на колени рядом с ним и сказала:

— Слушайте, сэр! Если вы сегодня станете у черты вместе со мной, как вы думаете, что вам за это будет? Что обещано в награду тому, кто покажет себя молодцом при некоторых известных вам обстоятельствах?

— Забыл, мое сокровище, честное слово, забыл. Нет, кажется, помню! Уж не об этих ли прелестных локонах шла у нас речь? — И он ласково провел рукой по ее волосам.

— В самом деле, не о них ли! — воскликнула Белла, притворно надув губки.— Вот это мне нравится! Да будет вам известно, сэр, что прорицатель с радостью заплатил бы пять тысяч гиней (если бы это было ему по карману, чего, увы! о нем сказать нельзя) за тот прелестный локон, который я отрезала для вас! Вы, сэр, даже вообразить себе не можете, сколькими поцелуями он осыпал ту жалкую (по сравнению с вашей) прядку, что я отрезала *ему*. И он носит мой подарок на груди — да! Ближе к сердцу! — Белла несколько раз кивнула: — У самого сердца. Но так и быть, вы сегодня пай-мальчик и другого такого пай-мальчика не сыщешь во всем белом свете, и за это я награжу вас цепочкой, сплетенной из моих волос, и надену ее вам на шею собственноручно.

Когда папа наклонил голову, она немножко прослезилась, а потом сказала, предварительно утерев слезы о его белую жилетку и рассмеявшись над несуразностью такого поступка:

— Теперь, папочка, я возьму тебя за руки, сложу их ладонями вместе, а ты повторяй следом за мной: «Моя маленькая Белла...»

— Моя маленькая Белла,— повторил папа.

— Я тебя очень люблю...

— Я тебя очень люблю, моя дорогая,— сказал папа.

— От себя ничего добавлять не полагается, сэр. Ведь в церкви вы повторяете только то, что говорит священник, так и тут: будьте добры следовать за мной.

— «Мою дорогую» беру назад,— сказал папа.

— Вот богобоязненный мальчик! Ну, дальше: ты всегда была...

— Ты всегда была...— повторил папа.

— ...злющей...

— Неправда,— сказал папа.

— ...злющей (слышите, сэр?). Злющей, капризной, привередливой, неблагодарной дрянью. Но будем надеяться, что теперь ты исправишься, и я благословляю и прощаю тебя.— Тут она забыла, что папе надо повторять все это, и кинулась ему на шею.— Папочка! Если бы кто знал, сколько я сегодня думала о нашей первой встрече со старым мистером Гармоном — помнишь, ты мне рассказывал, как я тогда топала ногами, ревела и колотила тебя этим ненавистным капором! Родной мой! У меня теперь такое чувство, будто я с самого рождения только и знала, что топать ногами, реветь и колотить тебя своими отвратительными капорами!

— Вздор, моя дорогая! А что до капоров, то капоры у тебя всегда были очень миленькие, потому что шли к тебе или, может, ты сама к ним шла, не знаю, но так всегда было, сколько я тебя помню.

— Бедненький мой папа! А когда колотят капором, это больно? — покаянным тоном спросила Белла, что не помешало ей фыркнуть, как только она представила себе это зрелище.

— Нет, дочка. Муха и та не почувствует.

— Но я, наверно, хотела сделать тебе больно, иначе незачем было и колотить,— сказала Белла.— Папа, а за ноги я тебя щипала?

— Так, слегка, душенька. А знаешь, не пора ли мне...

— Пора, пора! — воскликнула Белла.— Если я не перестану болтать, тебя, чего доброго, сцапают тут. Беги, папа, беги!

Осторожно, на цыпочках, они поднялись по ступенькам, Белла так же осторожно отомкнула запор на двери, и, получив на прощанье крепкий поцелуй, папа вышел из дому. Отойдя на несколько шагов, он оглянулся; тогда

Белла послала ему воздушный поцелуй и выставила ножку, показывая воображаемую черту.

Он сделал то же самое, подтвердил, что все помнит, и быстро зашагал дальше.

Час-другой Белла задумчиво бродила по садику около дома, а потом, поднявшись в спальню, где мирно почивала неукротимая Лавви, надела, казалось бы простенькую, но тем не менее коварную по своему изяществу шляпку, еще накануне сделанную ее собственными руками.

— Я пойду погулять, Лавви,— сказала она, нагибаясь и целуя сестру. Неукротимая быстро повернулась на другой бок, пробормотала, что вставать еще рано, и, не очнувшись как следует, снова погрузилась в сон.

Полюбуйтесь теперь на Беллу! Полюбуйтесь, как эта девушка, милее которой не видело даже летнее солнце, легкой походкой идет по улице! Полюбуйтесь на папу, который поджидает Беллу, спрятавшись за водокачку, по меньшей мере в трех милях от своего родного дома! Полюбуйтесь на Беллу и папу, когда они садятся на первый пароход, направляющийся ранним утром из Лондона в Гринвич!

Кто-нибудь ждет их в Гринвиче? Весьма возможно. Во всяком случае, мистер Джон Роксмит появился на пристани почти за два часа до того, как покрытый угольной (а для него золотой) пылью маленький пароходик начал разводить пары в Лондоне. Весьма возможно. Во всяком случае, мистер Джон Роксмит выказал явное удовлетворение, увидев их на борту этого пароходика. Весьма возможно. Во всяком случае, Белла, едва ступив на берег, как ни в чем не бывало взяла мистера Джона Роксмита под руку, и они пошли с пристани в облаке такого счастья, что оно подняло с земли одного угрюмого, как сыч, старого инвалида * и отправило его следом за ними на разведку. Обе ноги были деревянные у этого старого инвалида, и за минуту до того, как Белла сошла с парохода и продела свою доверчивую руку под локоть Роксмита, единственный смысл существования заключался для этого старого сыча в табаке, да и в нем вечно была нехватка. Выбросило на сушу старого сыча, и сидел он, увязнув по самый бушприт в тине, когда Белла в один миг сняла его с мели и пустила в плаванье.

Скажи, несущийся впереди херувим-папаша, к какой цели мы держим курс прежде всего? Таким или подобным ему вопросом задался старый сыч, с любопытством вытянув шею и будто даже стараясь привстать на цыпочки на своих деревяшках, лишь бы не упустить Р. У. из виду в толпе. Но, как вскоре же выяснилось, цель в данном случае была одна-единственная: херувим-папаша несся прямо к гринвичской церкви повидаться со своими сородичами.

Да, с сородичами, ибо старый сыч, воспринимавший чуть ли не все события в жизни как помеху при жевании табака, который в таких случаях забивал ему весь рот, не мог не подметить фамильного сходства между херувимами с церковных карнизов и херувимом в белом жилете. Его деревянным лапам, вероятно, поддавали жару смутные воспоминания о праздничных открытках в день святого Валентина * с ангелочками, которые, будучи одеты гораздо более легкомысленно (для нашего-то климата, славящегося своей переменчивостью!), вели влюбленных к алтарю. Как бы там ни было, но он снялся с якоря и пустился в погоню за нашими героями.

Итак, херувим, сияя улыбками, выступал первым, Белла и Джон Роксмит шли позади, а старый сыч липнул к ним, как смола. Уже много, много лет лишенная крыльев душа старого сыча только и знала, что присматривать за его деревянными ногами, но вот Белла привезла ей на пароходе новые крылья, и теперь она снова взмахнула ими, как встарь.

Даже попутный ветер счастья не мог придать старому сычу поворотливости, но он догадался взять наперерез к церкви и начал отстукивать своими деревяшками, точно колышками в криббедже *. Когда же сумрак церковного портала поглотил тех, за кем велась погоня, победоносный старый сыч оказался тут как тут и тоже скрылся в сумраке. Но к этому времени страх, как бы их не застигли врасплох, достиг у херувимоподобного родителя наивысшей степени, и если бы не две деревянные ноги, на которых передвигался старый сыч, нечистая совесть могла бы подсказать херувиму, что это не какой-то там инвалид, а его, Р. У., величавая супруга, переряженная, прибыла в Гринвич, в карете, заложенной грифонами, точно злая волшебница на крестины принцессы, и теперь наколдует что-нибудь страш-

ное во время бракосочетания. И в самом деле, у него были основания, чтобы на минуту побелеть как полотно и шепнуть Белле:

— Кто это там? Неужели твоя мама? — что относилось к загадочному шороху в дальнем углу церкви, по соседству с органом, и чьим-то осторожным шагам, которые, впрочем, тут же и утихли и больше не слышались, хотя мы-то еще услышим о них в нашем правдивом отчете об этом венчании.

Кто ныне обручается друг другу? — Я, Джон, и я, Белла. Кто отдает невесту в супружество? — Я, Р. У. А теперь, старый сыч, поскольку Джон и Белла стали мужем и женой, считай обряд венчания законченным и уноси свои деревяшки из храма. Примерно то же самое сказал и священник, обращаясь, как положено по требнику, к прихожанам, представленным в данном случае особой вышеупомянутого сыча.

Церковный портал, на веки вечные поглотивший Беллу Уилфер, уже не мог освободить эту девушку и вместо нее выпустил на залитую веселым солнцем улицу миссис Джон Роксмит. Долго, долго стоял на ступеньках старый сыч, будто в чаду глядя вслед прелестной новобрачной, и у него было странное чувство, что все это приснилось ему во сне.

А Белла вскоре вынула из кармана маленький конверт и прочла вслух папе и Джону письмо, точную копию которого мы приводим здесь:

«Милая мама!

Надеюсь, ты не рассердишься на то, что я, счастливица, вышла замуж за мистера Джона Роксмита, который горячо любит меня, и если я заслуживаю такую любовь, то разве лишь тем, что сама люблю его всем сердцем. Я решила не говорить о нашей свадьбе заранее, чтобы дома не вышло каких-нибудь неприятностей. Пожалуйста, расскажи обо всем этом папочке. И передай мой поцелуй Лавви.

Любящая тебя дочь *Белла* (P. S.— Роксмит)».

Вслед за тем Джон Роксмит приклеил на Беллино письмо физиономию королевы (когда же еще ее королевское величество выглядела такой милостивой, как в это

благословенное утро!). Белла сбегала в почтовую контору и, вернувшись, весело сказала:

— Ну, папочка, теперь ты спасен, и никто не съест тебя живьем.

Первое время папа, совесть которого была потревожена до самых глубин, не надеялся на свое спасение, и ему то и дело мерещились величественные матроны, притаившиеся в засаде под совершенно безобидными деревьями гринвичского парка, или же казалось, будто некий грозный лик, повязанный хорошо известным ему платком, сурово взирает на него из окна обсерватории, где столпы Королевского астрономического общества ведут еженощное наблюдение за мерцающими звездами. Но минуты бежали одна за другой, и поскольку миссис Уилфер так и не появилась во плоти, он несколько приободрился и с весельем в сердце и разгоревшимся аппетитом направил свои стопы к коттеджу мистера и миссис Джон Роксмит в Блэкхизе, где их ждал завтрак.

Скромный маленький коттедж, но как в нем светло и чисто, и какой прелестный завтрак сервирован на белоснежной скатерти! Прислуживала за столом, порхая как летний ветерок, молодая девица — вся розовая, вся в лентах. Девица эта поминутно заливалась румянцем (будто не Белла, а она сама только что вышла замуж) и в то же время утверждала власть прекрасного пола над Джоном и папой, как бы говоря им своей ликующей, восторженной суетней: «Вот, джентльмены, что со всеми вами бывает, когда вы попадаетесь к нам на расправу!» Эта самая молодая девица была Беллина служанка, и она вручила своей хозяйке связку ключей от самых разнообразных сокровищ, как то: специй, маринадов, варений, солений, и после завтрака все занялись их осмотром, причем Белла заявила, что «папа должен отведать всего понемножечку, Джон, не то счастья не будет», и тогда папе насовали полон рот всяких вкусных вещей, и он не знал, что со всем этим делать.

А потом — вот они все трое в экипаже. Чудесная поездка, чудесная прогулка среди цветущего вереска. И вдруг — полюбуйтесь-ка! Все тот же старый сыч сидит на лужайке, вытянув перед собой свои деревянные ноги и, видимо, размышляя о коловращении жизни. И удивлен-

ная Белла весело говорит ему: «А-а! Еще раз здравствуйте! Какой же вы славный старичок!» На что старый сыч отвечает следующее: сегодня утром ему довелось присутствовать при ее венчании, красавица моя, и если на него не рассердятся за такую смелость, он хочет пожелать ей счастья, самого попутного из всех попутных ветров и безоблачной погоды. И потом, крикнув на всякий случай «ура!», он взгромоздился на свои деревяшки, снял шляпу и стал навытяжку с галантностью настоящего моряка — надежной опоры нашей страны.

Приятно было смотреть на этого старого морского волка, когда он стоял посреди цветущего луга и размахивал своей плоской шляпой, а ветер ерошил ему жиденькие, седые волосы, точно Белла и впрямь пустила его в плаванье по синим морским волнам. «Милый старенький инвалид,— сказала Белла,— я так счастлива, что мне хочется и вас осчастливить». И старый сыч ответил ей: «Допустите меня к ручке, прелесть моя, и ваше желание исполнится». И оно исполнилось ко всеобщему удовлетворению, и если в тот день старый сыч не залил за галстук, а следовательно, не оскорбил ревнителей трезвости в их лучших чувствах, то это было отнюдь не потому, что у него не хватало средств на выпивку.

Но гвоздем дня оказался свадебный обед, ибо, знаете, что задумали молодожены? Они задумали устроить этот обед в той самой комнате той самой гостиницы, где папа когда-то пировал с обворожительной женщиной! Белла села между папой и Джоном и, уделяя им обоим внимание по возможности поровну, все же сочла нужным напомнить папе (в отсутствие лакея), что отныне он уже не сможет называть ее *своей* обворожительной женщиной.

— Я сам это знаю, друг мой,— ответил херувим,— и с радостью отступаюсь от тебя.

— С радостью, сэр? А я-то думала, что разобью вам сердце!

— И разбила бы, друг мой, если бы я потерял тебя навеки.

— Но ты же знаешь, что этого никогда не будет! Ведь знаешь, мой бедный папочка? Теперь ты обзавелся новым родственником, только и всего. И этот родственник будет любить и почитать тебя не меньше, чем я сама, потому

что он любит меня, а ты мой отец. Ведь ты знаешь это, мой миленький папочка? Смотри! — Белла приложила пальчик сначала к своим губам, потом к папиным, потом опять к своим и, наконец, к губам мужа.— Вот, папа. Теперь между нами троими заключен союз!

Появление обеда помешало одному из очередных исчезновений Беллы — помешало весьма серьезно, так как обед был подан под надзором величественного джентльмена в черном облачении и белом галстуке, походившего на священника гораздо больше, чем священник в том храме, и, может быть, даже поднявшегося на более высокое место в англиканской церкви — чуть ли не на самую колокольню. Этот священнослужитель, совещаясь вполголоса с Джоном Роксмитом относительно пунша и вин, склонил к нему голову, будто снизойдя до папистского обряда тайной исповеди, когда же Джон сказал что-то такое, что не встретило его сочувствия, потемнел лицом и принял укоризненный вид — того и гляди наложит эпитимию на грешника!

Какой это был обед! Все виды рыб, что плавают в море, бесспорно приплыли сюда, на стол, и если среди них не удавалось обнаружить родичей тех разноцветных рыбок, которые бормотали нечто невнятное в 1001 ночи (наподобие наших министров, выступающих в палате общин), а потом спрыгнули со сковороды, то это объяснялось лишь тем, что все они стали одного цвета, ибо их запекли в тесте заодно с уклейкой. И все блюда, приправленные Блаженством (которое не всегда имеется в Гринвиче), казались одно лучше другого, а золотистые вина были разлиты по бутылкам еще в золотом веке и сберегли свою игру до сегодняшнего дня.

Но самое лучшее во всем этом было то, что Белла, Джон и херувим заключили между собой договор: ни в коем случае не выдавать, какое событие они сегодня празднуют. Впрочем, надзирающему за обедом священнослужителю, архиепископу Гринвичскому, все было известно, причем с такой достоверностью, как будто он сам совершал бракосочетание. И величественный вид, с которым его милость без всякого зова примкнул к их договору и всячески подчеркивал, что прислугу не следует посвящать в него, придал еще большую парадность этому пиршеству.



Среди официантов был один простоватый щупленький юнец на тонких ножках, еще не постигший всей премудрости своего ремесла и с душой явно романтического склада, да к тому же по уши (чтобы не сказать безнадежно) влюбленный в какую-то девицу, не подозревающую о его достоинствах. Несмотря на простодушие, этот наивный юноша не мог не учуять истинного положения дел, но ограничивался при исполнении своих обязанностей тем, что с томным видом стоял у буфета, восхищенно поглядывая на Беллу, когда ей ничего не требовалось, и опрометью кидаясь к ней, когда она требовала что-нибудь. Но его милость, архиепископ, то и дело вставлял своему подчиненному палки в колеса, оттирал его локтем в самые выигрышные моменты, давал унизительные поручения, как, например, принести растопленного масла, и когда тому удавалось заполучить в свои руки какое-нибудь стоящее блюдо, сам завладевал им и приказывал юнцу отойти в сторону.

— Вы уж извините этого молодого человека, сударыня,— внушительным голосом проговорил архиепископ.— Его держат здесь на испытании, и он у нас долго не продержится.

Это побудило Джона Роксмита заметить как бы невзначай:

— Белла, душенька, наше сегодняшнее празднество удалось лучше прошлогодних, и мы и впредь будем справлять годовщину нашей свадьбы здесь.

На что Белла ответила, сделав в высшей степени неудачную попытку принять вид солидной замужней женщины:

— Да, ты прав, милый.

Тут архиепископ Гринвичский солидно кашлянул, чтобы привлечь внимание своего причта, состоявшего из трех человек, и зорко глянул на каждого по очереди, как бы говоря:

— Призываю вас именем господа бога принять сие на веру.

Далее он собственноручно подал на стол десерт, что гости должны были истолковать следующим образом: «Пришло время, когда мы сможем обойтись без услуг этих ничтожеств, не удостоенных нашего доверия»,— и удалился бы с полным достоинством, если бы этому не вос-

препятствовал отчаянный поступок, мысль о котором могла родиться только в затуманенном мозгу принятого на испытание юноши. Найдя, как на грех, в недрах гостиницы букетик флердоранжа, он, никем не замеченный, приблизился с ним к столу и поставил его в миске для омовения пальцев возле прибора Беллы. Архиепископ незамедлительно изгнал и отлучил от церкви дерзновенного... но сделанного не воротишь.

— Сударыня,— сказал архиепископ, вернувшись в комнату один,— я полагаю, вы сочтете возможным пренебречь этой выходкой, так как она совершена совсем молодым человеком, которого взяли на испытание и который, разумеется, не отвечает нашим требованиям.

С этими словами он склонился в торжественном поклоне и вышел, а они все трое расхохотались и хохотали долго и весело.

— Стоило притворяться! — воскликнула Белла.— Все равно их не проведешь. Это, должно быть, потому, папа и Джон, что у меня такой счастливый вид!

Тут Роксмит счел необходимым потребовать от жены очередного исчезновения, на что она покорно согласилась, сказав приглушенным голосом из своего тайника:

— Папа, ты помнишь, как мы с тобой толковали однажды о кораблях?

— Помню, друг мой.

— А разве не странно, папа, что ни на одном из тех кораблей не было Джона?

— Нисколько не странно, друг мой.

— Как же так? Папа!

— А вот так, друг мой. Откуда узнаешь заранее, что есть на тех кораблях, которые идут к нам и сейчас из неведомых морей?

Белла молчала, продолжая оставаться невидимкой, а ее отец продолжал есть и пить до тех пор, пока не вспомнил, что ему пора домой, в Холлоуэй.

— Я не могу так сразу убежать от вас,— добавил херувим.— Просто грех не выпить за то, чтобы мы не последний раз праздновали этот счастливый день.

— Правильно! Еще десять тысяч раз отпразднуем! — воскликнул Джон.— Наливаю бокал моему сокровищу и себе.

— Джентльмены! — начал херувим, как истый англосакс облекая свои чувства в форму спича и адресуясь к мальчишкам внизу, которые наперебой друг перед другом ныряли с головой в прибрежную тину за монетами в шесть пенсов.— Джентльмены... и Белла с Джоном, вы, разумеется, знаете, что я не собираюсь утруждать вас своими разглагольствованиями по поводу имевшего места события. И вам не трудно угадать, каков будет мой тост и даже какими словами я его выражу. Джентльмены... и Белла с Джоном, это событие так меня взволновало, что я боюсь дать волю своим чувствам. Но, джентльмены... и Белла с Джоном, за то участие, которое мне удалось принять в нем, за то доверие, которое вы мне оказали, за то, что вы не сочли меня лишним, хотя, разумеется, в какой-то степени я лишний здесь, за всю вашу ласку и доброту примите мою сердечную благодарность. Ваше здоровье, джентльмены... и Белла с Джоном! И да позволят мне надеяться, что нынешний наш праздник не последний. Другими словами, джентльмены... и Белла с Джоном, пусть нам будет дано праздновать это счастливое событие еще много, много раз!

Закончив свою речь, добрейший херувим обнял дочь и побежал на пароход, который должен был доставить его в Лондон, а пока что стоял у плавучей пристани и старался во что бы то ни стало разнести ее вдребезги. Но счастливая парочка не хотела расставаться с херувимом, и не пробыл он на пароходе и двух минут, как они появились на набережной, высоко у него над головой.

— Папочка! — крикнула Белла, зонтиком подавая ему знак, чтобы он подошел к борту, и грациозно склоняясь над парапетом.

— Да, друг мой?

— Больно я тебя колотила своим отвратительным капором? — громким шепотом спросила она.

— Да нет, пустяки, друг мой.

— А за ноги я тебя щипала, папа?

— Так, самую малость, моя любимица.

— Папа, ты правда все мне простил? Прости, папа, умоляю тебя! — Не то посмеиваясь над ним, не то плача, Белла взывала к нему так мило, так весело, так неотразимо и с такой искренностью, что херувим сделал умиль-

ную гримасу, будто его дочка была все еще маленькой, и сказал:

— Какая ты у меня глупышка!

— Прощаешь, папа, за все, за все прощаешь?

— Да, моя радость.

— И тебе не грустно уезжать одному, папа, тебе не кажется, что мы от тебя отступились?

— Да господь с тобой, жизнь моя! Нет, нет!

— До свидания, папочка! До свидания!

— До свидания, родная! Уведите ее, Джон, поезжайте домой.

И, опершись на руку мужа, Белла пошла вместе с ним по розовой дорожке, которую милостиво бросило им под ноги заходящее солнце. Ах! Выпадают же на нашу долю дни, ради которых стоит и жить и умереть! И как весело поется в одной старинной мудрой песенке: «Любовь, любовь, одна любовь повелевает миром!» *

ГЛАВА V,

где говорится о супруге нищего

Гнетущая мрачность, с которой миссис Уилфер встретила мужа по его возвращении со свадьбы, так громко постучала в дверь херувимской совести и так ударила в херувимские ноги, что люди менее озабоченные, чем наша трагическая героиня, ее дочь мисс Лавиния и почтенный друг дома мистер Джордж Самсон, видя столь шаткое состояние души и тела преступника, могли бы заподозрить тут что-то неладное. Но поскольку мысли всех троих были целиком поглощены свершившимся событием — замужеством Беллы, на долю перепуганного заговорщика, к счастью, не осталось ничего, и этому удачному обстоятельству, а никак не самому себе, он и был обязан своим спасением.

— Р. У.,— обратилась к нему миссис Уилфер, величественно восседавшая в дальнем углу комнаты.— Вы ничего не спрашиваете о своей дочери Белле!

— Да, действительно, голубушка,— сказал он с вопиющим по притворству спокойствием.— Это серьезное упу-

щение с моей стороны. Как наша... Вернее, где сейчас наша Белла?

— Ее здесь нет,— провозгласила миссис Уилфер, не разнимая сложенных на груди рук.

Херувим пролепетал что-то невнятное в смысле: «Ах, вот как!».

— Ее нет здесь! — строго и зычно повторила миссис Уилфер.— Короче говоря, вы лишились своей дочери Беллы.

— Лишился дочери Беллы, голубушка?

— Да! Ваша дочь Белла,— миссис Уилфер говорила таким укоризненным тоном, будто она не имела ни малейшего отношения к этой молодой особе, и упоминала о ней лишь как о предмете роскоши, которым Р. У. обзавелся вопреки ее советам.— Ваша дочь Белла связала свою судьбу с нищим.

— Боже правый!

— Лавиния! Покажи твоему отцу письмо его дочери Беллы,— без всякого выражения, будто читая парламентский акт, произнесла миссис Уилфер и взмахнула рукой.— Надеюсь, твой отец сочтет этот документ достаточным для подтверждения моих слов. Полагаю, твоему отцу знаком почерк его дочери Беллы. Впрочем, не знаю. Он может от всего отречься. Теперь меня ничем не удивишь.

— Отправлено из Гринвича, помечено сегодняшним числом,— отчеканила Неукротимая, ринувшись к отцу и сунув ему в руки это вещественное доказательство.— Выражает надежду, что мама не рассердится, счастлива, вышла замуж за мистера Джона Роксмита, скрыла это, чтобы дома не было скандала, и, пожалуйста, расскажите все дорогому папочке, мне поцелуй, и хотела бы я знать, что бы ты сказал, если бы другой член нашей семьи поступил точно так же!

Р. У. прочитал письмо и чуть слышно пробормотал:

— Боже мой!

— Да! Теперь ничего другого не остается, как взывать к богу,— замогильным голосом протрубила миссис Уилфер. Поощренный ею, Р. У. снова повторил свое «боже мой!», но результат этого повторения получился несколько неожиданный, так как язвительная супруга заметила с крайним раздражением:

— Это мы уже слышали!

— Да, признаюсь...Но, по-моему, голубушка,— после неловкого молчания робко сказал херувим, складывая письмо,— по-моему, нам надо примириться с этим. Ты не будешь возражать, голубушка, если я напомню тебе, что, строго говоря, мистер Джон Роксмит (насколько мне известны его обстоятельства) далеко не нищий.

— Ах так? — ужасающе вежливым тоном вопросила миссис Уилфер.— Вы в этом уверены? Следовательно, у мистера Джона Роксмита имеются обширные поместья? Вот не подозревала! Спасибо, что вы сообщили мне об этом.

— Я тебе ничего такого не сообщал,— неуверенно ответил херувим.

— Благодарю вас,— сказала миссис Уилфер.— Значит, я лжесвидетельствую? Ну что ж! Если моя собственная дочь дерзит мне, так от мужа ничего иного и ждать не приходится. И то и другое в равной мере противоестественно. Все одно к одному. Прекрасно! (Легкая дрожь, свидетельствующая о покорности судьбе, и устрашающая улыбка на устах.)

Но тут, увлекая за собой упирающегося мистера Самсона, в бой вступила Неукротимая.

— Мама! — крикнула эта юная девица.— С вашей стороны было бы гораздо лучше, если бы вы держались ближе к делу, а не толковали о том, будто кто-то кому-то дерзит,— ведь это невообразимая чепуха!

— Что-о? — воскликнула миссис Уилфер, насупив свои черные брови.

— Не-воо-брази-мая че-пу-ха! — повторила Лавви.— И Джордж Самсон понимает это не хуже меня.

Миссис Уилфер так и окаменела, устремив негодующий взгляд на злосчастного Джорджа, который не знал, кому он обязан оказывать поддержку — предмету своей любви или мамаше предмета, и поэтому не мог поддержать даже самого себя.

— Дело заключается вот в чем,— продолжала Лавви.— Белла поступила не по-родственному и могла все испортить мне с Джорджем и с семьей Джорджа, потому что она сбежала из дому и обвенчалась совершенно неприличным, постыдным образом,— наверно, в присутствии какой-

нибудь церковной старушонки вместо подружек. А ей следовало бы довериться мне, посвятить меня во все и сказать: «Лавви, если ты, невзирая на помолвку с Джорджем, захочешь удостоить нас своим присутствием, Лавви, я прошу тебя быть в церкви, только ничего не говори папе и маме». И, конечно, я бы ничего не сказала!

— Ты бы ничего не сказала? Неблагодарная! — возопила миссис Уилфер.— Змея!

— Помилуйте! Сударыня! Клянусь честью, так нельзя! — запротестовал мистер Самсон, укоризненно потряхивая головой.— При всем моем уважении к вам, сударыня, так нельзя! Помилуйте! Человек — по благородству чувств истинный джентльмен — обручается с девушкой, и вдруг — змеи! Хотя эти змеи и исходят от одного из членов семьи, но знаете ли... Я взываю к вашим лучшим чувствам, сударыня! — несколько вяло заключил он.

Взгляд, которым миссис Уилфер подарила мистера Самсона за любезное участие в разговоре, был таков, что мисс Лавиния ударилась в слезы и, кинувшись на защиту своего Джорджа, повисла у него на шее.

— И это называется мать! — пронзительно вскрикнула Лавви.— Какая же это мать, если она хочет изничтожить Джорджа! Но я не дам тебя изничтожить, Джордж! Скорее умру!

Мистер Джордж рвался из объятий своей возлюбленной и, продолжая укоризненно потряхивать головой, говорил:

— Заверяю вас в своем глубочайшем уважении, сударыня, но «змеи», знаете ли, не делают вам чести!

— Я не дам тебя изничтожить, Джордж! — кричала мисс Лавиния.— Сначала пусть мама погубит меня и пусть тогда радуется! О-о! О-о! Для того ли я увлекла Джорджа, для того ли он покинул родной дом, чтобы терпеть такое! Милый Джордж, ты свободен! Оставь меня, ненаглядный, наедине с моей матерью и с моей судьбой! Передай поклон твоей тете, Джордж, и пусть она не проклинает змею, которая пересекла твой жизненный путь и отравила тебе существование! О-о! О-о! — Юная девица, только-только достигшая того возраста, когда можно закатывать истерики и еще ни разу в жизни не падавшая в обморок, проделала все, что в таких случаях требуется от дебютантки, в высшей степени успешно. Склонившись над бесчувст-

венным телом своей возлюбленной, мистер Самсон потерял всякую способность соображать и обратился к миссис Уилфер с некоторой непоследовательностью в выражении своих чувств:

— Демон! Со всем моим почтением к вам... Полюбуйтесь на дело рук ваших!

Взирая на все происходящее, херувим беспомощно потирал подбородок, но, в общем, был склонен приветствовать отклонение от основной темы — в надежде, что всепоглощающие свойства истерики поглотят и ее. Так оно и получилось. Как только Неукротимая мало-мальски пришла в себя и спросила сдавленным голосом: «Милый Джордж, ты жив? — и далее: — Дорогой Джордж, что случилось? Где мама?» — мистер Самсон, бормоча слова утешения, поднял с полу распростертое тело своей возлюбленной и подал его миссис Уилфер как некое освежающее яство. Миссис Уилфер с достоинством вкусила от него, поцеловав дочку в лоб (будто глотая устрицу), после чего мисс Лавиния нетвердыми шагами вернулась под крылышко мистера Самсона.

— Милый Джордж, я, кажется, наделала глупостей... но у меня до сих пор кружится голова, не отпускай моей руки, Джордж,— сказала она и потом еще долго приводила его в замешательство, неожиданно издавая странный звук — нечто среднее между всхлипыванием и шипением бутылки с содовой,— который, казалось, того и гляди разорвет по швам корсаж ее платья.

В числе самых разительных следствий этого истерического припадка было то, что он произвел необъяснимое действие на возвышенные чувства мисс Лавинии, миссис Уилфер и мистера Джорджа Самсона и не распространился только на Р. У., как на человека постороннего и крайне черствого. Мисс Лавиния, скромно потупив глазки, наслаждалась выпавшим на ее долю успехом, миссис Уилфер имела вид благостный и всепрощающий, мистер Самсон точно очистился от скверны и познал свет истины. В таком настроении они вернулись к основной теме.

— Милый Джордж,— с меланхолической улыбкой проговорила Лавви.— После того, что произошло, мама, наверно, скажет папе, чтобы он сказал Белле, что мы будем рады видеть ее с мужем.

Мистер Самсон вполне согласился с ней и пробормотал вполголоса, что он глубоко уважает миссис Уилфер и что он должен ее уважать и всегда будет уважать. Особенно после того, что произошло.

— Я никогда не позволю себе,— глухим голосом протянула миссис Уилфер из своего угла,— идти наперекор чувствам моей родной дочери и чувствам юноши... (последнее слово пришлось не по вкусу мистеру Самсону)... юноши, который стал избранником ее девического сердца. Может быть, я и чувствую... нет, знаю! что меня ввели в заблуждение, меня обманули. Может быть, я и чувствую... нет, знаю! что мною пренебрегли, со мною не посчитались. Может быть, я и чувствую... нет, знаю! что, поборов в себе отвращение к мистеру и миссис Боффин, удостоив их приема в этом доме, а вашу дочь Беллу,— тут она повернулась к мужу,— своим согласием на переезд к ним, я старалась помочь вашей дочери Белле,— снова вполоборота к мужу,— занять положение в свете, пусть даже ценой столь низменного и не делающего нам чести знакомства! Но теперь мне ясно, что, сочетавшись браком с мистером Роксмитом, ваша дочь Белла,—снова поворачиваясь к мужу,— стала супругой нищего, как бы некоторые ни старались его выгородить. И она не осчастливила свою семью таким замужеством. Впрочем, я не намерена распространяться о своих чувствах и поэтому умолкаю.

Мистер Самсон пробормотал, что ничего другого и не следовало ожидать от той, которая всегда служила примером для членов своей семьи и никогда не пятнала ее позором. Тем более служила и тем менее пятнала (несколько туманно пояснил он), если вспомнить все, что произошло. Кроме того, он позволит себе присовокупить, что какова мать, такова и младшая дочь, и ему никогда не забыть тех сильных чувств, которые пробудило в нем поведение их обеих. Напоследок мистер Самсон выразил уверенность, что на всем белом свете не найдется человека, который отважится... на что именно, так и осталось невыясненным, ибо тут он окончательно сбился, и мисс Лавиния одернула его.

— Итак, Р. У.,— сказала миссис Уилфер, возвращаясь к предыдущей теме и снова поворачиваясь к своему повелителю,— пусть ваша дочь Белла придет сюда, когда ей

будет угодно, и ее примут здесь. Примут и вашу дочь Беллу и ее...— короткая пауза и страдальческая гримаса, будто эта пауза понадобилась на то, чтобы принять лекарство...— и ее мужа.

— А я, папа,— сказала мисс Лавиния,— прошу тебя, не говори Белле, сколько всего мне пришлось вытерпеть. Пользы от этого будет мало, а она, пожалуй, начнет корить себя.

— Душенька! — воскликнул мистер Самсон.— Она должна знать все!

— Нет, Джордж,— жертвенным тоном проговорила мисс Лавиния.— Нет, милый Джордж, предадим это забвению.

Мистер Самсон усмотрел в таком ответе «излишнее благородство».

— Благородство никогда не бывает излишним, мой милый Джордж,— возразила Лавиния.— И еще, папа, прошу тебя вот о чем: постарайся не говорить Белле о моей помолвке с Джорджем. Как бы это не напомнило ей, что она загубила себя. И надеюсь, папа, ты не станешь также говорить в присутствии Беллы о видах Джорджа на будущее. Не то она подумает, что мы попрекаем ее их бедностью. Нет, я никогда, никогда не забуду, кто из нас младшая сестра, и никогда, никогда не позволю себе подчеркивать разницу между нами, чтобы не ущемлять ее самолюбия.

Мистер Самсон выразил уверенность, что так ведут себя только ангелы. Мисс Лавви ответила проникновенным голосом:

— Нет, милый Джордж, я только человек.

Миссис Уилфер, со своей стороны, еще больше подчеркнула драматичность момента, устремив на мужа глаза, похожие на два черных вопросительных знака, сурово осведомляющиеся: «Заглянул ли ты себе в душу? Чиста ли твоя совесть? Можешь ли ты сказать, положа руку на сердце, что стоишь такой истерической дочери? О том, стоишь ли ты такой жены, я уж не спрашиваю, что говорить обо мне! Но способен ли ты прочувствовать и оценить высокий смысл семейной сцены, при которой тебе случилось присутствовать?» Этот допрос привел Р. У. в сильнейшее замешательство, тем более что он все еще нахо-

дился под некоторым воздействием винных паров, да к тому же волновался, как бы не выдать неосторожным словом своего преступного соучастия в известном событии. Но поскольку семейная сцена близилась к концу, и к концу более или менее благополучному, он погрузился в спасительную дремоту, чем крайне возмутил свою супругу.

— Неужели мысли о вашей дочери Белле не мешают вам спать? — презрительно осведомилась она.

И выслушала кроткий ответ:

— Да как будто не мешают, друг мой.

— Тогда,— сказала исполненная негодования миссис Уилфер,— я бы посоветовала вам пощадить мои чувства и удалиться в спальню.

— Благодарю тебя, друг мой,— ответил он.— Пожалуй, ты права, лучшего места для меня сейчас не придумаешь.— И с радостью удалился.

Недели через две после этого супруга нищего (под руку с нищим) пожаловала в Холлоуэй к чаю, по приглашению, переданному через отца. И смелость, с какой жена нищего пошла штурмом на неприступные позиции самоотверженной мисс Лавви и в мгновение разнесла их в пух и прах, послужила ей залогом победы.

— Мамочка! — воскликнула Белла, с сияющим лицом вбегая в комнату.— Здравствуй, мамочка! — И кинулась ей на шею.— Здравствуй, милая Лавви! Как ты поживаешь, и как поживает Джордж Самсон, как его дела, когда вы поженитесь и скоро ли вы разбогатеете? Лавви, ты сейчас же, немедленно обо всем этом мне расскажешь! Джон, голубчик, поцелуй маму и Лавви, и тогда все у нас будет просто и хорошо.

Миссис Уилфер тщилась уничтожить ее взглядом, но безуспешно. Мисс Лавиния тщилась уничтожить ее взглядом, но безуспешно. Не испытывая, по-видимому, ни малейших угрызений совести, Белла без всяких церемоний сняла шляпку и села к столу разливать чай.

— Мамочка и Лавви, я знаю, вы обе пьете с сахаром. А ты, папа (мой добрый, миленький папа), пьешь без молока. Джон любит с молоком. Раньше я тоже пила без молока, а теперь с молоком, как Джон. Милый, ты поцеловал маму и Лавви? Ах, поцеловал? Вот и хорошо, Джон!

Я просто не видела, как ты это сделал, потому и спросила. Будь добр, Джон, нарежь хлеба и намажь его маслом. Мама любит в два ломтика. А теперь, мамочка и Лавви, признайтесь мне по-честному, ведь когда пришло мое письмо, вы подумали на минутку — только на минутку! — что я дрянная девчонка?

Не дав миссис Уилфер взмахнуть перчатками, супруга нищего снова защебетала, все так же весело и ласково:

— Вы, наверно, очень рассердились на меня, мамочка и Лавви, и я, конечно, ничего другого не заслужила. Но ваша Белла была всегда такая безрассудная, черствая и всегда вам внушала своим поведением, что она способна выйти замуж только по расчету, а не по любви! Я побоялась, что вы мне не поверите! Ведь вы же не знали, какой мой Джон добрый и чему он меня научил! Вот я и пошла на хитрость — мне было стыдно перед вами и боязно, что мы не поймем друг друга и только рассоримся, о чем сами потом пожалеем, и я сказала Джону: «Если ты согласен справить нашу свадьбу тихо, скромно, давай так и сделаем». И он согласился, и мы обвенчались в Гринвичской церкви, где никого не было...— Тут глаза у Беллы разгорелись еще ярче.— Да, никого, если не считать одного незнакомца, который оказался там совершенно случайно... да еще половинки инвалида. И как хорошо, мамочка и Лавви, что мы не рассорились и нам ни о чем не придется жалеть! Не рассорились и сидим сейчас такие дружные за чаем!

Вскочив из-за стола, она расцеловала мать и сестру, вернулась на место (сделав по дороге небольшой крюк, чтобы обнять мужа) и заговорила снова:

— А теперь, мамочка и Лавви, вам, наверно, захочется узнать, как мы живем и на что мы живем. Так вот, слушайте! Поселились мы в Блэкхизе, в чу-деснейшем кукольном домике, пре-лестно обставленном, и держим очень расторопную служанку, хорошенькую-прехорошенькую. Хозяйство ведем экономно, толково, во всем придерживаемся строгого порядка, живем на сто пятьдесят фунтов в год, следовательно, у нас есть все что нужно, и даже больше чем нужно. И наконец, если вы захотите спросить меня по секрету,— ведь, наверно, захотите? — как я от-

ношусь к своему мужу, придется мне сказать вам, что я... почти люблю его.

— А если вы захотите спросить меня по секрету,— ведь, наверно, захотите? — как я отношусь к своей жене,— с улыбкой проговорил Роксмит, незаметно для Беллы став за ее стулом,— придется мне...— Но тут Белла сорвалась с места и зажала ему рот ладонью.

— Ни слова больше, сэр! Джон, милый, не надо! Правда, не надо! Обо мне еще рано судить. Я — куколка из кукольного дома, хочу стать чем-то бо́льшим для тебя.

— Милая! Какая же ты куколка!

— Да, мне еще так далеко до того, чем я хочу стать! Проведи меня через любое испытание, через любую беду, Джон, и только после этого скажи им, как ты относишься ко мне!

— Хорошо, дорогая,— согласился Джон.— Обещаю тебе это.

— Какой ты добрый, Джон! Но сейчас ты не скажешь обо мне ни слова, да?

— Сейчас,— повторил Джон, с восхищением глядя на нее,— я не скажу о тебе ни слова.

В знак благодарности она прижалась смеющимся личиком к его груди и прошептала, искоса поглядывая на остальных:

— Я признаюсь вам еще вот в чем, мои дорогие папа, мама и Лавви: Джон не знает и не подозревает даже, что я... люблю его!

Миссис Уилфер и та не устояла перед своей замужней дочкой и со свойственной ей величавостью дала понять (правда, самым отдаленным образом), что если бы Р. У. того заслуживал, она тоже спустилась бы со своего пьедестала пленять супруга. В противоположность матери, мисс Лавиния усомнилась в разумности такого обращения с мужьями, опасаясь, что, в случае с Джорджем Самсоном, оно может оказать разлагающее влияние на этого молодого джентльмена. Что же касается Р. У., то он считал себя отцом самой обворожительной женщины на свете, а Роксмита счастливейшим из смертных, против чего Роксмит вряд ли стал бы возражать.

Молодожены откланялись рано, чтобы не торопясь дойти пешком до пристани, где им надо было садиться на

гринвичский пароход. Сначала они шли, весело переговариваясь между собой, но потом Джон о чем-то задумался, и это не ускользнуло от внимания Беллы.

— Джон, милый, что случилось?

— Ничего, моя любимая.

— Может быть, ты поделишься со мной своими мыслями? — сказала она, заглядывая ему в лицо.

— Да они не такие уж интересные, друг мой. Я думаю вот о чем: тебе не хочется, чтобы твой муж был богат?

— Чтобы ты был богатый, Джон? — переспросила Белла, чуть отстраняясь от него.

— Да, богатый. Например, такой, как мистер Боффин. Неужели ты не хотела бы этого?

— Знаешь, милый, даже пробовать страшно! Разве богатство пошло на благо мистеру Боффину? И разве мне пошло на благо то, что я, хоть и немножко, но все-таки попользовалась его деньгами?

— Не всех же деньги портят, сокровище мое.

— Большинство портят,— сказала Белла, в раздумье подняв брови.

— Будем надеяться, что и это неверно. Предположим, у тебя много денег, ведь с ними можно сделать столько добра людям!

— Предположим, сэр! — шутливо повторила Белла.— И предположим, что мне не захочется делать людям добро? Предположим, сэр, что эту возможность можно обратить себе во вред?

Смеясь и пожимая ей руку, он спросил:

— Ну, а предположим, тебе дана такая возможность. Ты обратишь ее во вред себе?

— Не знаю,— ответила Белла, задумчиво покачав головой.— Надеюсь, что нет. Думаю, что нет. Но когда человек небогат, ничего не стоит так думать и питать такие надежды.

— Почему не сказать прямо, дорогая: «Когда человек беден»? — спросил он, пристально глядя на нее.

— Беден? Но разве я бедна? Джон, милый, неужели ты думаешь, что я считаю нас бедняками?

— Да, друг мой.

— Джон!

— Пойми меня, любимая. У меня есть ты — самое большое сокровище из всех сокровищ мира. Но я думаю и *о* тебе и *за* тебя. Вот в этом простеньком платье ты когда-то пленила мое сердце, и на мой взгляд никакое другое так не пойдет к тебе, не сделает тебя еще стройнее, еще красивее! Но вот сегодня ты любовалась дорогими нарядами, и мне, естественно, хочется, чтобы они были у тебя.

— Это очень мило с твоей стороны, Джон. Меня так трогает твоя заботливость, что я готова расплакаться. Но наряды мне не нужны.

— Мы с тобой идем пешком по грязным улицам,— продолжал он.— Я так люблю твои маленькие ножки и с болью в сердце вижу, как слякоть пачкает башмачки, в которые они обуты. И мне, естественно, хочется, чтобы ты ездила в коляске.

— С твоей стороны очень мило так о них отзываться,— сказала Белла, глядя вниз на те самые ножки, о которых шла речь.— И, слыша твои похвалы, я жалею, что башмаки у меня на номер больше, чем следует. Но уверяю тебя, коляска мне не нужна.

— Но если бы мы ее завели, ты бы обрадовалась этому?

— Обрадовалась бы не столько самой коляске, сколько тому, что ты завел ее ради меня. Джон, дорогой мой, твои желания обладают не меньшей силой, чем желания волшебниц в сказках,— стоит тебе их выговорить, и они мигом сбываются. Пожелай мне всего, что можно пожелать любимой женщине, и я как будто на самом деле получу все твои дары, Джон. Так они во сто крат дороже моему сердцу.

Такой разговор не нарушил их счастья, и дом, в который они вернулись, не перестал быть для них уютным домом. Хозяйственные таланты Беллы развивались не по дням, а по часам. Все амуры и грации пребывали у нее в услужении (по крайней мере так казалось Джону) и помогали ей создавать уют в ее гнездышке.

Семейная жизнь Беллы текла тихо и мирно. Весь день она была дома одна, потому что ее муж уходил в Сити сразу после раннего завтрака и возвращался оттуда поздно, только к обеду. Он говорил Белле, что служит в фирме, торгующей колониальными товарами, и поскольку

такого объяснения для нее было совершенно достаточно, она, не вдаваясь в подробности, представляла себе эту фирму как вместилище чая, риса, волшебно пахнущих шелков, резных шкатулочек и нарисованных на прозрачном фарфоре фигурок с узкими раскосыми глазами, в туфлях, подшитых подметками чуть ли не тройной толщины, и с косицами, заплетенными так туго, что головы у них запрокидывались назад. Она всегда провожала мужа до железнодорожной станции и всегда ходила встречать его; кокетливости в ней поубавилось (впрочем, ненамного), да и платье, хоть и скромное, отличалось таким изяществом, точно у нее только и было забот, что о нарядах. Но когда Джон уезжал в Сити, она снимала это изящное платье, надевала вместо него простенький капот, подвязывала передник, откидывала обеими руками волосы со лба, точно готовясь разыграть сцену сумасшествия, и приступала к исполнению своих хозяйственных обязанностей. Тут все шло в ход — и весы, и мешалка, и кухонный нож, и терка, и пыльная тряпка, и мыло, и садовые ножницы, и совок, и грабли, и прочие подобные орудия, и иголка с ниткой, и щетка, и веревка для сушки одежды, и главное — книга! Ибо миссис Д. Р., которая в бытность свою мисс Б. У. не утруждала себя хлопотами по дому, теперь была вынуждена то и дело обращаться за указанием и помощью к книге живота, именуемой «Советы британской хозяйки», и просиживала за ней часами, поставив локти на стол и подперев кулачками голову, точно волшебница, запутавшаяся в хитросплетениях черной магии. Происходило это главным образом потому, что «британская хозяйка», будучи истой британкой по духу, не обладала даром изъясняться на английском языке и в ряде случаев могла с одинаковым успехом излагать свои поучения на каком-нибудь камчадальском наречии. В такие критические минуты Белла, не выдержав, говорила вслух: «Вот нелепая старушенция! Как прикажете ее понимать? Она, наверно, писала это в нетрезвом виде!» И, разразившись таким примечанием на полях, снова начинала штудировать «Хозяйку», сосредоточенно сжав губы, отчего у нее сразу проступали ямочки на щеках.

Иной раз невозмутимость «британской хозяйки» прямо-таки выводила миссис Джон Роксмит из себя. Напри-

мер, она говорила: «Возьмите жаровню...» — точно генерал, приказывающий солдату взять в плен татарина, или же небрежным тоном приказывала: «Добавьте горсть...» — чего-нибудь такого, чего днем с огнем не сыщешь. Наталкиваясь на такие чудовищные проявления безрассудства со стороны «британской хозяйки», Белла захлопывала «Советы», ударяла ими по столу и восклицала:

— Вот безмозглая курица! Ну, как она думает, где я это достану?

Была и еще одна область знаний, которой миссис Джон Роксмит уделяла внимание ежедневно. Она читала газеты, чтобы быть в курсе событий и обсуждать их с Джоном по вечерам, когда он возвращался домой. Ей так хотелось стать равной ему во всем, что она с не меньшим рвением принялась бы за изучение алгебры и Эвклидовой геометрии, если бы сердце Джона разрывалось между тягой к этим наукам и любовью к жене. Она впитывала в себя все биржевые новости и по вечерам, с сияющим личиком, сообщала Джону о товарах, которые поднялись в цене, и о том, на сколько увеличился золотой запас в Английском банке, а потом, вдруг забыв о необходимости сохранять серьезный, умный вид, принималась хохотать сама над собой и целовала его, приговаривая:

— Это все потому, что я люблю тебя, Джон!

Для человека из деловых кругов Сити Джон проявлял удивительное равнодушие к тому, поднимаются или падают в цене те или иные товары и на сколько увеличился золотой запас в Английском банке. Но о жене он пекся больше всего на свете — на его взгляд, это сокровище никогда не падало в цене и было дороже всего золота, какое только есть на белом свете. А Белла с ее живым умом и женской чуткостью, к тому же вдохновленная любовью, делала поразительные успехи на новом для нее поприще и не могла преуспеть только в том, чтобы день ото дня становиться милее своему Джону. Так утверждал сам Джон, и в доказательство правоты своих слов он приводил неотразимый довод, что милее той Беллы, которая несколько месяцев назад стала его женой, быть невозможно, как ни старайся.

— Ты у меня такая живая, веселая! — с любовью сказал он ей однажды.— Будто яркий огонек горит у нас в доме!

— Это правда, Джон?

— Ты еще сомневаешься? Да нет! Ты ярче, ты лучше всякого огонька!

— А знаешь, Джон...— она дотронулась до пуговицы на его сюртуке,— бывают минуты, когда мне кажется... Только не смейся надо мной, прошу тебя!

Ничто в мире не могло бы его рассмешить после такой просьбы.

— Бывают минуты, когда мне кажется, что я вдруг становлюсь... серьезной, Джон.

— Может, ты скучаешь, сидя тут одна-одинешенька весь день, моя любимая?

— Нет, что ты, Джон! Время бежит так быстро, что у меня не остается ни одной свободной минутки.

— Откуда же она, эта серьезность? И когда она на тебя нападает?

— Когда я смеюсь,— ответила Белла и, смеясь, положила ему голову на плечо.— Вы, сэр, не поверите, но сейчас я тоже серьезная.— И она снова засмеялась, и из глаз у нее что-то капнуло ему на руку.

— Тебе хочется быть богатой, моя любимая? — ласково спросил Джон.

— Богатой? Джон! Как ты смеешь задавать мне такие глупые вопросы?

— Тебе чего-нибудь не хватает, мое сокровище?

— Не хватает? Нет! — твердо ответила Белла. И вдруг, точно спохватившись, проговорила сквозь смех и капель из глаз: — Да, не хватает! Мне не хватает миссис Боффин.

— Я тоже очень жалею о разлуке с ней. Но кто знает, может это ненадолго? Может, все сложится так, что ты будешь встречаться с ней изредка... мы оба будем встречаться.— Белла почему-то не проявила интереса к такому, казалось бы, важному для нее разговору и продолжала рассеянно теребить все ту же пуговицу на сюртуке мужа. Но от этого занятия ее оторвал папа, который пришел провести с ними вечерок.

В доме Беллы у папы было раз и навсегда отведенное ему кресло и раз и навсегда отведенный ему уголок, и хотя мы не собираемся бросать тень на его семейную жизнь, все же надо сказать, что у своей дочки он чувство-

вал себя как нигде в мире. Когда Белла и папа сходились вместе, смотреть на них было и приятно и забавно, но в тот вечер мужу Беллы показалось, что она превзошла самое себя в фантастических проказах с отцом.

— Хвалю нашего умного мальчика за то, что он прибежал с уроков прямо к нам, хоть мы его и не ждали,— сказала Белла.— Ну, как дела в школе, никто тебя не обижал?

— Ты знаешь, моя родная, что я учусь сразу в двух школах,— ответил херувим, усаживаясь в свое кресло и с улыбкой потирая руки.— Первая — это учебное заведение на Минсинг-лейн. Вторая — академия твоей матушки. Какую же школу ты имеешь в виду?

— Обе,— сказала Белла.

— Ах, обе! Ну, что ж, по правде говоря, в обеих мне сегодня немного досталось, но это в порядке вещей. Путь к знаниям тернист, и что такое наша жизнь, как не ежедневный урок!

— Скажи, глупышка, что же с тобой будет, когда ты вызубришь все свои уроки наизусть?

— Тогда, друг мой,— после короткого раздумья ответил херувим,— наверно, пора будет помирать.

— Злой мальчишка! — воскликнула Белла.— Нахохлился и говорит о таких страшных вещах!

— Разве я нахохлился, дочка? — возразил ей Р. У.— Смотри, какой я веселый! — И его лицо подтвердило эти слова.

— Ну, если не ты, значит я нахохлилась,— сказала Белла.— Но обещаю, что этого больше не будет. Джон, милый, надо угостить ужином нашего малыша.

— Сейчас угостим, мое сокровище.

— Вон как весь испачкался в школе,— продолжала Белла и, поглядев на руки отца, наградила его легким шлепком.— Смотреть тошно! У-у, неряха!

— Да, друг мой,— сказал он.— Я только что хотел попросить у тебя разрешения умыться, а ты меня опередила.

— За мной, сэр! — скомандовала Белла, беря его за лацканы пиджака.— Идите за мной, и я вас умою. Вам самому это нельзя доверять. Сюда, сюда, сэр!

Херувима отвели в маленькую комнатку с умывальни-

ком, где Белла намылила и натерла ему лицо, намылила и натерла руки, сполоснула водой и накинулась на него с полотенцем, так что под конец этой операции он стал красный, как свекла, особенно уши.— Теперь вас надо причесать щеткой и гребешком, сэр,— деловито распоряжалась Белла.— Джон, свечку поближе. Закройте глаза, сэр, а я возьму вас за подбородок. Ну, будьте паинькой!

Отец повиновался ей с величайшей охотой, и она начала вытворять с его волосами бог знает что: пригладила их щеткой, расчесала на пробор, потом стала закручивать отдельные пряди на пальцах, откидываясь назад, на грудь Джону, чтобы полюбоваться своей работой издали. Джон обнимал ее свободной рукой и старался удержать около себя, а херувим терпеливо ждал, когда, наконец, его отпустят.

— Ну вот! — сказала Белла, сделав несколько заключительных штрихов.— Теперь ты более или менее похож на приличного ребенка. Надень курточку, и пойдем ужинать.

Херувим облачился в пиджачок, проследовал в свой уголок и уселся там, совсем как тот самодовольный паренек, который ел пирожок и похвалялся своим благонравием *, Белла собственноручно постелила на стол скатерть, принесла на подносе ужин и, спохватившись, «как бы мальчуган не запачкался», аккуратно завязала ему салфетку под подбородком.

Пока херувим ужинал, она сидела рядом с ним, то поучая его, что воспитанным деткам не полагается держать вилку в кулаке, то нарезая ему мясо, то подливая вина. Однако, несмотря на ее обычную эксцентричность в обращении с добряком отцом, который позволял дочке делать из себя игрушку, что-то новое чувствовалось в ней в тот вечер. Она была все так же весела и шаловлива, так же мило дурачилась, держалась по-прежнему просто, но, приглядываясь к ней, Джон Роксмит думал: нет ли за ее недавним признанием чего-то большего, чем ему показалось сначала, не кроется ли за ее шутками какой-то серьезной мысли.

Дальнейшее только подтвердило его догадки: дав отцу раскурить трубку, поставив перед ним стакан грога, она села на низенький стульчик, облокотившись мужу о ко-

лено, и притихла. Так притихла, что, когда отец встал с кресла, собравшись уходить, она с испугом оглянулась, точно забыв о его присутствии.

— Ты проводишь папу, Джон?

— Да, милая. А ты?

— Я так давно не писала Лиззи Хэксем — с тех самых пор, как призналась ей, что у меня есть возлюбленный, настоящий возлюбленный! А последние дни я все думаю: надо написать ей. Пусть знает, как она была права, когда предсказывала мне, глядя на угли в жаровне, что я пойду за любимым человеком в огонь и в воду. Сегодня у меня как раз подходящее настроение, Джон.

— Ты, наверно, устала?

— Нет, Джон, нисколько. Просто мне хочется написать Лиззи. Спокойной ночи, папа. Спокойной ночи, мой милый добрый папа!

Оставшись одна, Белла принялась за письмо к Лиззи Хэксем. Письмо получилось длинное, и она едва успела пробежать его, как Джон вернулся домой.

— Вы пришли вовремя, сэр,— сказала ему Белла.— Сейчас вам придется выслушать от жены ее первую проповедь. Впрочем, местом действия будет не наша супружеская спальня, а гостиная. Садитесь в кресло, а я — дайте мне только запечатать конверт — сяду на жесткий стул, хотя сидеть на нем в позе кающегося грешника следовало бы вам. Подождите, скоро я за вас примусь!

Письмо было сложено и запечатано, адрес надписан, перышко вытерто, средний пальчик вытерт, бювар заперт на ключ и спрятан в стол,— и все это в высшей степени методично, степенно — под стать «британской хозяйке», которая, впрочем, не испортила бы впечатления от своей деловитости серебристым смехом, как это сделала Белла.

Усадив мужа в кресло, она села на стул и повела такую речь:

— Начнем с самого начала, сэр. Как ваше имя?

Трудно было бы задать ему вопрос, с большей меткостью нацеленный на его тайну! Но он не выдал своей растерянности, не выдал и своей тайны и ответил:

— Джон Роксмит, моя дорогая.

— Отлично! Кто дал вам это имя?

Все больше укрепляясь в подозрении, что ему не удалось сохранить свою тайну, он ответил полувопросительно:

— Вероятно, мой крестный отец и моя крестная мать?

— Неплохо. Но и только, потому что ваш ответ прозвучал несколько неуверенно,— сказала Белла.— Впрочем, катехизис вы, по-видимому, знаете, поэтому от остальных вопросов вас можно освободить. Дальше пойдет прямо из головы. Джон, милый, почему ты опять спросил меня, хочется ли мне быть богатой?

Снова его тайна! Он смотрел на жену, жена смотрела на него, поставив локти ему на колени, и казалось, тайны между ними больше нет,— она была почти раскрыта.

Не зная, что ответить, он не нашел ничего лучшего, как обнять ее.

— Короче говоря, Джон,— сказала Белла,— вот на какой текст я приготовила проповедь: мне ничего не надо, и я хочу, чтобы ты поверил этому.

— В таком случае, твою проповедь можно считать законченной, потому что я верю тебе.

— Нет, постой, Джон.— Белла замолчала, видимо не решаясь продолжить.— Это было только, «во-первых». А потом будет страшное «во-вторых», и страшное «в-третьих», как я пугала себя, когда была малюсенькой грешницей и слушала церковные проповеди.

— Меня ничем не испугаешь, любовь моя.

— Джон, милый, а ты можешь поручиться... Можешь сказать от всего сердца...

— ...которое не в моей власти,— вставил Джон.

— Нет, Джон, ключ от него у тебя. Так вот, ты ручаешься, что в глубине, в самой глубине твоего сердца, которое ты отдал мне, так же как я отдала тебе свое... не осталось воспоминания о моем прежнем корыстолюбии?

— Если б у меня в памяти не осталось никаких следов о том времени,— прошептал он, коснувшись губами ее губ,— разве я мог бы так любить тебя? Разве в календаре моей жизни появился бы красный листок? И, глядя на твое милое личико, слушая твой милый голосок, разве я помнил бы свою отважную защитницу? Неужели тот мой вопрос, любимая, настроил тебя на серьезный лад?

— Нет, Джон, виной этому не твой вопрос и не мои мысли о миссис Боффин, хотя я очень люблю ее. Дай мне поплакать, Джон. Плакать от счастья так приятно, так сладко!

И она заплакала, прижавшись к нему, а потом, не отрывая лица от его груди, негромко рассмеялась и прошептала:

— Теперь, Джон, я могу сказать тебе, что следует «в-третьих».

— Слушаю. Что бы там ни последовало.

— Я думаю, Джон,— продолжала Белла,— что ты думаешь, что я думаю...

— Стой, стой, дитя мое! — весело воскликнул он.

— Да, правда! — все еще смеясь, сказала Белла.— Это похоже на грамматическое упражнение. Но без него, пожалуй, не обойдешься. Хорошо, попробую еще раз. Я думаю, Джон, что ты думаешь, что я думаю, что денег у нас вполне достаточно и что мы ни в чем не нуждаемся.

— Это святая истина, Белла.

— Но если наши доходы вдруг уменьшатся и нам придется немного ограничивать себя, ты не перестанешь верить, что я всем довольна?

— Не перестану, душа моя.

— Спасибо, Джон, большое, большое тебе спасибо! И я могу быть уверена, что ты...— она запнулась.—...что ты тоже будешь всем доволен, Джон? Но как же иначе! Если я за себя ручаюсь, то за тебя и подавно можно поручиться, потому что ты сильнее, мужественнее, рассудительнее и великодушнее меня!

— Довольно! — сказал ее муж.— Слышать этого не желаю, хотя во всем остальном ты права. А теперь, моя дорогая, позволь мне поделиться с тобой одной новостью, которую я собираюсь рассказать тебе весь вечер. Знаешь, у меня есть все основания полагать, что наши доходы не станут меньше, чем они есть.

Казалось бы, такая новость должна была заинтересовать ее, а она снова занялась обследованием пуговицы на сюртуке мужа, точно не расслышав его слов.

— Наконец-то мы добрались до сути дела! — воскликнул Джон, стараясь подбодрить жену.— Признавайся, что

настроило тебя на серьезный лад — то, что было, «во-первых», «во-вторых» и «в-третьих»?

— Нет, милый,— ответила она, все крутя пуговицу и покачивая головой,— совсем не это.

— Господи! Смилуйся над моей женой! У нее еще есть про запас «в-четвертых»! — воскликнул Джон.

— Меня немножко тревожило то, что было, «во-первых», и то, что было, «во-вторых»,— сказала Белла, не оставляя пуговицы в покое.— Но причина моей серьезности глубже, сокровеннее, Джон...

И когда он наклонился к ней, она подняла голову, прикрыла ему глаза правой рукой и не отняла ее.

— Помнишь, Джон, как папа говорил в день нашей свадьбы о кораблях, что могут приплыть к нам из неведомой морской дали?

— Как же мне этого не помнить, дорогая?

— К нашим берегам... плывет по океану корабль... и он привезет нам с тобой... ребенка, Джон.

ГЛАВА VI

Помогите!

К вечеру, когда работа на бумажной фабрике кончилась, все тропинки и дороги по соседству с ней запестрели людьми, возвращающимися домой после трудового дня. Мужчины, женщины, дети шли группами по нескольку человек, и легкий ветерок, игравший их одеждой, не мог пожаловаться на нехватку здесь цветных платьев и ярких шарфов. Веселые голоса и смех, раздававшиеся в вечернем воздухе, ласкали слух не менее приятно, чем яркие краски людской одежды ласкали зрение. На переднем плане этой живой картины ребятишки бросали камни в неподвижную речную гладь, отражающую закатное небо, и следили, как по ней разбегаются зыбкие круги. И такими же кругами ширилась даль в розовом свете вечерней зари,— вон дороги, по которым рабочие возвращаются домой, а там серебристая река, за рекой темная зелень хлебов, таких густых и высоких, что люди в полях будто плы-

вут по волнам; еще дальше — придорожная живая изгородь и деревья, за ними ветряные мельницы на холмах, а на горизонте — небо сливается с землей, словно перестала существовать бесконечность пространства, отделяющая человека от небесной выси.

Был субботний вечер, а субботними вечерами сельским собакам, которые всегда выказывают гораздо больше интереса к людским делам, чем к своим собственным, особенно не сидится на месте. Они сновали и у пивной, и у мелочной лавочки, и у мясной, проявляя совершенно ненасытную любознательность. Особенный интерес, проявляемый ими к пивной, где на съестное рассчитывать не приходилось, свидетельствовал об испорченности, подспудно таящейся в собачьей натуре, а поскольку собакам несвойственно находить вкус в пиве и табаке (прямых доказательств, что пес миссис Хабберд * действительно любил побаловаться трубкой, не имеется), следовательно влекли их туда просто пристрастие к обществу забулдыг. Мало того, в пивной пиликала скрипка, такая мерзкая скрипка, что один поджарый, голенастый щенок, наделенный лучшим слухом, чем его собратья, то и дело забегал за угол и негромко подвывал там. Тем не менее после каждой такой отлучки он возвращался к пивной с упорством закоренелого пьяницы.

Страшно сказать, но в этой деревушке было даже нечто вроде ярмарки! Десяток-другой злосчастных имбирных пряников, которые тщетно старались избавить от себя продавца в разных местах нашей страны и уже посыпали свою скорбную главу изрядным количеством пыли вместо пепла, взывали к покупателям из-под шаткого навеса. Так же вели себя и орехи, которые отправились в изгнание из Барселоны в незапамятные времена, но по сей день так плохо изъяснялись по-английски, что утверждали, будто четырнадцати штук вполне достаточно, чтобы именоваться фунтом. Любителей картинок на исторические темы привлекал раек, начавший свою деятельность показом битвы под Ватерлоо и с той поры подменявший ею все сражения последующих лет, для чего требовалось только переделать нос герцогу Веллингтону. В нескольких шагах от райка красовался огромный портрет великанши в платье необъятной ширины и с большим декольте — в том самом, в каком

она представлялась ко двору, а рядом — сама великанша, которую, вероятно, питали главным образом надеждой на то, что когда-нибудь ей удастся полакомиться свиными отбивными, так как ее товаркой по ремеслу была ученая свинья. Все это являло собой возмутительное зрелище, и подобные зрелища были, есть и будут возмутительными, потому что они отвечают потребностям грубых дровосеков и водовозов — жителей нашей Англии. Нечего им отвлекаться от своего ревматизма такими забавами! Пусть разнообразят его лихорадкой и тифом или вариациями ревматических болей по количеству имеющихся у них суставов — чем угодно, только не забавами на свой вкус и лад!

Разноголосица, рождающаяся в этом злачном месте и уносимая ветром вдаль, еще больше подчеркивала спокойствие летнего вечера там, куда она долетала, смягченная расстоянием. Так по крайней мере казалось Юджину Рэйберну, который ходил по берегу реки, заложив руки за спину.

Он ходил медленно, размеренными шагами, и выражение лица у него было сосредоточенное, как у человека, который чего-то ждет. Он ходил взад и вперед между двумя вехами — ивой на одном конце и водяными лилиями на другом, и у каждой из этих вех останавливался и пристально смотрел все в одном и том же направлении.

— Как здесь тихо,— сказал он.

Да, здесь было тихо. У реки паслись овцы, и Юджин подумал, что ему никогда не приходилось замечать, как они хрупают, пощипывая траву. Он замедлил шаги и от нечего делать стал смотреть на них.

— Вы, наверно, безмозглые животные. Но если вам удается проводить дни своей жизни более или менее сносно, по вашему разумению, то мне не мешало бы призанять у вас ума, хотя я человек, а вы всего-навсего баранина.

Шорох на лугу, позади живой изгороди, привлек к себе его внимание.

— Это еще что такое? — сказал он и, не спеша подойдя к калитке, посмотрел поверх нее.— Может, какой-нибудь ревнивец с бумажной фабрики? Охотникам в здешних местах делать нечего. Тут больше рыбку ловят.

Луг недавно скосили; на буром покосе еще виднелись следы — там, где прошлась коса,— и неглубокие колеи. Проследив, куда они ведут, Юджин увидел недавно сметанный стог сена.

Допустим, он подошел бы к этому стогу и заглянул за него? Но если то, что должно было случиться, случилось, стоит ли ломать себе голову над таким вопросом? Да кроме того, заглянув за стог, он увидел бы там всего лишь матроса с баржи, который лежал, уткнувшись лицом в землю.

«Просто птица села на ветку»,— подумал Юджин и, вернувшись назад, опять стал прохаживаться по тому же маршруту.

— Если бы я не полагался на ее слово,— сказал он, в пятый раз подойдя к иве,— пришлось бы думать, что она опять ускользнула от меня. Но она обещала и, пообещав, не обманет.

Повернув назад от того места, где росли водяные лилии, он увидел ее и пошел ей навстречу.

— А я все убеждал себя, Лиззи, что вы обязательно придете, хоть и с опозданием.

— Я шла не торопясь и остановилась поговорить кое с кем по дороге, чтобы никто не догадался, куда я иду, мистер Рэйберн.

— Разве здешние юноши... и здешние девы так любят посплетничать? — спросил он и, взяв руку Лиззи, продел ее себе под локоть.

Она покорно пошла рядом с ним, потупив глаза. Он поднес продетую под локоть руку к губам, но она тихонько отняла ее.

— Мистер Рэйберн, прошу вас, не касайтесь меня, идите рядом,— так как его рука украдкой обняла ее за талию.

Она остановилась и умоляюще посмотрела на него.

— Ну хорошо, Лиззи, хорошо! — засмеялся он, хотя ему было совсем не смешно.— Не огорчайтесь, не корите меня.

— Я не хочу укорять вас, но как же мне не огорчаться! Мистер Рэйберн, уезжайте отсюда, уезжайте завтра с утра!

— Лиззи, Лиззи, Лиззи! — взмолился он.— Такое требование хуже всяких упреков! Я не могу уехать отсюда.

— Почему?

— Боже мой! Да потому, что вы меня не пускаете! — со своей обычной откровенностью воскликнул Юджин.— Это не укор, нет! Я вовсе не жалуюсь, что вы держите меня здесь. Но ведь это так и есть, так и есть!

— Мистер Рэйберн, я хочу поговорить с вами, и поговорить серьезно, только прошу вас, идите рядом и не касайтесь меня.— Так как его рука снова украдкой легла ей на талию.

— Ради вас я готов на все, что в пределах человеческих возможностей, Лиззи,— с шутливой галантностью ответил он и сложил руки на груди.— Полюбуйтесь! Наполеон Бонапарт на острове святой Елены!

— Третьего дня, остановив меня у фабрики,— начала Лиззи, своим умоляющим взглядом будоража все лучшее в его душе,— вы сказали, что эта встреча для вас неожиданна и что вы приехали сюда на рыбную ловлю. Это правда?

— Нет,— спокойно ответил Юджин,— это чистая ложь. Я приехал сюда только потому, что знал, где вас надо искать.

— А вы не догадываетесь, мистер Рэйберн, почему я уехала из Лондона?

— Увы, Лиззи! Вы уехали из Лондона, чтобы отделаться от меня,— прямодушно сказал он.— Это нелестно для моего самолюбия, но, увы, это так.

— Да, это так.

— Откуда в вас такая жестокость?

— Ах, мистер Рэйберн! — воскликнула она и вдруг расплакалась.— Вам ли обвинять меня в жестокости! Ах, мистер Рэйберн, мистер Рэйберн! Разве не жестоко с вашей стороны, что вы приехали сюда!

— Заклинаю вас, ради всего, что есть хорошего в мире... не ради меня, так как, видит бог, во мне ничего хорошего нет! Заклинаю вас — не плачьте!

— Как мне не плакать, если между нами лежит пропасть! Как мне не плакать, если ваш приезд сюда позорит меня! — сказала Лиззи, закрывая лицо руками.

Юджин смотрел на нее с непритворным раскаянием, с нежностью и грустью. Но эти чувства, хоть и сильные,

все же были не настолько сильны, чтобы он пожертвовал собой и пощадил ее.

— Лиззи! Я никогда не думал, что есть на свете женщина, которая сможет так взволновать меня, сказав так мало. Но не судите обо мне слишком сурово. Вы не знаете, что я испытываю. Вы не знаете, что ваш образ преследует меня, не дает мне ни минуты покоя. Вы не знаете, что проклятое легкомыслие, которое суется ко мне со своими услугами во всех случаях жизни, теперь потеряло власть надо мной. Вы поразили его насмерть, и бывают минуты, когда мне хочется, чтобы такая же участь постигла и меня.

Лиззи не ждала таких пылких излияний, и они, естественно, зажгли в ее сердце искорки женской гордости и счастья. Как радостно было почувствовать, что он — хоть этого и не должно быть,— он любит ее и что она имеет такую власть над ним!

— Вам больно смотреть на мои муки, мистер Рэйберн, а мне больно смотреть на ваши. Я не упрекаю вас. Поверьте, не упрекаю! Вам не почувствовать всего этого так, как я чувствую, потому что мы с вами совсем разные и поразному смотрим на жизнь. Вы поступали так, не задумываясь. Но теперь я умоляю вас, подумайте как следует!

— О чем? — с горечью спросил Юджин.

— Подумайте обо мне.

— Лиззи! Посоветуйте мне лучше, как не думать о вас, и тогда все пойдет по-иному.

— Нет, вы меня не поняли. Подумайте о том, что я занимаю совсем другое место в жизни, я не ровня вам. Вспомните, что мне не у кого искать защиты, что я могу положиться только на ваше благородство. Отнеситесь с уважением к моему доброму имени. Если вы чувствуете ко мне хоть малую долю того, что могли бы чувствовать, будь я знатной леди, оставьте за мной право рассчитывать на вашу порядочность. Я простая работница, мне далеко до вас и до вашей семьи. Каким джентльменом вы себя выкажете, если отнесетесь ко мне так, будто я отдалена от вас королевским титулом!

Подлым человеком был бы Юджин, если бы эта мольба не тронула его. И, полный раскаяния, он робко спросил:

— Неужели я причинил вам такое зло, Лиззи?

— Нет, нет! Все можно поправить. Я говорю не о прошлом, мистер Рэйберн, а о настоящем и будущем. Не потому ли мы с вами стоим сейчас здесь, что вы вот уже два дня неотступно преследуете меня на виду у всех? Не для того ли, чтобы избавиться от ваших преследований, я согласилась прийти сюда, на свидание с вами?

— Опять нелестно для моего самолюбия,— угрюмо проговорил Юджин.— Но так оно и есть. Вы правы!

— Тогда я прошу, молю, заклинаю вас, мистер Рэйберн, уезжайте отсюда! Подумайте, что мне придется сделать, если вы не уедете!

Он помолчал минуту-другую и потом спросил:

— Что? Что вам придется сделать из-за меня, Лиззи?

— Бежать отсюда. Я живу здесь спокойно, получила хорошую работу, меня все уважают. А из-за вас мне придется бросить здешние места, как я бросила Лондон, и снова искать себе пристанища, и снова скрываться.

— Лиззи, неужели вы решили бежать от... простите, что я называю вещи своими именами... бежать от человека, который любит вас?

— Да,— ответила она не задумываясь, хотя голос у нее дрогнул.— Я решила бежать от этого человека. Несколько дней назад здесь умерла одна бедная женщина. Она была на десятки лет старше меня. Я случайно нашла ее умирающей под открытым небом, на мокрой земле. Вы, наверно, слышали о ней?

— Да, кажется, слышал,— ответил он.— Ее фамилия Хигден?

— Ее фамилия Хигден. Слабая, дряхлая, она до последней минуты осталась верна себе, и в свою последнюю, предсмертную минуту взяла с меня слово, что ее воля будет исполнена. Я найду силы поступить так же. Мистер Рэйберн, если у вас хватит жестокости — но этого не может быть! — если у вас хватит жестокости преследовать меня всюду, куда бы я ни скрылась, я умру, но не уступлю вам.

Юджин не отрывал глаз от ее молодого прекрасного лица, и восхищение, гнев, укоризна слились воедино в его молодом прекрасном лице, и Лиззи, втайне отдавшая ему свое переполненное любовью сердце, не выдержала этого

взгляда. Она изо всех сил старалась сдержать себя, но он видел, что решимость ее тает. И когда от ее решимости не осталось и следа, когда Юджин впервые понял, как сильна его власть над этой девушкой, она пошатнулась, и он едва успел подхватить ее.

— Лиззи! Побудьте так хоть минуту! Ответьте на мой вопрос. Если бы я не был отдален от вас своим положением, как вы говорите, если бы между нами не лежала пропасть, неужели вы стали бы настаивать на моем отъезде?

— Не знаю, не знаю! Не спрашивайте меня, мистер Рэйберн. Пустите... я пойду.

— Лиззи! Клянусь вам, я не стану вас удерживать. Клянусь, вы уйдете отсюда одна! Я не пойду за вами, не буду больше преследовать вас — только ответьте мне!

— Какого ответа вы от меня ждете, мистер Рэйберн? Разве я могу знать, как бы я поступила, если бы вы были не тем, что есть.

— Если бы я был не тем, чем кажусь вам,— сказал Юджин, искусно подменив ее слова,— неужели вы ненавидели бы меня?

— Ах, мистер Рэйберн! — умоляюще, сквозь слезы проговорила она.— Вы слишком хорошо меня знаете, чтобы так думать обо мне.

— Если бы я был не тем, чем кажусь вам, Лиззи, неужели вы остались бы по-прежнему безразличной ко мне?

— Ах, мистер Рэйберн! — снова ответила она.— Повторяю, вы слишком хорошо меня знаете.

В этой беспомощно поникшей у него на руках девушке было что-то такое, что говорило: сжалься над ней, не требуй, чтобы она открыла тебе свое сердце. Но он не сжалился и заставил ее признаться.

— Если, зная вас, Лиззи, я действительно не смогу поверить, что вы ненавидите меня, горемыку, или что вы безразличны к моей судьбе, дайте мне услышать еще больше, прежде чем мы расстанемся. Скажите, как бы вы поступили, если бы считали меня равным вам во всем?

— Это невозможно, мистер Рэйберн! Разве я могу представить вас равным себе? Если бы это было возможно, тогда вы бы перестали быть самим собой. Тогда я не могла бы вспоминать тот поздний вечер, когда впервые увидела вас и вышла из комнаты, не вынеся вашего при-

стального взгляда. Или ту ночь и утро, когда вы сказали мне, что мой отец умер. Или те вечера, когда вы навещали меня в моем новом пристанище. И то, как вы поняли, что я никогда ничему не училась, и помогли мне исправить эту мою беду. И то, как я благоговела перед вами, дивилась и думала сначала, какой вы хороший, добрый, что заботитесь обо мне.

— Думали так только сначала, Лиззи? А что вы думали потом? Что я дурной человек?

— Нет, я этого не говорю. Я этого не думаю. Прошла первая радость, прошло первое удивление, что меня заметил человек, так непохожий на всех, кого я знала раньше, и тогда мне стало ясно: не надо нам было встречаться.

— Почему?

— Потому что я вам не ровня,— чуть слышно ответила она.— Потому что все это безнадежно и ни к чему не приведет. Пощадите меня.

— А обо мне, Лиззи, вы подумали? — с укоризной спросил он.

— Нет, мистер Рэйберн. До сегодняшнего вечера не думала.

— Позвольте узнать, почему?

— До сегодняшнего вечера я не подозревала, что надо подумать и о вас. Но если это надо, если вы сказали мне правду о себе и если жизнь не сулит нам ничего, кроме разлуки, тогда да спасет вас господь, да смилуется он над вами!

Душевная чистота, с которой она открыла в этих словах частицу своей любви и своей боли, на миг проникла ему в сердце. Он обнял ее, словно она умерла и в смерти стала для него святыней, и поцеловал в лоб, как целуют умерших.

— Я обещал оставить вас одну. Позвольте хотя бы издали следовать за вами. Уже стемнело... вы так взволнованы.

— Я привыкла ходить одна по вечерам. Прошу вас, не провожайте меня.

— Хорошо, попытаюсь... Даю слово сделать все, что в моих силах, Лиззи, но других обещаний сегодня не ждите.

— Мистер Рэйберн, пожалейте и меня и себя и уезжайте отсюда завтра утром.

— Попытаюсь.

Юджин сказал это с необычной для него серьезностью. Она подала ему руку, быстро отняла ее и зашагала вдоль берега реки.

— Неужели Мортимер поверил бы этому? — пробормотал он, оставшись один.— А я сам верю?

Оба вопроса относились к тому обстоятельству, что на руке, которой он прикрывал глаза, были слезы. «Вот нелепость! Если бы кто увидел меня сейчас!» — тут же мелькнуло у него в голове. А следующую мысль родило недовольство той, кто была причиной этих слез: «Но все-таки моя власть над ней бесспорна, что бы она там ни говорила».

Подумав это, он вспомнил ее лицо, когда она опустила голову, не выдержав его взгляда. И как и в первый раз, тревога почудилась ему в ее мольбах и в слабости, которую ей не удалось преодолеть.

— Она любит меня! А такая сильная натура должна быть сильной и в любви. Она не может отдаваться одному чувству всецело, другому наполовину, а в третьем проявлять малодушие. Нам с ней придется быть верными себе до конца. Если моя натура поминутно взыскивает с меня, ей тоже не избежать этого.

Продолжая разбираться в самом себе, он думал: «А если жениться на ней? Если пойти на такую нелепость, как переписка с МПР по этому вопросу? Узнав о моей женитьбе, МПР, безусловно, призовет на помощь все свои умственные способности. Какими же доводами он вооружится против меня, законника? «Тебе претила женитьба ради денег и ради положения в свете, так как перед тобой маячил страшный призрак — скука. А ты не боишься заскучать, если женитьба не принесет тебе ни денег, ни положения в свете? Ты отвечаешь за себя?» И законник, несмотря на все свое адвокатское красноречие, в глубине души должен будет признать: «Правильно рассуждаете, МПР! Я за себя не отвечаю».

Призвав на помощь свое обычное легкомыслие, Юджин вдруг почувствовал всю недостойность и пошлость такого тона там, где речь идет о Лиззи.

— Да...— продолжал он через минуту.— Хотел бы я видеть человека (Мортимер исключается), который взялся



бы убеждать меня, что это чувство к красивой и достойной девушке, против моей воли родившееся во мне, не настоящее и что я не останусь верен ему. Повидать такого человека, который сказал бы мне все это и вдобавок попытался бы развенчать ее в моих глазах, хорошо было бы именно сегодня, так как сегодня я особенно злюсь на некоего Рэйберна — личность малопривлекательную, а если уж злиться, то лучше на кого-нибудь другого. «Юджин, Юджин, Юджин! Нехорошее дело ты задумал!» — вот что вызванивают колокола Мортимера Лайтвуда, и сегодня в них слышится что-то уж очень печальное.

Он медленно зашагал вдоль берега, продолжая отчитывать себя:

— Скажи, чудовище, почему ты ставишь на одну доску невесту, которую тебе деловито подыскал твой отец, и ту девушку, которую ты нашел сам и к которой тебя влечет все больше и больше? Осел! Это называется у тебя логикой?

И снова его мысли вернулись к той минуте, когда он впервые почувствовал свою власть над ней и когда она открыла ему сердце. Не уезжать отсюда, испытать ее еще раз — таково было опрометчивое решение, к которому он пришел. Но вот опять: «Юджин! Юджин! Юджин! Нехорошее дело ты задумал!» И в ответ на это:

— Дорого бы я дал, чтобы заставить Лайтвуда умолкнуть! Его звон смахивает на погребальный.

Подняв голову, он увидел, что молодой месяц уже высоко стоит над деревьями и звезды начинают мерцать в небе, меняющем желтовато-красные тона заката на спокойную синеву летней ночи. Тропинка все еще вела его вдоль берега. Он круто повернул назад и увидел перед собой человека, который так близко шел следом за ним, что ему пришлось отступить в сторону, чтобы избежать столкновения. Человек нес на плече не то сломанное весло, не то багор, не то кол и, точно не заметив его, прошел мимо.

— Эй, приятель! — крикнул Юджин ему вдогонку.— Ты что, ослеп?

Тот ничего не ответил и молча продолжал свой путь.

Юджин Рэйберн пошел дальше, заложив руки за спину и думая свою думу. Он миновал стадо овец, миновал ка-

литку — сюда уже доносились звуки с деревенской улицы, и подошел к мосту. Деревня, гостиница, где он остановился, и бумажная фабрика были по эту сторону реки. Вспомнив, однако, что на том берегу есть уединенная заводь с густой кромкой камыша, и чувствуя потребность в тишине и одиночестве, он перешел мост и отправился дальше, поглядывая то на звезды, которые точно кто-то зажигал в небе, то на воду, где они вспыхивали глубоко-глубоко одна за другой. Его взгляд скользнул по мосткам причала под ивой и по небольшой лодке, привязанной к сваям, торчавшим из воды. Тень в этом месте лежала такая черная, что он задержал шаги, вглядываясь в темноту, потом снова пошел дальше.

Журчанье воды рождало ответное беспокойство в его нелегких раздумьях. Он с радостью дал бы им уснуть, а они не затихали, подобно речному потоку, и, подхваченные сильным течением, неслись к одной цели. Тускло поблескивая в лунном свете, струйки воды то и дело меняли узор, начинали лепетать по-новому, и подобно им, непрошеные дурные мысли мелькали у Юджина в голове.

— О женитьбе на ней нечего и думать,— произнес он вслух.— Отказаться от нее тоже нельзя. Вот положение!

Мост остался далеко позади. Прежде чем повернуть, он подошел к самому берегу и посмотрел на отраженное в реке ночное небо. И вдруг, одновременно с оглушительным треском, ночное небо в реке словно раскололось, в воздухе вспыхнули огненные зигзаги, и звезды вместе с месяцем рухнули вниз, на землю.

Что это, его убило молнией? С этой не до конца осознанной мыслью он рванулся назад под градом слепящих, гибельных ударов и, кинувшись на своего противника, схватил его за косынку на шее — красную косынку, если только ее не окрасила в этот цвет кровь, хлынувшая из ран.

Юджин был силен, подвижен, увертлив, но удары то ли парализовали его, то ли перебили ему руки, и он мог только цепляться за убийцу, запрокинув голову назад и ничего не видя перед собой, кроме ходившего ходуном неба. Навалившись на своего противника, он упал вместе с ним на землю... еще один сокрушительный удар, всплеск воды, и все было кончено.

Лиззи Хэксем тоже захотелось уйти подальше от субботнего шума и веселья на кривой деревенской улочке и побродить одной у реки, пока не высохнут слезы и можно будет вернуться домой, не отвечая на вопросы, почему она такая бледная и грустная. Вечерняя тишина и безмятежность этих мест целебным бальзамом проливались ей в сердце, не пробуждая в нем ни упреков, ни горьких помыслов. На душе у нее стало спокойнее. И она тоже повернула в обратный путь, и тут до ее слуха донеслись странные звуки.

Вздрогнув, она замерла на месте и прислушалась — точно бьют кого-то. Сердце у нее сжалось от страха — звуки ударов жестоко и грубо нарушали ночную тишину. И пока она стояла, не зная, что делать, все смолкло. Потом послышался чей-то слабый стон и всплеск воды.

Былой опыт, былая смелость мгновенно вдохновили ее. Зная, что тут никто не откликнется, она не стала звать на помощь и кинулась туда, откуда донесся стон и всплеск.

«Это где-то между мною и мостом»,— подумала она, но первое впечатление было обманчиво, так как в ночном безмолвии звуки далеко разносились по воде.

Наконец, почти у самого моста, она выбежала на зеленую лужайку, где в истоптанной, помятой траве валялись обломки весла и клочья одежды. Нагнувшись, она увидела кровь. Проследив взглядом, куда вели эти капли и пятна, она увидела, что вода у самого берега тоже окрашена красным. Проследив взглядом дальше, она увидела залитое кровью лицо, обращенное к месяцу и уносимое течением вниз по реке.

Хвала тебе, милосердное небо, за те, прежние годы! И сделай так, всемогущий, чтобы твоя дивная сила обратила их к добру! Кто бы это ни был — мужчина или женщина, помоги мне, создатель, вырвать погибающего у смерти моими слабыми руками и вернуть это плывущее над водой лицо тому, кому оно дорого!

Безмолвная мольба ни на единый миг не задержала Лиззи. Все это пронеслось у нее в мозгу, когда она бежала к мосткам под ивой, где к сваям, торчащим из воды, была привязана лодка,— бежала что есть сил и все же не теряя самообладания, так как только самообладание и могло помочь ей сейчас.

Уверенное, привычное движение руки, уверенный, привычный шаг, сразу найденное равновесие, и вот она уже в лодке. Острый наметанный глаз даже в густой тьме выискал за перекладиной у кирпичной садовой ограды два весла. Еще секунда, узел развязан, веревка брошена на скамью, лодка стрелой выносится на свет месяца, и вот она уже гребет вниз по течению так, как вряд ли приходилось грести по английским рекам другой женщине.

Не сбавляя скорости, она смотрела через плечо в поисках окровавленного лица, всплывшего над водой. Лодка миновала место схватки — вон оно, слева за кормой, справа — конец деревенской улицы, сбегающей с откоса почти в самую реку,— и когда звуки, доносившиеся оттуда, стихли, она стала грести медленнее, всюду, всюду ища плывущее над водой окровавленное лицо.

Потом она пустила лодку по течению и перестала грести, боясь, как бы не обогнать окровавленное лицо, если оно ушло под воду. Непривычный глаз никогда бы не увидел при свете месяца того, что увидела, наконец, она, сделав еще два-три взмаха веслами. Она увидела, как утопающий поднялся на поверхность, бессильно повел руками по воде и, повинуясь инстинкту, лег на спину. И тут его лицо снова мелькнуло перед ней в неярком свете месяца!

Твердо глядя вперед, твердо зная, что надо делать, она продолжала следить за ним, и когда он приблизился, привычным движением вынула весла из уключин и ползком перебралась на корму. В первый раз рука изменила ей, и тело отнесло течением в сторону. Вторая попытка — и окровавленные волосы уже не выскользнули у нее из пальцев.

Человек был без чувств, а может, и мертв; он был изуродован, и на воде вокруг него виднелись темно-красные разводы. Втащить бесчувственное тело в лодку ей было не под силу. Она нагнулась над кормой с веревкой в руках, и тут реку и речные берега огласил душераздирающий крик.

Но, точно одержимая сверхъестественной волей и силой, она крепко привязала тело к корме, опустилась на скамейку и исступленно заработала веслами, правя к мелководью, откуда можно будет подтащить лодку к берегу.

Исступленно, и все же не теряя рассудка: ей было ясно, что если она потеряет власть над собой, тогда все пропало.

Она подвела лодку к отмели, спрыгнула в воду, отвязала веревку, собрав все свои силы — подняла его на руки и опустила на дно лодки. Он был весь изранен, и, оторвав подол у платья, она перебинтовала ему голову, чтобы остановить кровь, прежде чем нести его в гостиницу, ближайшее место, где могут оказать помощь — если жизнь в нем еще теплится. Покончив с этим в мгновение ока, она поцеловала его в обезображенный лоб, вся трепеща, подняла глаза к звездам и благословила его и простила ему, «если было за что прощать». И только тут она подумала о себе, вернее о том, как он сейчас нуждается в ней.

Благодарю тебя, милосердное небо, за выучку прежних лет, за то, что я смогла без минутной задержки спустить лодку на воду и теперь гребу против течения! И помоги мне, господи, сохранить ему жизнь ради той, кто полюбит его, хотя сильнее, чем я, несчастная, любить его никто не сможет!

Она гребла изо всех сил, гребла исступленно и все же не теряя рассудка, и не сводила глаз с того, кто лежал на дне лодки. Она положила его так, чтобы видеть это изуродованное лицо. Родная мать прикрыла бы его — так оно было изуродовано, но ее взгляд ничто не могло отвратить.

Лодка коснулась носом гостиничной лужайки, покато сбегавшей к реке. В окнах гостиницы горел свет, но у дверей никого не было. Она привязала лодку и, снова собрав все свои силы, подняла безжизненное тело на руки и, не передохнув ни минуты, внесла его в гостиницу.

Пока бегали за докторами, она сидела около него, поддерживая ему голову. В былые времена ей приходилось слышать рассказы о том, как у потерявшего сознание поднимают руку и сразу же опускают ее, если человек мертв. Она с ужасом ждала той минуты, когда доктор возьмет эту перебитую, окровавленную руку и не задержит ее в своей.

Пришел первый доктор и, прежде чем приступить к осмотру, спросил:

— Кто принес его сюда?

— Я, сэр,— ответила Лиззи; и все, кто был в комнате, посмотрели на нее.

— Вы, милая? Да вам не только не донести, а и не поднять его!

— В другое время, может, и не донесла бы, сэр, а тут хватило сил.

Доктор поглядел на нее внимательно и с состраданием. А потом, нахмурившись, ощупал пациенту голову и переломанные руки и взял его за кисть.

Неужели он уронит ее?

Доктор, видимо, колебался. Он не задержал руки в своей, а осторожно опустил ее, взял свечу, осмотрел раны на голове еще внимательней, проверил зрачки. Потом поставил свечу на стол и снова взял пациента за руку. В комнату вошел второй доктор, они пошептались о чем-то, и тогда тот, второй, взял пациента за руку. Он тоже не уронил ее, но с минуту подержал в своей и осторожно опустил.

— Позаботьтесь об этой несчастной девушке,— сказал первый доктор.— Она почти в забытьи. Ничего не видит, не слышит... И слава богу! Унесите ее отсюда, не приводя в чувство. Ах, бедняжка, бедняжка! Какое же у нее мужественное сердце! Боюсь только, что она отдала его мертвецу. Помогите ей, чем можно.

ГЛАВА VII

Лучше быть Авелем, чем Каином

Над шлюзом Плэшуотерской плотины занималось утро. В небе еще мерцали звезды, а на востоке уже проступал тусклый свет — предвестник того, что ночь уходит. Месяц спрятался, и по обоим берегам реки стлался туман, сквозь который виднелись деревья — вернее, призраки деревьев, и вода — вернее, призрак воды. Призрачными казались и бледные звезды и сама земля, а холодный отсвет на востоке, не озаренный, не согретый потухшим небесным светильником, можно было уподобить невидящему взгляду мертвеца.

Не такое ли сравнение невольно напрашивалось матросу с баржи, который стоял один у ворот шлюза? Во всяком случае, Брэдли Хэдстон смотрел в ту сторону, когда прохладный ветер пронесся над его головой и улетел прочь, успев шепнуть что-то такое, от чего призрачные деревья и вода дрогнули... или ответили угрозой? — ведь чего только не подскажет человеку воображение!

Брэдли подошел к сторожке и толкнул дверь. Она была заперта изнутри.

— Боится он меня, что ли? — пробормотал он, постучавшись.

Плут Райдергуд вмиг проснулся, отодвинул засов на двери и впустил его.

— Что это, Третий Хозяин! Я уж боялся, что вы совсем сгинули. Две ночи пропадали. Ну, думаю, улизнул он от меня! Совсем было решился пропечатать в газетах — мол, разыскиваю человека.

Брэдли так изменился в лице, услышав это, что Райдергуд счел за благо смягчить свой намек лестью.

— Да нет, сударь, на вас это не похоже, — продолжал он, с тупым видом мотая головой. — Этой мыслишкой я только вначале, шутки ради, позабавился. А потом говорю себе: «Он человек честный». Вот так слово в слово и сказал. «У него, говорю, честности на двоих хватит».

Примечательно, что Райдергуд ни о чем не спрашивал Брэдли. Впервые он посмотрел ему в лицо, когда отворял дверь, теперь посмотрел еще раз (правда, украдкой) и решил обойтись без расспросов.

— Вы, сударь, пожалуй, еще часиков на сорок уснете, прежде чем попросите позавтракать, — сказал он, когда его гость, сев на стул, подпер подбородок рукой и уставился глазами в пол. И вот еще одно примечательное обстоятельство: разговаривая с Брэдли, Райдергуд без всякой надобности переставлял с места на место свою убогую мебель, лишь бы не смотреть на него.

— Да, пожалуй, мне надо выспаться, — сказал Брэдли, не меняя позы.

— Вот и я то же самое вам советую, сударь, — подхватил Райдергуд. — А в горле у вас не пересохло?

— Да. Надо чего-нибудь выпить,— безразличным тоном проговорил Брэдли.

Мистер Райдергуд поставил на стол бутылку джина и, сходив с кувшином за водой, налил своему гостю в стакан и того и другого. Потом он снял одеяло с кровати, встряхнул его, снова постелил, и Брэдли лег спать не раздеваясь. Образно выразившись, что он «сведет счеты со сном» в деревянном кресле, мистер Райдергуд устроился, как и прежде, у окна, и, как и прежде, все смотрел в упор на своего гостя, пока тот не заснул. Тогда он поднялся, подошел к кровати и стал тщательно осматривать его с головы до ног, на сей раз вблизи и при ярком дневном свете. И, осмотрев, отправился к шлюзу обдумать все как следует.

— Один рукав ниже локтя располосован, другой лопнул по шву в пройме. Видно, кто-то в него вцепился, и вцепился что есть силы — прямо-таки повис на нем, потому что ворот у рубашки оторван. По траве валялся и в воде побывал. И вся одежда в пятнах, а что это за пятна и откуда они взялись, я тоже знаю. Ура!

Брэдли все спал и спал. После полудня с верховьев реки к шлюзу подошла баржа. До нее тут проходили и другие баржи и вверх и вниз по реке, но сторож у шлюза окликнул только эту, справившись, нет ли каких новостей. Видимо, время у него было рассчитано точно. Матросы с баржи что-то рассказали ему, но в двух-трех словах, без всякой охоты.

Между тем временем, когда Брэдли лег и когда он встал, прошло двенадцать часов.

— Меня не проведешь, голубчик! — пробормотал Райдергуд, обращаясь не к появившемуся в дверях сторожки учителю, а к шлюзу.— Так я и поверил, что можно столько спать!

Брэдли подошел к деревянному вороту, где сидел Райдергуд, и спросил, который час. Тот ответил, что около трех.

— Когда вас сменяют?

— Послезавтра, сударь.

— Не раньше?

— Вот ни на столечко не раньше, сударь.

Оба, видимо, придавали какое-то особое значение

этому обстоятельству. Райдергуд ответил с явным удовольствием и повторил свой ответ еще раз, растягивая слова и подчеркивая их отрицательным покачиванием головы:

— Вот ни-на-сто-лечко не раньше, сударь.

— Я говорил вам, что уйду сегодня? — спросил Брэдли.

— Нет, сударь,— весело и любезно ответил Райдергуд,— не говорили. Может, хотели сказать, да запамятовали. Иначе с чего бы вас сомнение взяло?

— Дождусь захода солнца и уйду,— сказал Брэдли.

— Тем более надо подзаправиться. Пойдемте, Третий Хозяин, я вас угощу.

Так как мистер Райдергуд обходился в своем хозяйстве без скатерти, на сервировку ему потребовалось не больше минуты — долго ли поставить на стол вместительный противень с тремя четвертями огромного мясного пирога и достать два карманных ножа, глиняную кружку и большую темную бутылку с пивом.

Оба принялись за еду, причем Райдергуд ел и пил с бо́льшим аппетитом, чем его гость. За неимением посуды честный человек вырезал из толстой корки пирога два треугольника и положил их — внутренней стороной кверху — один перед собой, другой перед Брэдли. На эти тарелки он навалил мясную начинку, придав таким образом дополнительный интерес трапезе, так как участники ее вслед за мясным блюдом принялись поедать и самые блюда, да к тому же имели удовольствие гоняться по дощатому столу за сгустками подливки и отправлять их в рот с помощью ножа, если только они не соскальзывали с лезвия.

Брэдли Хэдстон проявил такую поразительную неловкость в манипуляциях с ножом, что Плут не мог не заметить этого.

— Осторожнее, Третий Хозяин! — крикнул он.— Обрежетесь!

Но предостережение запоздало, так как в эту самую минуту Брэдли располосовал себе руку. А то, что получилось дальше, было совсем уж некстати: попросив Райдергуда перевязать рану и став рядом с ним вплотную, Брэдли так сильно дернул рукой от боли, что забрызгал ему кровью всю куртку.

Как только трапеза подошла к концу и остатки тарелок вместе с остатками подливки были положены в то, что осталось от пирога, служившего удобным вместилищем для всякого рода запасов, Райдергуд налил пива в кружку и надолго приложился к ней. А потом взглянул Брэдли в лицо, и взгляд у него был недобрый.

— Третий Хозяин! — хриплым голосом сказал он, нагибаясь через стол и трогая учителя за руку.— Новость-то вас опередила.

— Что за новость?

— Как вы думаете,— Райдергуд пренебрежительно мотнул головой, точно отбрасывая всякую необходимость в дальнейшем притворстве,— кто вытащил тело из воды? Отгадайте!

— Я не мастер отгадывать.

— Она вытащила. Ур-ра! Вот вы как ему удружили! *Она* вытащила!

Судорога, исказившая лицо Брэдли, и ярость, которой вдруг зажглись его глаза, показали, каким страшным ударом была для него эта весть. Но он ничего не сказал — ни единого слова; только улыбнулся кривой улыбкой, подошел к окну и, став спиной к Райдергуду, облокотился об оконную раму. Райдергуд проследил за ним взглядом. Райдергуд усмехнулся, доказав этой усмешкой, что догадливости у него куда больше, чем у Брэдли.

— Я столько времени не спал,— сказал учитель.— Пойду опять лягу, если вы не возражаете.

— Сделайте милость, Третий Хозяин,— последовал радушный ответ. Но учитель лег, не дожидаясь ответа, и пролежал почти до самого захода солнца. А когда он вышел из сторожки, Райдергуд сидел на траве у бечевника.

— Если нам с вами понадобится еще одна встреча,— сказал Брэдли,— я приду сюда. Спокойной ночи!

— Ну что ж, спокойной ночи, если она, по-вашему, будет спокойная,— ответил Райдергуд, поворачиваясь к нему спиной. Но как только учитель зашагал прочь, он с усмешкой посмотрел ему вслед и добавил вполголоса: — Я бы тебя так не отпустил, когда бы не ждал сменщика с минуты на минуту. Да все равно больше мили не пройдешь — догоню.

Собственно говоря, сменщик Райдергуда должен был начать дежурство после захода солнца, но не миновало и четверти часа, как он неторопливой походкой подошел к сторожке. Не дожидаясь конца своей смены, да еще выговорив у товарища часок-другой с обещанием отдежурить за него в следующий раз, Райдергуд тут же отправился вдогонку за Брэдли Хэдстоном.

Выслеживать он умел лучше, чем Брэдли. Соглядатайство, вынюхивание, слежка — были делом его жизни, изученным вдоль и поперек. Отойдя от плотины, он так припустил, что догнал Брэдли еще до второго шлюза — догнал настолько, насколько считал нужным. Брэдли то и дело оглядывался на ходу, но не замечал своего преследователя. Тот умел пользоваться всеми преимуществами местности, знал, когда нужно спрятаться в кусты, за изгородь, когда нырнуть в канаву, когда залечь в траву, и пускался на тысячи уловок, которые даже не пришли бы на ум обреченному Брэдли.

Впрочем, Райдергуду пришлось оставить свои уловки и замереть на месте, когда учитель свернул к опушке небольшого леска, заросшей крапивой, вереском, ежевикой, заваленной полусгнившими стволами деревьев, и начал то вскакивать на эти стволы, то прыгать с них на землю, точно шаловливый мальчишка,— но не по-мальчишески бездумно, а с какой-то определенной целью.

— Что это ты затеял? — пробормотал Райдергуд и выглянул из канавы, чуть раздвинув обеими руками кусты живой изгороди. И вскоре Брэдли самым неожиданным образом пояснил ему свое странное поведение.— Святой Георгий заодно с драконом! — воскликнул Райдергуд.— Да он никак купаться собирается!

Брэдли снова проделал тот же путь, прыгая по срубленным деревьям, вернулся к реке и начал раздеваться. На секунду можно было заподозрить, что он готовится совершить самоубийство и хочет придать ему вид несчастного случая.— Но если ты такое задумал, зачем у тебя узелок под мышкой, что, наверно, был припрятан между деревьями? — сказал Райдергуд. Тем не менее у него отлегло от сердца, когда купальщик, нырнув в воду и сделав два-три взмаха руками, вылез на берег.— А то зна-

ешь ли,— прочувствованно добавил Райдергуд,— жалко мне расставаться с тобой, не вытянув из тебя еще малую толику денег.

Перебравшись в другую канаву, откуда было удобнее наблюдать за Брэдли, и проделав маленькую щелочку в живой изгороди, незаметную даже для самого зоркого глаза, Плут Райдергуд увидел, что купальщик стал одеваться. И тут мало-помалу взору его открылось чудо: когда Брэдли, наконец, выпрямился, в полном облачении, в нем не осталось ничего от прежнего матроса с баржи!

— Ага! — пробормотал Райдергуд,— Опять нарядился как в первый вечер! Понятно! Ну, теперь ты от меня не отделаешься! Хитер, нечего сказать! Однако найдутся и похитрее тебя!

Одевшись, купальщик опустился на колени и стал шарить в траве, собирая что-то, потом выпрямился с узелком под мышкой. Настороженно оглядевшись по сторонам, он подошел к самому берегу и легким движением закинул узелок далеко в воду. Райдергуд выждал, покуда купальщик обогнет излучину реки и скроется у него из виду, и только тогда вылез из канавы.

— Что же мне теперь делать? — рассуждал Плут.— Идти за тобой или отпустить на время, а самому заняться рыбной ловлей? — Погруженный в эти размышления, он на всякий случай шел следом за Брэдли и вскоре снова увидел его.— Сейчас отпустить, а потом вызвать тебя сюда или самому к тебе явиться? Ведь если отложить рыбную ловлю, пожалуй другие кое-что поймают. Нет! Я тебя отпущу, а сам пойду рыбку удить.— Придя к такому решению, он прекратил слежку и повернул назад.

Несчастный, которого Райдергуд отпустил — правда, ненадолго,— шел к Лондону. Он подозрительно вслушивался в каждый звук, подозрительно вглядывался в каждого встречного, но над ним, как это часто бывает с душегубцами, властвовали колдовские чары, мешавшие ему увидеть истинную опасность, которая таилась в его жизни и могла погубить ее. Брэдли много думал о Райдергуде — вернее, мысли о нем не выходили у него из головы с их первой ночной встречи, но в этих мыслях Райдергуду отводилось место не преследователя, а совсем иное, и

Брэдли прилагал столько усилий, чтобы приспособить ему это место и втиснуть его туда, что о другом даже помыслить не мог. И тут опять действовали колдовские чары, от которых не избавиться душегубцу. Есть пятьдесят дверей, куда может проникнуть разоблачение. С величайшим трудом и величайшей хитростью он запирает на двойной замок, на задвижки сорок девять из них и не видит, что пятидесятая стоит распахнутая настежь.

Над Брэдли тяготело еще одно проклятие: навязчивая идея, изнурительная и изнуряющая хуже всяких угрызений совести. Угрызения совести ему были неведомы, но преступнику, который держит этого мстителя в узде, все же не избежать другой медленной пытки: он непрестанно повторяет мысленно свое злодеяние и раз от разу тщится совершить его все лучше и лучше. В защитительных речах, в так называемых исповедях убийц, неотступная тень этой пытки лежит на каждом их лживом слове. Если все было так, как мне приписывают, мыслимо ли, чтобы я совершил такую-то и такую-то ошибку? Если все было так, как мне приписывают, неужели я упустил бы из виду эту явную улику, которую ложно выставляет против меня злонамеренный свидетель? Такая навязчивая идея, выискивающая одно за другим слабые места в содеянном, чтобы укрепить их, когда уже ничего изменить нельзя, усугубляет злодеяние тем, что оно совершается тысячу раз вместо одного. И эта же направленность мысли, точно дразня озлобленную, не знающую раскаяния натуру, карает преступника тягчайшей карой, непрестанно напоминая ему о том, что было.

Брэдли шел в Лондон в оковах своей ненависти и жажды мести и придумывал, как бы он мог утолить и то другое — утолить лучше, чем это у него получилось. Орудие можно было найти более верное, место и час — более подходящие. Нанести человеку удар сзади, в темноте, на берегу реки — не так уж плохо, но следовало сразу лишить его возможности сопротивляться, а он повернулся и сам кинулся на своего противника. И вот, чтобы поскорее прекратить борьбу и покончить с этим, пока кто-нибудь не подоспел на помощь, пришлось второпях столкнуть его, еще живого, в реку. Случись все заново, он сделал бы по-другому. Скажем, окунул бы его с головой в воду и по-

держал там подольше. Скажем, нанес бы первый удар так, чтобы наверняка убить. Скажем, выстрелил бы в него. Скажем, удушил бы. Скажем, так, скажем, этак. Скажем как угодно, лишь бы избавиться от этих неотступных мыслей, потому что они ни к чему не приведут.

Учение в школе началось на следующий день. Школьники не заметили никакой или почти никакой перемены в учителе, так как выражение лица у него всегда было сосредоточенно хмурое. А он весь урок делал и переделывал свое черное дело. Стоя перед доской с куском мела в руке, он вспоминал то место и думал: если бы выше или ниже по реке, может там глубже и берег круче? Ему хотелось нарисовать это мелом на доске. Он проделывал все сызнова, каждый раз стараясь сделать лучше, и за молитвой, и за устным счетом, и за опросом учеников — весь день, с первого до последнего урока.

Чарли Хэксем сам стал теперь учителем, но в другой школе, под началом другого. Был вечер. Брэдли ходил взад и вперед по своему садику под устремленным на него из-за спущенной шторы бдительным оком кроткой маленькой мисс Пичер, которая только успела подумать, не предложить ли ему свой флакончик с нюхательными солями от головной боли, как вдруг ее верная приспешница Мэри-Энн подняла руку.

— Да, Мэри-Энн?

— Разрешите, мисс Пичер? Молодой мистер Хэксем идет в гости к мистеру Хэдстону.

— Прекрасно, Мэри-Энн.

Мэри-Энн опять подняла руку.

— Говори, Мэри-Энн.

— Мистер Хэдстон поманил пальцем молодого мистера Хэксема и вошел в дом, не дожидаясь его, а теперь, мисс Пичер, *он* тоже вошел и затворил за собой дверь.

— Отлично, Мэри-Энн.

Мэри-Энн снова протелеграфировала поднятой рукой.

— Ну, что еще, Мэри-Энн?

— Мисс Пичер, им, наверно, темно и неуютно со спущенными занавесками.

— О вкусах не спорят,— сказала мисс Пичер и, положив руку на корсаж своего скромного платья, подавила грустный вздох.— О вкусах не спорят, Мэри-Энн.

Отворив дверь в комнату, Чарли увидел в ее желтоватом сумраке своего старого друга и остановился на пороге.

— Входи, Хэксем, входи.

Чарли шагнул вперед — пожать протянутую ему руку и снова остановился. Налитые кровью, опухшие глаза учителя с усилием встретили его испытующий взгляд.

— Мистер Хэдстон, что случилось?

— Случилось? Где?

— Мистер Хэдстон, вы слышали?.. Про этого... про мистера Юджина Рэйберна? Говорят, его убили?

— Значит, умер! — воскликнул Брэдли.

Он облизнул губы, осмотрелся по сторонам, перевел взгляд на своего бывшего ученика, не спускавшего с него глаз, и потупился.

— Я слышал об этом злодеянии,— сказал Брэдли, не в силах унять дрожь в губах,— но не знал, чем оно кончилось.

— Где вы были,— понизив голос, сказал мальчик и сделал шаг вперед,— где вы были, когда это произошло? Нет! Стойте! Я ни о чем не спрашиваю. Не отвечайте на мой вопрос. Если вы заставите меня выслушать свое признание, мистер Хэдстон, я не умолчу ни об одном вашем слове. Подумайте! Остерегитесь! Я все выдам, я выдам вас! Да! Выдам!

Тяжко было несчастному выслушать это отречение. Предельное, полное одиночество наложило на него свою тень.

— Говорить надо мне, а вы молчите,— продолжал юноша.— Если вы скажете хоть слово, это вас погубит. Я покажу вам ваше себялюбие, мистер Хэдстон,— ваше безудержное, неукротимое себялюбие, чтобы вы поняли, почему я не хочу и не могу больше иметь с вами дело.

Брэдли взглянул на Чарли Хэксема так, будто это был школьник, который отвечал урок, давно знакомый и смертельно надоевший учителю. Но что он мог сказать теперь своему бывшему ученику?

— Если вы причастны... я не уточняю меры вашей причастности... к этому убийству,— продолжал юноша.— Если вам известно о нем... что бы то ни было... Если известно, кто его совершил... на большее я не намекаю... вы причинили мне такой вред, которого простить нельзя. Мы с вами вместе были у него в Тэмпле, где я высказал ему свое мнение о нем и под свою ответственность высказался и о вас. Мы с вами вместе следили за ним, вместе надеялись, что моя сестра опомнится и оставит его. Мы действовали заодно, и я всячески способствовал вашему намерению жениться на моей сестре. И теперь, преследуя свои цели, вы навлекли на меня подозрение? Такова-то ваша благодарность мне, мистер Хэдстон?

Брэдли сидел, глядя прямо перед собой, в пустоту. Как только Хэксем умолкал, он обращал к нему взгляд, точно понукая его поскорее ответить урок, и дело с концом. И как только юноша снова начинал говорить, лицо Брэдли снова превращалось в застывшую маску.

— Я буду с вами откровенен, мистер Хэдстон,— продолжал Чарли Хэксем, угрожающе мотнув головой.— Сейчас не время притворяться, будто я не знаю того, что знаю... кроме некоторых обстоятельств, о которых вам лучше молчать. Так вот, слушайте! Если вы были хорошим учителем, я был хорошим учеником. Такой ученик делал вам честь и, завоевывая доброе имя себе, в той же мере завоевывал его и своему учителю. Так вот, поскольку мы ни в чем не уступаем друг другу, я хочу показать, как вы меня отблагодарили за мое содействие вам во всем, что касалось сестры. Вы скомпрометировали меня, так как нас видели вместе, когда мы сталкивались с этим мистером Юджином Рэйберном. Вот ваша благодарность. Если мое доброе имя и мое решение прекратить с вами всякую связь помогут мне выпутаться, вашей заслуги тут не будет, мистер Хэдстон, я припишу ее только себе. Вы моей признательности не заслужите.

Юноша замолчал, и Брэдли снова перевел на него взгляд.

— Не думайте, мистер Хэдстон, что это все. Я выскажусь до конца, а каков будет конец, вы уже слышали. Мое прошлое вам известно. Вы знаете, что у меня было

немало помех в жизни. Вы слышали мои рассказы об отце, о доме, который, к сожалению, был не таким почтенным, как мне бы хотелось. Я, если можно так выразиться, вырвался из него, мой отец умер, и, казалось бы, после его смерти путь к благопристойной жизни был открыт передо мной. Так нет! Тут на моем пути становится сестра!

Он говорил заносчиво, и краска не заливала ему щек, как будто память о прошлом ничего для него не значила. И удивляться тут нечему, потому что сердце у этого юноши были черствое, пустое. Что может увидеть эгоист и в прошлом и в настоящем, кроме своего эгоизма?

— Я много бы дал, мистер Хэдстон, чтобы вы и в глаза не видели моей сестры. Но ваше знакомство состоялось, и сожалеть об этом бесполезно. Я делился с вами своими мыслями о ней. Я описывал вам ее характер, рассказывал, какие нелепые доводы она выставляла против моего стремления выбиться в люди вместе с ней. Вы влюбились в мою сестру, и я всячески поощрял вас в этом. Но склонить ее на свою сторону нам не удалось, и мы столкнулись с этим Рэйберном. Так что же вы сделали теперь? Вы только подтвердили, что моя сестра была права, невзлюбив вас с первой встречи, а я не прав! Зачем вы это сделали? Почему? Потому что всему виной ваш эгоизм, мистер Хэдстон! Потому что, отдаваясь своим страстям, вы думали только о собственном благе, а меня у вас и в мыслях не было!

Непоколебимая, холодная убежденность, с которой юноша занял эту позицию, могла родиться только в натуре, страдающей тем же самым пороком.

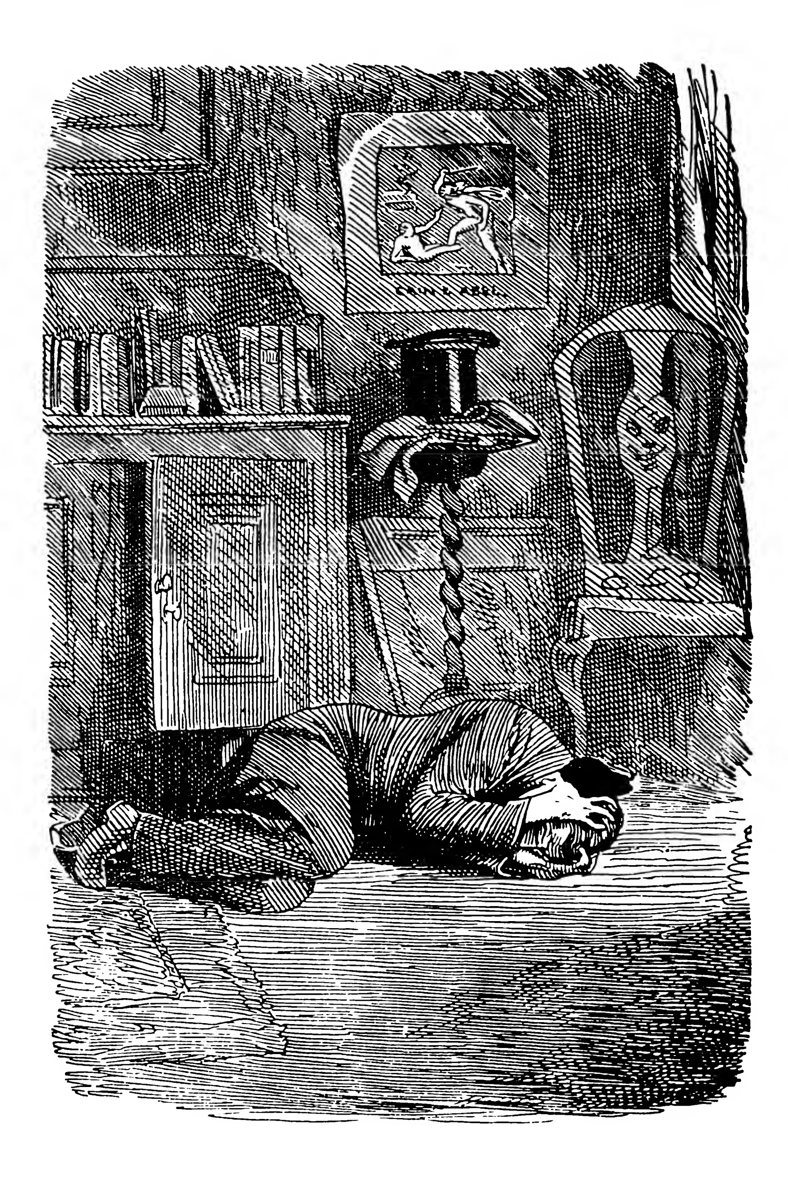
— Удивительно, как складывается моя жизнь! — продолжал он сквозь слезы.— Сколько я ни стараюсь выбиться в люди, на каждом шагу какая-нибудь помеха, хотя винить самого себя мне не в чем! Мало того, что было,— теперь на мое доброе имя ляжет тень из-за сестры, которая наверняка будет замешана в эту историю, если мои подозрения правильны. И чем хуже все для вас сложится, тем труднее мне будет добиться, чтобы мое имя не связывали с вашим.

Утерев глаза и тяжело вздохнув над своими злоключениями, он повернулся и пошел к двери.

— Но все равно, я добьюсь положения в обществе и никому не позволю тащить меня назад. С сестрой покончено, с вами тоже. Если я настолько мало для нее значу, что ей ничего не стоит подрывать мою репутацию, пусть идет своим путем, а я пойду своим. Виды на будущее у меня отличные, и я воспользуюсь ими один. Мистер Хэдстон, я не буду взывать к вашей совести, так как мне неизвестно, что ее отягчает. Но что бы это ни было, надеюсь, вы поймете необходимость прекратить всякое знакомство со мной и найдете утешение в том, что обелите всех, кроме себя. Через несколько лет я стану на место теперешнего старшего учителя в нашей школе. Учительница у нас женщина незамужняя, и хотя по годам она старше меня, я, может быть, женюсь на ней со временем. Таковы мои планы... если вам хоть сколько-нибудь интересно знать, какими путями я рассчитываю добиться приличного положения в обществе. И наконец, если у вас есть чувство вины передо мной и желание хоть чем-то искупить ее, подумайте о том, каким почтенным человеком вы могли бы стать сами и как вы исковеркали свою жизнь.

Пусть никого не удивляет, что несчастный принял это отступничество так близко к сердцу. Как знать! Может быть, в его сердце теплилось чувство к юноше, которому был отдан не один год нелегкого труда? Как знать! Может быть, общение с натурой более яркой, более одаренной, чем его собственная, скрасило ему эти годы? Может быть, сходство между братом и сестрой — и в чертах лица и в голосе — нанесло последний удар человеку, и без того поверженному в непроглядный мрак? То ли, другое ли послужило причиной или все вместе,— но когда юноша ушел, он опустил свою обреченную голову, повалился на пол и, стиснув ладонями горящие виски, замер так, в невыразимой муке, которую не облегчала ни единая слеза.

Плут Райдергуд провел весь тот день на реке. Накануне вечером он прилежно удил рыбу, но наступившие сумерки помешали рыбной ловле. Следующий день выдался более удачный, и рыбак вернулся в сторожку у Плэшуотерской плотины с уловом, завязанным в узелок.



ГЛАВА VIII

Немножко перца

Кукольная швея перестала ходить в контору «Пабси и К°» на Сэнт-Мэри-Экс с того самого дня, когда случайное стечение обстоятельств обнаружило перед ней (как она полагала) скаредную и лицемерную душу мистера Райи. Сидя за работой у себя дома, мисс Дженни часто возмущалась повадками и фокусами этого почтенного мошенника; свои скромные покупки она делала теперь в другом месте и вообще вела уединенный образ жизни. После долгих раздумий она решила не предостерегать Лиззи Хэксем, в полной уверенности, что та и сама не замедлит узнать истинную цену старику. Поэтому в переписке с подругой она избегала этой темы, а больше распространялась о проступках своего непутевого ребенка, который день ото дня вел себя все хуже и хуже.

— Ах ты дрянной старый мальчишка! — выговаривала ему мисс Рен, грозя пальцем.— Дождешься, что я сбегу из дому! Непременно дождешься! Тогда такая трясучка тебя возьмет, что развалишься на куски, а подбирать будет некому.

Слыша, какую страшную кончину ему предрекают, дрянной старый мальчишка начинал стонать и хныкать, трясясь всем телом, и впадал в такое уныние, что в конце концов трясущейся походкой выходил из дому и трясущейся рукой вливал в себя в первом же кабачке очередную порцию рома на три пенни. Но в каком бы виде ни было это расслабленное чучело, в мертвецки пьяном или мертвецки трезвом, ибо теперь у него, у трезвого, еле-еле держалась душа в теле,— совесть все время напоминала ему, что оно предало свою проницательную родительницу за давно уже выпитые шестьдесят порций рома по три пенни каждая и что рано или поздно его выведут на чистую воду. Учтя все эти обстоятельства и прибавив физическую немощность мистера Швея к состоянию его духа, следует признать, что ложе, на котором он покоился, было усыпано отнюдь не розами, а только оставшимися от них шипами и сухими ветками.

Однажды днем мисс Рен в полном одиночестве сидела за работой, отворив для прохлады входную дверь, и напевала грустную песенку таким тихим, тоненьким голоском, точно это был голосок куклы, которую она наряжала, сетующей на непрочность и мягкость воска,— и вдруг, чей взгляд она поймала на себе? — взгляд мистера Фледжби, стоявшего на тротуаре у распахнутой настежь двери!

— Я так и подумал, что это вы,— сказал Фледжби, поднимаясь на обе ступеньки.

— Да неужели? — воскликнула мисс Рен.— А я так и подумала, что это вы, молодой человек. Вот совпадение! И вы не обознались, и я не обозналась. Какие мы с вами умники!

— Ну, тогда здравствуйте, как поживаете? — сказал Фледжби.

— Да всё по-прежнему, сэр,— ответила мисс Рен.— Чего ждать несчастной матери, если она совсем с панталыку сбилась со своим непокорным детищем.

Фледжби вытаращил свои крохотные глазки, так что они вполне могли сойти за нормальные человеческие глаза, и поглядел по сторонам в поисках малютки, о котором, видимо, шла речь.

— Впрочем, вы бездетный,— продолжала мисс Рен.— Что вам толковать о семейных делах! Чему я обязана такой любезности и чести?

— Моему желанию познакомиться с вами поближе,— ответил Фледжби.

Мисс Рен, собиравшаяся перекусить нитку, подняла голову и лукаво посмотрела на него.

— Мы с вами что-то совсем перестали встречаться,— сказал Фледжби.— Ведь правда?

— Правда,— ответила, как отрубила, мисс Рен.

— Так вот, я и решил навестить вас,— продолжал Фледжби,— и поговорить с вами об одном нашем пройдошливом дружке, сыне народа Израилева.

— Значит, это *он* сказал вам, где я живу? Он сказал? — спросила мисс Рен.

— Да... я у него выведал,— запинаясь, пробормотал Фледжби.

— Выходит, вы часто с ним видаетесь,— насторо-

женно проговорила мисс Рен.— Видаетесь, несмотря ни на что.

— Да, видаюсь,— сказал Фледжби.— Несмотря ни на что.

— И не перестали,— швея наклонилась к кукле, над которой работали ее искусные пальцы,— не перестали взывать к его чувствам?

— Нет, не перестал,— ответил Фледжби, мотнув головой.

— Гм! Взывать взываете, а держитесь за него по-прежнему,— сказала мисс Рен, не отрываясь от работы.

— Вот именно, держусь,— подтвердил Фледжби.

Мисс Рен продолжала с сосредоточенным видом водить иголкой и после долгого молчания спросила:

— Вы в армии служите?

— Нет, не совсем,— ответил польщенный Фледжби.

— Во флоте?

— Н-нет.— Фледжби придавал своим отрицательным ответам такой смысл, точно он, не будучи положительно ни в том, ни в другом роде войск, служит как бы и тут и там.

— Так кто же вы? — допытывалась мисс Рен.

— Джентльмен, вот кто! — сказал Фледжби.

— А-а! — протянула Дженни и с видом полного удовлетворения поджала губы.— Понимаю. Значит, вот почему вы можете взывать к его чувствам — у вас свободного времени много. Какой же вы, наверно, душевный и добрый джентльмен!

Мистер Фледжби почувствовал, что он слишком близко подъехал к доске с надписью: «Тонкий лед! Опасно!» — и решил попробовать другую дорожку.

— Давайте поговорим о том, кто хитрее всех хитрецов,— сказал он.— Что он мудрит с вашей красивой подружкой? У него, наверно, есть какая-то цель. Как, по-вашему, какая?

— Не могу вам сказать, сэр,— хладнокровно ответила мисс Рен.

— Он не хочет говорить, куда она уехала,— продолжал Фледжби,— а мне вдруг вздумалось повидать ее. И я знаю, что он знает, куда она уехала.

— Не могу вам сказать, сэр,— повторила мисс Рен.

— А вы сами-то знаете, где она? — отважился спросить Фледжби.

— Ничего не могу вам сказать, сэр,— ответила мисс Рен.

Забавный острый подбородок так резко вздернулся, что галантный джентльмен растерялся, не зная, как ему вести дальше свою часть этого увлекательного диалога. Помолчав минуту-другую, он сказал:

— Мисс Дженни!.. Если не ошибаюсь, вас так зовут?

— Ошибиться мудрено, сэр,— последовал невозмутимый ответ,— потому что вы узнали мое имя из самого достоверного источника — от меня самой.

— Мисс Дженни! Вместо того чтобы возноситься ввысь и помирать, давайте спустимся с небес на землю. Оно, знаете ли, выгоднее, уверяю вас.— Для пущего соблазна Фледжби подмигнул швее.— Гораздо выгоднее.

— Может быть...— Мисс Дженни откинула голову и, прижав ножницы к губам, держа куклу на вытянутой руке, оглядела критически это произведение искусства, точно ее интересовало именно оно, а не разговор с Фледжби.— Может быть, вы, молодой человек, выскажетесь более вразумительно, а то я что-то ничего не разберу... Прибавим вам, душенька, голубого на отделку.— Обратившись с последним замечанием к своей прелестной клиентке, мисс Рен отрезала узкую ленточку от лежавшего перед ней лоскутка и продела в иглу голубую шелковинку.

— Так вот...— сказал Фледжби.— Вы меня слушаете?

— Слушаю, сэр,— ответила мисс Рен, хотя по выражению ее лица этого никак нельзя было заключить.— На отделку голубенького, душенька.

— Значит...— продолжал Фледжби, несколько обескураженный обстоятельствами, при которых ему приходилось вести разговор.— Если вы меня слушаете...

(— Голубенькое, милая барышня,— оживленно проговорила мисс Рен,— больше всего пойдет к нежному цвету вашего лица и к льняным локонам.)

— Так вот, слушайте,— снова начал Фледжби.— Для вас будет прямая выгода. Я как-нибудь устрою, чтобы у Пабси и К° вам отпускали лоскуты и обрезки по своей цене, а то и вовсе даром.

«Ага! — подумала швея. Как вы там ни утаивайте, Глазки-щелочки, а я вижу, что Пабси и К⁰ вам подвластны. Ах, Щелочки, Щелочки, до чего же вы ловкие!»

— Я полагаю,— продолжал Фледжби,— что вам, мисс Дженни, прямой расчет получать даром чуть не весь материал?

— Правильно полагаете,— ответила швея, подтверждая свои слова кивками головы.— Заработать мне всегда прямой расчет.

— Вот теперь вы говорите дело! — одобрительно воскликнул Фледжби.— Вот теперь вы спустились на землю и ожили. И знаете, я даже возьму на себя смелость сказать следующее: вы так сдружились с Иудой, что вашей тесной дружбе должен был прийти конец. В этой продувной бестии не трудно разобраться, когда узнаешь его, Иуду, поближе,— заключил Фледжби, подмигивая.

— Должна вам признаться,— сказала швея, не поднимая глаз от работы,— что мы с ним больше не дружим.

— Я знаю, что вы с ним больше не дружите,— сказал Фледжби.— Знаю. И мне хочется отомстить Иуде, чтобы не все шло, как ему, хитрецу, угодно. В большинстве случаев он своего добивается всеми правдами и неправдами, но, черт возьми! нельзя же допускать, чтобы все шло так, как ему, хитрецу, угодно. Это уж слишком! — воскликнул мистер Фледжби, выказывая должную степень негодования, точно он выступал в защиту Добродетели на суде.

— А я-то чем могу помочь, чтобы не все шло так, как ему угодно? — спросила швея.

— Я сказал: как ему, хитрецу, угодно,— поправил ее Фледжби.

— Ну, как ему, хитрецу, угодно.

— Сейчас я вам объясню,— сказал Фледжби.— Судя по этому вопросу, вы ожили — молодчина! Впрочем, от такой умницы другого и ожидать нельзя. Так вот, честно говоря...

— Что-о? — воскликнула мисс Дженни.

— Я сказал: честно говоря,— пояснил мистер Фледжби, несколько сбитый с толку.

— А!

— Мне бы очень хотелось расстроить его козни против вашей красивой подружки. Это все неспроста! Он,

Иуда, что-то задумал. Верьте моему слову, это неспроста. У него есть какой-то замысел, и, разумеется, темный замысел. И каков бы ни был его замысел, он, Иуда замыслил...— при своих скромных ораторских способностях мистер Фледжби не смог избежать тавтологии...— он замыслил скрыть от меня, где она теперь живет. И вот я спрашиваю вас, потому что вам все известно: куда он ее спровадил? Только и всего, больше никаких вопросов. Разве это много, учитывая, что ваша услуга будет оплачена?

Мисс Дженни Рен не перебивала Фледжби и слушала его, опустив глаза на рабочий столик, держа иглу в неподвижной руке. Когда же он кончил, она с удвоенной быстротой принялась за шитье и, поведя на него глазами и подбородком, спросила:

— Где вы живете?

— Олбени, Пикадилли.

— Когда вас можно застать?

— Когда угодно.

— К завтраку? — осведомилась Дженни, по своему обыкновению коротко.

— Самое подходящее время,— сказал Фледжби.

— Я зайду к вам завтра, молодой человек. Вот эти две леди,— показывая на кукол,— должны явиться на Бонд-стрит ровно в десять часов утра. Я доставлю их туда, а потом приеду к вам.— Как-то странно усмехнувшись, мисс Дженни мотнула головой на свой костыль — вот, мол, он, мой экипаж.

— Молодчина! Совсем ожили! — воскликнул Фледжби, поднимаясь со стула.

— Только помните: я ничего не обещаю,— сказала кукольная швея и ткнула в воздух иголкой — раз, два, точно выкалывая Фледжби оба глаза.

— Понятно, понятно! — сказал он.— Сначала договоримся о лоскутах и обрезках. Да будьте спокойны, не прогадаете. До свидания, мисс Дженни.

— До свидания, молодой человек.

Представительная фигура мистера Фледжби исчезла за дверью, а маленькая швея снова принялась за работу — отрежет, примерит, пришьет, отрежет, пришьет, примерит,— не переставая размышлять вслух.

— Туман, туман, туман. Ничего не понимаю. Щелочки и волк заодно? Или Щелочки и волк друг против друга? Ничего не понимаю. Бедная моя Лиззи, неужели оба они строят против тебя козни, каждый на свой лад? Ничего не понимаю. Может быть, Щелочки — это Пабси, а волк — К⁰? Ничего не понимаю. Пабси держит сторону К⁰, К⁰ держит сторону Пабси? Пабси надувает К⁰, К⁰ надувает Пабси? Ничего не понимаю. Щелочки сказали: «Честно говоря»? Э-э, нет! Как ни верти, все равно он лгун. Пока это единственное, что мне понятно. Тем не менее, молодой человек, ложитесь спать у себя в Олбени, на Пикадилли и вот вам — получайте на сон грядущий.— С этими словами маленькая швея опять выколола мистеру Фледжби оба глаза, да в придачу захлестнула петлю из нитки и, ловко продев в нее иголку, как бы затянула ему удавку на шее.

Трудно описать страдания, которые испытывал в тот вечер мистер Швей, когда его маленькая родительница в глубокой задумчивости сидела за работой и когда малейшее ее движение, взгляд внушали ему мысль, что ей все известно. К тому же она то и дело покачивала головой, глядя, как ее негодный старый мальчишка поеживается и трясется всем телом. Явление, именуемое в просторечии «трясучкой», овладело им в полной мере, так же, как и то, что именуется в просторечии «чертиками», и он изрядно мучился в тот вечер, тем более что к этим мукам примешивались угрызения совести, заставлявшие его время от времени произносить со стоном: «Шестьдесят по три пенни». Поскольку в этой кургузой фразе можно было услышать не покаянную исповедь, а скорее заказ официанту, достойный самого Гаргантюа, пьянчуге приходилось терпеть дополнительные неприятности, потому что кукольная швея покрикивала на свое детище резче обычного и осыпала его горькими упреками.

Если мистер Швей мучился в тот вечер, то не меньшие мучения претерпевала из-за него и кукольная швея. Однако на следующее утро она встала рано, поехала на Бонд-стрит и к назначенному часу доставила обеих заказчиц куда следовало, после чего направила свой экипаж к Олбени. Подъехав к дому, где квартировал мистер Фледжби, она увидела там леди в дорожном платье, ко-

торая держала в руках — как это ни странно — мужскую шляпу.

— Вы к кому? — строго спросила ее леди.

— Наверх, к мистеру Фледжби.

— Сейчас к нему нельзя. У него в гостях один джентльмен. Я дожидаюсь этого джентльмена. Он скоро кончит свои дела с мистером Фледжби, и тогда вы можете подняться. А пока джентльмен не вышел, вам придется подождать здесь.

Из предосторожности леди загородила собой лестницу, видимо намереваясь силой помешать швее, если та вздумает ослушаться. И так как при ее дородности ей ничего не стоило бы сделать это, швея осталась на месте.

— К чему вы прислушиваетесь? — спросила леди.

— Я не прислушиваюсь,— ответила швея.

— Разве что-нибудь слышно? — опять спросила леди, изменив форму вопроса.

— Фыркает кто-то? — сказала швея, с недоумением глядя на нее.

— Может быть, мистер Фледжби принимает душ? — улыбаясь, сказала леди.

— И еще будто выбивают ковер.

— Наверно, это ковер мистера Фледжби,— ответила улыбающаяся леди.

Мисс Рен понимала толк в улыбках, так как ей приходилось часто видеть их на лицах своих молоденьких заказчиц, хоть и в миниатюре. Но такую, какой улыбалась леди, стоявшая у лестницы, она видела впервые в жизни. Когда леди улыбалась, ноздри у нее раздувались и вздрагивали, а брови и губы, наоборот, морщились. В этой улыбке чувствовалась радость, но настолько свирепая, что мисс Рен подумала: «Чем так улыбаться, лучше вовсе не радоваться».

— Ну! — сказала леди, пристально глядя на нее.— А теперь?

— Может, там что-нибудь случилось? — воскликнула швея.

— Где? — осведомилась леди.

— Я не знаю где,— ответила мисс Рен, озираясь по сторонам.— Но я никогда не слышала таких странных звуков. Как, по-вашему, звать на помощь?

— По-моему, не звать,— сказала леди, многозначительно сдвинув брови, и подступила еще ближе к мисс Рен.

Почувствовав намек в этих словах, швея сразу же отказалась от своего намерения и уставилась в упор на леди, так же, как и та на нее. Странные звуки по-прежнему доносились сверху, и леди тоже прислушивалась к ним, но с полным спокойствием, без тени изумления.

Вскоре где-то хлопнула дверь — одна, другая, и вслед за тем по лестнице, весь взмыленный, еле переводя дух, сбежал джентльмен с бакенбардами.

— Все сделано, Альфред? — спросила его леди.

— Сделано, и весьма основательно,— ответил джентльмен, принимая от нее шляпу.

— Теперь можете подняться к мистеру Фледжби,— сказала леди и с надменным видом зашагала прочь.

— И можете захватить с собой вот эти три палочки,— вежливо добавил джентльмен.— Кроме того, будьте добры передать ему, что их посылает мистер Альфред Лэмл вместе со своим прощальным приветом перед отъездом из Англии. Мистер Альфред Лэмл. Попрошу вас запомнить.

Три расщепленных на концах палочки оказались частями сломанной трости, весьма увесистой и гибкой. Еще ничего не понимая, мисс Дженни взяла их, джентльмен повторил, осклабившись: «Будьте так добры — от мистера Альфреда Лэмла. С прощальным приветом, перед отъездом из Англии»,— подхватил леди под руку и не спеша зашагал с ней по тротуару, а мисс Дженни, опираясь на свой костыль, стала подниматься на второй этаж.

— Лэмл, Лэмл, Лэмл,— твердила она, с трудом одолевая ступеньку за ступенькой.— Где я слышала это имя? Лэмл, Лэмл? А, знаю! На Сент-Мэри-Экс!

Смышленые глазки кукольной швеи так и сверкнули при этом важном открытии, когда она позвонила к Фледжби. Ответа на ее звонок не последовало, хотя из-за двери по-прежнему неслись все те же в высшей степени загадочные звуки — не то чиханье, не то фырканье.

— Господи помилуй! У Щелочек удушье! — воскликнула мисс Дженни.

Дернув колокольчик еще раз и снова не получив никакого ответа, она толкнулась в наружную дверь, которая тут же и приотворилась. Она распахнула ее и, никого

не видя в тамбуре, а только слыша все то же фырканье, решила отворить внутреннюю дверь. И тогда глазам ее предстало ошеломляющее зрелище: мистер Фледжби в нижней рубашке, в турецких шальварах и феске катался по ковру, отфыркиваясь что было сил.

— О господи! — сдавленным голосом крикнул он.— О боже! Держи вора! Дышать нечем! Пожар! О боже! Дайте воды! Воды дайте! Затворите дверь! Убивают! Боже мой, боже! — и пошел опять кататься и фыркать пуще прежнего.

Бросившись в соседнюю комнату, мисс Дженни принесла оттуда стакан воды, подала его Фледжби, и он, кашляя, отфыркиваясь, хрипя, сделал один глоток, после чего в изнеможении припал головой к ее плечу!

— О господи! — простонал он и забился точно в припадке.— Соль с нюхательным табаком... Нос, рот, горло — все забито! Уф! Ой, ой! Кха-кха-кха! — Тут несчастный так закудахтал и так выпучил глаза, будто к нему вдруг прицепились все те смертельные недуги, от которых гибнут куры.— О господи! На мне живого места нет! — завопил Фледжби, повалившись навзничь и дрыгая ногами, что заставило швею отступить к стене.— Ой, больно! Примочку к спине, к рукам, к ногам! Уф! Опять в горле першит, не могу откашляться! Кха-кха! Ой-ой-ой, больно! — Мистер Фледжби вскинулся всем телом, упал навзничь и давай опять кататься по ковру.

Кукольная швея наблюдала за всем этим издали, но когда Фледжби откатился в дальний угол и задрал кверху ноги в турецких шлепанцах, она решила прежде всего избавить страдальца от соли и нюхательного табаку и, подав ему воды, хлопнула его по спине. Однако это последнее средство, видимо, не увенчалось успехом, так как мистер Фледжби взвизгнул и закричал во весь голос:

— Силы небесные! Тише! У меня вся спина исполосована!

Тем не менее кашель и кудахтанье мало-помалу прекратились, если не считать двух-трех легких приступов, и когда мисс Дженни подставила ему кресло, он повалился в него, являя собой весьма печальное зрелище: глаза красные, слезящиеся, нос и губы вспухшие, щеки и лоб все в багровых ссадинах.

— Что это вам вздумалось нанюхаться табаку с солью, молодой человек? — осведомилась мисс Дженни.

— Ничего я не нанюхался,— последовал унылый ответ.— Мне набили полон рот этой дряни.

— Кто набил? — спросила мисс Дженни.

— Он,— ответил Фледжби.— Убийца. Лэмл. И в рот и в нос... Ой-ой-ой! А-а-а! Уф!.. Чтобы я не мог кричать, а потом накинулся на меня.

— Вот с этим? — спросила мисс Дженни, показывая ему обломки трости.

— Да, с этой самой штукой,— сказал Фледжби, сразу узнав оружие Лэмла.— Он сломал ее о мою спину. Ой, больно! Но как она к вам-то попала?

— Когда он сбежал по лестнице к той леди, которая стояла внизу с его шляпой...— начала мисс Дженни.

— О-о! — простонал мистер Фледжби, извиваясь всем телом.— Она держала его шляпу? Ну конечно! Как это я сразу не догадался, что без нее тут не обошлось!

— Он сбежал по лестнице к той леди, которая не пустила меня наверх, и велел мне отнести вам вот эти обломки и сказал: «От мистера Альфреда Лэмла вместе с прощальным приветом перед отъездом из Англии».— Мисс Дженни передала поручение с таким удовольствием и так язвительно вскинула на мистера Фледжби глаза и вздернула подбородок, что это могло бы только усилить его муки; но он, к счастью, ничего не заметил, так как держался обеими руками за голову и кряхтел от боли.

— Сбегать за полисменом? — спросила мисс Дженни, метнувшись к двери.

— Стойте! Не надо,— крикнул Фледжби.— Пожалуйста, не надо. Зачем поднимать шум? Будьте любезны, заприте дверь. Ой, больно!

В доказательство того, до какой степени ему больно, мистер Фледжби вывалился из кресла и прокатился по всему ковру.

— Теперь, когда дверь заперта...— мистер Фледжби с трудом принял сидячее положение; феска у него съехала на ухо, полосы на лице побагровели еще больше,— ...будьте так добры, посмотрите, что у меня там на спине и на плечах. Наверно, живого места нет. Ведь я даже не успел надеть халат, когда этот мерзавец во-

рвался в комнату. Разрежьте рубашку у ворота. Ножницы вон там, на столе. О-о! — взвыл он, снова хватаясь руками за голову.— Ой, больно!

— Вот здесь? — спросила мисс Дженни, дотрагиваясь ему до спины.

— Да-да! — простонал Фледжби, раскачиваясь всем телом взад и вперед.— И здесь, и тут, и везде!

Не теряя ни минуты, маленькая швея разрезала рубашку на мистере Фледжби и обнажила результаты самой безжалостной порки, какую он когда-либо заслужил.

— Не удивительно, что вам больно, молодой человек! — воскликнула мисс Дженни и, злорадно потерев руки у него за спиной, наставила ему сзади рожки.

— Может, уксусные примочки сделать? — спросил страдалец, не переставая раскачиваться.— Как вы думаете, уксусные примочки помогают в таких случаях?

— Да,— с беззвучным смешком ответила мисс Дженни.— В таких случаях лучше всего протравить уксусом.

Мистер Фледжби чуть не испустил дух от слова «протравить» и громко застонал.

— Кухня тут же, на втором этаже. Вощанку найдете в шкафу, а бутылка с уксусом на полке. Смилуйтесь, сделайте пластырей сколько нужно, приложите к ранам. И чем скорее, тем лучше.

— Раз, два... гм!.. пять, шесть. Шесть штук понадобится, не меньше.

— Шесть? — весь корчась, простонал мистер Фледжби.— А мне кажется, и шестидесяти будет мало, так у меня все зудит.

Мисс Дженни удалилась на кухню с ножницами в руках, нашла там уксус, нашла вощанку, со знанием дела нарезала ее на шесть больших кусков и смочила каждый уксусом. Когда пластыри, готовые, лежали на столе и она уже хотела собрать их, в голову ей вдруг пришла новая мысль.

— А что,— сказала мисс Дженни, беззвучно рассмеявшись,— что, если добавить сюда немножко перцу? Самую малость. По-моему, повадки и фокусы этого молодого человека заслуживают того, чтобы его друзья не поскупились на перец.

Несчастливая звезда мистера Фледжби указала мисс Дженни перечницу на очаге. Взобравшись на стул, она дотянулась до нее и старательно наперчила все шесть пластырей. Потом вернулась к мистеру Фледжби и прилепила их ему на спину и на плечи, заставляя его каждый раз громко выть от боли.

— Ну-с, вот, молодой человек,— сказала кукольная швея.— Надеюсь, вам сразу полегчало?

Увы! Вместо утвердительного ответа мистер Фледжби закричал:

— Ой, больно!

Мисс Дженни накинула ему на плечи турецкий халат, нахлобучила феску на глаза, будто потушив свечу колпачком, и подвела к кровати, куда он и взобрался со стенаниями.

— О нашем с вами дельце, молодой человек, мы сегодня говорить не будем, потому что я бегу — мне каждая минута дорога,— сказала мисс Дженни.— Ну, полегчало вам?

— Какое полегчало! — крикнул Фледжби.— О господи! Ой, больно!

Оглянувшись напоследок с порога, мисс Дженни увидела, что мистер Фледжби ныряет и резвится в постели, точно дельфин в своей родной стихии. Она притворила за собой дверь спальни и все прочие двери, спустилась вниз, вышла из Олбени на шумный перекресток, села в омнибус, идущий на Сент-Мэри-Экс, и всю дорогу разглядывала из окна нарядных дам на улицах. А те и не подозревали, что служат манекенами для наметки и примерки кукольных платьев.

ГЛАВА IX

Два вакантных места

Выйдя из омнибуса на углу Сент-Мэри-Экс и положившись далее на собственные ноги и костыль, кукольная швея зашагала к конторе «Пабси и К^0». Вот она — залитая солнцем и тихая снаружи, тихая и сумрачная внутри. Прижавшись к косяку входной двери, мисс Дженни увидела

со своего наблюдательного поста Райю, который сидел в очках за столом и что-то писал.

— Бу-у! — крикнула она, высовывая голову из-за косяка.— Господин Волк дома?

Старик снял очки и плавным движением положил их на стол.

— Дженни? А я думал, ты от меня отреклась.

— Да, от коварного волка из лесной чащи я отреклась,— ответила она,— но моя крестная, кажется, вернулась домой? Впрочем, это еще надо проверить, ведь она часто меняется обличьем с волком. И поэтому мне хочется задать вам один-два вопроса, установить раз и навсегда, кто же вы на самом-то деле — крестная или волк? Можно?

— Можно, Дженни, можно.— Но Райя посмотрел на дверь, видимо опасаясь неурочного появления своего патрона.

— Если вы боитесь лисы,— сказала мисс Дженни,— то на ближайшие дни отложите всякое попечение об этом звере. Он не скоро вылезет на свет божий.

— Как это понимать, дитя мое?

— Сейчас объясню, крестная,— ответила мисс Рен, садясь рядом со старым евреем.— Лиса получила хорошую взбучку, и каждая косточка у нее так болит, ноет и мозжит, как не болела, не ныла и не мозжила ни у одной лисы в мире.— И тут мисс Дженни поведала, что случилось в Олбени, правда умолчав о перце.

— А теперь, крестная,— продолжала она,— мне очень хочется разузнать, что тут у вас делалось с тех пор, как я убежала от волка. Потому что в моей черепушке катается одна догадка величиной с маленький камушек. Ну-с, во-первых: кто вы такой — сразу Пабси и К⁰ или кто-нибудь один из них?

Старик покачал головой.

— Во-вторых: Фледжби и есть Пабси и К⁰?

Старик нехотя склонил голову.

— Моя догадка,— воскликнула мисс Рен,— стала величиной с апельсин! Но пока она не разрослась еще больше, добро пожаловать, моя милая крестная! Как я рада, что вы вернулись!

Сразу став серьезной, девочка обняла старика за шею и поцеловала его.

— Смиренно прошу у вас прощения, крестная. И очень жалею, что у нас так получилось. Напрасно я вам не верила. Но что я должна была думать, когда вы не сказали ни слова в свою защиту? Это меня никак не оправдывает, но что я должна была делать, когда вы слушали его и молчали, как убитый? Выглядело все это очень дурно, ведь правда?

— Дурно, Дженни, очень дурно,— взволнованно заговорил старик.— И вот как это отозвалось в моем сердце: я возненавидел самого себя. Возненавидел потому, что почувствовал, как ненавидишь меня ты и старичок должник. Но этого мало, и это еще не самое худшее. То, о чем я раздумывал тогда, сидя у себя в садике на крыше, касалось не только меня одного. Мне стало ясно, что я опозорил свою древнюю веру и свой древний народ. Я понял — понял впервые, что, безропотно подставляя шею под ярмо, я тем самым навязываю его и всем моим братьям. Ведь в христианских странах к евреям относятся не так, как к другим народам. Люди говорят: «Это плохой грек, но есть и хорошие греки. Это плохой турок, но есть и хорошие турки». А на евреев смотрят совсем по-иному. Плохих среди нас найти не трудно — среди какого народа их нет? Но христиане равняют самого плохого еврея с самым хорошим, самого презренного с самым достойным и говорят: «Все евреи одинаковы». То, что мне приходилось делать здесь,— я делал только из благодарности за прошлое, не гонясь за наживой, и будь я христианином, никто бы не пострадал от этого, кроме меня самого. Но я еврей, и мои поступки пятнают любого другого еврея — кем бы он ни был, в какой бы стране он ни жил. Это правда — жестокая правда. И надо, чтобы каждый из нас считался с ней. Но мне ли поучать других, когда я сам так поздно все понял!

Кукольная швея сидела, держа старика за руку и не сводя с него задумчивого взгляда.

— Вот о чем я размышлял в тот вечер у себя в садике на крыше. И, вспоминая раз за разом тяжелую сцену в конторе, я убеждался, что старичок джентльмен сразу поверил той выдумке только потому, что я еврей, и ты, дитя мое, сразу поверила той выдумке только потому, что я еврей, да и самая выдумка могла родиться в уме того, кто пустил ее в ход, только потому, что я еврей. Вот что зна-

чила для меня встреча с вами тремя, вот что я увидел с такой ясностью, будто мне показали все это в театре. И тогда в голове у меня промелькнула мысль: «Ты должен уйти отсюда». Но, милая моя Дженни,— спохватился Райя,— я же обещал ответить на твои вопросы, а сам не даю тебе сказать ни слова!

— Напротив, крестная! Моя догадка теперь величиной с тыкву, а они, знаете, какие большие бывают? Вы решили отказаться от своей должности? Вам осталось добавить только это? — допытывалась мисс Дженни, пристально глядя на него.

— Я написал письмо хозяину... Да. Примерно об этом.

— А что вам ответили Вопли-Сопли-Вздохи-Охи-и-Рубцы? — спросила мисс Рен, с наслаждением выговаривая этот почетный титул и вспоминая про перец.

— Он обязал меня прослужить еще несколько месяцев — это его право. Завтра срок истекает. А я решил объясниться с моей Золушкой, только когда он истечет — ни на день раньше.

— Моя догадка так разрослась,— воскликнула мисс Рен, сжимая виски руками,— что голова у меня того и гляди лопнет! Послушайте, крестная! Сейчас я вам все объясню. Щелочки (они же Вздохи-Охи-и-Рубцы) страшно на вас злы за то, что вы уходите. Щелочки прикидывают, как бы вам отомстить. Щелочки вспоминают про Лиззи. Щелочки говорят самим себе: «Надо разузнать, куда он спровадил эту девушку, и открыть тайну, которой он так дорожит». Может быть, Щелочки еще думают: «Да вдобавок и приволокнусь за ней». В этом я, правда, не уверена, но за все прочее ручаюсь головой. И вот, Щелочки приходят ко мне, а я иду к Щелочкам. Так все и было. И теперь, когда мы вывели его на чистую воду,— кукольная швея с такой силой затрясла кулачком перед глазами, что у нее все тело напряглось,— теперь я вижу, как я сплоховала! Вот досада-то! Мне бы кайенского перца или красного, мелко нарубленного, ему подбавить!

Поскольку смысл этих сожалений остался не совсем понятным мистеру Райе, он стал расспрашивать мисс Дженни об увечьях, полученных Фледжби, и собрался было идти ухаживать за этим побитым щенком.

— Ах, крестная, крестная! — вознегодовала мисс

Рен.— С вами всякое терпение потеряешь! Можно подумать, что вы решили стать добрым самаритянином! Надо же быть таким непоследовательным!

— Дженни, милая,— мягко начал старик.— В обычае нашего народа помогать...

— Да ну вас с вашим народом! — перебила его мисс Рен, вздернув голову.— Если ваш народ ничего лучше не придумает, как помогать Щелочкам, напрасно его вывели из Египта. И кроме того,— добавила она,— Щелочки вашей помощи не примут. Их стыд гложет. Боятся огласки и, боже упаси, как бы вы не узнали.

Они все еще продолжали свой спор, когда за стеклянной дверью появился чей-то темный силуэт, и в контору вошел посыльный с конвертом, адресованным весьма бесцеремонно: «Райе».

— Велено дождаться ответа,— сказал он.

Письмо было написано карандашом, вкривь и вкось.

«Райя!

Счета сдал и убирайся. Повесь замок на контору, сам уходи, а ключи передай с посыльным. Убирайся. Неблагодарный пес. Пошел вон».

Ф.».

При виде этих каракуль мисс Рен возликовала, так как ей стало ясно, что муки и стоны Щелочек не прекратились. Отойдя в угол, она хихикала и потешалась над посланием мистера Фледжби (к великому недоумению посыльного), а старик тем временем складывал свои скудные пожитки в черный саквояж. Когда же сборы были закончены, ставни на окнах заперты, жалюзи на витрине спущены, они все трое вышли на крыльцо. Старик передал мисс Дженни саквояж, повесил замок на дверь, вручил ключ посыльному, и тот немедленно удалился с ним.

— Ну-с, крестная,— сказала мисс Рен, когда, оставшись наедине, они с минуту молча смотрели друг на друга,— вот вас и вышвырнули на улицу.

— Выходит, что так, Дженни, и, по правде говоря, довольно неожиданно.

— Куда же вы пойдете искать счастья? — спросила мисс Рен.

Улыбнувшись, старик как потерянный огляделся по сторонам, и это не укрылось от глаз мисс Дженни.

— Да, дитя мое,— сказал он.— Вопрос весьма кстати, хотя задать такой вопрос проще, чем ответить на него. Но я помню отзывчивость и доброжелательство тех, кто дал работу Лиззи, и, пожалуй, пойду туда сам.

— Пешком? — отчеканила мисс Рен.

— А мой посох? — сказал Райя.

Но именно этот посох да еще необычная внешность старика и вызывали сомнения у кукольной швеи.

— А знаете, крестная,— сказала она.— По-моему, вам лучше всего пойти ко мне, по крайней мере на первое время. У меня дома никого нет, кроме моего дрянного мальчишки, а комната Лиззи пустует.— Уверившись, что он никого не обременит своим присутствием, старик охотно согласился, и эта странная пара снова отправилась в путь.

Что касается дрянного мальчишки, которому было строго-настрого приказано дожидаться родительницы, то он, разумеется, ушел из дому, и, будучи в полном расстройстве всех своих умственных способностей, ушел не просто так, а по делу, вернее, по двум делам,— первое: потребовать в любом питейном заведении на три пенни рома — бесплатно, на что, как ему казалось, он имел полное право, и второе: похныкать у мистера Юджина Рэйберна и посмотреть, не проистекут ли из этого кое-какие выгоды. Подстрекаемый важностью своих двух дел, в основе которых лежало то единственное, что занимало теперь его мысли, а именно — ром, несчастный пропойца ковылял по улицам и забрел на Ковент-Гарденский рынок, где и сделал привал на ступеньках какой-то лавки, чтобы претерпеть здесь очередной приступ трясучки, сопровождаемый появлением чертиков.

Ковент-Гарденский рынок был совсем не по пути мистеру Швею, но это место притягивало его к себе, как и всех самых отпетых пьяниц, подобно ему напивающихся в одиночку. Трудно сказать, что они ищут здесь,— хочется ли им потонуть в ночной жизни рынка, или в джине и пиве, льющихся рекой в компаниях возчиков и торговцев, или смешаться с затоптанными в грязь отбросами овощей, которые до такой степени похожи на их тряпье, что, может статься, Ковент-Гарденский рынок служит им чем-то вроде огромного гардероба? Так или иначе, но ни в каком

другом месте вы не увидите столько пьянчуг в подворотнях или на приступках у лавок. А уж таких женщин, спящих пьяным сном при дневном свете, вам нигде не встретить, хоть обыщите весь Лондон. Эта затрапезная, потерявшая всякий цвет, точно гнилой капустный лист, одежда, эти лица, похожие на порченый апельсин, это человеческое месиво показывается солнечным лучам только здесь. Влекущая сила рынка притянула сюда мистера Швея, и он одолел чертиков и приступ трясучки на ступеньках лавки, где незадолго до него валялась какая-то пьяная женщина.

Эти же места всегда кишат маленькими дикарями, которые шныряют повсюду и растаскивают — бог знает по каким норам, потому что жилья у них нет,— разбитые ящики из-под апельсинов и прочий хлам, и когда им приходится улепетывать от полисменов, их босые ноги глухо шлепают по мостовой (не потому ли эти звуки не доходят до ушей власть предержащих?), тогда как, будь они в сапогах, каждая такая погоня сопровождалась бы оглушительным грохотом.

Босоногая команда сбежалась со всех сторон к мистеру Швею полюбоваться таким завлекательным, к тому же бесплатным зрелищем, как трясучка, и стала скакать вокруг него, дразнить, забрасывать его комьями грязи. И удивительно ли, что, когда он вылез из своего ненадежного убежища и отделался от свиты оборванцев, вид у него был еще более плачевный. Но худшее ждало мистера Швея впереди; он зашел в харчевню, ухитрился получить в толкотне у стойки стакан рома, попробовал улизнуть не заплатив, но его схватили за шиворот, обыскали, убедились, что платить ему нечем, и, чтобы впредь было неповадно, окатили помоями. Это вызвало у мистера Швея новый приступ трясучки, после чего он счел, что сейчас самое время нанести визит одному знакомому адвокату, и побрел в Тэмпл.

В адвокатской конторе сидел один юный Вред. Усмотрев в таком клиенте некоторое несоответствие с надеждами его патрона на расширение дел, этот скромный юноша вступил со Швеем в мирные переговоры и в конце концов предложил ему шиллинг на обратную дорогу. Мистер Швей деньги принял, но потратил их на два стакана

рому, на дне которых он увидел заговор против своей жизни, а следующие две порции по три пенса повергли его в безудержное раскаяние. Вернувшись с этим грузом в Тэмпл, он еще во дворе попался на глаза бдительному Вреду, и тот немедленно заперся изнутри, предоставив несчастному изливать свою ярость на дубовую дверь.

Чем больше дверь сопротивлялась, тем опаснее и неотвратимее становился коварный заговор против жизни Швея. В отряде полиции, прибывшей на место происшествия, он узнал заговорщиков и стал отбиваться от них, крича хриплым голосом, судорожно взмахивая руками, роняя пену с губ. Как водится в таких случаях, послали за бесхитростным приспособлением, именуемым у заговорщиков носилками; мистера Швея уложили на них, привязали ремнями, после чего он превратился в безобидную кучу тряпья, которая сразу лишилась и голоса и сознания, а скоро должна была лишиться и жизни. И как раз в ту минуту, когда четверо полисменов вынесли свое бесхитростное приспособление на улицу, мимо ворот Тэмпла проходили бедная кукольная швея и ее старый друг.

— Скорее, крестная,— воскликнула мисс Дженни.— Посмотрим, кого это несут.

Проворный костыль проявил свое обычное проворство, но как оно было некстати сейчас!

— Джентльмены, джентльмены! Это мой, мой!

— Твой? — удивился старший полисмен и остановил носильщиков.

— Да, добрые джентльмены, это мой ребенок! Он без спросу убежал из дому. Бедный мой сынок! Ты не узнаешь, не узнаешь меня! Что же мне делать! — кричала маленькая швея, в отчаянии ломая руки.— Что мне делать, когда мое родное детище не узнает меня!

Старший полисмен с недоумением (вполне законным) посмотрел на Райю. И когда кукольная швея нагнулась над неподвижным телом, тщетно пытаясь добиться от него хоть знака, старик успел шепнуть:

— Ее отец... Пьяница.

Полисмены опустили свою ношу посреди улицы, Райя отвел старшего в сторону и спросил:

— Он умирает?

— Да нет! — ответил тот, но, взглянув на мистера Швея, заколебался и приказал носильщикам нести его к ближайшему лекарю.

Туда несчастного и принесли, и окна у лекаря сейчас же затемнили зеваки, чьи лица приняли самые причудливые очертания, виднеясь сквозь пузатые бутыли красного, зеленого и синего цвета. На того, кто несколько минут назад бушевал, как дикий зверь, а теперь лежал тихо, падал призрачный свет, уже ненужный ему, и непонятная, загадочная надпись падала на его лицо с большой цветной бутыли, словно смерть ставила на нем свою печать: «Мое».

Медицинское заключение было сделано с точностью и знанием дела, что не часто случается даже в суде. «Его надо прикрыть. Пошлите за чем-нибудь таким. Все кончено».

«За чем-нибудь таким» послали, тело прикрыли и понесли по улицам, пугая прохожих. За носилками шла кукольная швея, пряча лицо в складки еврейского лапсердака, держась за него правой рукой, а левой управляясь с костылем. Подошли к дому, и так как лестница наверх была очень узкая, тело оставили внизу, отодвинув в угол маленький рабочий столик. Мистер Швей лежал теперь, окруженный куклами, которые стеклянными глазами смотрели в его стеклянные глаза.

Не одну кокетку пришлось нарядить кукольной швее, прежде чем в ее кармане появились деньги на траур по мистеру Швею. Старик Райя, помогавший ей чем мог, долго не понимал, отдает ли она себе отчет в том, что покойный был ее отец.

— Если б мой бедный сынок получил лучшее воспитание,— говорила она,— у него и жизнь была бы лучше. Это я не в упрек себе. По-моему, за мной никакой вины нет.

— Конечно, Дженни, ты ни в чем не виновата.

— Спасибо вам, крестная. От ваших слов на душе легче становится. Но если бы вы знали, как трудно вырастить ребенка, когда весь день работаешь, работаешь, работаешь. После того как он получил расчет, мне трудно было удержать его возле себя. Такой беспокойный стал, раздражительный! Волей-неволей приходилось отпускать

его на улицу, А что хорошего на улице, что хорошего, когда ребенок без присмотра — отбился от рук, и конец. С детьми это часто случается.

«Часто, слишком часто, даже вот с такими детьми!» — подумал старик.

— У меня с раннего детства спина болит и ноги не слушаются, а не будь этого, кто знает, какая бы я сама выросла? — продолжала швея.— Что мне оставалось делать? — только работать, ведь играть я не могла. А мой несчастный ребенок мог играть, и испортил себе жизнь.

— Не только себе, Дженни.

— Как знать, крестная. Он, бедняга, очень мучился, часто болел. А я бранила его на чем свет стоит.— Она покачала головой и смахнула слезу.— Не знаю, может быть, он и мне испортил жизнь. Если, правда, испортил, не будем сейчас вспоминать об этом.

— Ты хорошая девочка, терпеливая!

— Ну уж терпением я похвалиться не могу,— отвечала она, пожимая плечами.— Терпеливый человек не стал бы браниться. Правда, я надеялась, что это ему на пользу. Ведь на мне, на матери, лежала ответственность за ребенка. Пробовала я взять его уговорами — не помогает, лаской — не помогает, проборкой — и проборка не помогала. На что только не пойдешь, когда на руках у тебя такой питомец! Если всего не испробовать, тогда нечего попусту рассуждать о материнском долге.

В таких разговорах — большей частью спокойных — прилежная маленькая швея провела за работой день и ночь, и к утру они со стариком нарядили столько кукол, сколько требовалось, чтобы в доме и на кухне, куда теперь перенесли рабочий столик, появились траурные материи и другие не менее печальные вещи, которые полагаются в таких случаях.

— Ну-с,— сказала мисс Дженни,— этих румяных барышень я нарядила, теперь надо и к своей зеленой физиономии что-нибудь подобрать.— Это относилось к платью, которое она примеряла на себя.— Когда шьешь на свою собственную персону,— продолжала мисс Дженни, взобравшись на стул и глядясь в зеркало,— не с кого брать деньги за работу, и это плохо. Зато не надо ходить

на примерку, и это хорошо. Гм! Что ж, недурно! Если бы *он* (еще неизвестно, какой он будет) увидел меня сейчас, ему не пришлось бы раскаиваться в своем выборе.

Девочка позаботилась о похоронах сама, и когда несложные приготовления были закончены, сказала Райе:

— Я поеду одна, в своем обычном экипаже, крестная, а вы, пожалуйста, постерегите дом, пока меня не будет. Я недолго, это ведь недалеко. А потом мы с вами попьем чаю и обсудим, как нам быть дальше. Скромный домик я купила напоследок своему несчастному ребенку, но он меня не осудит, он поймет... А если нельзя на это надеяться,— всхлипнув и утерев слезы,— тогда не все ли ему равно? В заупокойной молитве сказано: ни с чем мы приходим в этот мир. Значит, нам нечего уносить из него с собой. Хорошо, что мне не по карману брать напрокат у гробовщика то, что в таких случаях полагается, и будто контрабандой переправлять все это следом за моим ребенком на тот свет. Ничего бы у меня не получилось и пришлось бы тащить все обратно. Нет! Я лучше сама себя потащу, пока могу, потому что когда в конце концов и меня туда занесут, то уж обратно не вернешься.

Мистера Швея опять понесли по улицам, и это были как бы его вторые похороны. Четверо краснощеких верзил взвалили гроб на плечи и в развалку пошли с ним к кладбищу, а возглавил это шествие еще один цветущий верзила, который старался придать своей походке величественность, будто выпечатывал каждым шагом: «Смирно! Смерть идет!» — и от важности не узнавал своих близких знакомых на улицах. И все же многие прохожие с участием смотрели на девочку, которая одна провожала гроб, ковыляя за ним с костылем.

Но вот беспокойного ребенка опустили в землю и похоронили на сей раз окончательно, и величественный верзила величественно зашагал впереди одинокой маленькой швеи, точно человеку в ее положении подобало начисто забыть дорогу домой. Умиротворив таким образом свирепых фурий, именуемых обычаями, он отправился восвояси.

— Чтобы окончательно успокоиться, крестная, мне надо немножко поплакать,— сказала девочка, входя в дом.— Ведь я, как-никак, ребенка похоронила.



Плакала мисс Дженни дольше, чем можно было ожидать. Но вот слезам ее пришел конец, она вышла из темного угла, умылась и приготовила чай.

— Ничего, если я буду делать выкройку, пока мы с вами чаевничаем? — ласково спросила она своего старого друга.

— Милая моя Золушка! — воскликнул он.— Когда же ты наконец отдохнешь?

— Ну-у! Выкройки делать это не работа,— сказала мисс Дженни, уже кромсая ножницами бумагу.— Мне хочется выкроить один фасон, пока я его не забыла.

— Сегодня что-нибудь увидела? — спросил Райя.

— Да, крестная. Совсем недавно. Это стихарь — то, что носят наши священники,— пояснила мисс Дженни, вспомнив, что Райя другого вероисповедания.

— Зачем он тебе?

— Ах, крестная! — воскликнула кукольная швея.— Нас, мастериц, кормят изобретательность и вкус, и поэтому мы должны глядеть в оба. Кроме того, как вам известно, у меня сейчас большие расходы. Вот мне и пришло в голову, пока я плакала над могилой моего бедного сыночка, что в наших портняжных делах не мешало бы и священников пустить в ход.

— Как же ты их пустишь в ход? — спросил старик.

— Не для похорон, не бойтесь! — мотнув головой, успокоила его мисс Дженни.— Я знаю, что покупатели не любят расстраиваться. Мои молоденькие подружки редко носят траур — всамделишный траур, зато, когда им надо являться ко двору в траурные дни, они задирают нос от гордости. Но вы только представьте себе, дорогая моя крестная! Кукла-священник — черные напомаженные волосы, бакенбарды — сочетает браком молоденькую парочку! — Это совсем другое дело. Вот увидите, я не я буду, если они трое не покрасуются у алтаря в лавке на Бонд-стрит.

Чаепитие не успело подойти к концу, когда она с присущей ей сноровкой нарядила куклу в церковное облачение из светло-коричневой бумаги и уже показывала ее несведущему в таких делах старику еврею, как вдруг в наружную дверь постучали. Райя пошел отпереть и, вернувшись, степенно и учтиво (что всегда получалось у него естественно) пропустил в комнату джентльмена.

Кукольная швея видела этого джентльмена впервые,

но стоило ей встретиться с ним взглядом, как она почему-то сразу вспомнила мистера Юджина Рэйберна.

— Прошу прощения,— сказал джентльмен.— Вы и есть кукольная швея?

— Да, я кукольная швея, сэр.

— Подруга Лиззи Хэксем?

— Да, сэр,— ответила мисс Дженни, сразу насторожившись.— Я подруга Лиззи Хэксем.

— Вот записка от нее, где она умоляет вас выполнить просьбу подателя сего, мистера Мортимера Лайтвуда. Мистер Райя, к счастью, знает, что я и есть Мортимер Лайтвуд, и подтвердит вам это.

Райя утвердительно склонил голову.

— Прошу вас, прочитайте, что вам пишут.

— Такая коротенькая! — удивленно проговорила Дженни, подняв глаза от записки.

— Писать подробнее не было времени. Мы дорожили каждой минутой. Мой самый близкий друг, мистер Юджин Рэйберн, при смерти.

Дженни всплеснула руками и жалобно вскрикнула.

— Да, при смерти,— взволнованно повторил Лайтвуд.— Он лежит неподалеку отсюда и умирает от ран, нанесенных ему рукой негодяя, который напал на него в темноте. Я приехал к вам прямо от него. Он почти не приходит в себя. В те короткие минуты, когда сознание возвращалось к нему полностью или частично, мне удалось разобрать, что он просит привезти вас, просит, чтобы вы были около него. Не полагаясь на собственную понятливость, я позвал Лиззи послушать эти невнятные слова. И мы оба уверились, что он требует вас.

Не разжимая стиснутых рук, кукольная швея испуганно смотрела то на Лайтвуда, то на старика.

— Если вы задержитесь, он умрет, так и не дождавшись исполнения своей просьбы... своей последней воли, доверенной мне... Мы с ним ближе, чем братья... Я... я не могу больше говорить.

Не прошло и нескольких минут, как черный капор и костыль приступили к исполнению своих обязанностей, добрый еврей остался полным хозяином в доме, а кукольная швея, сидя в дилижансе рядом с Мортимером Лайтвудом, выехала из города.

ГЛАВА X

Кукольная швея отгадывает слово

Тихая комната со спущенными шторами; река за окном течет к необъятному океану; на кровати — беспомощное тело; оно лежит навзничь, все забинтованное, перевязанное; неподвижные руки в лубках вытянуты вдоль бедер. Только второй день жила здесь маленькая швея, но эти два дня вытеснили у нее все прежние воспоминания.

Со времени ее приезда он почти не шевельнулся. Лежал то с закрытыми, то с открытыми глазами. Открытые, они, не мигая, бессмысленно смотрели в одну точку, и лишь изредка лоб над ними бороздили морщинки не то гнева, не то удивления. Тогда Мортимер Лайтвуд заговаривал с ним, и он, случалось, настолько приходил в себя, что пытался назвать друга по имени. Но сознание тут же меркло, и на кровати снова лежало лишь искалеченное тело Юджина, а дух Юджина отлетал от него.

Они снабдили Дженни всем, нужным для ее работы, поставили ей маленький столик в ногах его кровати. Кукольная швея сидела там, и их не оставляла надежда, что ее фигурка, ее пышные волосы, падающие на спинку стула, привлекут его внимание. С той же целью она начинала напевать чуть слышным голоском, как только он открывал глаза и на лбу у него, словно зыбь по воде, пробегали те чуть заметные морщинки. Но пока что он ничего не замечал. «Они» — это были врач, Лиззи, проводившая здесь все свое свободное время, и Лайтвуд, который не отходил от него ни на шаг.

Так прошло два дня, прошел и третий. И на четвертый день он вдруг прошептал что-то.

— Юджин, милый, о чем ты?

— Мортимер, она...

— Что?

— ...ты пошлешь за ней?

— Друг мой, она здесь.

Не ощущая пробела во времени, он думал, что они продолжают все тот же разговор.

Маленькая швея стала в ногах кровати, напевая свою песенку, и весело закивала ему головой.

— Дженни! Протянуть вам руку я не могу,— сказал Юджин и усмехнулся почти как прежде.— Но я очень рад вас видеть.

Мортимер повторил ей его слова, потому что их можно было разобрать только по губам, нагнувшись к нему. Вскоре он заговорил снова:

— Спроси ее, видела ли она детей?

Мортимер не понял его, и Дженни сама сообразила, о чем речь, только после того как он добавил:

— Спроси ее, как пахнут цветы.

— А! Знаю, знаю! — воскликнула кукольная швея.— Теперь все поняла!

Тогда Лайтвуд быстро уступил ей место, и, с просветленным лицом склонившись над Юджином, она сказала:

— Вы говорите о тех детях, которые спускались по длинным сверкающим лучам и приносили мне покой и отраду? О тех детях, которые поднимали меня высоко-высоко, словно пушинку?

Юджин улыбнулся.

— Да.

— С тех пор как вам тогда рассказывала, я их не вижу. Давно не вижу, потому что теперь спина у меня почти не болит.

— Вы так мило фантазировали,— сказал Юджин.

— Но мои птицы все еще поют! — воскликнула девочка.— И цветы благоухают по-прежнему. Правда, правда! Это такое блаженство!

— Останьтесь и помогите ухаживать за мной,— тихо проговорил Юджин.— Пусть эти сны наяву посетят вас и здесь... пока я еще жив.

Она коснулась рукой его губ и, вернувшись к своему рабочему столу, той же рукой прикрыла себе глаза и снова запела. Он слушал эту тихую песенку с явным удовольствием до тех пор, пока ее голос не умолк.

— Мортимер.

— Что, Юджин?

— Дай мне что-нибудь, попытайся удержать меня здесь хоть на несколько минут...

— Удержать, Юджин?

— Чтобы я не блуждал бог знает где... У меня такое

чувство, будто я только что вернулся сюда и сейчас снова уйду... Дай мне что-нибудь, друг мой!

Мортимер поднес к его губам стакан с легким вином, которое всегда держал наготове, и хотел было помешать ему говорить, но не успел.

— Не останавливай меня, Мортимер. Я должен это сказать. Если бы ты знал, какая тревога терзает и гложет меня, когда я блуждаю в этих местах... им нет конца. Где это, Мортимер? Где-то на краю света...

По лицу друга он понял, что начинает бредить, и через минуту добавил:

— Не бойся... Я еще не ушел. Но о чем же...

— Ты хотел что-то рассказать мне, дорогой мой Юджин. Рассказать мне — твоему старому другу, который всегда любил тебя, льнул к тебе, подражал тебе, восхищался тобой, был бы ничто без тебя и который, видит бог, с радостью согласился бы сейчас поменяться с тобой местами.

— Ну-ну-ну! — сказал Юджин, с нежностью глядя на Мортимера, закрывшего глаза ладонью.— Я этого не заслужил. Такие комплименты лестно слушать, друг мой, но я их не заслуживаю. Это нападение, Мортимер, это убийство...

Его друг сразу насторожился и проговорил, склонившись над ним:

— Мы с тобой подозреваем одного и того же человека.

— Мало сказать, подозреваем! Но, Мортимер, пока я лежу здесь и когда меня уже не будет, помни: виновный не предстанет пред лицом правосудия. В этом я полагаюсь на тебя.

— Юджин!

— Нельзя пачкать ее незапятнанное имя, друг мой. Ведь кара падет не на него, а на нее. Я поступал дурно по отношению к ней, а намерения у меня были еще более дурные. Ты помнишь, какая дорога вымощена благими намерениями? Так знай, Мортимер, что дурных намерений там не меньше. Поверь мне — человеку, который уже лежит на этой дороге!

— Юджин, друг мой, успокойся!

— Я успокоюсь, когда ты дашь мне слово. Мортимер,

друг мой, от этого человека надо отступиться. Если его заподозрят, добейся, чтобы он молчал, дай ему спастись. Не думай о мести. Приложи все свои силы, чтобы защитить *ее* и замять это дело. Постарайся запутать его, отвести улики в сторону. Слушай, что я говорю тебе. Это был не учитель, не Брэдли Хэдстон. Слышишь? Повторяю: это был не учитель, не Брэдли Хэдстон. Слышишь? В третий раз. Это был не учитель, не Брэдли Хэдстон.

Силы покинули его. Он говорил шепотом, прерывисто, невнятно, и все же заставил понять себя.

— Друг мой, я опять ухожу. Если можешь, задержи меня хоть на минуту.

Лайтвуд приподнял ему голову, дал выпить вина. Он овладел собой.

— Я не знаю, когда это случилось — недели, дни или несколько часов тому назад. Не важно. Расследование ведется, его ищут? Говори!

— Да.

— Останови их, отведи от него подозрение. Не допускай, чтобы она оказалась замешанной в это дело. Защити ее. Если преступника призовут к ответу, он ее опорочит. Пусть убийство останется безнаказанным — во имя Лиззи, ради искупления моей вины перед ней. Обещай мне это!

— Хорошо, Юджин. Обещаю.

Он с благодарностью взглянул на друга и сразу потерял сознание. Глаза уставились в одну точку напряженным, ничего не выражающим взглядом.

Долгие часы, долгие дни и ночи все шло без перемен. По временам он приходил в себя после долгого забытья, спокойно отвечал другу, говорил, что ему стало легче, и даже просил о чем-нибудь. Но просьбу не успевали выполнить, как сознание снова покидало его.

Кукольная швея, теперь — вся сострадание, следила за ним с неослабным усердием. Она вовремя меняла ему лед и компрессы и каждую свободную минуту нагибалась к его подушке, стараясь не пропустить ни единого слова, когда он начинал бредить. Трудно себе представить, сколько часов подряд просиживала она в неудобной позе возле кровати Юджина, ловя каждый его взгляд! Не в силах шевельнуть рукой, он не мог выразить зна-

ками, что так мучит его, но неусыпное наблюдение за ним (а может быть, тайная сила или симпатия, связующая их) выработала в Дженни понятливость, которой не хватало Лайтвуду. Мортимер часто прибегал к ее помощи, точно она была толмачом между чувственным миром и бесчувственным телом его друга. И Дженни меняла одну повязку, ослабляла другую, клала страдальцу голову поудобнее, откидывала простыню с его груди — все это с твердой уверенностью, что так и надо делать, чтобы облегчить его страдания. Во многом тут помогали навыки ремесла, развившие прирожденную гибкость и проворство ее пальцев, но чуткость ее была не менее поразительна.

Одно слово он повторял миллионы раз — слово «Лиззи». В самые тяжелые минуты, мучительные для тех, кто ухаживал за ним, он метался, как в бреду, быстро и нетерпеливо твердя это имя с тоской потерявшего разум человека и с монотонностью механизма. А когда утихал, устремив взгляд в пространство, то произносил его чуть слышным предостерегающим шепотом. Ее присутствие, ее легкое прикосновение к его груди, к его лицу часто останавливали этот бред, и тогда они знали, что он ненадолго умолкнет и будет лежать с закрытыми глазами, а потом откроет их и очнется. Но надежды, которые возрождала желанная тишина, наступавшая в комнате, всякий раз рушились, так как сознание покидало страдальца в тот самый миг, когда друзья только успевали порадоваться его первому проблеску.

Страшно было смотреть, как утопающий подымается из глубин лишь затем, чтобы погрузиться в них снова. А потом в нем произошла перемена, страшная не только для них, но и для него. Невысказанное желание облегчить душу, поделиться чем-то с другом так мучило его, что минуты просветления становились все короче и короче. Он тщетно старался преодолеть забытье, подобно утопающему, который тем скорее уходит под воду, чем больше борется с волнами.

Однажды днем, когда он лежал тихо и Лиззи на цыпочках вышла из комнаты, торопясь на фабрику, Лайтвуд услышал его голос.

— Я здесь, Юджин.

— Сколько это может длиться, Мортимер?

Лайтвуд покачал головой.

— Ухудшения нет, Юджин.

— Нет и надежды. И все-таки я молю бога, чтобы ты успел оказать мне последнюю услугу, а я — сделать то последнее, без чего мне нельзя уходить. Мортимер, молю, задержи меня на несколько минут!

Мортимер дал ему глоток вина, уверяя, что сегодня он гораздо спокойнее, хотя живая искорка, лишь изредка загоравшаяся в его глазах, уже ускользала.

— Друг мой, постарайся удержать меня. Не дай мне забыться... Я ухожу!

— Нет, нет! Юджин, говори, что я должен сделать?

— Задержи меня хоть на минуту. Я опять ухожу. Не отпускай... Дай мне сказать. Останови меня, останови!

— Бедный мой Юджин! Успокойся!

— Я делаю все... все, что в моих силах. Если бы ты знал, чего это стоит! Не дай мне забыться... выслушай сначала. Еще... вина...

Лайтвуд подал ему стакан. Стараясь преодолеть дурноту таким мучительным усилием воли, что на него больно было смотреть, Юджин поднял на друга умоляющий взгляд и проговорил:

— Оставь меня на попечение Дженни, а сам пойди к *ней* и скажи, о чем я молю ее. Дженни посидит около меня, пока тебя не будет. Много времени это не займет. Ты отлучишься ненадолго.

— Хорошо, Юджин, хорошо! Но скажи, что я должен сделать?

— Я ухожу. Теперь меня уже не удержишь.

— Юджин! Скажи хоть слово!

Его глаза опять уставились в одну точку, и единственное слово, послужившее ответом Лайтвуду, было: Лиззи, Лиззи, Лиззи, уже повторенное миллионы раз.

Но неусыпная Дженни, все так же зорко следившая за ним, подошла к Лайтвуду, который в отчаянии смотрел на друга, и тронула его за плечо.

— Тсс! — Она приложила палец к губам.— Видите? Он закрыл глаза. Когда откроет, значит очнулся. Шепнуть вам одно словечко? А вы ему подскажете.

— Ах, Дженни, если б ты могла угадать это словечко!

— Угадала. Нагнитесь.

Лайтвуд нагнулся к ней, и она шепнула ему что-то. Шепнула ему на ухо одно коротенькое слово. Лайтвуд вздрогнул и посмотрел на нее.

— Попробуйте,— сказала она, так вся и просияв. Потом склонилась над страдальцем и впервые коснулась губами его щеки, поцеловала его переломанную руку — ту, что была ближе к ней, и отошла к ногам кровати.

Часа два спустя Мортимер Лайтвуд увидел, что сознание возвращается к его другу, и осторожно наклонился к нему.

— Молчи, Юджин. Смотри на меня и слушай, что я тебе скажу. Понимаешь?

Тот чуть заметно кивнул.

— Начну с того, на чем мы остановились. То слово, которое я должен был вот-вот услышать от тебя... Жена?

— Слава богу!.. Мортимер!

— Тише, тише! Не волнуйся! Молчи! И слушай дальше, Юджин. У тебя будет спокойнее на душе, если Лиззи станет твоей женой? Ты просишь меня сказать ей об этом и добиться от нее согласия? Ты хочешь, чтобы она склонила колена здесь, у твоей постели, и обвенчалась с тобой? Ты хочешь до конца искупить свою вину перед ней?

— Да благословит тебя бог, Мортимер!

— Все будет сделано, Юджин! Положись на меня. Я отлучусь на несколько часов, чтобы исполнить твою волю. Ты понимаешь, что моя отлучка неизбежна?

— Друг мой, я сам просил тебя об этом.

— Да, правда. Но тогда я ничего не понимал. Как ты думаешь, кто дал мне ключ в руки?

Юджин остановил тоскливый взгляд на мисс Дженни, которая смотрела на него, облокотившись о спинку кровати и подперев подбородок руками. Былая шутливость промелькнула в его улыбке.

— Да, да! — сказал Лайтвуд.— Это ее догадка. Итак, Юджин, я еще не успею вернуться, а ты уже будешь знать, что твоя воля выполнена, Лиззи займет мое место возле тебя и больше никогда не расстанется с тобой. И напоследок вот что: ты поступил как благородный человек, Юджин. И я верю, верю всем сердцем, что, если провидение смилуется и вернет нам тебя, ты благосло-

вишь судьбу, давшую тебе в жены твою спасительницу, достойную глубокой любви и глубокого уважения.

— Да будет так. Аминь. Но я не выживу, Мортимер.

— Твое решение не убавит у тебя ни сил, ни надежды, Юджин.

— Да, это верно. Прижмись ко мне щекой,— на случай, если я не дождусь твоего возвращения. Я люблю тебя, Мортимер. Не тревожься обо мне. Если она не отвергнет меня, я доживу до той минуты, когда смогу назвать ее своей женой.

Прощание двух друзей совершенно расстроило мисс Дженни. Она повернулась к ним спиной, низко склонила голову и, сидя в шатре своих золотистых волос, горько, но беззвучно рыдала. Мортимер Лайтвуд вскоре ушел. Когда деревья протянули далеко по реке свои темные тени, в комнате больного бесшумно возникла еще одна тень.

Маленькая швея сразу уступила ей место у его изголовья, а сама отошла в глубь комнаты.

— Очнулся? — спросила она, стараясь разглядеть в темноте лицо страдальца.

— Очнулся, Дженни,— прошептал Юджин.— Очнулся и узнал свою жену.

ГЛАВА XI

К чему привела догадка маленькой швеи

Миссис Джон Роксмит сидела за рукодельем в своей аккуратно прибранной комнате, а возле ее кресла стояла корзиночка с аккуратно сложенными рубашечками и платьицами, которые были так похожи на изделия кукольной швеи, что невольно наводили на мысль: а может быть, миссис Джон Роксмит отбивает хлеб у мисс Рен? Пришла ли тут ей на помощь «британская хозяйка» со своими мудрыми советами, мы затрудняемся сказать,— возможно, что и нет, поскольку этого косноязычного оракула не было видно поблизости. Однако факт остается фактом: руки миссис Джон Роксмит так ловко управлялись с работой, что ее, по всей вероятности, кто-то обу-

чил шитью. Любовь — прекрасный учитель во всех случаях жизни, и, может статься, этот самый учитель (заменивший наперстком колчан со стрелами) и наставлял миссис Джон Роксмит в избранной ею отрасли рукоделия.

Близился час, когда Джон обычно возвращался домой, но миссис Джон торопилась закончить до обеда какую-то особенно удавшуюся ей вещицу и не стала встречать его. Она шила и шила, улыбаясь тихой, хоть и несколько самодовольной улыбкой, а иголка размеренно ходила у нее в руке, точно маятник очаровательных фарфоровых часов работы самого лучшего мастера.

Стук в дверь, звон колокольчика. Не Джон — иначе Белла кинулась бы ему навстречу. Но если не Джон, тогда кто же? Белла не успела задать себе этот вопрос, как ее служанка — вечно она впопыхах, дурочка! — влетела в комнату и доложила:

— Мистер Лайтвуд!

— Боже правый!

Белла накрыла свое шитье косынкой, и вовремя: мистер Лайтвуд уже отвешивал ей поклон. Мистер Лайтвуд был сам не свой — печальный, бледный.

Напомнив в двух словах о том счастливом времени, когда он имел честь знать миссис Роксмит еще как мисс Уилфер, мистер Лайтвуд рассказал, что случилось и зачем он сюда приехал. Он приехал с поручением от Лиззи Хэксем, которая покорно просит миссис Джон Роксмит присутствовать на ее свадьбе.

Эта просьба и прочувствованный рассказ Лайтвуда так взволновали Беллу, что стук Джона пришелся как нельзя более кстати и был для нее лучше всяких нюхательных солей.

— Мой муж! — воскликнула она.— Сейчас я его приведу.

Но оказалось, что это не так просто сделать, ибо стоило только ей произнести имя Лайтвуда, как Джон остановился, хотя пальцы его уже коснулись дверной ручки.

— Пойдем наверх, дорогая.

Белла удивилась: почему он весь вспыхнул и, быстро повернувшись, зашагал вверх по ступенькам? «Что это значит?» — думала она, поднимаясь следом за ним.

Джон посадил ее на колени и попросил:

— А теперь, сокровище мое, расскажи мне все по порядку.

Пожалуйста! По порядку так по порядку, но почему у него такой смущенный вид? И когда она начала рассказывать, почему он слушал так невнимательно? Ведь ей было хорошо известно, с каким участием он всегда относился к Лиззи и к ее судьбе. Что же все это значит?

— Джон, милый, ты поедешь со мной на свадьбу?

— Н-нет, родная, я не могу.

— Не можешь, Джон?

— Никак не могу, моя дорогая. Об этом и думать нечего.

— Значит, мне придется ехать одной, Джон?

— Нет, дорогая, ты поедешь с мистером Лайтвудом.

— А как ты думаешь, Джон, не пора ли нам спуститься к мистеру Лайтвуду? — осторожно спросила Белла.

— Да, тебе пора, друг мой, а за меня ты извинись перед ним.

— Как, Джон? Неужели ты не хочешь повидать его? Он же знает, что ты вернулся. Я ему сказала.

— Жаль, жаль, но что поделаешь! Я не смогу повидаться с ним, дорогая.

Чуть-чуть надув губки, Белла удивленно смотрела на Джона и терялась в догадках. Чем объяснить такое непонятное поведение? Догадка пришла, хоть и не бог весть какая остроумная.

— Джон, милый, неужели ты ревнуешь меня к мистеру Лайтвуду?

— Сокровище мое! — воскликнул ее муж и громко рассмеялся.— Как я могу ревновать тебя? И почему я должен тебя ревновать?

— Потому, Джон, что когда-то мистер Лайтвуд восхищался мной,— ответила Белла, надув губки чуть побольше,— хотя я в этом совершенно не повинна.

— Я тоже восхищался тобой, и ты в этом повинна,— возразил Джон, глядя на нее с гордостью.— И в том, что мистер Лайтвуд тобой восхищался, тоже вини себя. Но чтобы я ревновал к нему? Да я сойду с ума, если буду

ревновать свою жену ко всем, кто считает ее красивой и очаровательной женщиной.

— Я и сержусь, Джон, и умиляюсь, на тебя глядя,— с легким смешком сказала Белла,— потому что ты хоть и глупый, а говоришь мне такие приятные вещи, и, кажется, от чистого сердца. Но довольно загадок, сэр! Чем вам не угодил мистер Лайтвуд?

— Ничем, дорогая.

— Что он тебе сделал дурного, Джон?

— Он ничего дурного мне не сделал, дорогая. Ни он, ни мистер Рэйберн. Ровным счетом ничего дурного, ни тот, ни другой. И все-таки они оба одинаково мне неприятны.

— Ах, Джон! — В голосе Беллы послышалось такое же отчаяние, с каким, бывало, она сокрушалась и о собственных недостатках.— Ты настоящий сфинкс! А когда сфинксы женятся... из них выходят плохие, скрытные мужья,— обиженным тоном заключила она.

— Белла, жизнь моя! — Джон Роксмит с грустной улыбкой коснулся ее щеки, огорченный тем, что она потупилась и надула губки.— Взгляни на меня. Мне надо поговорить с тобой.

— И Синяя Борода будет говорить серьезно? Неужели он вышел из своего тайника? — спросила Белла, сразу просветлев.

— Да, разговор будет серьезный. И я не скрываю, что у меня есть тайник. Помнишь, ты просила меня не восхвалять твоих душевных качеств до тех пор, пока тебе не придется испытать их на деле?

— Помню, Джон. И это были не пустые слова, я и сейчас не отказываюсь от них.

— Наступит время, моя родная... Я не пророчествую, а знаю твердо: наступит время, когда тебе придется испытать себя. И я буду считать, что ты прошла сквозь это испытание только в том случае, если твоя вера в меня не поколеблется ни на минуту.

— Тогда можешь не сомневаться в своей жене, Джон, потому что она верит тебе во всем. Всегда, всегда верила и будет верить! Не суди обо мне по такой мелочи, Джон. В мелочах я сама мелкая, а в серьезном не сплошаю. Надеюсь, что не сплошаю, хвалиться заранее не хочу, но надеюсь, что нет.

Почувствовав, как нежные руки жены обвились вокруг его шеи, Джон еще сильнее, чем она сама, проникся верой в ее слова. Если бы богатства Золотого Мусорщика принадлежали ему, он прозакладывал бы все до последнего фартинга, что это доверчивое и горячее сердце разделит с ним не только радости, но и беды, которые выпадут на его долю.

— Теперь я пойду к мистеру Лайтвуду и уйду с мистером Лайтвудом,— сказала Белла, вскочив с его колен.— У тебя, как известно, руки-крюки, Джон,— вечно они все перемнут, не туда положат, но если ты пообещаешь больше так не делать (хотя, видит бог, я просто к тебе придираюсь!), можешь собрать мои спальные принадлежности в саквояж, а я тем временем надену капор.

Он весело повиновался ей, и она завязала ленты как раз под самыми ямочками на подбородке, тряхнув кудрями, надвинула капор на голову, расправила банты, пальчик за пальчиком натянула перчатки на свои пухлые ручки, попрощалась с мужем и вышла из комнаты. Увидев, что его спутница готова к отъезду, мистер Лайтвуд вздохнул с облегчением.

— Мистер Роксмит поедет с нами? — нерешительно спросил он, бросив взгляд на дверь.

— Ах, я совсем забыла! — воскликнула Белла.— Он шлет вам привет. У него флюс — так раздуло щеку, просто ужас! Я уложила бедняжку в постель и велела дожидаться лекаря, пусть сделает ему надрез.

— Вот странно! — сказал Лайтвуд.— Я никогда не видел мистера Роксмита, хотя у нас с ним были кое-какие дела.

— Да что вы? — удивилась Белла и даже не покраснела.

— Я уж начинаю подумывать, — продолжал Лайтвуд,— что мне с ним не суждено встретиться.

— Да, иной раз просто диву даешься, до чего все странно складывается,— с невозмутимым видом проговорила Белла.— Видно, судьба такая. Но я готова, мистер Лайтвуд.

Не теряя времени, они сели в экипаж — тот самый, что Лайтвуд нанял еще в Гринвиче, и из незабвенного Грин-

вича поехали прямо в Лондон и на лондонском вокзале стали ждать его преподобие Фрэнка Милви с супругой, с которыми Лайтвуд успел сговориться заранее.

Почтенная чета задержалась по вине одной нуднейшей прихожанки, которая была сущим бичом для его преподобия Фрэнка и Маргареты. Впрочем, относились они к ней с достойной подражания терпимостью и добротой, несмотря на то, что она заражала своей непроходимой глупостью всех и вся, с кем бы и с чем бы ни соприкасалась. Особа эта принадлежала к пастве его преподобия Фрэнка и славилась среди других прихожан тем, что рыдала навзрыд над каждым, даже самым ободряющим словом его преподобия Фрэнка, когда он исполнял свои пастырские обязанности в церкви, а также принимала на свой счет плач царя Давида * и с оскорбленным видом сетовала, сильно отставая от причетника и молящихся, что враги роют вокруг нее ямы и поражают жезлом железным. Откровенно говоря, эта бедная вдовица держалась в церкви, и на утренней и на вечерней службе, так, будто подавала жалобу на кого-то и требовала у судьи приказа об аресте. Но это еще полбеды — худшей своей стороной она оборачивалась, когда ей взбредали в голову какие-нибудь сомнения (большей частью на рассвете или в ненастную погоду), и его преподобие Фрэнк должен был немедленно снимать бремя с ее души. Сколько раз добрейший пастор вставал с постели и уходил к миссис Спродкин (так звали его овцу), подавляя в себе сильным чувством долга не менее сильное желание рассмеяться над нелепой старухой и прекрасно зная, что это посещение кончится только простудой, и ничем больше. Тем не менее его преподобие Фрэнк Милви и миссис Милви никому не сознавались, что миссис Спродкин не стоит потраченных на нее трудов, и не роптали на эту обузу, как, впрочем, и на другие обузы, которых у них было много.

Эта взыскательная прихожанка, видимо руководствуясь шестым чувством, совершенно точно знала, когда ее присутствие менее всего желательно его преподобию Фрэнку Милви, и именно в эти минуты и появлялась в маленькой передней пастора. Поэтому, с готовностью согласившись сопровождать Лайтвуда, его преподобие Фрэнк сказал жене, как о чем-то само собой разумеющемся:

«Маргарета, душа моя, надо поторапливаться, не то на нас свалится миссис Спродкин». На что миссис Милви отвечала, по своему обыкновению выразительно подчеркивая некоторые слова: «*Да, да!* Она всегда является *так* некстати, Фрэнк, и *так* мешает!» И не успели отзвучать эти слова, как служанка доложила, что предмет их беседы дожидается внизу и желает получить разъяснение по вопросу, имеющему касательство к религии. Поскольку сведения, требующиеся миссис Спродкин, редко носили срочный характер (например, Кто породил Кого, или чем примечательны амориты *), миссис Милви прибегла к уже испытанному способу, то есть откупилась от нее фунтиком чаю, сахаром, булкой и маслом. Дары миссис Спродкин приняла, но не удалилась и, дождавшись его преподобия Фрэнка, почтительно присела перед ним. А он, обратившись к ней с приветствием: «Ах, вы здесь, Салли?» — навлек на себя таким неосмотрительным поступком длинную речь, вертевшуюся все вокруг того, что она, миссис Спродкин, расценивает чай и сахар наравне с миррой и ладаном, а хлеб и масло уподобляет акридам и дикому меду. Выслушав эти поучительные сведения, мистер и миссис Милви оставили старуху разглагольствовать в передней и со всех ног ринулись на вокзал. Все это рассказано здесь для того, чтобы воздать должное по-христиански великодушной супружеской паре — одной из многих столь же великодушных и добросовестных супружеских пар, которые приравнивают малые деяния к большим и не боятся уронить свое достоинство, когда им приходится угождать заведомым обманщикам.

— Задержала в последнюю минуту одна женщина, но у нее было на это право.— Так пояснил свое опоздание его преподобие Фрэнк, нимало не заботясь о самом себе. Однако миссис Милви, всегда заботившаяся о муже, как и подобало преданной жене, тут же добавила:

— Да, нас задержали в последнюю минуту. Но что касается чьих-то *прав,* так ты *слишком* уж щепетилен, Фрэнк, и позволяешь *кое-кому* злоупотреблять этим.

Вопреки своим недавним заверениям, Белла почувствовала, что отсутствие ее мужа неприятно удивит супругов Милви, и не могла не смутиться, когда миссис Милви спросила:

— А *как* поживает мистер Роксмит? Он поехал вперед или последует *за* нами?

Тут Белле пришлось опять уложить Джона в постель и опять заставить его дожидаться лекаря с ланцетом. Но во второй раз это получилось у нее хуже, чем в первый, так как человеку, не привыкшему лгать, кажется, что даже самая невинная ложь теряет свой невинный характер, когда ее повторяешь дважды.

— Ах, боже мой! — воскликнула миссис Милви.— Вот обида! Мистер Роксмит всегда принимал такое участие в Лиззи Хэксем! *Если* бы знать заранее! Мы бы дали ему *лекарство,* чтобы он почувствовал облегчение хоть на время поездки!

Стараясь сделать невинную ложь как можно невиннее, Белла сказала, что зуб у ее мужа не болит. Миссис Милви была *так* рада слышать это!

— Я не знаю, *почему* это получается,— продолжала миссис Милви,— и ты, Фрэнк, конечно, *тоже* не знаешь, но священники и их жены будто вызывают у людей флюсы. Стоит мне обратить внимание на какого-нибудь ребенка в школе, и у него *немедленно* раздувает щеку. Бывало, познакомится Фрэнк с какой-нибудь старушкой, и она *тут* же обзаводится флюсом. Кроме того, бедные детки при нас *ужасно* сопят. Не знаю, *отчего* это, и я много бы дала, чтобы этого *не* было, но чем больше мы обращаем на них внимание, тем сильнее они сопят. Как в воскресной школе, когда им дают текст из священного писания. Фрэнк, это учитель. Я его раньше где-то видела.

Последние слова относились к хмурому молодому человеку в черном сюртуке и жилете и в панталонах цвета соли с перцем. Видимо чем-то расстроенный, он появился в зале сразу же после того, как Лайтвуд ушел на платформу, и стоял, пробегая расписания поездов и объявления, расклеенные по стенам. Он рассеянно прислушивался к разговорам людей, сидевших в зале, входивших и выходивших из него. Потом подошел ближе к нашим путешественникам как раз в ту минуту, когда миссис Милви упомянула про Лиззи Хэксем, и уже больше не отходил от них, продолжая, однако, посматривать на дверь, за которой скрылся Лайтвуд. Он стоял, сложив за спиной руки в перчатках. В его позе чувствовалось явное колебание — ска-

зать ли, что ему было слышно, как о нем говорили, или нет,— и, видя это, мистер Милви первый обратился к нему:

— Ваше имя ускользнуло у меня из памяти, но, если не ошибаюсь, я видел вас в школе.

— Меня зовут Брэдли Хэдстон, сэр,— ответил молодой человек, отступая в угол зала, где было меньше народа.

— Как это я запамятовал! — воскликнул мистер Милви и протянул ему руку.— Надеюсь, вы здоровы? Или это усталость сказывается?

— Да, я немного устал, сэр.

— Вероятно, не отдохнули как следует во время вакаций?

— Да, сэр.

— Знаете пословицу? — кончил дело, гуляй смело. Правда, она относится не столько к вам, сколько к вашим школьникам, но все же не пренебрегайте своим здоровьем, мистер Хэдстон, не то наживете себе расстройство пищеварения.

— Постараюсь не пренебрегать, сэр. Могу я попросить вас на два слова? Только выйдем отсюда.

— Пожалуйста!

Вечер уже наступил, и вокзал был ярко освещен. Учитель, продолжавший и во время этого разговора поглядывать на дверь, за которой скрылся Лайтвуд, вывел мистера Милви на улицу, остановился сразу за углом вокзала, куда не достигал свет фонаря, и сказал, пощипывая кончики пальцев, затянутых в перчатки:

— Я слышал, сэр, как одна из ваших спутниц назвала знакомое... хорошо знакомое мне имя. Имя сестры моего бывшего ученика. Он долго у меня учился, выказал недюжинные способности и быстро пошел в гору. Разговор шел о Хэксем... О Лиззи Хэксем.— Учитель, видимо, страдал застенчивостью и, борясь с волнением, говорил через силу. Пауза, отделявшая одну от другой две его последние фразы, неприятно резнула его собеседника.

— Да,— сказал мистер Милви.— Мы как раз к ней и едем.

— Так я и понял, сэр. Надеюсь, у сестры моего бывшего ученика все благополучно? Надеюсь, она не понесла

никакой утраты? Надеюсь, ее не постигло горе? Никто... никто из близких не умер?

Мистер Милви подумал: как странно ведет себя этот человек, как странно он говорит — не поднимая глаз. И он ответил с обычной прямотой:

— Нет, мистер Хэдстон, могу вас порадовать: сестра вашего бывшего ученика не понесла никакой утраты. Вы, верно, подумали, что я еду хоронить кого-нибудь?

— Да, сэр, и сам не знаю почему. Возможно, ваш сан навел меня на такие мысли. Значит, вы едете не на похороны?

Весьма странный человек, а его бегающий взгляд действует просто угнетающе!

— Нет, нет! — ответил мистер Милви.— И поскольку вы так интересуетесь сестрой своего бывшего ученика, могу сказать вам, что я еду на свадьбу.

Учитель отшатнулся от него.

— Не в качестве жениха,— с улыбкой пояснил мистер Милви.— Я женат. Я еду совершать бракосочетание.

Брэдли Хэдстон ухватился за колонну, стоявшую у него за спиной. Если бы до сих пор мистер Милви сомневался, что человек может побелеть как мел, то теперь ему пришлось убедиться в этом воочию.

— Мистер Хэдстон, вам дурно!

— Нет, ничего, сэр. Сейчас пройдет. У меня часто бывает головокружение. Не смею вас больше задерживать, сэр. Благодарю, в помощи я не нуждаюсь. Очень вам признателен, что вы уделили мне минуту.

Его преподобие Фрэнк Милви, у которого минут в запасе больше не осталось, пробормотал что-то приличествующее случаю и быстро прошел в здание вокзала, но все же успел увидеть, как учитель прислонился к колонне и, держа шляпу в левой руке, правой схватился за галстук, точно хотел сорвать его с шеи. Тогда мистер Милви подошел к одному из носильщиков на вокзале и указал издали на учителя со словами:

— Вон тот человек, видимо, болен и нуждается в помощи, хотя мои услуги он отверг.

К этому времени Лайтвуд вернулся с билетами; колокол с минуты на минуту должен был зазвонить. Они заняли свои места, поезд тронулся, и вдруг тот самый но-

сильщик выбежал из здания вокзала и кинулся вдоль платформы, заглядывая в каждый вагон.

— Вы здесь, сэр! — крикнул он, вскочив на подножку и придерживая локтем оконную раму.— У того человека припадок.

— Он сам мне говорил, что с ним это бывает. Ничего, придет в себя на воздухе.

— Припадок очень сильный,— продолжал носильщик,— он бьется, кусается. Не даст ли джентльмен свою визитную карточку, поскольку он первый обратил внимание на больного? — Карточку джентльмен дал, пояснив, что ему почти ничего не известно об этом человеке, но по роду своих занятий — это личность вполне почтенная, а жалобы на плохое самочувствие подтверждает его вид. Носильщик взял карточку, приготовился спрыгнуть, спрыгнул, и на том дело кончилось.

А дальше поезд загрохотал на уровне крыш и между развороченных домов, которые разрушили, чтобы дать ему дорогу, и над людными улицами, и под тучной землей, и, наконец, пронесся по мосту точно бомба, дымом, огнем и слепящим светом ударившая в гладкое зеркало реки. Дальше, дальше, и опять он ракетой взрывается над речной гладью. Излучины, повороты, это ему нипочем — презирая все преграды, он напрямик мчится к намеченной цели, как Время, которое не смотрит, глубоки или мелки земные воды, отражают ли они небесный свет или тьму, поят ли корни трав и цветов, меняют ли свой путь, шумят или хранят тишину, волнуются или застывают в покое. Время на это не смотрит, оно знает, что всем им предопределен один конец, каковы бы ни были их истоки и русла.

Наши путешественники сменили железнодорожный вагон на коляску и поехали берегом величавой реки, незаметно движущейся вперед в ночной темноте, подобно тому, как движется вперед и ночью и днем все живое, покоряясь непреодолимому магниту Вечности. И чем ближе подъезжали они к дому, где лежал Юджин, тем сильнее сжималось у них сердце от страха при мысли, что, может быть, его странствования кончились. Но вот вдали блеснул неяркий огонь, и страх сменила надежда, хотя Лайтвуд колебался, думая: «Если даже все кончено, она не отойдет от него».



Но он лежал тихо, не то в забытьи, не то во сне. Белла вошла в комнату, предостерегающе подняв палец, и молча поцеловала Лиззи. Остальные, тоже молча, сели у его кровати и стали ждать. И тут, ночью, мешаясь с шумом реки и грохотом поезда, все еще стоявшим у нее в ушах, прежние сомнения снова вернулись к Белле. Что за тайна у Джона? Почему он никогда не встречался с мистером Лайтвудом и до сих пор избегает его? Когда оно придет, то испытание, через которое долг и вера в любимого мужа должны провести ее? Ведь таково его условие. Ей надо пройти через искус и принести торжество человеку, дорогому ее сердцу. И сердце Беллы не смеет ни на минуту забывать об этом условии.

Глубокой ночью Юджин открыл глаза. Он был в полном сознании и сразу же спросил:

— Который час? Мортимер вернулся?

Лайтвуд ответил ему сам:

— Да, Юджин, и все готово.

— Друг мой! — с улыбкой прошептал Юджин.— Прими нашу благодарность. Лиззи, скажи им, какие они желанные гости здесь. Я бы и сам сказал, да мне трудно.

— А вы молчите,— сказал мистер Милви.— Мы и так все понимаем. Вам лучше, мистер Рэйберн?

— Спокойнее на душе,— ответил Юджин.

— Спокойнее и самочувствие лучше?

Юджин перевел взгляд на Лиззи и, щадя ее, промолчал.

Они стали вокруг кровати, и мистер Милви, открыв молитвенник, приступил к свершению обряда, который редко бывает связан в нашем представлении со смертной тенью, ибо он неотделим от расцвета жизни, веселья, радости, надежд и здоровья. Белла думала: «Как это непохоже на мою счастливую скромную свадьбу», и плакала.

Миссис Милви жалела молодых и тоже плакала. Кукольная швея плакала в своем золотом шатре, закрыв лицо руками. Мистер Милви склонился над Юджином, который не сводил с него глаз, и читал слова молитв тихо, но внятно, совершая обряд с подобающей случаю простотой. Так как жених не мог поднять руку, священник только дотронулся кольцом до его пальца и надел это кольцо на палец невесты. Когда же обет был произнесен, она коснулась ладонью его неподвижной руки и больше не отнимала

ее. Обряд закончился, все вышли из комнаты, и тогда она обняла его за шею и положила голову на подушку рядом с его головой.

— Подними штору, любимая,— сказал Юджин немного погодя.— Пусть день нашей свадьбы глянет на нас.

Первые солнечные лучи хлынули в комнату, и Лиззи, вернувшись к нему от окна, прижалась губами к его губам.

— Да будет благословен этот день! — сказал Юджин.

— Да будет благословен этот день! — сказала Лиззи.

— Как тебе не повезло с мужем, дорогая,— заговорил Юджин после короткого молчания.— Шалопай, да к тому же изувеченный... пальцем шевельнуть не может. И почти ничего не оставит тебе, когда ты будешь молодой вдовой.

— Я отдала бы весь мир за одну только надежду на такого мужа,— ответила она.

— Ты погубила себя,— продолжал Юджин, качая головой.— Но погубила, следуя влечению своего золотого сердца. И меня может оправдать только то, любимая, что сначала погибло твое сердце, а потом уж ты сама.

— Нет, оно не погибло, я отдала его тебе.

— Это одно и то же, бедная моя Лиззи!

— Далеко не одно и то же. Тише, тише, успокойся!

По щекам Юджина покатились слезы, и она взмолилась:

— Закрой глаза!

— Нет,— сказал Юджин, снова покачав головой.— Я буду смотреть на тебя, Лиззи, пока могу. Моя беззаветно смелая жена! Моя героиня!

Услышав эти слова, она сама заплакала. А когда он, собравшись с силами, приподнял забинтованную голову и прижался к ее груди, слезы полились из глаз у них обоих.

— Лиззи,— сказал Юджин после долгого молчания.— Как только ты почувствуешь, что я покидаю это незаслуженное мною прибежище, окликни меня, и я вернусь.

— Хорошо, Юджин.

— Вот, вот! — с улыбкой воскликнул он.— Если бы не это, я давно бы ушел.

Немного спустя, когда беспамятство, казалось, совсем овладело им, она проговорила спокойным, полным любви голосом: «Юджин, муж мой!» И он сейчас же отозвался:

«Вот опять! Видишь? Тебе ничего не стоит вернуть меня обратно!» А потом он уже не мог говорить, но ответом ей служило легкое движение его головы, лежавшей на груди у нее. Солнце высоко поднялось в небе, когда она осторожно встала с постели, чтобы дать ему лекарство и покормить его. Полная неподвижность этого тела, словно выброшенного волнами на берег, испугала ее, но у самого Юджина, видимо, мелькнула какая-то надежда.

— Ах, Лиззи! — чуть слышно проговорил он.— Если я поправлюсь, как мне отплатить тебе за все, что ты для меня сделала!

— Не стыдись своей жены,— ответила она,— и этим отплатишь ей сторицей.

— Отплатить за все, Лиззи... На это уйдет целая жизнь, и ее будет мало...

— Так живи, Юджин! Живи ради меня! Живи, и ты увидишь, как я буду стараться, чтобы тебе не пришлось краснеть за свою жену.

— А по-моему, дорогая,— сказал он, пытаясь — и небезуспешно — вернуться к своему обычному шутливому тону,— по-моему, самое лучшее, что я могу сделать, это умереть.

— И оставить меня с разбитым сердцем?

— Что ты, что ты, дорогая! Разве это можно! Нет, я думал вот о чем: только из жалости ко мне — несчастному калеке, ты дорожишь мной, ты превозносишь, любишь меня.

— Да, люблю, видит бог, люблю!

— И видит бог, я ценю твою любовь! Но если мне суждено выжить, ты увидишь, какой я на самом-то деле.

— Я увижу, что на самом деле у моего мужа непочатый край сил и воли и он обратит все это себе на благо.

— Ну что ж, Лиззи, надеюсь, так оно и будет,— грустно, но все же с усмешкой проговорил Юджин.— Надеюсь... Но я недостаточно тщеславен, чтобы уверовать в это до конца. Да и откуда взяться тщеславию у человека, который загубил, растратил даром свою молодость! Смиренно надеюсь, но верить не смею. Совесть мне подсказывает, что, если я выживу, нас с тобой ждет глубокое разочарование, а следовательно, мне лучше умереть, моя дорогая.

ГЛАВА XII

Уходящая тень

Приливы и отливы много раз сменили друг друга, земля много раз обошла вокруг солнца, корабль, плывущий по океану, благополучно закончил свой путь и доставил дочку-Беллу домой. И кому это принесло большую радость и большее счастье, как не миссис Джон Роксмит, если не считать, разумеется, мистера Джона Роксмита!

— Ну, дорогая, скажи, теперь тебе хочется быть богатой?

— Как ты можешь задавать такие вопросы, Джон? Вот оно, мое богатство!

Это были чуть ли не первые слова, произнесенные около мирно спящей дочки-Беллы. Как вскоре выяснилось, дочка-Белла была на редкость смышленая девочка, но она почему-то питала острую неприязнь к бабушке, вследствие чего у нее начинались колики в желудке всякий раз, как эта величественная особа оказывала ей честь своим вниманием.

Что могло быть милее зрелища, когда Белла любовалась своей дочкой и, будто глядясь в зеркало,— но глядясь без всякого кокетства, видела на этом детском личике крошечные отражения собственных ямочек! Ее херувим-папаша однажды сказал Джону (сказал совершенно справедливо), что дочка сделала Беллу еще моложе, и он вспоминает дни, когда Белла носилась со своей любимой куклой и вечно тараторила с ней. Не было и не будет на свете другой такой дочки, которой говорили и напевали бы столько всякой милой чепухи, сколько говорила и напевала своей девочке Белла, и которую переодевали бы столько раз в сутки, сколько переодевала свою девочку Белла, и которую прятали бы за дверью и потом выскакивали с ней навстречу отцу, когда он возвращался домой. Короче говоря, не было и не будет на свете другой такой дочки, с которой столько всего проделывали бы, сколько проделывала с этой неутомимой девочкой ее богатая на выдумку, веселая, счастливая мать.

Этой неутомимой девочке пошел третий месяц, когда Белла стала подмечать, что чело мужа то и дело омрачает

какая-то тяжелая дума. Присматриваясь к нему, она видела, как это облако сгущается, темнеет, и вскоре сама начала волноваться. Не раз ей приходилось будить его ночью, когда он бормотал во сне, и хотя бормотал он ее имя, она понимала, что ему не дает покоя бремя каких-то забот. И наконец Белла потребовала, чтобы он поделил с ней это бремя и половину его переложил на ее плечи.

— Джон! — весело сказала она, возвращаясь к их давнему разговору.— Ты же знаешь, как я надеюсь, что в серьезных делах на меня можно будет положиться. А ведь ты тревожишься, наверно, не по пустякам. С твоей стороны очень деликатно, что ты пытаешься скрыть от меня свои неприятности, но тебе это не удается, милый.

— Да, мое сокровище, неприятности у меня есть, этого я не стану отрицать.

— Так будьте любезны признаться во всем, сэр!

Но нет! Он не признался. «Ну и пусть! — подумала Белла.— Джон требует, чтобы я свято верила ему, и он не разочаруется во мне».

Как-то раз она поехала в Лондон, уговорившись встретиться с мужем и пойти с ним за покупками. Джон дожидался ее на условленном месте. Он был в отличном расположении духа, но почему-то опять завел разговор о богатстве и, шагая по улицам рядом с ней, вдруг сказал: «Вообрази, что вон та великолепная карета принадлежит нам, и сейчас мы сядем в нее и поедем в свой великолепный особняк». Как Белла обставила бы этот особняк? Чего ей больше всего хочется? Белла сама не знает, у нее и так все есть. Но, уступив наконец его настояниям, она призналась, что ей хотелось бы детскую для неутомимой дочки — такую детскую, какой еще никто не видывал. «Нарядную, веселую, словно радуга»,— ведь их дочка уже замечает краски. А лестница пусть будет уставлена самыми роскошными цветами, так как ей доподлинно известно, что их дочка замечает цветы. И еще нужен садок с красивыми птицами, так как их дочка, вне всякого сомнения, замечает птиц. Что еще? Пожалуй, все, Джон. Поскольку вкусы неутомимой дочки были удовлетворены полностью, ничего другого Белла придумать не могла.

Так они болтали, идя по городу, и под конец Джон спросил: «А разве ты не мечтаешь о драгоценностях?»



И Белла ответила со смехом, что, если уж на то пошло, пусть у нее на туалетном столике стоит шкатулка слоновой кости, полная драгоценностей... и вдруг все эти мечты потускнели и исчезли...

Они завернули за угол и столкнулись с мистером Лайтвудом.

Он остановился как вкопанный при виде Беллиного мужа, а тот сразу изменился в лице.

— Мы уже знакомы с мистером Лайтвудом,— сказал Джон.

— Как знакомы? — удивилась Белла.— Мистер Лайтвуд говорил мне, что он тебя и в глаза не видел.

— Тогда я не подозревал, что мы уже встречались,— ответил Лайтвуд, волнуясь за нее.— Я думал, что только понаслышке знаю... мистера Роксмита.— Два последних слова были подчеркнуты.

— Когда мы впервые встретились с мистером Лайтвудом, дорогая,— сказал ее муж, не только не избегая взгляда Лайтвуда, но смотря на него в упор,— меня звали Джулиус Хэнфорд.

Джулиус Хэнфорд! То самое имя, которое так часто попадалось Белле в старых газетах, когда она жила у мистера и миссис Боффин! Тот самый Джулиус Хэнфорд, которого разыскивали и за сведения о котором предлагали вознаграждение!

— Я не стал бы вспоминать об этом в вашем присутствии,— со всей возможной деликатностью сказал Лайтвуд Белле.— Но поскольку ваш муж не скрывает своего имени, мне остается только подтвердить это странное признание. Я познакомился с ним как с мистером Джулиусом Хэнфордом и впоследствии (что ему, несомненно, известно) всячески старался разыскать его.

— Совершенно верно,— с полной невозмутимостью сказал Роксмит.— Но я не дал о себе знать, потому что это не соответствовало моим планам и моим интересам.

Белла растерянно смотрела то на мужа, то на Лайтвуда.

— Мистер Лайтвуд,— продолжал Джон,— случай в конце концов свел нас лицом к лицу, но это не удивительно, ибо удивляться надо другому: почему, несмотря на все мои старания избежать встречи с вами, она не состоялась раньше. А теперь мне остается только сказать,

что вы были у меня дома и что я не переменил своего местожительства.

— Сэр! — Лайтвуд бросил многозначительный взгляд на Беллу.— Поймите мое затруднительное положение! Надеюсь, вам нельзя приписать соучастие в некоторых весьма темных делах, но вы должны знать, что ваше совершенно необъяснимое поведение набросило на вас тень.

— Знаю,— последовал краткий ответ.

— Мое профессиональное чувство долга,— неуверенно продолжал Лайтвуд и снова посмотрел на Беллу,— расходится с чувством иного порядка, но вряд ли я поступлю правильно, мистер Хэнфорд или мистер Роксмит, если расстанусь здесь с вами, не получив от вас нужных мне объяснений.

Белла схватила мужа за руку.

— Не тревожься, дорогая. Мистер Лайтвуд поступит правильно, если расстанется со мной здесь,— сказал Роксмит.— Во всяком случае, я с ним расстанусь.

— По-моему, сэр,— сказал Лайтвуд,— вам трудно будет отрицать, что, когда я имел случай побывать у вас в доме, вы постарались избежать встречи со мной.

— Мне и в голову не придет отрицать это, мистер Лайтвуд. Больше того, я продолжал бы избегать вас еще некоторое время, если бы не наша нынешняя встреча. Сейчас я иду прямо домой и пробуду дома сегодня и завтра до полудня. Надеюсь, что в дальнейшем мы с вами познакомимся поближе. Всего хорошего.

Лайтвуд колебался, не зная, как ему поступить, а муж Беллы твердым шагом отошел от него под руку с Беллой. И никто их больше не остановил, никто не задержал до самого дома.

После обеда, когда они остались одни, Джон Роксмит сказал жене, все такой же веселой и оживленной:

— А тебе не хочется спросить, дорогая, почему я назвался другим именем?

— Нет, Джон. Конечно, мне очень интересно узнать это (огонек в глазах подтверждал ее слова), но я лучше подожду, когда ты сам скажешь. Ты меня спрашивал, могу ли я верить тебе во всем, и я чистосердечно ответила «да».

От глаз Беллы не ускользнуло, что лицо Джона на миг торжествующе вспыхнуло. Если б она нуждалась, чтобы

ее укрепили в принятом решении, то одного взгляда на него ей было бы достаточно.

— Для тебя оказалось полной неожиданностью, что таинственный мистер Хэнфорд и твой муж один и тот же человек? Ты была не готова к этому, дорогая?

— Конечно нет, Джон! Но ты просил меня быть готовой к испытанию, и я готова ко всему.

Джон привлек ее к себе, уверяя, что ждать уже недолго и что правда скоро восторжествует.

— А пока, дорогая,— продолжал он,— запомни хорошенько следующее: мне ничто не грозит и никто, ни один человек, не может навлечь на меня беду.

— Ты в этом уверен, Джон? Совсем, совсем уверен?

— Ни один волосок не падет с моей головы. Больше того, я не сделал ничего дурного, никому не причинил зла. Хочешь, я поклянусь?

— Нет, Джон! — горделиво воскликнула Белла, касаясь ладонью его губ.— Мне не надо твоих клятв!

— Но обстоятельства,— продолжал он,— обстоятельства, которые я могу распутать и распутаю в один миг,— сложились так, что надо мной тяготеет подозрение, нелепее которого не придумаешь. Ты помнишь, Лайтвуд говорил о темных делах?

— Да, Джон.

— Ты готова выслушать, на что он намекал?

— Да, Джон.

— Сокровище мое, он намекал на убийство Джона Гармона, предназначенного тебе в мужья.

Чувствуя, как у нее заколотилось сердце, Белла схватила Джона за руку.

— Тебя не могут подозревать в этом!

— Могут, моя любимая... и подозревают.

Наступило молчание. Белла, вся бледная, без кровинки в губах, не сводила глаз с его лица.

— Как они смеют! — в порыве справедливого гнева воскликнула она наконец.— Джон, как они смеют!

Она бросилась к нему, и он прижал ее к сердцу.

— И даже зная это, ты веришь мне, Белла?

— Верю, Джон, верю! Если б не моя вера в тебя, я упала бы мертвой у твоих ног!

Глаза у него торжествующе вспыхнули, и он воскликнул: «Чем я заслужил преданность этого доброго, чистого сердца!» Но Белла опять коснулась ладонью его губ: «Молчи!», и сказала с трогательной до слез горячностью, что, если бы весь мир ополчился против ее Джона, она стала бы на его защиту; если бы весь мир отрекся от него, она верила бы ему; если бы он пал в глазах всех людей, ее глаза смотрели бы на него с гордостью; и пусть над ним тяготеет самое страшное подозрение, она отдаст ему всю свою жизнь и в такой же вере в отца воспитает их ребенка.

Они сидели, тихо радуясь спокойным сумеркам, пришедшим на смену блистающему полдню их счастья, и вдруг оба вздрогнули, услышав в комнате чей-то незнакомый голос. Он сказал в темноте: «Пусть леди не пугается, я зажгу свет». И тут же вслед за этим послышалось чирканье спички, и ее огонек осветил чью-то руку. Рука, и спичка, и голос принадлежали, как не замедлил убедиться Джон Роксмит, господину инспектору, когда-то проявившему на страницах этой хроники такую вдумчивость и распорядительность.

— Осмелюсь напомнить о своей персоне мистеру Джулиусу Хэнфорду, который порядочное время тому назад сообщил мне у нас в участке свое имя и свой адрес,— деловито начал господин инспектор.— Леди не будет возражать, если я зажгу свечи на камине, чтобы, так сказать, придать ясность этому вопросу? Нет? Благодарствуйте, сударыня. Ну вот, теперь стало повеселее.

Господин инспектор — с виду этакий бравый отставной вояка в синем, наглухо застегнутом сюртуке и синих же панталонах, поднес платок к носу и отвесил леди поклон.

— Мистер Хэнфорд,— продолжал он,— вы были настолько любезны, что написали мне свое имя и адрес на клочке бумаги, и я предъявляю вам ее. Сравнив ваш почерк с надписью на книжке, которая лежит на столе — кстати сказать, весьма изящная книжица,— я убеждаюсь, что надпись эта: «Миссис Джон Роксмит от мужа в день ее рождения»,— кстати сказать, такие памятки много говорят нашим чувствам,— сделана той же рукой. Разрешите вас на два слова.

— Разумеется. Но только, пожалуйста, здесь,— последовал ответ.

— Гм! — Господин инспектор снова прибег к помощи носового платка.— Правда, у леди нет никаких причин для беспокойства, однако женщины склонны беспокоиться, когда речь заходит о делах, поскольку слабый пол никаких других дел, кроме своих домашних, не знает. И поэтому я обычно ставлю себе за правило покидать их общество, прежде чем начинать деловую беседу. А может быть,— осторожно намекнул он,— леди сама поднимется наверх, поглядеть на свою дочку?

— Миссис Роксмит...— начал было ее муж, но господин инспектор решил, что их знакомят, и сказал с галантным поклоном: — Очень рад, почту за честь.

— Миссис Роксмит,— повторил ее муж,— достаточно вашего заверения, что у нее не должно быть никаких причин для беспокойства.

— Неужели? — удивился господин инспектор.— Положим, женщины такой народ, их не разберешь, хоть век живи, век учись. Если уж они на что-нибудь решатся, так для них ничего невозможного нет. У меня у самого жена такая. Ну-с, сударыня, ваш муженек всем задал хлопот, а их можно было бы избежать, если бы он вовремя пожаловал к нам и представил свои объяснения. Однако он не захотел к нам пожаловать с объяснениями. Теперь мы с ним встретились, но у вас, как вы правильно изволили заметить, не должно быть никаких причин для беспокойства, если я все же предложу ему пожаловать к нам... точнее, пожаловать к нам сейчас и со мной, и все объяснить.

Господин инспектор произнес последние слова: «пожаловать к нам сейчас и со мной», раскатистым голосом, а в глазах его блеснул огонек должностного рвения.

— Вы намерены взять меня под стражу? — хладнокровно спросил Джон Роксмит.

— Стоит ли препираться? — благодушно возразил ему господин инспектор.— Разве того, что я предлагаю вам пожаловать со мной, недостаточно?

— А зачем?

— Господи, помилуй меня грешного! — воскликнул господин инспектор.— Дивлюсь я на вас! Человек вы образованный, а вздумали препираться!

— В чем вы меня обвиняете?

— И это спрашивают при даме? — сказал господин инспектор, укоризненно покачивая головой.— Ну, можно ли было ждать такой неделикатности от человека вашего воспитания! Хорошо! Вас обвиняют в причастности — в той или иной форме — к убийству Гармона. До убийства, во время убийства или после убийства — этого я уточнять не буду. Известно ли вам о нем что-либо, чего другие не знают,— этого я тоже сейчас уточнять не буду.

— Своим приходом вы не застали меня врасплох. Я поджидал вас сегодня днем.

— Тсс! — сказал господин инспектор.— Стоит ли нам препираться? Я обязан напомнить вам, что каждое ваше слово послужит уликой против вас.

— Сомневаюсь.

— Напрасно! — сказал господин инспектор.— А теперь, после моего напоминания, вы все еще намерены утверждать, что ждали меня сегодня днем?

— Да. И если вы пройдете со мной в соседнюю комнату, я добавлю еще кое-что.

Поцеловав перепуганную Беллу, ее муж (которого господин инспектор предупредительно поддерживал под руку) взял свечу и удалился вместе с этим джентльменом. Беседа их продолжалась не менее получаса. Когда они вернулись, физиономия у инспектора была изумленная.

— Я пригласил господина инспектора совершить со мной небольшую прогулку,— сказал Джон,— и тебе тоже надо принять в ней участие, моя дорогая. А пока ты будешь надевать шляпку, распорядись, чтобы ему дали чего-нибудь выпить и закусить. Я думаю, он не откажется.

От закуски господин инспектор отказался, но грог соизволил принять. Подлив в стакан холодной воды и прихлебывая в раздумье, он рассуждал сам с собой в промежутках между глотками о том, что ему в жизни не приходилось слышать о таком хитром ходе, что его в жизни не загоняли в такой тупик! Да разве можно так подрывать у человека веру в себя! Вперемежку с этими рассуждениями господин инспектор то и дело оглашал комнату хохотом, в котором слышались и удовольствие и досада задетого за живое человека, когда он долго ломал голову над замысловатым ребусом и, так и не решив его, узнал

отгадку от других. Белла, робевшая перед ним, посматривала на него с опаской, но все же заметила, что он изменил свое обращение с Джоном. Прежней безапелляционности («пожалуйте со мной, сэр!») как не бывало; теперь господин инспектор устремлял долгие, внимательные взгляды то на Джона, то на нее и вдруг начинал медленно потирать лоб ладонью, точно утюгом, стараясь разгладить морщины, оставшиеся там после глубоких раздумий. Покашливающие и посвистывающие приспешники, незаметно расставленные им вокруг дома, теперь были отпущены, и господин инспектор смотрел на Джона так, будто собирался оказать ему какую-то великую услугу, да вот горе — не успел! Как знать, возможно Белла приметила бы и кое-что другое, если б не ее страх перед ним, но то, что она видела, казалось ей совершенно необъяснимым и не давало ни малейшего намека на суть дела. Господин инспектор поглядывал на нее все чаще и чаще, многозначительно поднимал брови, лишь только их взгляды встречались, будто говоря: «Неужели не понимаете?», и тем самым усиливал ее робость и растерянность. Вследствие всего этого, когда они темным зимним вечером отправились втроем в Лондон, миновали Лондонский мост и поехали вдоль низкого берега, мимо верфей, доков и других незнакомых мест, Белла, как во сне, совершенно не могла понять, почему они очутились здесь, совершенно не могла предвидеть, что будет через несколько минут, не догадывалась, куда и зачем они едут, и сознавала только, что верит Джону и что на лице у Джона все сильнее и сильнее разгорается торжество. Но как дорого стоила такая уверенность!

Наконец их экипаж остановился в переулке, возле невысокого здания с ярким фонарем у калитки. Своей опрятностью оно выгодно выделялось среди соседних домов, и объяснением этому служила дощечка с надписью «Полицейский участок».

— Неужели мы войдем туда, Джон? — спросила Белла, прижимаясь к мужу.

— Да, дорогая, но войдем по своей воле. И так же свободно выйдем оттуда. Не бойся!

Выбеленная известью комната, как и прежде, сверкала чистотой; очередная запись, как и прежде, аккуратно вно-

силась в книгу, и, как и прежде, в глубине здания кто-то завывал и лупил кулаками в дверь карцера. Обитатели в этом святилище были только временные, и оно служило чем-то вроде склада для преступлений. Низкие страсти и пороки регулярно заносились здесь в гроссбух, помещались на хранение в камеры и вывозились по накладным, не оставляя после себя сколько-нибудь заметного следа.

Господин инспектор поставил для своих гостей два стула перед камином и вполголоса посовещался о чем-то с собратом по ремеслу (тоже отставным воякой с виду), которого можно было принять за учителя чистописания, выводившего прописи в тетрадке. Когда совещание закончилось, господин инспектор вернулся к камину и, сказав, что ему надо заглянуть к «Грузчикам» и посмотреть, как там обстоят дела, удалился. Вернувшись вскоре, он сообщил: «Все идет прекрасно. Мисс Аби ужинает с ними в зале»,— после чего они, все втроем, покинули полицейский участок.

Все еще будто сквозь сон, Белла увидела себя в маленьком, по-старинному уютном трактире, потом ее с Джоном сунули, точно контрабандный товар, в треугольную комнатушку почти напротив зала, называвшуюся, судя по надписи на двери, «Уют». Господин инспектор управился с контрабандой таким образом: первым вошел в узенький коридор, круто повернулся и, расставив руки, загнал обоих своих спутников в эту комнатушку, точно овец. «Уют» был освещен.

— А теперь,— сказал господин инспектор, прикручивая газовую горелку,— я подсяду к ним, будто ни в чем не бывало, а вы, сэр, как услышите слово «опознание», так и покажитесь.

Джон кивнул, и господин инспектор один подошел к низенькой дверке в бар. Стоя в полутьме, на пороге «Уюта», Белла и ее муж видели мирную компанию из трех человек, сидевшую за столиком в баре, и слышали все, что там говорилось.

Компания эта состояла из двоих мужчин и хозяйки, мисс Аби, и, обращаясь к ним троим, господин инспектор сообщил, что холода в этом году завернули рано и ветер на улице пронизывает насквозь.

— Все равно как ваш взгляд, сэр,— сказала мисс Аби.— Ну, с чем вы к нам сегодня пожаловали?

— Да ни с чем особенно, мисс Аби,— ответил господин инспектор.— Впрочем, за комплимент благодарю.

— Кого вы привели в «Уют»?

— Одного джентльмена с супругой, мисс Аби.

— А кто они такие?.. Если дозволено спросить об этом, не в ущерб вашей таинственной деятельности на пользу всех честных людей? — Мисс Аби была очень высокого мнения о способностях господина инспектора.

— Они нездешние, мисс Аби. Ждут, когда мне понадобится, чтобы этот джентльмен на минутку показался в одном месте.

— А пока они там ждут,— сказала мисс Аби,— вы присоединяйтесь к нам.

Господин инспектор тут же проскользнул в бар и уселся у низенькой дверки, спиной к коридору, а лицом к двоим сотрапезникам мисс Аби.

— Вы из-за меня не теснитесь,— сказал он,— потому что мне еще время не подошло ужинать. Но от стаканчика флипа я не откажусь, если это он подогревается у вас вон в том кувшине.

— Он самый,— подтвердила мисс Аби.— Моего собственного приготовления. А если где-нибудь его делают по лучшему рецепту, будьте любезны сообщить мне адрес.— Щедрой рукой налив господину инспектору полный стакан дымящегося напитка, мисс Аби снова поставила кувшин к огню, так как ее гости еще не достигли той стадии ужина, когда требуется флип, и пока пробавлялись крепким элем.

— А-а! — крякнул господин инспектор.— Вот это я понимаю! Хоть сыщиков посылай на розыски, все равно лучшего напитка, чем ваш, нигде не найдется, мисс Аби!

— Рада это слышать,— сказала она.— Вы своих сыщиков знаете, как никто другой.

— Мистер Джоб Поттерсон,— продолжал господин инспектор.— Пью за ваше здоровье. И за ваше, мистер Киббл. Надеюсь, джентльмены, вы не можете пожаловаться на обратное плавание?

Мистер Киббл, толстяк, видимо не любивший отвлекаться от еды для разговоров, поднес к губам стакан с элем

и буркнул: «За ваше». Мистер Джоб Поттерсон, весьма обходительного вида мужчина в полуматросской одежде, сказал: «Благодарю вас, сэр».

— Господи, помилуй мою душу и тело! — воскликнул господин инспектор.— Вот вы толкуете, мисс Аби, будто ремесло, какое бы оно ни было, не кладет своей печати на человека. (Об этом никто и не думал толковать.) Так разве в вашем брате не узнаешь стюарда? Во взгляде у него светится этакая приветливость и готовность услужить, движения ловкие, сам подтянутый. На такого можно положиться — сразу подаст тазик в нужную минуту! Словом, стюард с головы до ног! А мистер Киббл? На мистера Киббла посмотришь и скажешь: это пассажир, и по торговой части. Так и хочется открыть ему кредит на пятьсот фунтов, а помимо того, разве вы не видите, как на нем поблескивает морская соль!

— Ну, это только вам видно,— возразила мисс Аби.— А что касается ремесла моего брата, то пора ему с ним распроститься и взять в свои руки заведение, когда сестра уйдет на покой. Если он этого не сделает, заведение развалится, а другим я его ни за какие деньги не продам. Тут нужен твердый человек, чтобы его слово было для «Грузчиков» законом,— как мое.

— Правильно, мисс Аби,— сказал господин инспектор.— Такого порядка, как в вашем заведении, мы, полисмены, нигде не знаем. Да что я говорю! У нас в полиции и мало-мальски похожего на ваше заведение не знают. Укажите нашим полисменам на «Шестерых Веселых Грузчиков», и они все до единого скажут: совершенство, мистер Киббл!

Джентльмен с достоинством кивнул головой, как бы ставя свою подпись под этим заявлением.

— Опять же вы толкуете, что время быстро бежит и не удержать его, как собаку с намыленным хвостом,— продолжал господин инспектор. (И об этом предмете тоже никто не толковал.) Правильно! Совершенно правильно! И быстро же оно промчалось с тех пор, как здесь присутствующий мистер Джоб Поттерсон, и здесь присутствующий мистер Джейкоб Киббл, и здесь присутствующий полицейский чин встретились впервые, когда производилось опознание утопленника!

Тихо ступая, муж Беллы подошел к дверке в бар и остановился около нее.

— Бежит время, бежит! — медленно говорил господин инспектор, не сводя глаз с гостей мисс Аби.— Давно ли мы трое присутствовали на дознании вот в этом самом доме... Мистер Киббл! Вам дурно, сэр?

Мистер Киббл с отвисшей челюстью, шатаясь, поднялся из-за стола и, схватив Поттерсона за плечо, показал на дверку. «Смотрите! — крикнул он.— Вон... вон там!» Поттерсон вскочил со стула, подался назад и тоже крикнул: «Господи, спаси и помилуй! Что это?» Муж Беллы отступил в полутемную комнату, обнял Беллу (потому что ее привело в ужас необъяснимое поведение этих двоих) и притворил за собой дверь. В баре сразу заговорили в несколько голосов, и голос господина инспектора деятельнее прочих участвовал в этом хоре. Но вот мало-помалу там все стихло, и господин инспектор снова появился в «Уюте».

— Готово, сэр! — сказал он, многозначительно подмигивая.— Сейчас мы уведем отсюда вашу супругу.

И через минуту Белла с мужем увидели звездное небо и пошли вдвоем к экипажу, который ждал их.

Все это было в высшей степени странно, и Белла ничего не могла тут понять, кроме того, что ее Джон оказался прав. Но почему Джон оказался прав и в чем его подозревали, этого она не знала. Может статься, он вовсе и не носил фамилию Хэнфорд? Может статься, между ним и этой таинственной личностью было только поразительное сходство и больше ничего? — вот единственное, более или менее правдоподобное объяснение, которое она могла извлечь из своих смутных мыслей. Но Джон торжествовал, явно торжествовал, и следовательно, можно было спокойно ждать, что последует дальше.

На другой день, вернувшись домой к обеду, Джон сел на кушетку рядом с Беллой и дочкой-Беллой и сказал:

— Знаешь, радость моя, у меня есть кое-какие новости. Я решил уйти из торгового дома.

Так как это решение, видимо, радовало его, Белла сочла, что ничего дурного не случилось.

— Короче говоря, любимая,— продолжал Джон,— торговый дом закрылся и прекратил свое существование. Его больше нет.

— Значит, ты поступил куда-то еще, Джон?

— Да, милая. Теперь я занялся другим делом. И положение у меня будет гораздо лучше.

Неутомимую дочку сейчас же заставили поздравить его и взмахнуть при этом слабенькой ручкой с пухленьким кулачком:

— Ур-ра! Леди и *джентльментли!* Ура-ура-ура!

— Вот только одно плохо, сокровище мое,— сказал Джон.— Ты, кажется, полюбила наш коттедж?

— Конечно, полюбила! Но что в этом плохого?

— А то, что нам придется уехать отсюда.

— Джон!

— Придется, дорогая. Теперь мы будем жить в Лондоне. Словом, по моему новому положению мне полагается бесплатное жилье. Вот туда и надо перебираться.

— Это большая выгода для нас, Джон!

— Да, несомненно. Выгода большая, прелесть моя.

Он метнул на нее взгляд — взгляд веселый и лукавый, что вынудило неутомимую дочку опять пустить в ход свои пухленькие кулачки и грозно потребовать от отца объяснений.

— Дорогая моя, ты сама сказала: «Это большая выгода для нас», и я подтвердил: «Выгода большая». Вполне невинное высказывание.

— Я не позволю... вам... сэр, насмехаться... над моей... почтенной... матушкой,— заявила неутомимая дочка, в паузы между словами мягко тыча ему в лицо то одним, то другим пухленьким кулачком.

Когда Джон, нагнувшись, принял эту заслуженную кару, Белла спросила его, скоро ли надо переезжать. Да, да! В самое ближайшее время (сказал Джон). Обстановку они, разумеется, возьмут с собой? (спросила Белла). Да нет (сказал Джон), собственно говоря... в доме все... дом уже как-то обставлен.

Услышав это, неутомимая дочка возобновила свои атаки и сказала: «Но там нет детской, сэр! О чем вы думаете, жестокосердый родитель?» На что жестокосердый родитель ответил: «Собственно говоря... детская там есть... можно будет обойтись как-нибудь».— «Обойтись? — возмутилась Неутомимая, снова награждая отца тумаками.—

Да за кого вы меня принимаете?» — После чего ее положили на спинку и задушили поцелуями...

— Нет, в самом деле, Джон,— сказала Белла, разрумянившаяся после возни с Неутомимой.— Хорошо ли будет нашей дочке в новом доме? Вот в чем вопрос.

— Такой вопрос не трудно было предвидеть,— сказал он.— И поэтому завтра утром мы с тобой поедем посмотреть наше новое жилище. Я об этом уже условился.

Итак, решено: завтра утром они едут в город. Джона целуют. Белла в восторге.

Прибыв, как полагалось по сговору, в Лондон, они наняли кэб и поехали в западную часть города. И мало того, что в западную часть города,— в те самые места, которые Белла видела в последний раз, когда распростилась с домом мистера Боффина. И мало того, что в эти самые места,— на ту самую улицу. И мало того, что на ту самую улицу,— их экипаж наконец-то остановился... у того самого дома.

— Джон, милый! — воскликнула Белла, в волнении высунувшись из окошечка.— Ты видишь, куда мы приехали?

— Вижу, любимая. Кэбмен не ошибся.

Дверь отворилась перед ними без стука, без звонка, и Джон помог ей выйти из кэба. Слуга, появившийся им навстречу, ни о чем не спросил Джона и не пошел ни впереди них, ни сзади, когда они стали подниматься наверх. Белла не остановилась у нижней ступеньки только потому, что муж обнимал ее за талию и вел вперед. Лестница снизу доверху была со вкусом убрана роскошными цветами.

— Джон! — чуть слышно пролепетала Белла.— Что все это значит?

— Ничего, дорогая, ничего. Идем дальше.

Поднявшись на один пролет, они вошли в прелестную комнату, по которой порхали тропические птицы, еще более яркие и пестрые, чем цветы на лестнице; тут же был аквариум с золотыми и серебряными рыбками, с водяными лилиями, с зеленым мохом, фонтанчиком посредине, и прочие чудеса.

— Джон, милый! — сказала Белла.— Что все это значит?

— Ничего, дорогая, ничего. Идем дальше.

И они пошли дальше и остановились перед затворенной дверью. Джон хотел отворить ее, но Белла схватила его за руку.

— Я не понимаю, что все это значит... и я больше не могу, Джон. Милый... поддержи меня.

Джон поднял ее на руки и вбежал с нею в комнату.

Смотрите, кто это? Мистер и миссис Боффин! Боже, как они сияют! Миссис Боффин вне себя от радости хлопает в ладоши, подбегает к Белле, прижимает Беллу к груди и говорит сквозь слезы, заливающие ее милое лицо:

— Душенька моя, голубушка! Ведь мы с Нодди были на твоей свадьбе и не могли пожелать тебе счастья, не могли даже поговорить с тобой! Душенька моя! Жена нашего Джона, мать его дочки! Прелесть моя, красавица! Теперь ты у себя дома! Добро пожаловать, радость моя!

ГЛАВА XIII

показывает, как Золотой Мусорщик помогал разгребать мусор

В первые минуты, полные изумления и растерянности, Белла больше всего изумилась и растерялась при виде сияющей физиономии мистера Боффина. То, что его жена радовалась от всего сердца, от всей души, что ее лицо отражало все чувства натуры широкой и доброй и ни одного чувства мелкого, низменного, Беллу не удивляло. Но как он может стоять и смотреть на нее и Джона, излучая благодушие всей своей круглой, румяной физиономией, точно веселый, добрый волшебник! Вспомнить только, каким он был, когда она видела его в последний раз в этой комнате — в этой самой комнате, где ему пришлось выслушать от нее на прощание все, что она о нем думала! И куда девались алчность, подозрительность и недоверие, искажавшие тогда его лицо?

Миссис Боффин усадила Беллу на широкую оттоманку, сама села слева, Джон справа, а мистер Боффин стоял перед ними и смотрел на них ликующими, счастли-

выми глазами. И тут на миссис Боффин напал такой смех, что она могла только хлопать в ладоши, бить себя по коленкам и раскачиваться взад и вперед, а потом вдруг обняла Беллу и тоже стала раскачивать ее взад и вперед — и все это заняло немало времени.

— Старушка, старушка! — сказал, наконец, мистер Боффин.— Ну, начинай же, не то кому-нибудь другому придется за тебя начать.

— Сейчас, Нодди, сейчас, голубчик,— проговорила миссис Боффин.— Только с чего мне начинать, как начинать, когда я в себя не могу прийти от радости и счастья! Белла, прелесть моя! Скажи, кто это?

— Кто это? — повторила Белла.— Мой муж.

— Нет, ты его фамилию назови, милочка! — воскликнула миссис Боффин.

— Роксмит.

— Вот и нет! — Миссис Боффин захлопала в ладоши и покачала головой.— Ни чуточки не похоже!

— Тогда Хэнфорд,— сказала Белла.

— Вот и нет! — воскликнула миссис Боффин, снова захлопав в ладоши и покачав головой.— Ни чуточки не похоже!

— Но зовут-то его по крайней мере Джон? — спросила Белла.

— Ну, еще бы, голубушка! — воскликнула миссис Боффин.— Еще бы не Джон! Так я всегда его называла. Нет, ты фамилию, настоящую фамилию скажи! Ну, не можешь? Тогда отгадай, красавица моя!

— Отгадать я не могу.— Белла, бледная, переводила взгляд с одного лица на другое.

— А я могу,— крикнула миссис Боффин.— И я отгадала! Я в тот вечер сразу, в один миг все поняла. Правда, Нодди?

— Правда! Отгадала, моя старушка, отгадала! — с гордостью подтвердил мистер Боффин.

— Слушай, голубушка,— миссис Боффин завладела руками Беллы и ласково похлопывала по ним.— Случилось это после того памятного вечера, когда Джон не встретил отклика — как ему тогда показалось — на свои чувства. Случилось это после того вечера, когда Джон сделал предложение одной молодой особе и эта молодая

особа отвергла его. Случилось это после того памятного вечера, когда он почувствовал себя никому не нужным и решил уехать на поиски счастья. И вот на следующий день, тоже к вечеру, моему Нодди понадобилась какая-то бумажка из комнаты секретаря, и я ему говорю: «Мне все равно надо на ту половину, пойду спрошу у него эту бумажку». Постучалась я в дверь, а секретарь не услышал моего стука. Тогда я заглянула в комнату и вижу, сидит он один-одинешенек у камина и глубоко о чем-то задумался. Потом поднял голову мне навстречу, улыбнулся так ласково-ласково... И тут вспомнила я, как впервые увидела его в «Приюте», и будто порох у меня перед глазами вспыхнул! Уж очень, очень часто приходилось мне видеть, как он, еще совсем маленький, сидел вот так один-одинешенек, и у меня сердце разрывалось от жалости к нему! Часто, очень часто приходилось мне подбадривать его добрым словом! Так неужто мои глаза могли на этот раз ошибиться! Да никогда! Я только успела крикнуть: «Узнала, узнала! Вы наш Джон!» — и свалилась бы замертво, если бы он не подхватил меня... Так вот, моя радость,— миссис Боффин лучезарной улыбкой пресекла свой взволнованный рассказ.— Не пора ли тебе отгадать фамилию мужа?

— Неужели...— трясущимися губами прошептала Белла.— Неужели Гармон? Быть не может!

— Да что ты так дрожишь? Почему не может? Все может быть,— успокаивающе проговорила миссис Боффин.

— Его убили,— вырвалось у Беллы.

— Его считали убитым,— сказала миссис Боффин.— Но если Джон Гармон когда-нибудь жил на белом свете, это его рука обнимает тебя сейчас, красавица моя. Если у Джона Гармона была когда-нибудь жена, эта жена — ты. Если у Джона Гармона и у его жены был когда-нибудь ребенок... Вот он!

И тут втайне задуманный гениальный ход был осуществлен: неутомимая дочка появилась в дверях, поднятая в воздух какой-то скрытой от глаз силой. Миссис Боффин схватила Неутомимую и положила ее Белле на колени, после чего они с мистером Боффином. если можно так выразиться, всыпали ей изрядную порцию ласк и поцелуев.

Только это весьма своевременное появление и спасло Беллу от обморока. Это появление и проникновенный голос мужа, который стал рассказывать ей, как случилось, что его сочли убитым и даже заподозрили в убийстве самого себя, и почему он решил обмануть ее и чем дальше, тем больше мучился из-за этого, так как пора было открыться ей, а он боялся, не осудит ли она цель, ради которой все это было задумано и сделано.

— Красавица моя! — перебила его на полуслове миссис Боффин и снова захлопала в ладоши.— Не один Джон тут виноват. Мы с ним заодно были.

— Я...— Белла растерянно смотрела на них на всех по очерёди.— Я все еще не понимаю...

— Ну конечно, где тут понять, голубушка! — воскликнула миссис Боффин.— Пока все по порядку не расскажут, ничего не поймешь! Вот сейчас я тебе и расскажу. Дай мне опять свои ручки и слушай,— обнимая Беллу, говорила эта добрая душа,— а наша маленькая красавица пусть так и лежит у тебя на коленях. Все, все тебе расскажу. Раз, два, три! Поскакали лошадки, только держись! Так вот, когда я крикнула: «Узнала, узнала! Вы наш Джон!» Это мои точные слова, ведь правда, Джон?

— Это ваши точные слова,— подтвердил Джон, прикрывая ладонью ее руку.

— Хорошо придумано! — воскликнула миссис Боффин.— Не отнимайте руки, Джон. И поскольку это нас всех касается, ты, Нодди, положи свою сверху, и пока я не кончу рассказывать, мы рук не разнимем.

Мистер Боффин сел на стул и добавил к общей горке свою широкую загорелую руку.

— Вот и чудесно! — сказала миссис Боффин, нагибаясь и целуя ее.— Всей семьей сложили! Но лошадки скачут дальше. Так вот. Когда я крикнула: «Узнала, узнала! Вы наш Джон!» — Джон меня подхватил, но я тяжеленька, милые мои, что правда, то правда, и ему пришлось опустить меня на пол. Нодди услышал шум, прибежал рысцой, и я, как только собралась с силами, говорю ему: «Нодди! Помнишь мои слова тогда в «Приюте»? Правильно я сказала! Слава создателю, это наш Джон!» Тут он как подскочит на месте и бух на пол, головой прямо под письменный стол. Глядя на такое, я сразу при-

шла в себя, и он тоже пришел в себя, и тогда мы все втроем давай плакать на радостях!

— Да! Плакать на радостях, любимая! — сказал Джон.— Ты понимаешь? Эти люди, которым я нанес удар своим возвращением к жизни, которых я лишил всего, плакали слезами радости!

Белла в полном замешательстве перевела взгляд с его лица на сияющую физиономию миссис Боффин.

— Ничего, голубушка, не обращай на него внимания,— сказала старушка.— Слушай меня. Ну вот, успокоились мы мало-помалу, сели и стали держать совет. Джон признался нам, какое горе причинила ему одна прекрасная молодая особа, и сказал, что если б я его не узнала, он бы уехал искать счастья где-нибудь далеко-далеко, на краю света, и так бы и остался мертвецом, а нам предоставил бы пользоваться неправильно полученным наследством до конца дней наших. И ты бы видела, милочка моя, как Нодди тут испугался! Ведь мало того, что богатство досталось ему не по праву, оно до последнего дня его жизни могло бы за ним остаться!.. Белый стал, как мел!

— И ты тоже,— вставил мистер Боффин.

— И на него не обращай внимания, душенька! — сказала миссис Боффин.— Слушай меня. Так вот, стали мы держать совет, как нам быть с этой прекрасной молодой особой, и Нодди вдруг заявляет, что она девушка хорошая. «Немного избалованная, говорит, но это жизнь ее избаловала. Это только сверху, а если копнуть поглубже, так, говорит, я голову даю на отсечение, что сердце у этой девушки золотое».

— И ты тоже так говорила,— вставил мистер Боффин.

— Да не обращай ты на него внимания, душенька! — повторила миссис Боффин.— Слушай меня. Тогда Джон говорит: «Ах! Если бы я мог ее испытать!» Мы так и ухватились за это и говорим ему: «Испытайте!»

Белла вздрогнула и метнула быстрый взгляд в сторону мистера Боффина. Но он то ли не заметил, то ли не захотел замечать это и с задумчивой улыбкой смотрел на свою широкую темную руку.

— Говорим: «Испытайте, Джон! — повторила миссис Боффин.— Испытайте ее, восторжествуйте над своими со-

мнениями, и тогда счастье придет к вам впервые за всю вашу жизнь и больше не покинет вас». Джон стал сам не свой от наших слов. Тогда мы говорим ему: «Ну, что вам надо? Если она встанет на вашу защиту, когда вас начнут унижать, если в ней проснется великодушие, когда вас начнут преследовать, если она сохранит верность вам, когда у вас не будет ни денег, ни друзей, сохранит верность вопреки тому, что ей кажется главным в жизни,— это вас успокоит?» — «Успокоит ли? — говорит Джон.— Да я воспарю к небесам от счастья!» — «Тогда,— говорит Нодди,— готовьте крылышки, Джон, потому что, на мой взгляд, воспарения вам не миновать».

Белла поймала на себе лукавый взгляд мистера Боффина, но он снова опустил глаза на свою широкую загорелую руку.

— Нодди тебя с первого взгляда произвел в свои любимицы,— сказала миссис Боффин, покачивая головой.— Да, да! И если бы я была ревнивая, не знаю, что бы я с тобой сделала. Но так как за мной этого не водится... Да что там толковать, душенька! Ты и моя любимица! — со смехом перебила она самое себя и бросилась обнимать Беллу.— Однако лошадки уже заворачивают за угол. Ну, вот,— мой Нодди зашелся со смеху до колотья в боках и говорит: «Ну, Джон, теперь вас так будут унижать и преследовать, что только держись. Бывают на свете строгие хозяева, но такого, каким я буду, еще никто не видывал!» С того самого дня все и началось, да как началось! — захлебываясь от восторга, воскликнула миссис Боффин.— Господи помилуй! Чего он только не вытворял, мой Нодди!

Вид у Беллы был испуганный, но, несмотря на это, она не могла удержаться от смеха.

— Душенька моя,— продолжала миссис Боффин.— Если бы ты только видела его в те дни! Как он хохотал сам над собой по вечерам! И что он говорил! «Сегодня, говорит, я рычал весь день, точно медведь». Потом обхватит себя руками и жмет изо всех сил, вспоминая, каким зверем он прикидывался. И не пройдет вечера, чтобы я от него не услышала: «День ото дня все лучше и лучше, старушка! Что мы тогда про нее говорили? Чистое золото еще покажет себя. Из всех наших дел это самое благое.

А завтра, говорит, я буду еще злее, еще противнее». И, бывало, до того дохохочется, что мы с Джоном хлопаем его по спине и даем воды, чтобы не задохнулся.

Мистер Боффин слушал все, что о нем рассказывают, молча, не сводя глаз со своей большой руки, и только поводил плечами от удовольствия.

— И вот, красавица моя,— продолжала миссис Боффин,— настал день вашей свадьбы, и твой муженек спрятал нас в церкви за орган, потому что ему вдруг не захотелось, чтобы мы тебе все открыли, как сначала у нас с ним было задумано. «Нет, говорит, она такая бескорыстная, так всем довольна, что, по-моему, рано мне становиться богачом. Давайте повременим немножко». Так все у нас и шло — повременим да повременим. Потом стали вы ждать ребенка, а он опять за свое: «В доме у меня такая хозяюшка — живая, веселая, что, по-моему, рано мне становиться богачом. Давайте повременим еще немножко». Родилась у вас дочка... «Нет, говорит, она стала еще лучше, вы еще не знали ее такой, по-моему, рано мне становиться богачом. Давайте повременим немножко». И под конец я не выдержала и заявляю ему: «Ну, Джон, если вы не назначите дня и часа, когда она войдет в свой собственный дом, а мы из него уберемся, тогда я стану доносчицей». На это он мне отвечает, что ему хочется восторжествовать так, как мы и не предполагали, и показать свою жену лучшей, чем она кажется даже мне и Нодди. «Меня будут подозревать в убийстве самого себя, говорит, и вы убедитесь в ее безграничном доверии ко мне». Мы с Нодди согласились на это, и видишь, голубушка, Джон оказался прав, и ты вернулась к нам, и лошадки прискакали, вот и дворец, и нашей сказке конец. И да благословит господь и тебя, моя красавица, и всех нас!

Горка, сложенная из рук, распалась, и Белла с миссис Боффин заключили друг друга в объятия, повергнув в опасность Неутомимую дочку, которая с широко открытыми глазами лежала у Беллы на коленях.

— Но разве на этом сказка кончается? — задумчиво проговорила Белла.— Разве больше нечего добавить?

— А что тут добавлять, голубушка? — весело улыбаясь, спросила миссис Боффин.

— Вы все-все рассказали? — не унималась Белла.

— Да как будто все,— лукаво проговорила миссис Боффин.

— Джон, милый,— обратилась Белла к мужу.— Пожалуйста, подержи дочку, ты ведь у нас самая заправская нянюшка.— Передав ему с этими словами Неутомимую, Белла пристально посмотрела на мистера Боффина, который сидел теперь за столом и, подперев голову рукой, смотрел куда-то в сторону, опустилась на колени рядом с его стулом и, положив руку ему на плечо, сказала: — Пожалуйста, простите меня за то слово, которое я по ошибке повторила несколько раз, прежде чем расстаться с вами. Вы лучше (а не хуже) Хопкинса, лучше (а не хуже) Дансера, лучше (а не хуже) Блэкберри Джонса, лучше (а не хуже) всех их, вместе взятых. Пожалуйста, слушайте дальше! — с ликующим, звонким смехом воскликнула она, стараясь повернуть к себе его расплывшуюся в улыбке физиономию.— Пожалуйста, выслушайте меня, я еще кое до чего додумалась. Никто больше не станет называть вас скрягой с каменным сердцем, потому что вы никогда им не были!

Тут миссис Боффин прямо-таки взвизгнула от восторга, затопала ногами и захлопала в ладоши, раскачиваясь всем телом взад и вперед, точно слабоумное детище какого-нибудь китайского мандарина.

— Теперь мне все понятно, сэр! — воскликнула Белла.— Я никому не позволю досказывать сказку и сама придумаю конец, если вы пожелаете меня слушать!

— Неужели придумаешь, голубушка? — спросил мистер Боффин.— Ну что ж, досказывай!

— И доскажу! — крикнула Белла, обеими руками ухватив его за лацканы.— Лишь только вам стало ясно, что вашим покровительством пользуется алчная девчонка, вы решили показать ей, как могут испортить и как портят человека деньги, когда их ценишь превыше всего и обращаешь себе же во вред. Не заботясь о том, что она скажет о вас (да об этом и заботиться не стоило), вы показали ей — показали на себе, самые отвратительные стороны богатства. «У этой пустышки,— говорили вы,— душонка мелкая-премелкая, сама она и за сто лет в этом не разберется, но такой разительный пример даже ей откроет

глаза, даже ее заставит призадуматься». Вот что вы говорили, сэр! Правда?

— Ничего подобного я не говорил,— ответил мистер Боффин, испытывая от всего этого величайшее наслаждение.

— Не говорили, значит должны были сказать, потому что вы на самом деле так думали, сэр! — Белла два раза дернула его за лацканы и раз поцеловала.— Вы видели, что беспечная жизнь вскружила мою глупую голову, ожесточила мое глупое сердце, что я стала жадная, расчетливая, заносчивая, несносная. И тогда вы решили превратиться в самый добрый, самый милый на свете дорожный столб, который указывал мне, по какому пути я отправилась и куда он меня приведет в конце концов. Признавайтесь во всем немедленно!

— Джон,— сказал мистер Боффин, и вид у него был такой сияющий, будто он купался в солнечных лучах.— Посоветуйте мне, пожалуйста, как тут быть.

— Суд хочет слушать вас, а не вашего защитника,— возразила ему Белла.— Извольте отвечать сами! Признавайтесь во всем немедленно!

— Ну, раз уж на то пошло, голубушка,— сказал мистер Боффин,— я сознаюсь, что, когда мы составили наш маленький заговор, о котором вспоминала здесь моя старушка, я спросил Джона, а не лучше ли будет расширить его — вот как вы сейчас доложили. Но ничего подобного я сам себе не говорил и не мог говорить. Я только сказал Джону, что если уж рычать по-медвежьи, так лучше не на него одного, а на всех прочих.

— Сию минуту признавайтесь, сэр! — сказала Белла.— Вы задумали все это, чтобы проучить и исправить меня?

— Разумеется, дитя мое,— ответил мистер Боффин.— Не во вред же вам я старался. Можете в этом не сомневаться. Я надеялся, что мои старания не пропадут даром. Но здесь надо добавить еще следующее: лишь только моя старушка узнала Джона, как Джон сказал нам, что он давно присматривается к одной неблагодарной личности по имени Сайлас Вегг. И отчасти для посрамления этого самого Вегга, для того, чтобы завести его как можно дальше в той бесчестной игре, которую он вел у нас за спиной, я и заставлял этого Сайласа читать мне вслух

книги, что мы покупали с вами вместе. И кстати, душенька, того скупца звали не Блэкберри, а Блюнбери Джонс.

Белла, все еще стоявшая на коленях у ног мистера Боффина, села на пол и, думая о чем-то своем, не сводила глаз с его сияющей физиономии.

— А все-таки,— проговорила она после долгой паузы,— две вещи мне до сих пор непонятны. Ведь миссис Боффин знала, почему мистер Боффин так изменился? Что это все напускное? Ведь знали? — спросила она, поворачиваясь к старушке.

— Знала! — с жаром ответила миссис Боффин.

— Почему же вы принимали это так близко к сердцу? Я ведь помню, как вам было неприятно, тяжело!

— Однако, Джон, вострый же глаз у вашей супруги! — воскликнул мистер Боффин, восхищенно потряхивая головой.— Правильно, душенька, правильно! Сколько раз мы были на волосок от гибели из-за моей старушки.

— Но почему? — удивилась Белла.— Ведь она же была с вами заодно!

— А потому, что водится за ней одна слабость,— сказал мистер Боффин.— Но если говорить правду и только правду, так я этой ее слабостью горжусь. Дело-то вот в чем: моя старушка такого высокого мнения обо мне, что ей было просто невмоготу слышать и видеть, как я рычу по-медвежьи. Не могла она притворяться! Вот по этой самой причине мы и боялись, что нашему заговору угрожает серьезная опасность.

Миссис Боффин от души посмеялась сама над собой, но влажное поблескиванье в ее глазах обнаруживало, как еще далеко ей до полного излечения от таких опасных наклонностей.

— Уверяю вас, душенька, что в тот знаменательный день,— продолжал мистер Боффин,— в тот час, когда я, по всеобщему мнению, превзошел самого себя,— имеется в виду «мяу-мяу, говорит кошка, кря-кря, говорит утка, гав-гав, говорит собачка»,— уверяю вас, душенька, что эти презрительные, суровые слова так огорчили мою старушку, что мне пришлось силой удерживать ее, не то она кинулась бы за вами вдогонку и, став на защиту своего старика, выдала бы меня с головой.

Миссис Боффин снова рассмеялась и в ее глазах снова что-то заблестело, и тут выяснилось, что не только соучастники мистера Боффина считали его выходку в тот вечер из ряда вон выходящей по язвительности, но и сам он был столь же высокого мнения о своем красноречии.

— Меня как-то сразу осенило, голубушка,— признался Белле мистер Боффин.— Когда Джон сказал, что он был бы счастлив добиться вашей взаимности и завладеть вашим сердцем, мне вдруг захотелось огорошить его, и я выпалил: «Добиться взаимности? Завладеть сердцем? Мяу-мяу, говорит кошка, кря-кря, говорит утка, гав-гав, говорит собачка». Как я до этого додумался, откуда это взялось, ума не приложу! Сам диву дался и чуть со смеху не лопнул, когда Джон уставился на меня во все глаза!

— Душенька моя, а второе, чего ты не поняла? — напомнила Белле миссис Боффин.

— Да-да! — воскликнула Белла, закрывая лицо руками.— Но этого я не понимаю и до конца дней своих не пойму! Как Джон мог полюбить такое недостойное существо и как вам, мистер и миссис Боффин, не жалко было трудов и сил, чтобы исправить меня, дрянную девчонку, да еще прочить ему в жены! Но все равно я благодарю вас за все, за все!

Теперь настала очередь Джона Гармона — Джона Гармона отныне и навсегда, ибо с Джоном Роксмитом покончено,— настала его очередь оправдываться перед Беллой (собственно, без всякой к тому нужды) и повторять снова и снова, что он обманывал ее так долго только потому, что она пленила его в их временном пристанище — в маленьком, скромном коттедже. Это повлекло за собой обмен нежностями и восторженными возгласами, в самый разгар которых было обнаружено, что Неутомимая с совершенно бессмысленным видом уставилась на грудь миссис Боффин, после чего ее провозгласили сверхъестественной умницей, заставили взмахнуть пухленьким кулачком (с немалыми трудами извлеченным из пеленок), и заявить во всеуслышание: «Я прекрасно разбираюсь в том, что здесь происходит, и моей почтенной матушке это известно».

Вслед за тем Джон Гармон спросил, не желает ли миссис Джон Гармон осмотреть свой дом? Дом оказался как игрушка — столько изящества, вкуса в каждой мелочи!

Процессия следовала из комнаты в комнату, причем Неутомимую, которая все еще таращила глаза, несла миссис Боффин, а мистер Боффин замыкал шествие. И на изящном туалетном столике в будуаре Беллы стояла шкатулка слоновой кости, полная таких драгоценностей, о которых она и мечтать не смела, а в верхнем этаже была детская, на самом деле переливающаяся всеми цветами радуги, хотя, как сказал Джон, им пришлось немало потрудиться, чтобы приготовить ее за такой короткий срок!

Когда осмотр дома был закончен, прислужницы удалились с Неутомимой, и вскоре внизу стало слышно, как она кричит истошным голосом в своих радужных чертогах.

Белла покинула общество «джентльментлей», после чего крики немедленно прекратились, так как эта юная оливковая ветвь была символом мира в семье.

— Нодди, пойди-ка погляди! — сказала миссис Боффин мистеру Боффину. Ступая на цыпочках (как ему было приказано), мистер Боффин подошел к дверям детской, заглянул в щелку, и по лицу его разлилось чувство огромного удовлетворения, хотя там ничего не было видно, кроме Беллы, которая сидела на низеньком стульчике у камина и с задумчивой, счастливой улыбкой, прикрыв пушистыми ресницами глаза от яркого света, любовалась дочкой, лежавшей на ее прекрасных юных руках.

— Похоже, что дух старого джентльмена наконец-то обрел покой. Да, Нодди?

— Да, старушка.

— Будто его деньги извлекли на свет божий из темноты, и когда с них сошла ржавчина, они снова заблестели в солнечных лучах. Да, Нодди?

— Да, старушка.

— Нельзя не залюбоваться этой картиной. И сколько она обещает хорошего впереди! Да, Нодди?

— Да, старушка.

И вдруг, решив, видимо, что сейчас самое время блеснуть остроумием, мистер Боффин прорычал, как заправский медведь:

— Нельзя не залюбоваться? Сколько хорошего впереди? Мяу-мяу, кря-кря, гав-гав! — И засеменил вниз по лестнице, не добавив больше ни слова, а плечи у него так и подрагивали, так и ходили ходуном.



ГЛАВА XIV

Дружеский договор терпит крах

Мистер и миссис Джон Роксмит так приурочили перемену своих прежних фамилий и прежнего местожительства, что это событие пришлось как раз на тот самый день, когда последний воз с остатками последней мусорной насыпи выехал из ворот «Приюта». Глядя вслед удаляющемуся фургону, мистер Вегг будто ощутил, что и с его плеч свалился последний груз, и заранее радовался тому счастливому часу, когда ножницы догола остригут эту черную овцу — Боффина.

Хищным взором следил Сайлас за тем, как постепенно, медленно сравнивают с землей мусорные насыпи. Но в свое время взоры не менее хищные следили за их ростом и тщательно просматривали мусор, из которого они состояли. Никаких ценностей обнаружить не удалось. Да откуда им было взяться, когда скареда-тюремщик из «Гармоновой тюрьмы» давным-давно перечеканил в звонкую монету каждую тряпку, каждый черепок!

Мистер Вегг обманулся в своих надеждах, но, несмотря на это, он не мог не почувствовать облегчения при мысли, что его нелегким трудам пришел конец, и если и поворчал — то так, самую малость. Подрядчик, присланный скупщиками мусора, довел мистера Вегга до того, что от него остались кожа да кости. Это доверенное лицо, неукоснительно выполнявшее пункт контракта, согласно которому скупщики имели право вывозить мусор в любое время суток — при дневном, ночном, а то и факельном освещении, совсем уморил бы Сайласа, продлись работы во дворе «Приюта» еще хоть день. Сам он, видимо, не испытывал ни малейшей потребности во сне, так как появлялся в своей зюйдвестке на забинтованной голове и в плисовых штанах — точно неприкаянный домовой, в наиболее неурочную и глухую пору. Сайлас только успевал забраться в постель и сомкнуть глаза, как ужасающие толчки и грохот где-то под самой его подушкой возвещали о приближении поезда фургонов во главе с этим бессонным демоном, и ему снова надо было выходить во двор.

Он вскакивал на грохот колес глубокой ночью или же выстаивал на своем посту по сорок восемь часов кряду. Чем больше мучитель-подрядчик уговаривал его не утруждаться присутствием при вывозе мусора, тем сильнее убеждался подозрительный Вегг, что где-то что-то обнаружено и ему пытаются отвести глаза от находки. Под конец он начал сравнивать себя с человеком, побившимся об заклад простоять в общей сложности десять тысяч часов на вахте, и сокрушался над своей горькой долей, когда ему приходилось вскакивать с постели, едва успев лечь в нее. Так он осунулся, так отощал, что его деревянная нога казалась непропорциональной и являла разительный контраст своей цветущей наружностью по сравнению с изможденным телом, которое раньше можно было назвать прямо-таки упитанным.

Впрочем, Вегг находил чем утешаться: теперь все неприятности остались позади, и он должен был незамедлительно вступить во владение своим имуществом. Надо признать, что за последнее время его носу доставалось гораздо больше, чем носу Боффина, но теперь и Боффину придется покряхтеть. Эти дни мистер Вегг не донимал Золотого Мусорщика, так как бессонный демон лишил его возможности оказывать любезность чете Боффинов своим частым присутствием за их обеденным столом. Слежку за Боффином мистер Вегг был вынужден поручить мистеру Венусу, а сам страдал и чах в «Приюте».

В музей мистера Венуса мистер Вегг и отправился, как только последнюю кучу мусора убрали и свезли со двора. Дело было к вечеру, и он, как и предполагал, застал этого джентльмена дома, у камина, хотя, вопреки его предположениям, тот не ополаскивал чаем свой могучий ум.

— Славно у вас здесь попахивает,— сказал мистер Вегг, видимо недовольный этим обстоятельством, и, остановившись на пороге, повел носом по сторонам.

— Да и посиживать мне здесь славно,— сказал мистер Венус.

— В вашем ремесле лимон как будто не употребляют? — спросил мистер Вегг, снова принюхиваясь.

— Нет, мистер Вегг,— ответил Венус.— Если употребляют, так только в пунше.

— В каком именно? — осведомился Вегг, окончательно впадая в дурное настроение.

— Дело не в рецепте, сэр,— ответил Венус,— потому что, как бы строго его ни придерживаться, все равно главное тут талант и чувства, которые в это вкладываешь. Но основной продукт — джин.

— Из пузатой фляги? — хмуро проговорил Вегг, садясь на стул.

— Браво, сэр, браво! — воскликнул Венус.— Не угодно ли отведать, сэр?

— Не угодно ли отведать? — сердито повторил Вегг.— Еще бы не угодно! Не угодно ли человеку отведать пунша, когда назола-подрядчик с забинтованной головой вымотал из него всю душу! Чего там спрашивать, угодно или не угодно!

— Не стоит из-за этого огорчаться, мистер Вегг. Вы, я вижу, что-то не в себе.

— Если уж на то пошло, так вы тоже не в себе,— проворчал Вегг.— Ишь каким живчиком стали!

Настроение у мистера Вегга настолько испортилось, что перемена в мистере Венусе показалась ему оскорбительной.

— Да вы будто подстриглись? — сказал Вегг, вдруг заметив, что пропыленной шевелюры у мистера Венуса как не бывало.

— Да, мистер Вегг. Но из-за этого вам тоже не следует огорчаться.

— Да к тому же и потолстели, черт вас возьми! — со все возрастающим раздражением продолжал Вегг.— Что же с вами дальше-то будет?

— А что будет дальше, мистер Вегг,— с игривой улыбкой проговорил Венус,— вы, пожалуй, не отгадаете.

— Гадать я не собираюсь,— огрызнулся Вегг.— Скажу только, что вы здорово выиграли от такого разделения труда. Вы здорово выиграли, потому что на вашу долю выпало все самое легкое, а на мою самое тяжелое. Ведь вам, наверно, спать по ночам не мешали?

— Нет, сэр,— сказал Венус.— Я в жизни своей так крепко не спал. Благодарствуйте, сэр.

— Н-да! — буркнул Вегг.— Побыли бы вы в моей шкуре! Так, чтобы вас поднимали среди ночи, не давали

бы толком ни поспать, ни полежать, ни поесть, ни мыслями пораскинуть несколько месяцев кряду, тогда небось стали бы жаловаться и на самочувствие и на плохое расположение духа.

— Спору нет, вас здорово скрутило, мистер Вегг,— сказал Венус, окидывая его фигуру взглядом художника.— Куда все девалось! Кожный покров у вас стал сморщенный, желтый! Можно подумать, что вы пришли в гости не ко мне, а к моему французскому джентльмену.

Мистер Вегг негодующе покосился в угол, отведенный французскому джентльмену, потом в другой. потом надел очки, видимо не веря собственным глазам, и оглядел по очереди все углы и закоулки полутемной лавки.

— Э-э, да у вас тут наведен порядок! — воскликнул он.

— Да, мистер Вегг. Руками обожаемой женщины.

— Значит, вот что с вами дальше-то будет — женитесь?

— Совершенно верно, сэр.

Донельзя возмущенный игривым тоном своего друга и компаньона, Сайлас снял очки, не желая созерцать его в увеличенном виде, и спросил:

— На той — старой?

— Мистер Вегг! — так и вспыхнул Венус.— Леди, о которой идет речь, далеко не старая.

— Я хотел сказать: на той, что прежде отказывала? — раздраженно пояснил Вегг.

— Мистер Вегг,— не уступал Венус.— Вопрос настолько деликатный, что я попросил бы вас выражаться точнее. Есть струны, на которых бренчать не дозволено. Да, сэр! Их могут касаться только те, кто умеет делать это нежно, почтительно. Из таких певучих струн создана мисс Плезент Райдергуд!

— Хорошо. Это та леди, которая раньше отказывала?

— Сэр! — с достоинством проговорил Венус.— Я принимаю вашу поправку. Да, это та самая леди, которая раньше отказывала.

— Когда же она вас заграбастает? — спросил Сайлас.

— Мистер Вегг! — снова вспыхнул Венус.— Такие выражения недопустимы! Это не кулачный бой. Со всей воз-

можной сдержанностью, но тем не менее настойчиво, я требую, сэр, чтобы вы изменили форму вопроса.

— Когда эта леди,— сквозь зубы процедил Вегг, в угоду своему компаньону и совладельцу «товарца»,— соблаговолит отдать руку туда же, куда помещено ее сердце?

— Сэр! — сказал Венус.— Поправка принимается с удовлетворением. Леди соблаговолит отдать руку туда же, куда помещено ее сердце, в ближайший понедельник.

— Стало быть, с возражениями леди вы посчитались? — спросил Сайлас.

— Мистер Вегг,— сказал Венус,— я уже имел случай сообщать вам, и даже неоднократно...

— И даже неоднократно,— вставил Сайлас.

— ...чем руководствовалась эта леди, отказывая мне. А теперь, не нарушая святости обоюдно нежных чувств, возникших между нами за последнее время, я расскажу, как удалось преодолеть ее возражения, при любезном содействии двух моих добрых друзей, из которых один был и раньше знаком с леди, а второй — нет. Эти двое моих друзей, сэр, сослужили мне великую службу, посетив леди с намерением споспешествовать нашему союзу, и предприняли следующий ход: если, мол, после женитьбы я ограничусь расчленением мужчин, детей и низших существ, сэр, не перестанет ли она опасаться, что ее — леди, будут равнять со скелетами? И эта блестящая мысль, сэр, пустила корни где следует.

— Как погляжу, мистер Венус,— проговорил Вегг с оттенком подозрительности в голосе,— друзей у вас хоть отбавляй.

— Не жалуюсь, сэр,— с загадочной улыбкой, спокойно ответил этот джентльмен.— Ничего, сэр, пожаловаться не могу.

— Впрочем,— сказал Вегг, бросив на него не менее подозрительный взгляд,— желаю вам удачи. Кому что нравится — деньги можно и так и этак потратить. Вы решили испробовать супружеское блаженство. Я собираюсь путешествовать.

— Вот как, мистер Вегг?

— Да, так. Надеюсь, что перемена места, морские виды и крепкий сон помогут мне оправиться после тех пре-

следований, которые я претерпел от этого подрядчика с забинтованной головой. Тяжкий труд закончен, мусорные насыпи срыты — стало быть, пробил час, когда Боффину придется раскошелиться. Предлагаю ухватить Боффина за нос завтра в десять утра. Как, устраивает вас такое время, уважаемый компаньон?

Мистера Венуса такое время вполне устраивает; он согласен отправиться к мистеру Боффину с этой благой целью в десять часов утра.

— Надеюсь, вы следили за ним все эти дни? — спросил Сайлас.

Мистер Венус следил за ним ежедневно.

— Тогда сходите к нему сегодня вечером и от моего имени — обязательно от моего имени, так как он знает, что со мной шутки плохи,— прикажите подготовить к этому часу все документы, счета и деньги,— сказал Вегг.— И уж для порядка, а также, чтобы доставить вам удовольствие, давайте взглянем еще разок на наш товарец перед тем, как выйдем вместе из дому — я вас провожу немного, хотя меня ноги еле держат.

Мистер Венус предъявил «товарец» — он был в полной сохранности. Мистер Венус взялся предъявить его и завтра утром и условился о встрече с мистером Веггом у дома Боффина ровно в десять часов. На полпути между Клеркенуэлом и особняком Боффина (мистер Вегг наотрез отказывался величать Золотого Мусорщика «мистером») компаньоны расстались на ночь.

Ночь эта выдалась дождливая, и следом за ней пришел такой же дождливый день. С утра на улице было сверх обычного грязно, слякотно и мерзко, и Вегг поехал к месту действия в омнибусе, рассудив, что человек, который держит путь, в сущности говоря, в банк, за получением огромной суммы денег, может позволить себе такой пустяковый расход.

Венус пришел минута в минуту, но стук в дверь и дальнейшие переговоры Вегг взял на себя. Постучал. Дверь отворили.

— Боффин дома?

Слуга ответил, что *мистер* Боффин дома.

— Ладно, мистер так мистер,— сказал Вегг.— Хотя я его так не величаю.

Слуга осведомился, назначено ли им прийти?

— Знаете что, молодой человек,— сказал Сайлас,— я этого не потерплю. Не на таковского напали. Мне с лакеями говорить не о чем. Мне подавай Боффина.

Их провели в комнату, где всемогущий Вегг стал прохаживаться, не сняв головного убора, и посвистывать и подводить пальцем стрелку часов, стоявших на камине, до тех пор, пока они не начали бить. Через несколько минут им предложили подняться в бывший кабинет Боффина, где напротив входа были еще раздвижные двери, открывающиеся, в случае надобности, в анфиладу смежных комнат. В кабинете, за письменным столом сидел Боффин. Повелительным жестом отпустив слугу, мистер Вегг взял стул и уселся рядом с Боффином — как был, в шапке. Но, едва сев, мистер Вегг испытал странное ощущение, вызванное тем, что шапку у него вдруг сбили с головы и выбросили ее в окно, которое с этой целью распахнули и тут же захлопнули.

— Советую поостеречься и не позволять себе дерзостей в присутствии этого джентльмена,— проговорил обладатель руки, проделавшей фокус с шапкой.— Не то вас самого отправят тем же путем.

Вегг невольно схватился обеими руками за непокрытую голову и выпучил глаза на секретаря, так как это он, незаметно войдя в раздвижную дверь, обратился к нему с таким строгим внушением.

— А! — сказал Вегг, как только дар речи вернулся к нему.— Прекрасно! Я распорядился, чтобы вас отсюда убрали. А вы все еще здесь? Так! Сейчас мы об этом поговорим. Прекрасно!

— И я тоже здесь! — послышался другой голос.

В раздвижные двери незаметно вошел еще кто-то.

Оглянувшись, Вегг увидел своего мучителя — недреманного подрядчика, который и сюда пожаловал в том же одеянии, то есть в зюйдвестке и плисовых штанах, и, развязав бинты, явил взорам присутствующих голову — совершенно целую, и лицо — как бы вы думали чье? — Хлюпа.

— Ха-ха-ха!.. Джентльмены! — зайдясь от смеха, еле выговорил Хлюп.— Он и не подозревал, что я могу спать стоя, а я привык к этому, когда крутил каток за миссис

Хигден! Он и не подозревал, что я научился говорить на разные голоса, когда читал миссис Хигден полицейскую хронику! Ну и хватил он у меня горя, джентльмены, ну и хватил он горя! — Тут мистер Хлюп разинул рот до совершенно устрашающих размеров и, запрокинув голову в новом безудержном припадке веселья, выставил напоказ все свои несметные пуговицы.

— Гм! — хмыкнул Вегг в замешательстве, правда пока что не очень сильном.— Один, за ним другой — итого двое не уволенных. Боф-фин! Ну-ка, ответьте мне на мой вопрос: кто приставил этого мальчишку, да еще переряженного, к вывозу мусора? Кто его подослал?

— Эй! — крикнул Хлюп, подавшись вперед.— Поосторожнее насчет мальчишек! Не то в окно выброшу!

Мистер Боффин остановил Хлюпа взмахом руки и сказал:

— Его послал я, Вегг.

— Ах так, Боффин? Вы подослали? Прекрасно! Мистер Венус, мы увеличим наши требования и давайте приступим к делу немедленно. Боф-фин! Очистите помещение от этих прохвостов!

— Нет, Вегг, так нельзя,— ответил мистер Боффин, спокойно сидя за письменным столом, на другом конце которого не менее спокойно сидел секретарь.

— Нельзя? — переспросил Вегг.— Боф-фин! А если вы поплатитесь за свой отказ?

— Нельзя, Вегг,— повторил мистер Боффин, добродушно покачивая головой.— Поплачусь так поплачусь, что же делать!

Вегг на минуту задумался, потом сказал:

— Мистер Венус, будьте любезны передать мне документ.

— Извольте, сэр,— и Венус с учтивым поклоном протянул ему бумагу.— Вот ваш документ. А теперь, сэр, когда я с ним расстался, позвольте мне сделать одно заявление, и не потому, что оно необходимо или заключает в себе какую-то новую мысль или открытие, а просто так, для моего же собственного спокойствия. Сайлас Вегг, вы отъявленный негодяй.

Мистер Вегг, ожидавший комплиментов от мистера Венуса, похлопывал бумагой по столу в такт его любезным

словам, и вдруг замер, услыхав такое неожиданное заключение.

— Сайлас Вегг! — продолжал Венус.— Считаю нужным сообщить вам, что я взял на себя смелость ввести мистера Боффина в качестве третьего — негласного компаньона нашей фирмы вскоре после того, как она зародилась.

— Совершенно верно,— подтвердил мистер Боффин.— А я испытал Венуса, сделав ему, будто и вправду, кое-какие предложения, и убедился, что он, в общем, вполне порядочный человек.

— Мистер Боффин говорит так по своей доброте,— сказал Венус.— А я все же запачкал руки в этом грязном деле, и час-другой они у меня были не такие чистые, как бы мне хотелось. Но свою вину я загладил вскоре же, и, надеюсь, полностью.

— Загладили, Венус,— сказал мистер Боффин.— Загладили, загладили.

Преисполненный благодарности, Венус почтительно склонил голову.

— Спасибо, сэр. Весьма вам, сэр, признателен за все. За ваши добрые слова, за то, как вы меня приняли и подбодрили, когда я впервые к вам обратился, и за воздействие, которое вы оказали на одну леди — и вы и мистер Джон Гармон.— И, назвав это имя, он поклонился и его обладателю.

Вегг не пропустил этого имени мимо ушей, поклон не укрылся от его зорких глаз, и тень подобострастия уже скользнула по его наглой физиономии, но тут ему пришлось снова устремить внимание на своего бывшего компаньона.

— Все остальное, надеюсь, вам теперь понятно, мистер Вегг,— сказал Венус,— и дальше, сэр, объясняйтесь сами, потому что я умолкаю. Однако во избежание каких-либо неприятностей или кривотолков по поводу одного важного, на мой взгляд, пункта, и чтобы вам окончательно все стало ясно под конец нашего знакомства, позволю себе — с согласия мистера Боффина и мистера Джона Гармона — повторить то, что я уже имел удовольствие сказать здесь. Сайлас Вегг, вы отъявленный негодяй!

— А вы болван! — крикнул Вегг, прищелкнув пальцами.— И я давно бы с вами развязался, если бы мог.

Будьте уверены, намеренье такое у меня было. А теперь скатертью дорожка. Мне же больше достанется. Потому что со мной посчитаются,— тут он удостоил взглядом мистера Боффина и мистера Гармона,— и я по своему счету получу сполна. Очень даже хорошо, что он пошел на попятный. Чего же еще ждать от этой анатомической кишки,— кивок в сторону мистера Венуса.— Но со мной шутки плохи. Давайте мне отступного, цену себе я уже назначил. Итак, подходит — соглашайтесь, не подходит — дело ваше.

— Не подходит, Вегг,— со смехом ответил мистер Боффин.— Поскольку это касается меня, то не подходит.

— Боф-фин! — вскричал Вегг, свирепо уставившись на него.— Я понимаю, почему вы вдруг осмелели. Медь-то проступает под вашей серебряной чеканкой! Вас оттерли, вам теперь терять нечего, вот вы и задрали нос. Все ваши мыслишки как сквозь грязное стекло проступают. Но мистер Гармон дело другое. Мистеру Гармону действительно есть что терять. До меня дошли слухи о мистере Гармоне, и в газетах кое на что намекают. Поэтому на вас, Боф-фин, мне наплевать. Я лучше спрошу мистера Гармона, известно ли ему, что это за документ?

— Это завещание моего покойного отца, более позднее, чем то, которое было оставлено мистеру Боффину... если вы будете грубить мистеру Боффину, я вас поколочу. Согласно этому более позднему документу мой отец оставил все свое состояние казне,— невозмутимо проговорил Джон Гармон, поскольку невозмутимость способна сочетаться с суровостью.

— Правильно! — крикнул Вегг.— В таком случае,— он скособочился, перенеся всю тяжесть тела на деревянную ногу, скособочил свою деревянную башку и скосил глаза на Джона Гармона.— В таком случае, разрешите вас спросить, сколько стоит этот документ?

— Ничего не стоит,— ответил Джон Гармон.

Вегг повторил эти слова с презрительным смешком, хотел было отпустить какую-то ядовитую шуточку и вдруг, к величайшему своему удивлению, почувствовал, как его схватили за галстук, встряхнули так, что у него зубы лязгнули, протащили через всю комнату и ткнули в угол.

— Подлец! — крикнул Джон Гармон, чьи по-матросски сильные руки сжимали Сайласа точно в тисках.

— Вы стучите моей головой об стену,— еле выговорил тот.

— Да, стучу. И буду стучать,— ответил Джон Гармон, подкрепляя свои слова действием.— А за удовольствие вышибить тебе мозги я не пожалел бы и тысячи фунтов. Слушай, подлец, и смотри на эту флягу!

Флягу, в назидание Сайласу, показывал Хлюп.

— В этой фляге, подлец, хранилось самое последнее завещание моего несчастного, во всем изверившегося отца. В нем он отказал решительно все свое состояние моему и твоему благодетелю, мистеру Боффину, а меня и мою сестру (умершую от горя к тому времени) лишил наследства. Эту флягу мой и твой благодетель нашел уже после того, как вступил в права наследника. Такая находка безмерно огорчила его, потому что это завещание незаслуженно порочило память моей покойной сестры и мою, поскольку меня тоже считали покойником. Он закопал эту флягу в принадлежащей ему куче мусора, и там она лежала, когда ты рылся и шарил в двух шагах от нее. Он решил утаить найденное завещание, но уничтожить его, хоть и с благой целью, не посмел, боясь преступить закон. После того как здесь, в этом доме, узнали, кто я такой, мистер Боффин, все еще не успокоившись, поделился со мной своей тайной и заставил меня пойти на одно условие, которого такая собака, как ты, разумеется, оценить не можешь. Я убедил его откопать флягу и представить документ куда следует. Первое было сделано у тебя на глазах, второе — без твоего ведома. Поэтому бумажонка, шуршащая в твоих руках при каждой встряске... душу бы из тебя вытрясти! — не стоит и трухлявой пробки от этой фляги. Ну, все понял?

Судя по убитому виду Сайласа, голова которого самым неудобным образом моталась взад и вперед, он понял все.

— А теперь, подлец,— Джон Гармон снова изо всех сил тряхнул Вегга за галстук, не выпуская из угла,— теперь я добавлю еще кое-что, чтобы ты побольше мучился. Твое открытие было действительно самое настоящее открытие, потому что нам даже в голову не пришло поискать в том месте. И мы не подозревали об этой находке до тех

пор, пока Венус не рассказал о ней мистеру Боффину, хотя я держал тебя под неусыпным наблюдением с первого же дня, как появился здесь, а Хлюп — тот считал своей основной обязанностью и самым большим удовольствием в жизни тенью следовать за тобой всюду. Другими словами, мы были настолько осведомлены о всех твоих делах, что нам ничего не стоило убедить мистера Боффина по-прежнему держать тебя в заблуждении, с тем чтобы нанести тебе удар потяжелее. Вот мое первое добавление. Все понял?

Джон Гармон сопроводил свой вопрос еще одной встряской.

— Я скоро кончу,— продолжал он.— Теперь ты думаешь, подлец, что отцовское наследство принадлежит мне? Правильно. Но как, по-твоему, я его получил? По завещанию или по праву наследования? Ни то и ни другое. Щедрость мистера Боффина — вот чему я всем обязан. Условие, которое он поставил мне, прежде чем открыть свою тайну, было таково: я наследую отцовское состояние, а он только одну, завещанную ему кучу мусора, и больше ничего. Всем, решительно всем я обязан бескорыстным, честным, добрым, любящим (да разве тут подберешь подходящее слово!) мистеру и миссис Боффин. И почему, зная все это и видя, как ты, слизняк, осмеливаешься поднимать голову в этом доме и строишь козни против этой благородной души, почему,— сквозь стиснутые зубы проговорил Джон Гармон, напоследок дернув Вегга за галстук,— почему я не оторвал тебе голову и не вышвырнул ее в окно, одному богу известно! Вот! Это мое второе и последнее добавление. Ну, все понял?

Отпущенный на волю, Сайлас схватился за шею, откашлялся и посмотрел на всех с таким видом, точно у него застряла в горле солидных размеров рыбья кость. Одновременно с только что описанными действиями Вегга весьма странные и на первый взгляд непонятные действия предпринял и мистер Хлюп: он начал пятиться вдоль стены по направлению к мистеру Веггу, точно носильщик или грузчик, который готовится взвалить на спину мешок с мукой или углем.

— Как это ни прискорбно, Вегг,— со свойственной ему мягкостью проговорил мистер Боффин,— но мы с моей

старушкой очень плохого мнения о вас, и другого составить не можем. Однако после всего сказанного и сделанного, мне бы не хотелось, чтобы ваше положение ухудшилось по сравнению с тем, которое вы занимали в жизни до нашей с вами встречи. Поэтому, прежде чем нам с вами расстаться, скажите, сколько вам потребуется на обзаведение другим лотком.

— И в другом месте,— вставил Джон Гармон.— Чтобы тебя больше не видели здесь, под окнами.

— Мистер Боффин,— проговорил Вегг с алчностью, которой не мог скрыть его приниженный тон.— Когда я имел честь познакомиться с вами, у меня подобралось такое собрание баллад, какому, прямо скажу, нет цены.

— Значит, его не оплатишь никакими деньгами,— заявил Джон Гармон.— И вы, уважаемый сэр, отложите всякое попечение об этом.

— Простите, мистер Боффин,— снова заговорил Вегг, бросив злобный взгляд на Джона Гармона.— Я представляю свои соображения вам, поскольку вы, если слух мне не изменяет,— представили свои соображения мне. У меня была очень ценная коллекция баллад и запас имбирных пряников в жестяной банке. Больше я ничего не скажу, всецело полагаясь на ваше суждение.

— Ну как тут угадаешь, сколько дать? — озабоченно проговорил мистер Боффин, опуская руку в карман.— А переплачивать не хочется, потому что вы уж очень плохо себя зарекомендовали, Вегг. И откуда в вас столько коварства! Как можно быть таким неблагодарным! Что я вам сделал дурного?

— Кроме того,— задумчиво продолжал Вегг,— я работал рассыльным, и мои клиенты очень меня уважали. Но, опасаясь упреков в жадности, я и тут полагаюсь на ваше суждение, мистер Боффин.

— Честное слово, не знаю, как все это оплатить,— пробормотал Золотой Мусорщик.

— Еще у меня были козлы для лотка,— продолжал Вегг,— за которые один ирландец, знаток по части козел, давал мне пять шиллингов шесть пенсов. Но я слышать не захотел о такой невыгодной сделке. Итак, козлы, табуретка, зонтик, складная рама и поднос. Полагаюсь на ваше суждение, мистер Боффин.

Золотой Мусорщик погрузился в какие-то сложные расчеты, а мистер Вегг все подсказывал и подсказывал ему:

— Еще были мисс Элизабет, маленький мистер Джордж, тетушка Джейн и дядюшка Паркер. Ах! Когда думаешь о том, каких ты лишился покровителей, когда видишь, какой сад — цветущий сад! — изрыли свиньи, разве можно перевести все это на деньги без того, чтобы не заломить? Но я всецело полагаюсь на ваше суждение, сэр.

Мистер Хлюп продолжал действовать все тем же странным и на первый взгляд непонятным образом.

— Тут упомянули про то, что меня вводили в заблуждение,— меланхолично продолжал Вегг.— Но можно ли выразить словами, какое угнетающее действие имело на мой ум чтение вредных книг о скрягах, когда вы, сэр, и самого себя выдавали за скрягу. Да, мой ум был угнетен всем этим. А какую цену можно назначить уму человеческому? Кроме того, где моя шапка? Но я всецело полагаюсь на ваше суждение, сэр.

— Ладно! — сказал мистер Боффин.— Вот вам два фунта.

— Нет, сэр, не могу. Гордость не позволяет.— Не успел он произнести эти слова, как Джон Гармон поднял палец, и Хлюп, который успел подобраться вплотную к Веггу, прислонился теперь спиной к спине Вегга, чуть присел, обеими руками ухватил его сзади за шиворот и ловко поднял, будто все тот же мешок с мукой или углем. До чего же недовольную и удивленную рожу скорчил мистер Вегг, когда пуговицы его выставились напоказ всему миру, не хуже чем у самого Хлюпа, а деревянная нога беспомощно задралась кверху. Но присутствующие недолго могли любоваться этим зрелищем, так как Хлюп легкой рысцой выбежал с мистером Веггом из комнаты, спустился по лестнице и выскочил за дверь, предупредительно распахнутую мистером Венусом. Мистеру Хлюпу было приказано свалить его ношу посреди улицы, но, увидев на углу фургон с нечистотами, стоявший без присмотра, да еще с лесенкой у колеса, мистер Хлюп поддался соблазну поместить туда же и мистера Сайласа Вегга. Задачу он взял на себя трудную, но выполнил ее блестяще, обдав мостовую фонтаном брызг.

ГЛАВА XV

Кто угодил в поставленную ловушку

Сколько мук, сколько терзаний испытал Брэдли Хэдстон с того тихого летнего вечера, когда его тело, выражаясь образно, возникло из пепла, оставшегося от матроса, мог рассказать только он сам. Да, пожалуй, и он не мог бы, потому что этого не выразишь — это можно только чувствовать.

Его давила тройная тяжесть: сознание того, что он сделал, неотступная мысль, что это можно было сделать лучше, и ужас перед разоблачением. Такая ноша сокрушала его, и он ощущал ее на себе день и ночь. Спал ли он урывками, открывал ли воспаленные от бессонницы глаза, она всегда была с ним. Она давила с удручающим однообразием, не давая ни малейшей передышки. Подъяремная скотина, раб могут обрести минутное облегчение от непосильного груза, переместив его как-то по-другому, хоть и за счет добавочной боли в тех или иных мускулах, в том или ином члене. Гнетущая атмосфера, в которой существовал теперь несчастный Брэдли, не давала ему даже такого призрачного отдыха.

Время шло, а подозрение все еще не настигало его. Время шло, и по тем отчетам о расследовании дела, которые появлялись в газетах, он начал убеждаться, что мистер Лайтвуд (адвокат потерпевшего) все дальше и дальше отходит от фактов, все больше и больше отклоняется от истины и явно умеряет свое рвение. Постепенно действительная подоплека этого стала проясняться для Брэдли. Потом — случайная встреча с мистером Милви на вокзале (куда Брэдли влекло в свободные часы, так как там можно было услышать свежие новости о деле его рук, прочитать объявления все о том же), и тогда он ясно, как на ярком свету, увидел, к чему привело это злодеяние.

Он увидел, что его отчаянная попытка навеки разлучить Лиззи и Рэйберна соединила их. Что он обагрил руки в крови лишь для того, чтобы предстать пред ними жалким дураком, пособником их счастья. Что ради своей жены Юджин Рэйберн махнул на него рукой и предоставил ему ползти дальше по избранному им гнусному пути. Он поду-

мал: «Провидение, или судьба, или любая другая сила насмеялась надо мной, перехитрила меня»,— и, охваченный бессильной яростью, забился в припадке, кусаясь, разрывая на себе одежду.

Новые доказательства этой истины пришли в ближайшие дни, когда стало известно, что раненый женился, не покидая одра болезни, и на ком женился, и что признаки улучшения дают себя знать, хотя жизнь его по-прежнему в опасности. Брэдли было бы легче оказаться в тюрьме, чем читать все это и знать, почему и как его пощадили.

Но чтобы не дать перехитрить себя, насмеяться над собой еще больше — что было бы неминуемо, если бы Райдергуд предал его в руки закона и ему пришлось бы понести кару за свою позорную неудачу, как если бы ее и не было, а все увенчалось успехом,— он целые дни сидел в школе, выходил на улицу только по вечерам, с опаской, и не показывался больше на вокзале. Он просматривал все объявления в газетах, ожидая, что Райдергуд выполнит свою угрозу и вызовет его на новую встречу, но ничего такого не находил. Щедро расплатившись со шлюзным сторожем за помощь и гостеприимство, он начинал думать, что этот невежда, не умеющий даже писать, не так уж опасен ему и что, может быть, им не придется больше увидеть друг друга.

Все это время терзания его не прекращались, ярость не остывала — ярость при мысли, что он, помимо своей воли, лег через пропасть, разъединяющую Лиззи и Рэйберна, и послужил им мостом. Припадки следовали один за другим, когда и как часто, он не мог сказать, но догадывался по лицам своих учеников, что это происходило у них на глазах и они с ужасом ждут, что учитель вот-вот опять забьется на полу.

Однажды зимой, когда легкие снежинки усыпали пухом наличники и переплеты школьных окон, он подошел к доске с мелом в руках, собираясь объяснить какую-то задачу, и вдруг прочитал на лицах мальчиков, что происходит что-то неладное и они встревожены за него. Он посмотрел на дверь, куда были устремлены их взгляды, и увидел неуклюжего, отталкивающей внешности человека, который стоял посреди класса с узелком под мышкой. Увидел его и узнал в нем Райдергуда.

Он опустился на табурет, подставленный кем-то из мальчиков, и на минуту почувствовал, что сейчас упадет, что по лицу у него пробегает судорога. Но приступ миновал, и, утерев рот платком, он поднялся с табурета.

— Прошу прощения, сударь. Разрешите спросить.— Райдергуд постукал себя пальцем по лбу и хмыкнул, широко осклабившись.— Куда это я попал?

— Это школа.

— Где молодежь учат добру? — Райдергуд понимающе закивал головой.— Прошу прощения, сударь. Разрешите спросить... А кто в этой школе наставником?

— Я.

— Вы сами, сударь, ученый и других учите?

— Да, я учитель.

— А как, должно быть, приятно,— сказал Райдергуд,— учить молодежь добру и знать, что они берут с тебя пример! Прошу прощения, ученый сударь. Разрешите спросить... Вон там висит черная доска — зачем она?

— На ней пишут слова, цифры.

— Вон оно что! Скажи пожалуйста! — воскликнул Райдергуд.— А не будете ли вы любезны, ученый сударь, написать на ней ваше имя и фамилию? (Заискивающе.)

Брэдли помедлил, потом крупными буквами вывел на доске свою подпись.

— Я грамоте не обучен,— сказал Райдергуд, оглядывая класс,— но ученых людей уважаю. Молодые люди очень бы меня одолжили, если б прочли, что там написано.

Мальчики всем классом подняли руки. По кивку несчастного учителя нестройный хор голосов выкрикнул: «Брэдли Хэдстон!»

— Как? — переспросил Райдергуд.— Быть того не может! Кончается на «стон»? Ур-ра! Ну-ка, еще раз!

Руки снова взлетели вверх, снова кивок и снова нестройным хором: «Брэдли Хэдстон!»

Вслушавшись внимательнее и беззвучно шевельнув губами, Райдергуд сказал:

— Теперь понял. Брэдли. Ага! Зовут Брэдли, все равно как меня Роджер. Ага! По фамилии — Хэдстон, все равно как я Райдергуд. Так?

Нестройным хором: «Да!»

— А не знаком ли вам, ученый сударь,— продолжал Райдергуд,— человек примерно одного с вами роста и телосложения и веса, если вас обоих поставить на весы, которого кличут... Третий Хозяин, что ли?

Внешне спокойный, хоть отчаяние и заставило его стиснуть зубы, учитель не опустил глаз и, чувствуя, как раздуваются у него ноздри от учащенного дыхания, глухо проговорил после паузы:

— Да, кажется, я знаю, о ком речь.

— Я так и думал, что вы знаете, о ком речь, ученый сударь. Вот этот человек мне и нужен.

Покосившись на своих учеников, Брэдли сказал:

— Вы полагаете, он здесь?

— Прошу прощения, ученый сударь,— со смешком проговорил Райдергуд,— но позвольте спросить, как я могу это полагать, когда здесь никого нет, кроме вас, меня да деточек, которых вы учите добру? Тот, кого я разыскиваю, уж очень занятный собеседник, и мне хочется, чтобы он навестил меня в моей сторожке у шлюза.

— Хорошо, я ему передам.

— Как, по-вашему, придет он? — спросил Райдергуд.

— Придет непременно.

— Поскольку вы за него ручаетесь,— сказал Райдергуд,— значит придет. И, может, вас не затруднит передать ему, ученый сударь, что, если он не поторопится, я сам его разыщу.

— Передам.

— Вот спасибо! Как я уже имел честь сказать,— продолжал Райдергуд несколько помягче и, осклабившись, обвел глазами класс,— меня грамоте не учили, но в других я ученость уважаю. И раз уж меня занесло к вам в школу, господин учитель, и вы обошлись со мной ласково, позвольте мне перед уходом задать один вопрос вашим деточкам.

— Если это касается школьных наук,— через силу проговорил Брэдли, по-прежнему не сводя с него тяжелого взгляда,— пожалуйста.

— Касается, касается! — воскликнул Райдергуд.— Уж я постараюсь, господин учитель, чтобы все было поученому. Скажите мне, деточки, какие на земле есть водоемы? Как они называются?

Нестройный хор: «Моря, реки, озера и пруды».

— Моря, реки, озера и пруды,— повторил Райдергуд.— Ничего не забыли, господин учитель! А вот я, наверно, оконфузился бы с озерами, потому что отродясь ни одного озера не видел. Моря, реки, озера и пруды. А нука, деточки, что ловится в морях, реках, озерах и прудах?

Нестройный хор (с презрением к такому легкому вопросу): «Рыба!»

— Молодцы! — сказал Райдергуд.— А в реках, случается, и кое-что другое ловят. Ну-ка, деточки,— что?

Хор недоуменно молчит. Чей-то писклявый голос: «Водоросли!»

— Молодец! — воскликнул Райдергуд.— Но бог с ними, с водорослями. Пожалуй, деточки, вам не догадаться. Так и быть, подскажу. Одежу.

Брэдли изменился в лице.

— Мне, деточки,— продолжал Райдергуд, искоса поглядывая на учителя,— кое-когда самому приходилось ее выуживать. Да вот, видите узелок у меня под мышкой? Я его в реке поймал. Помереть мне на этом месте, деточки, если я вру!

Ученики всем классом так смотрели на учителя, точно просили избавить их от столь странного экзамена. Учитель так смотрел на экзаменатора, точно хотел растерзать его на клочки.

— Прошу прощения, ученый сударь,— сказал Райдергуд, посмеиваясь и утирая губы рукавом.— Деточкам нельзя устраивать подвохи, знаю, знаю! Что поделаешь, уж очень мне захотелось позабавиться. Но, честное слово, я выудил этот узелок из воды. Тут матросская одежка. Один человек снял ее с себя и бросил в реку, а я вытащил из реки.

— Почем вы знаете, что ее бросил тот же, кто носил? — спросил Брэдли.

— А я видел, как он бросал,— ответил Райдергуд.

Они посмотрели друг на друга. Брэдли медленно отвел глаза, повернулся к доске и медленно стер с нее свое имя.

— Премного благодарен, господин учитель,— сказал Райдергуд,—за то, что и вы сами и ваши деточки не погнушались потолковать с тем, кто известен вам своей честностью. Уповая на встречу у себя в сторожке с человеком,

о котором мы говорили и за которого вы поручились, я откланяюсь и деточкам и их ученому наставнику.

С этими словами Райдергуд, волоча ноги, вышел из класса, предоставив учителю дотягивать урок до конца, а ученикам перешептываться и следить за его лицом до тех пор, пока он не упал на пол в припадке, который давно угрожал ему.

Через день, в субботу, занятий в школе не было. Брэдли встал рано и пошел пешком к Плэшуотерской плотине. Он встал так рано, что на улице было еще темно. Перед тем как потушить свечу, он завернул в бумагу свои приличные серебряные часы с приличной волосяной цепочкой и написал с внутренней стороны обертки: «Попрошу вас взять это на сохранение». Потом адресовал сверток на имя мисс Пичер и оставил его на маленькой балконной скамье ее маленького домика, выбрав такое место, где не занесет снегом.

Утро было холодное, когда Брэдли притворил за собой калитку и вышел на улицу. В лицо ему ударил восточный ветер. Белые хлопья, еще в четверг ложившиеся пухом на школьные окна, по-прежнему реяли на ледяном ветру. Запоздалый рассвет наступил только через два часа, когда Брэдли уже пересек Лондон с востока на запад. Завтракал он в той самой убогой харчевне, где они с Райдергудом расстались после своей ночной прогулки. Он ел у грязной стойки и хмуро поглядывал на человека, который стоял возле, как и Райдергуд в то раннее утро.

Короткий день не мог угнаться за ним, и когда он, уже притомившись, вышел на бечевник вдоль берега, наступил вечер. Отсюда до шлюза было мили две-три, но он не остановился отдохнуть, а только убавил шагу. Кругом было белым-бело, хотя снег укрывал землю тонкой пеленой. Открытую ветру речную гладь затягивало льдом, у берега шло сало. В мыслях у Брэдли ничего не было, кроме дороги, льда и снега. Но вот впереди мелькнул огонек — это светилось окно в шлюзной сторожке. Он остановился и посмотрел вокруг. Лед, снег, он сам и огонек вдали — больше на этой унылой равнине ничего не было. Впереди лежало то место, где он нанес удары Юджину — мало сказать, бесполезные... И там, неподалеку (какая насмешка!) Юджин и Лиззи — муж и жена. Позади — школа, где дети,

с поднятыми руками хором выкрикнув «Брэдли Хэдстон!», словно отдали его во власть демонов. Посредине между этими двумя точками — освещенное окно сторожки, и там человек, который может принести ему гибель. Вот до каких пределов сузился теперь его мир!

Он пошел быстрее, как-то странно, точно прицеливаясь, глядя на огонек в окне. Когда до сторожки осталось несколько шагов, огонек расслоился на отдельные лучи, и они будто льнули к нему, притягивая его к себе все ближе и ближе.

Его рука стукнула в дверь, а ноги так быстро переступили порог, что он очутился в сторожке, не дождавшись отклика на свой стук.

Источниками света в окне были очаг и свечной огарок. Между ними, задрав ноги на железную решетку, с трубкой в зубах сидел Райдергуд.

Он весьма нелюбезно кивнул гостю. Гость так же нелюбезно кивнул в ответ. Потом снял верхнюю одежду и сел по другую сторону очага.

— Не курящий? — спросил Райдергуд, подвигая ему по столу бутылку.

— Нет.

Оба долго молчали, уставясь на огонь.

— Как видите, я пришел,— заговорил, наконец, Брэдли.— Кому из нас начинать?

— Я начну,— сказал Райдергуд.— Начну, когда трубка погаснет.

Он не спеша докурил, выбил из трубки пепел и положил ее на полочку в очаге.

— Начну я,— повторил он.— Если вы, господин учитель Брэдли Хэдстон, того желаете.

— Если желаю? Да, я желаю узнать, что вам от меня нужно.

— Сейчас узнаете.— Райдергуд пристально посмотрел на руки и карманы своего гостя, видимо опасаясь, нет ли при нем оружия. Потом наклонился, сунул ему палец под воротник и спросил: — А где же часы?

— Оставил дома.

— А они мне нужны. Впрочем, потом принесете. Мне эта вещица очень понравилась.

Брэдли ответил ему презрительным смешком.

— Мне желательно их получить,— громче повторил Райдергуд.— И я их получу.

— Значит, это все, что вам от меня нужно?

— Нет,— еще громче проговорил Райдергуд.— Далеко не все. Нужны и деньги.

— Что потребуется еще?

— Все потребуется! — злобно крикнул Райдергуд.— А посмеете еще раз так ответить, и кончен наш разговор.

Брэдли молча посмотрел на него.

— И так смотреть на себя тоже не позволю! — во весь голос рявкнул Райдергуд.— Стукну что есть силы,— он ударил рукой по столу,— так, чтобы дух вон!

— Ну, выкладывайте,— сказал Брэдли, проведя языком по губам.

— Не торопитесь, сейчас все как есть выложу, без ваших понуканий. Слушайте, господин учитель Брэдли Хэдстон! По мне, так вы могли бы хоть в порошок стереть, хоть на щепу расколоть того — Другого Хозяина. Я бы и не пикнул, разве только заходил бы к вам коекогда угоститься стаканчиком вина. Больше мне компанию с вами водить незачем. Но вы оделись точь-в-точь, как я одеваюсь, повязались точь-в-точь таким платком, обрызгали меня кровью после того, как сделали свое дело,— а за это вам придется заплатить, и заплатить недешево. Если бы вас заподозрили, вы свалили бы всю вину на меня? Верно я говорю? Где еще, кроме Плэшуотерской плотины, найдешь человека, который одевается, как указано потерпевшим? Где еще, кроме Плэшуотерской плотины, найдешь человека, который повздорил с тем, кто проезжал шлюз на лодке? Поинтересуйтесь сторожем у Плэшуотерской плотины! И одежда на нем такая и шейный платок красный. Может, и кровяные пятна на нем обнаружите? Так и есть! Хитрая собака!

Учитель, белый как полотно, слушал его молча.

— Рано вы свой выигрыш начали подсчитывать,— продолжал Райдергуд, прищелкивая пальцами.— Я в эту игру еще когда играл — задолго до того, как вам, новичку, пришлось в нее вступить, задолго до того, как вы начали мямлить всякую чушь у себя в школе. Мне каждый ваш шаг известен. Вы прятались, и я прятался, только поум-

нее вашего. Из Лондона вы в своем платье вышли, а потом переоделись и, что с себя сняли, припрятали. Я собственными глазами видал, как вы достали свою одежу из укромного местечка среди поваленных деревьев и полезли купаться в реку на тот случай, если кто пройдет мимо и подумает, чего это он одевается. Сел на бережку матрос с баржи, а поднялся господин учитель Брэдли Хэдстон! А потом узелок с матросской одежей — швырк в реку. А я этот узелок из реки выудил. Одежа кое-где порвана в драке, прозелень на ней от травы и следы того, что из ран течет. Она у меня в руках, и вы у меня в руках. Мне наплевать на Другого Хозяина — жив он или помер, я о себе пекусь. Вы строили козни против меня, хитрили, как могли, и я заставлю вас заплатить за это!.. Заставлю! Заставлю! До нитки оберу!

Губы у Брэдли подергивались. Он долго молчал, глядя на огонь. Потом заговорил неестественно спокойно, неестественно ровным голосом:

— Из камня крови не выжмешь, Райдергуд.

— Зато деньги из учителя выжать можно.

— Ошибаетесь. Вам не удастся взять то, чего у меня нет. Откуда могут быть деньги у учителя? Я и так дал вам больше двух гиней. Знаете, сколько мне потребовалось времени и труда (уж не говоря о годах ученья), чтобы заработать такую сумму?

— Не знаю и знать не желаю. Положение у вас почтенное. Ради такого положения можно заложить последнюю рубаху, продать последний стул, занять по грошу у каждого, кто только поверит вам в долг. Когда вы все это сделаете и расплатитесь со мной, я с вами расстанусь. Но только тогда, ни минутой раньше.

— Расстанетесь? Как это понимать?

— А вот так и понимайте: покуда не расстанусь, буду следовать за вами по пятам. Черт с ним, со шлюзом! Без меня обойдется, а я лучше за вами присмотрю, раз уж вы мне попались.

Брэдли снова уставился на огонь. Не спуская с него глаз, Райдергуд потянулся за трубкой, набил ее, раскурил и пустил дым кольцами. Поставив локти на колени, подперев голову ладонями, Брэдли с величайшей сосредоточенностью смотрел в очаг.

— Райдергуд,— наконец заговорил он и, вынув из кармана кошелек, бросил его на стол.— Скажем так: я отдам вам эти деньги — все, что у меня есть. Скажем, вы получите мои часы. Скажем, три раза в год я буду выплачивать вам определенную сумму из своего жалованья...

— Нет, не скажем,— ответил Райдергуд, не вынимая трубки изо рта и мотая головой.— Один раз вы уж улизнули от меня, и больше я в дураках оставаться не намерен. Мало мне стоило трудов разыскать вас? И не разыскал бы, да, слава богу, увидел однажды ночью, как вы прошмыгнули по улице, и отправился за вами следом до самого дома. Нет, давайте сейчас обо всем договоримся, не откладывая.

— Райдергуд, я человек одинокий. Мне не на кого надеяться. Друзей и знакомых у меня нет.

— Вранье,— отрезал Райдергуд.— Одного вашего друга я знаю, и, верьте моему слову, этот ваш друг надежнее всякой чековой книжки.

Нахмурившись, Брэдли медленно протянул руку к кошельку, но продолжал слушать своего собеседника.

— В прошлый четверг я дал маху, ошибся адресом,— говорил Райдергуд.— Гляжу, мать честная, куда это меня занесло? Кругом одни барышни. А барышень учит молодая особа. Эта молодая особа, господин учитель, души в вас не чает и всем пожертвует, лишь бы помочь вам выпутаться из беды. Вот к ней и обратитесь.

Брэдли так быстро вскинул на него глаза, что он в замешательстве стал дуть на колечки табачного дыма и разгонять их рукой.

— Вы уже говорили с ней? — снова глядя в сторону, спросил Брэдли все тем же неестественно ровным голосом.

— Пу-уфф! Да, говорил,— ответил Райдергуд, оставляя дым в покое.— Хотя, собственно, говорить-то было не о чем. Она переполошилась, что такой увалень затесался среди ее молоденьких барышень, повела меня к себе и стала расспрашивать, не приключилось ли с вами какой беды? «Нет, говорю, никакой беды не приключилось. Мы с господином учителем большие приятели». Но я все успел приметить, и, заверяю вас, живется ей неплохо.

Брэдли положил кошелек в карман, сжал правой рукой кисть левой и застыл в неподвижности, глядя на огонь.

— Квартирует она у вас совсем под боком,— продолжал Райдергуд,— и когда мы придем в Лондон (я, понятно, вас одного не отпущу), советую вам, не откладывая в долгий ящик, взять с нее все, что можно. Потом, после того как мы разочтемся, вы на ней женитесь. Она смазливенькая, а, насколько мне известно, другой вы себе еще не присмотрели, поскольку нос-то вам натянули совсем недавно.

За всю ту ночь Брэдли не вымолвил больше ни единого слова. Даже не переменил позы, не ослабил правой руки, сжимавшей кисть левой. Он сидел в полной неподвижности перед огнем, который, будто обладая волшебной силой, превращал его в старика. Морщины залегали все глубже и глубже на его изможденном лице, оно будто подергивалось пеплом, и казалось, даже волосы у него блекнут и седеют.

Эта разрушающаяся статуя ожила лишь тогда, когда оконные стекла в сторожке посерели с поздним рассветом. Статуя медленно поднялась, пересела к окну и глянула на улицу.

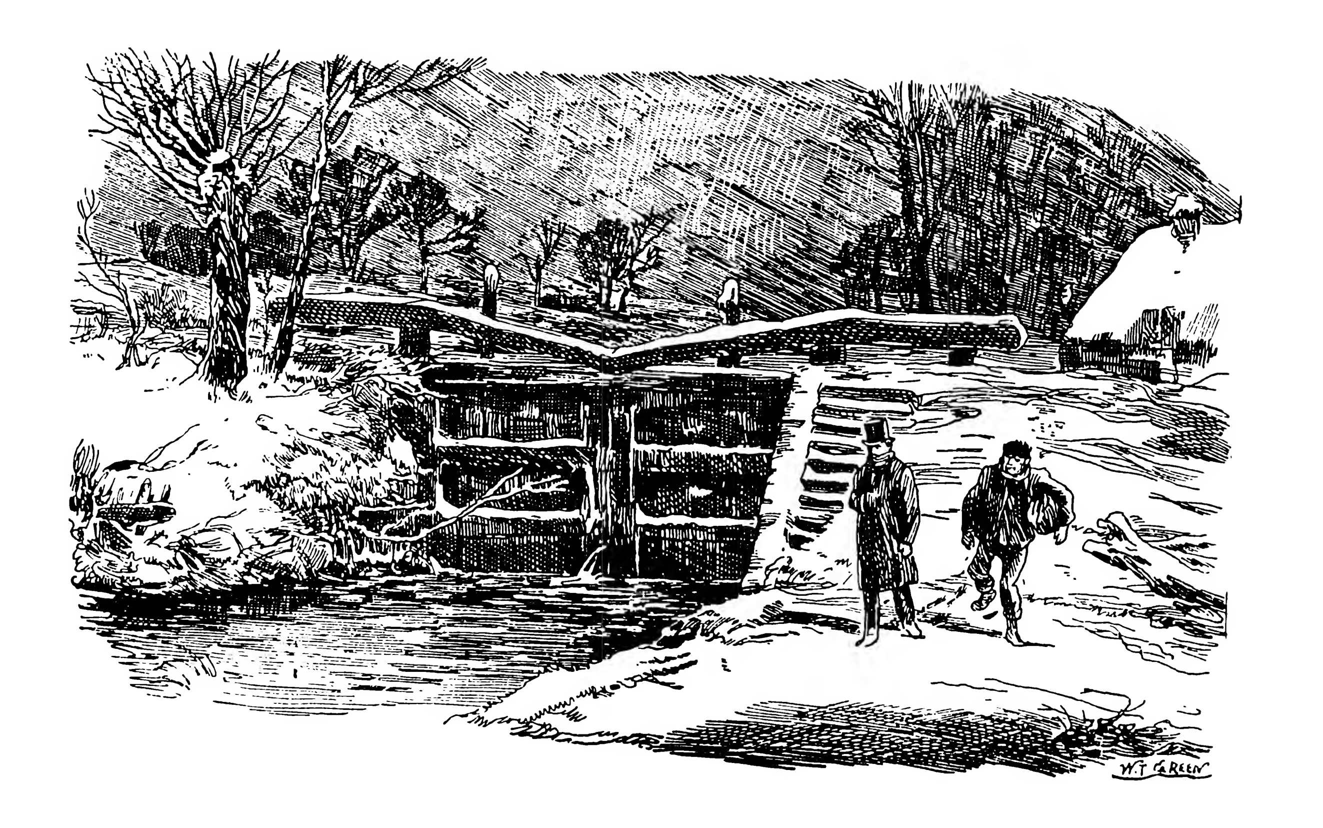
Райдергуд тоже провел всю ночь на стуле. С вечера он еще пожаловался раз-другой на стужу, на то, что приходится подкидывать углей в очаг, но, не добившись от своего гостя ни звука, ни отклика, под конец тоже замолчал. Утром он начал мешкотные приготовления к завтраку, как вдруг Брэдли отошел от окна и надел пальто и шляпу.

— Давайте хоть кофе выпьем на дорожку,— сказал Райдергуд.— Пустой желудок недолго и застудить, господин учитель.

Будто не слыша этого, Брэдли вышел из сторожки. Райдергуд схватил ломоть хлеба со стола, сунул под мышку узелок с матросской одеждой и бросился следом за ним. Брэдли повернул в сторону Лондона. Райдергуд догнал его и зашагал рядом.

Не обменявшись ни словом, они прошли бок о бок три мили. Вдруг Брэдли повернул и зашагал назад. Повернул и Райдергуд, и они снова очутились рядом.

Брэдли вошел в сторожку. Следом за ним вошел и Райдергуд. Брэдли сел у окна. Райдергуд — к очагу, погреться. Примерно через час Брэдли быстро встал и снова вышел из сторожки, но на этот раз взял в обратную сторону. Райдергуд тут же нагнал его и зашагал рядом.


W. T. GREEN

Убедившись и на этот раз, что ему не отделаться от своего спутника, Брэдли круто повернул назад. Райдергуд не отставал. Но теперь они не вошли в сторожку, потому что Брэдли остановился на запорошенной снегом полоске дерна у шлюза и стал смотреть то вверх, то вниз по реке. Из-за мороза суда по ней не ходили, и зеркало реки и берега — все превратилось в белую пустыню.

— Бросьте, господин учитель,— сказал Райдергуд, стоявший рядом с ним.— Глупую игру вы затеяли. Ну, к чему это? Все равно раньше времени от меня не отделаетесь. Я за вами по пятам буду ходить, куда бы вы ни отправились.

Не удостоив его ответом, Брэдли быстро перешел по мосткам на противоположную сторону шлюза.

— А это уж и вовсе зря,— сказал Райдергуд, идя следом за ним.— Там плотина, все равно назад повернете.

Не обращая на него ни малейшего внимания, Брэдли прислонился к столбу отдохнуть и посмотрел вниз, на воду.

— Ну, раз уж вы меня сюда завели,— ворчливо пробормотал Райдергуд,— я хоть делом займусь, все не без пользы будет.— Прежде чем отворять вторые створки, надо было затворить первые. Лебедка заскрипела, забурлила вода, и на несколько минут ворота оказались закрытыми.

— Возьмитесь за ум, господин учитель Брэдли Хэдстон,— сказал Райдергуд, проходя мимо него.— Не то я вас еще и не так прижму... А! Ты вот как!

Брэдли схватил Райдергуда поперек туловища. Будто железная цепь обвилась вокруг его тела. Они стояли на краю мостков, между обоими створками.

— Пусти! — крикнул Райдергуд.— Не то пырну ножом куда попало! Пусти!

Брэдли тянул его к шлюзу, Райдергуд рвался в противоположную сторону. В этой яростной схватке все пошло в ход — руки, ноги. Брэдли ухитрился повернуть своего противника спиной к шлюзу и все толкал и толкал его.

— Пусти! — снова крикнул Райдергуд.— Стой! Что ты задумал? Меня не утопишь! Кто раз тонул, того эта смерть минует!

— Меня не минует! — сдавленным голосом прохрипел

Брэдли.— Я утоплюсь! Живой — ты у меня в руках, и с мертвым я с тобой не расстанусь! Идем вместе!

Райдергуд упал навзничь в неподвижную черную воду, увлекая за собой Брэдли Хэдстона. Когда их нашли в тине и водорослях у гнилой шлюзной створки, Райдергуд лежал с открытыми глазами, раскинув руки, как во время падения. Но железная цепь по-прежнему опоясывала его, и звенья этой цепи не разомкнулись.

ГЛАВА XVI

О прочих и о прочем

Своим первым и приятнейшим долгом мистер и миссис Джон Гармон почли налаживание всех дел, которые разладились, или могли, или вот-вот готовы были разладиться, пока Джон еще не смел назваться во всеуслышание своим настоящим именем. Подводя итог обстоятельствам, так или иначе связанным с фиктивной смертью Джона, они захватывали широко. Так, например, было признано, что кукольная швея вправе рассчитывать на их поддержку, так как она находилась в самых близких отношениях с миссис Юджин Рэйберн, а миссис Юджин Рэйберн в свою очередь имела самое близкое касательство к мрачной стороне их истории. Отсюда следовало, что и о старике Райе — верном защитнике и помощнике обеих подруг — тоже не мешает подумать. Так же и о господине инспекторе, который проявил столько рвения, охотясь по ложному следу. Кстати, в полиции скоро распространился слух, будто, сидя у «Шести Веселых Грузчиков» за кружкой флипа, этот достойный человек признался мисс Аби Поттерсон, что он «не прогадал» на воскресении мистера Гармона и получил столько, сколько ему предстояло бы положить в карман за поимку убийцы, если бы мистер Джон Гармон действительно был зверски убит.

Во всех этих хлопотах мистеру и миссис Джон Гармон оказывал большую помощь известный адвокат мистер Мортимер Лайтвуд, который за последнее время стал с такой охотой и с таким усердием заниматься порученными ему делами, что они у него не залеживались, вследствие

чего юный Вред, точно хватив того заокеанского зелья, что поэтически именуется «пробка — хлоп! глаза на лоб», наконец-то вперял свой взор в настоящих клиентов, а не в окно, выходящее на улицу. Знакомство со стариком Райей, подавшим Лайтвуду толковые советы относительно устройства запутанных денежных дел Юджина, вдохновило его на открытую борьбу с мистером Фледжби, и сей джентльмен, опасаясь, что взрывчатая сила кое-каких его операций грозит ему взлететь на воздух, а также памятуя о перенесенной порке, пошел на переговоры и запросил пощады. Условия, на которые его заставили согласиться, оказались спасительными для безобидного мистера Твемлоу, хотя он даже не подозревал этого. Мистер Райя вдруг размяк, посетил мистера Твемлоу в его квартире над конюшней (Дьюк-стрит, Сент-Джеймс-сквер) и, превратившись из беззастенчивого грабителя в олицетворение кротости, сообщил ему, что его, Райи, аппетит будет вполне удовлетворен, если мистер Твемлоу соизволит вносить проценты по займу, как и прежде, но по новому адресу, а именно в контору мистера Лайтвуда. После чего удалился, так и не открыв мистеру Твемлоу, что его заимодавцем стал теперь мистер Джон Гармон, уплативший все его долги. Таким образом, гнев блистательного Снигсворта был предотвращен, и если он, вознесенный над камином, и продолжал фыркать на всех и вся, опираясь о коринфскую колонну, то не настолько сильно, чтобы это могло повредить его (а также Британской) конституции.

Первый визит миссис Уилфер к супруге нищего в ее новом нищенском пристанище был великим событием. За папой послали в Сити в первый же день, а когда он приехал, его стали водить по всему дому, держа за ушко, и показывать ему, потрясенному, захлебывающемуся от восторга, все тамошние чудеса. Кроме того, папу определили на должность секретаря, приказали немедленно подать в отставку и на веки вечные распроститься с фирмой «Чикси, Вениринг и Стоблс». Но мама пожаловала гораздо позднее, и, как и следовало ожидать, с большой помпой.

За мамой выслали карету, и она села в нее с достоинством, подобающим такому торжественному случаю, сопро-

вождаемая Лавви,— всего лишь сопровождаемая, так как эта юная девица наотрез отказалась вести мать под руку и вообще признавать материнское величие. Мистер Джордж Самсон смиренно следовал за ними. Миссис Уилфер отнеслась к его появлению в экипаже так, будто он удостоился великой чести присутствовать на похоронах кого-то из членов ее семьи, и отдала приказ: «Трогай!» — что относилось непосредственно к кучеру нищего.

— Ах, мама! — сказала Лавви, откидываясь на подушки и складывая руки на груди.— Вы бы хоть сели поудобнее! Развалитесь!

— Чтобы я...— вознегодовала величественная леди,— ...развалилась?

— Да, да, мама.

— Твоя мать на это не способна! — заявила миссис Уилфер.

— Что верно, то верно, мама. Но почему, едучи на обед к родной дочери или к родной сестре, надо сидеть так, будто нижняя юбка у вас сколочена из досок, это я отказываюсь понимать.

— А я,— с невыразимым презрением возразила ей миссис Уилфер,— я отказываюсь понимать, как девица может произносить вслух, да еще с таким удовольствием, название некоторых частей туалета. Мне приходится краснеть за тебя!

— Благодарствуйте, мама,— зевая, протянула Лавви,— но если понадобится, я сама за себя покраснею.

Тут мистер Самсон, решивший восстановить мир и согласие между дамами, что ему никогда, ни при каких обстоятельствах не удавалось, сказал с приятной улыбкой:

— Уж если говорить начистоту, сударыня, так все мы про это знаем.— И тут же понял, какой позор он навлек на свою голову.

— Про *это?* — сверкая очами, повторила миссис Уилфер.

— В самом деле, Джордж,— возмутилась мисс Лавиния.— Я не понимаю ваших намеков и думаю, что вам следовало бы выбирать слова и не касаться личностей.

— Бей, бей, не жалей, мисс Лавиния Уилфер! — вскричал мистер Самсон, сразу же погрузившись в бездну отчаяния.— Бейте, не жалейте!

— Что значат эти кучерские выкрики, Джордж Самсон, я даже отдаленно не могу себе представить,— сказала мисс Лавиния.— И не собираюсь ломать над ними голову, мистер Джордж Самсон, а бить и жалеть...— Неосмотрительно подхватив выраженьице Джорджа Самсона, мисс Лавиния увязла в этой фразе и заключила наспех: — Про битье тут совершенно ни к чему.— Отповедь получилась не совсем убедительная, и подкрепила ее только надменность тона.

— Вот так всегда! — горестно воскликнул мистер Самсон.— Видно, таков удел мой!

— Если вы хотите намекнуть,— срезала его мисс Лавви,— что «таков удел ваш с детских лет» и что-то там про свирель и газель *, то не трудитесь продолжать. Вы — и газели! Где уж вам! Присутствующие не обольщаются на этот счет. Ваши возможности слишком хорошо им известны. (Удар в самое сердце!)

— Лавиния,— замогильным голосом проговорил мистер Самсон.— Вы меня не поняли. Я хотел сказать вот что: мыслимое ли дело, чтобы мне удалось сохранить прежнее место в вашей семье после того, как фортуна обогрела ее своими лучами! Зачем вы везете меня в сияющие чертоги? Затем, чтобы тыкать мне в глаза моим скромным жалованием? Благородно ли, великодушно ли это с вашей стороны?

Не желая терять представившегося ей случая отпустить несколько нравоучительных замечаний с высоты своего трона, величественная матушка воспользовалась их перепалкой.

— Мистер Самсон,— начала она.— Я не допущу, чтобы вы ложно истолковывали намерения моей дочери.

— Ах, оставьте, мама,— презрительно бросила мисс Лавви.— Его слова и его поступки меня нимало не трогают.

— Нет, Лавиния,— упорствовала миссис Уилфер.— Тут задета честь нашей семьи. Если мистер Джордж Самсон даже мою младшую дочь обвиняет...

— Не понимаю, почему «даже»,— перебила ее мисс Лавви.— Что я, хуже других, что ли?

— Молчать! — грозно провозгласила миссис Уилфер.— Повторяю: если мистер Джордж Самсон обвиняет

мою младшую дочь в столь низменных целях, его обвинения падают и на мать моей младшей дочери. Эта мать отвергает их и спрашивает у мистера Джорджа Самсона, не сомневаясь в его добропорядочности, что ему, собственно, нужно? Может быть, я ошибаюсь, это вполне вероятно,— миссис Уилфер величественно взмахнула перчатками.— Но, по-моему, мистер Джордж Самсон едет в роскошном экипаже. По-моему, мистера Джорджа Самсона везут в дом, который он сам назвал «чертогом». По-моему, мистер Джордж Самсон приглашен вкусить... как бы это выразить... вкусить от величия, ниспосланного семейству, с которым он мечтает породниться. Чем же оправдать такой странный тон мистера Самсона?

— Оправдать его можно тем, сударыня,— упавшим голосом пояснил мистер Самсон,— что я болезненно воспринимаю свое ничтожество в смысле финансов. У Лавинии теперь такие связи! Смею ли я рассчитывать, что она останется прежней Лавинией? И разве не извинительно с моей стороны, что я так больно чувствую ее нападки?

— Если вы недовольны своим положением, сэр,— с ядовитой вежливостью проговорила мисс Лавиния,— мы можем ссадить вас на любом углу, который вы укажете кучеру моей сестры.

— Моя дорогая Лавиния,— с чувством произнес мистер Самсон,— я вас обожаю.

— Обожайте меня как-нибудь по-другому,— отрезала эта юная особа,— иначе мне таких обожателей не нужно.

— А к вам, сударыня,— не унимался мистер Самсон,— я питаю глубочайшее уважение, хотя мне, разумеется, никогда не постичь всех ваших достоинств. Пожалейте несчастного, Лавиния! Сударыня, пожалейте несчастного, который чувствует, на какие жертвы идут ради него ваши благородные сердца, но теряет разум...— мистер Самсон ударил себя ладонью по лбу,— ...при одной только мысли, что ему приходится соперничать с вельможами и богачами!

— Когда вам действительно придется вступить в соперничество с вельможами и богачами, вас, по всей вероятности, известят об этом,— сказала мисс Лавви.— Известят заранее. Во всяком случае, если тут будут затронуты мои интересы.

Мистер Самсон не замедлил воскликнуть со всей пылкостью, на какую был способен:

— Ангел! — и смиренно пал к ногам мисс Лавинии.

Только этой победы и недоставало для полного удовлетворения маменьки и дочки! — явиться с покорным рабом в те самые сверкающие чертоги, о которых он говорил, и провести его по этим чертогам как живого свидетеля их славы и яркое доказательство их великодушия. Спускаясь по лестнице, мисс Лавиния разрешила ему идти рядом с собой, словно говоря: «Несмотря на окружающую нас роскошь, я все еще ваша, Джордж. Сколько это продлится, сказать трудно, но пока я все еще ваша». Кроме того, она громогласно и благосклонно называла ему предметы и вещи, которых он до сих пор видеть не видывал:

«Тропические растения, Джордж», «Клетки с птицами», «Часы золоченой бронзы, Джордж»,— и так далее, и тому подобное. А миссис Уилфер шествовала впереди, точно вождь племени каннибалов, который, боясь уронить свое достоинство, не выказывает ни малейших признаков удивления или восторга при виде открывающихся его взорам чудес.

В самом деле, поведение этой внушительной матроны во время визита к дочери могло бы служить образцом для всех внушительных матрон при подобных же обстоятельствах. Она поздоровалась с мистером и миссис Боффин так, будто мистер и миссис Боффин говорили о ней все то, что в действительности исходило из ее уст, и дала понять, что только время может изгладить нанесенные ими обиды. В лакеях, прислуживающих за обедом, она видела своих заклятых врагов, которые только и думают, как бы преподнести ей какую-нибудь гадость на блюде или облить ее презрением из графина. Она сидела за столом по правую руку от зятя, прямая как палка, видимо боясь, не подсыпали бы ей отравы в кушанья, и готовясь дать мужественный отпор всем злодейским покушениям на ее жизнь. С Беллой она держалась так, точно это была молодая светская дама, с которой ей пришлось где-то встретиться несколько лет назад. И даже оттаяв немножко после бокала пенистого шампанского и делясь с зятем кое-какими воспоминаниями о своем папе, она сопровождала их такими поистине арктическими намеками на тех, кто после смерти

этого замороженного представителя их замороженного семейства отказывался признать в ней благодетельницу рода человеческого, что ее слушателей пробирало леденящим холодом до самых пяток. К концу обеда в столовой появилась Неутомимая. Уставившись на гостей во все глаза, она только-только хотела улыбнуться слабенькой, бледной улыбочкой, как вдруг узрела свою бабушку и тут же залилась безутешными слезами, почувствовав колики в желудке. Когда же эта величавая леди, наконец, собралась восвояси, трудно сказать, что означал ее вид: то ли она сама шла на виселицу, то ли оставляла обитателей этого дома в ожидании грозящей им смертной казни. И все же Джон Гармон получил большое удовольствие от визита своих родственников и признался жене, когда они остались вдвоем, что сегодня, на таком фоне, ее милая простота была особенно мила и прелестна, а потом добавил шутливо, что она бесспорно дочь своего отца, но не матери, ибо у такой маменьки такой дочери быть не может.

Этот визит, как уже говорилось, был великим событием. Другое событие, хоть и не великое, но все же немаловажное по мнению обитателей дома Джона Гармона, произошло примерно в те же дни. Речь идет о первой встрече мистера Хлюпа и мисс Рен.

Кукольная швея обшивала с ног до головы куклу для Неутомимой, ростом раза в два больше этого юного существа, и когда она была готова, мистер Хлюп вызвался сбегать за ней. Вызвался и побежал.

— Входите, сэр,— сказала мисс Рен, сидевшая за своим рабочим столиком.— Вы, собственно, кто такой?

Мистер Хлюп представился ей, назвав свое имя и выставив напоказ все свои пуговицы.

— Вот оно что! — воскликнула Дженни.— Я давно хочу с вами познакомиться. Слышали, слышали, сэр, как вы отличились!

— Неужто, мисс? — осклабился Хлюп.— Очень приятно. Но только, чем же это я отличился?

— Плюхнули кое-кого в фургон с нечистотами,— сказала мисс Рен.

— Ах, вы об этом! Как же, как же, мисс, было такое дело! — И, запрокинув голову, Хлюп захохотал во все горло.

— Господи помилуй! — испуганно вскрикнула мисс Рен.— Разве можно так разевать рот, молодой человек? Когда-нибудь разинете, а он у вас больше не закроется.

Мистер Хлюп открыл рот еще шире, если только это было возможно, и закрыл его только тогда, когда нахохотался вволю.

— Да вы ни дать ни взять великан из сказки *,— сказала мисс Рен.— Тот самый, что вернулся домой и захотел поужинать Джеком.

— А он был красивый, мисс? — спросил Хлюп.

— Нет,— ответила мисс Рен.— Страшилище.

Ее гость обвел глазами комнату, в которой теперь было гораздо больше нужных и красивых вещей, и сказал:

— Как у вас хорошо, мисс!

— Рада, что вам здесь нравится, сэр. А что вы скажете обо мне?

Вопрос был щекотливый, и Хлюп, замявшись, со смущенной улыбкой стал крутить пуговицу на куртке.

— Смелее, смелее! — скомандовала мисс Рен, лукаво глядя на него.— Правда, я уморительное чучело? — Задав ему этот вопрос, она тряхнула головой, да так, что волосы у нее рассыпались по плечам.

— О-о! — восхитился Хлюп.— Чистое золото! И какие длинные да густые!

Мисс Рен, по своему обычаю, весьма выразительно вздернула подбородок и снова взялась за иглу. Но волосы она так и оставила распущенными, довольная впечатлением, которое они произвели на гостя.

— Неужто, мисс, вы одна тут живете? — спросил Хлюп.

— Нет,— отрубила мисс Рен.— С волшебницей. Она моя крестная.

— С ке-ем? — недоуменно протянул Хлюп.— Как вы сказали, мисс?

— Ну, если хотите, так со своим вторым отцом,— ответила мисс Рен, на этот раз серьезно.— А вернее сказать, с первым.— Она покачала головой и вздохнула.— Если бы вы знали моего несчастного ребенка, тогда вам все стало бы понятно. Но вы его не видели и не увидите... И тем лучше для вас.

— Сколько же вам пришлось учиться, мисс, прежде

чем вы стали такой мастерицей! — сказал Хлюп, разглядывая сидевших в ряд кукол.

— Как иголку в руках держать и то мне никто не показывал, молодой человек,— ответила кукольная швея, потряхивая головой.— Кряхтела-пыхтела и сама своим умом до всего дошла. На первых порах получалось плохо, а чем дальше, тем лучше.

— А меня-то учат-учат,— сокрушенно проговорил Хлюп.— Мистер Боффин деньги все платит-платит!

— Я знаю, на кого вы учитесь,— сказала мисс Рен.— На столяра.

Мистер Хлюп кивнул.

— Да, после того как вывезли мусор, меня послали учиться. А знаете что, мисс? Мне хочется смастерить вам какую-нибудь вещицу.

— Тысячу благодарностей! А какую именно?

— Ну, например...— Хлюп осмотрелся по сторонам.— Например, полочки, куда можно класть кукол. Или красивую шкатулку с отделениями для ниток, шелка и разных там лоскутков. А то, хотите — выточу красивую ручку вон для того костыля? С ним, верно, ваш названый отец ходит?

— Я с ним хожу,— ответила кукольная швея и так вспыхнула, что даже шея у нее покраснела.— Я хромая.

Бедный Хлюп тоже покраснел, так как за его бесчисленными пуговицами пряталось чуткое сердце, а он сам нанес девочке рану. Но способ загладить вину был найден,— способ, может быть, лучший из всех, какой только можно было найти.

— Очень рад, что это ваш костыль, мисс, потому что для вас мне приятно будет потрудиться — приятнее, чем для кого другого. Разрешите, я его погляжу.

Мисс Рен протянула ему костыль через стол и вдруг отвела руку назад.

— Нет, вы лучше посмотрите, как я с ним ковыляю,— отрывисто проговорила она.— Вот, видите? Скоком, да вперевалочку, да хром-хром-хром. Безобразно, правда?

— А по-моему, вы и без него можете обходиться,— сказал Хлюп.

Маленькая швея снова села к столу, подала Хлюпу костыль и проговорила с доброй улыбкой:

— Спасибо вам.

— Полочку и шкатулку я вам тоже смастерю, и с удовольствием,— сказал Хлюп, прикинув размер костыльной перекладины у себя на рукаве и бережно поставив костыль на место.— Мне рассказывали, что вы очень хорошо поете, а лучшей платы, чем песня, для меня быть не может. Я большой любитель пения и сам, бывало, частенько пел миссис Хигден и Джонни разные комические куплеты с разговорами. Но это, наверно, не по вашей части?

— У вас добрая душа, молодой человек,— сказала кукольная швея.— Очень, очень добрая. Я принимаю ваше предложение... Надеюсь, *его* это не заденет,— добавила она после минутного раздумья и пожала плечами.— А если заденет... так пускай.

— Вы это про своего названого отца, мисс? — спросил Хлюп.

— Нет-нет! — воскликнула кукольная швея.— Это все он у меня на уме. Он, он, он!

— Он, он, он? — повторил Хлюп, озираясь по сторонам.— Где же этот «он»?

— Он. Который будет за мной ухаживать и женится на мне,— пояснила мисс Рен.— Какой же вы бестолковый!

— Ах, *он!* — сказал Хлюп и призадумался и даже немного помрачнел.— Мне это и в голову не пришло. А когда он появится, мисс?

— Что за вопрос! — вознегодовала мисс Рен.— Кто это может знать!

— А откуда он возьмется, мисс?

— Господи твоя воля! Кто это может сказать! Откуда-нибудь да возьмется, когда-нибудь да появится. Больше мне о нем ничего не известно.

Ее ответ так развеселил Хлюпа, будто это была невесть какая остроумная шутка, и, откинув голову назад, он зашелся от смеха. Глядя на его нелепую физиономию, рассмеялась и кукольная швея, да как весело! Они смеялись долго и перестали, только когда совсем умаялись.

— Ну, хватит, великан, хватит! — воскликнула мисс Рен.— Что это вы — живьем хотите меня проглотить? Скажите лучше, зачем вас сюда прислали, я еще этого не слышала.

— За мисс-гармоновой куклой,— ответил Хлюп.

— Так я и думала,— сказала мисс Рен.— А мисс-гармонова кукла вас дожидается. Она укутана с ног до головы в серебряную бумагу, будто в новенькие ассигнации. Обращайтесь с ней осторожнее, и вот вам моя рука, и спасибо вам еще раз.

— Я осторожно ее понесу, так осторожно, будто она вся из золота,— сказал Хлюп.— И вот вам обе мои руки, мисс, и скоро я опять вас навещу!

Но самым большим событием в жизни мистера и миссис Джон Гармон в их новой жизни был приезд мистера и миссис Юджин Рэйберн. Как осунулся, как изменился Юджин! Куда девалась его былая светскость! Он шел, тяжело опираясь правой рукой на палку, левую положив на плечо жены. Но ему день ото дня становилось все лучше и лучше, силы прибывали, и врачи начинали поговаривать, что со временем и шрамы у него на лице будут не так заметны.

Да! Большое это было событие, когда мистер и миссис Юджин Рэйберн приехали погостить к мистеру и миссис Джон Гармон, у которых, кстати сказать, уже давно гостили мистер и миссис Боффин,— веселые, счастливые и занятые большей частью созерцанием витрин в лавках.

Миссис Джон Гармон по секрету поведала мистеру Юджину Рэйберну о том, какие чувства питала к нему его теперешняя жена еще в те дни, когда он был беспутным повесой. А мистер Юджин Рэйберн поведал миссис Джон Гармон (тоже по секрету), что она, слава создателю, не замедлит убедиться, какое благотворное влияние оказала на него жена.

— Не ждите от меня торжественных клятв,— сказал Юджин.— Они излишни. Но я твердо решил начать новую жизнь.

— Вы только подумайте, Белла! — воскликнула Лиззи, входя в комнату и занимая свое обычное место у его изголовья, так как он до сих пор не мог обходиться без нее — без своей сиделки.— Вы только подумайте! Ведь в день нашей свадьбы Юджин сказал мне, что ему лучше было бы умереть!

— Но я не умер, Лиззи,— усмехнулся Юджин,— и решил последовать твоему мудрому совету — ради тебя, дорогая.

В тот же день Лайтвуд зашел побеседовать со своим другом. Он лежал на кушетке в отведенной ему комнате наверху; Лиззи рядом с ним не было, так как Белла увезла ее кататься.

— Мою жену можно оторвать от меня только силой,— сказал Юджин, и Белла, рассмеявшись, так и сделала.

— Друг мой,— первым начал Юджин, взяв Лайтвуда за руку.— Как кстати ты пришел! У меня накопилось столько всяких мыслей, что мне не терпится поделиться ими с кем-нибудь. Прежде всего поговорим о настоящем, а потом перейдем к будущему. МПР, который душой и телом куда моложе, чем его сын, и до сих пор преклоняется перед женской красотой, был настолько любезен (не так давно он провел у нас два дня... там, на реке, и остался чрезвычайно недоволен нашей гостиницей). Так вот, он был настолько любезен, что предложил заказать художнику портрет Лиззи. Как ты сам понимаешь, когда такие слова исходят из уст человека, подобно МПР, их можно приравнять к мелодраматическому благословению.

— А ты действительно начинаешь поправляться,— с улыбкой сказал Мортимер.

— Нет, кроме шуток! — сказал Юджин. Осчастливив нас, МПР стал полоскать рот кларетом (им заказанным, но оплаченным мною) и приговаривать: «Сын мой, неужели ты пьешь такую бурду!» Это было равносильно — для него — отчему благословению, которое в большинстве случаев сопровождается потоком слез. Хладнокровие МПР нельзя мерить обычной человеческой меркой.

— Да, ты прав,— согласился Лайтвуд.

— Вот и все, что МПР мог исторгнуть из своего сердца по этому поводу,— продолжал Юджин,— а в дальнейшем он будет с прежней беспечностью разгуливать по свету, заломив шляпу набекрень. Итак, поскольку моя женитьба удостоилась столь торжественного признания, с семейным алтарем покончено. Далее, Мортимер, ты сотворил чудо, уладив мои денежные дела, и теперь, когда возле меня есть ангел-хранитель и опекун — моя спасительница... (ты видишь, как я еще слаб! Не могу говорить о ней

без дрожи в голосе), с ее помощью мои скромные средства все-таки кое-что составят. Тут и сомневаться нечего, потому что вспомни, как я раньше пускал деньги по ветру! У меня ничего не оставалось.

— Меньше, чем ничего, Юджин. Скромное наследство, доставшееся мне от деда (как жаль, что он не бросил его в пучину морскую!), отбило у меня всякую охоту заниматься делом. То же самое произошло и с тобой.

— Сама мудрость глаголет твоими устами! — сказал Юджин.— Да, мы с тобой жили в Аркадии *, Мортимер, но теперь возьмемся за ум. Впрочем, отложим этот разговор на несколько лет. Знаешь, что я придумал? Уехать с женой в какую-нибудь колонию и потрудиться там на адвокатском поприще.

— Я без тебя погибну, Юджин, но, может быть, это решение правильное.

— Нет! — воскликнул Юджин.— Неправильное! Никуда не годное решение!

Он проговорил это с такой горячностью — чуть ли не гневно,— что Мортимер в изумлении посмотрел на него.

— Ты думаешь, в моей бедной голове все помутилось? — весь вспыхнув, продолжал Юджин.— Ничуть не бывало! Я могу сказать о музыке своего пульса то же, что сказал Гамлет *. Я волнуюсь, но это здоровое волнение, Мортимер! Неужели я струшу и, стыдясь своей жены, увезу ее на край света! Где бы сейчас был твой друг, Мортимер, если б в свое время и она струсила, когда у нее было к тому гораздо больше оснований!

— Ты благородный, мужественный человек, Юджин,— сказал Лайтвуд.— И все же...

— И все же, Мортимер...

— И все же, готов ли ты поручиться, что тебя не будет уязвлять (из-за нее, только из-за нее, Юджин!) тот холодок, с которым отнесется к ней... общество?

— О! На этом слове поперхнуться нетрудно! — со смехом проговорил Юджин.— Кто под ним подразумевается — уж не наша ли очаровательная Типпинз?

— Может быть, и Типпинз,— тоже рассмеявшись, сказал Мортимер.

— Разумеется, Типпинз! — горячо воскликнул Юджин.— Сколько бы мы ни хитрили, ни лгали самим себе,

Мортимер, от этого никуда не уйдешь. Но моя жена все-таки ближе моему сердцу, чем Типпинз, я обязан ей немногим больше, чем Типпинз, и горжусь ею так, как никогда не гордился Типпинз. И поэтому, Мортимер, я буду бороться до последнего вздоха, бороться в открытом поле, за нее и вместе с нею. А если я смалодушничаю, сбегу отсюда и поведу свою борьбу где-нибудь на краю света, тогда ты, Мортимер,— самый близкий мне человек после нее, с полным на то правом скажешь, что напрасно она не пнула меня ногой в ту ночь, когда я валялся, истекая кровью, напрасно не плюнула мне, негодяю, в глаза!

Внутренний огонь преобразил Юджина, и на миг он стал прежним красавцем, словно лицо у него не было изуродовано. Мортимер принял его слова как должно, и друзья до самого прихода Лиззи горячо обсуждали свои планы на будущее. Она вошла, села возле мужа и ласково коснулась ладонью его лба и рук.

— Юджин, милый, ты заставил меня уехать, но я, видно, напрасно послушалась тебя. Ты опять весь горишь. Что с тобой? Что ты тут делал?

— Ничего,— ответил Юджин.— Просто с нетерпением ждал, когда ты вернешься.

— И разговаривал с мистером Лайтвудом? — Лиззи с улыбкой повернулась к Мортимеру.— Что же тебя так взволновало? Неужели все оно же — ваше Общество?

— Ты отгадала, дорогая,— ответил Юджин со своей былой беспечностью и, смеясь, поцеловал жену.— Все оно же — наше Общество.

Это слово не выходило у Мортимера из головы всю дорогу, до самого Тэмпла, и он решил посмотреть, что же делается в Обществе, где ему давно не приходилось бывать.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ

Глас Общества

Для того чтобы побывать в Обществе, от Мортимера Лайтвуда требуется только одно: ответить на пригласительную карточку мистера и миссис Вениринг, кои почтут

за честь и так далее и тому подобное, и уведомить их, что он, Мортимер Лайтвуд, тоже почтет за честь, и так далее, и тому подобное. Вениринги продолжают без устали сдавать Обществу свои пригласительные карты, но тем, кто хочет принять участие в этой игре, следует поторопиться, ибо в Книге Несостоятельных Судеб уже записано, что на следующей неделе Вениринг лопнет. Да. Разгадав секрет, как можно жить не по средствам, и малость перебрав там, где ему, депутату неподкупных избирателей Покет-Бричеза, надлежало брать, Вениринг сложит с себя на следующей неделе депутатские полномочия, после чего законник, пользующийся доверием Британии, снова примет в дар от Покет-Бричеза не одну тысячу, а Вениринги удалятся в Кале, где будут жить на бриллианты миссис Вениринг (в которые мистер Вениринг, как и подобало любящему супругу, время от времени вкладывал солидные суммы) и рассказывать Нептуну и вообще всем, кто пожелает слушать, что до того, как Вениринг покинул парламент, палата общин состояла из Вениринга и из шестисот пятидесяти семи его самых близких друзей *. Примерно в то же время Общество вдруг поймет, что оно всегда презирало Вениринга, не доверяло Венирингу и, обедая у Вениринга, всякий раз испытывало сомнения, хотя, почему-то, ни с кем своими сомнениями не делилось и свято хранило их в тайне.

Но поскольку Книга Несостоятельных Судеб еще не открылась на той странице, в особняк Венирингов, как и всегда, валом валят гости — те самые, что ездят туда обедать не с хозяевами, а друг с другом. Вот леди Типпинз. Вот Подснеп Великий и миссис Подснеп. Вот Твемлоу. Вот Буфер, Бутс и Бруэр. Вот Подрядчик, заменяющий собой провидение для полумиллиона людей. Вот Директор Компании, отмахивающий ежедневно по три тысячи миль. Вот блистательный Гений, ухитрившийся нажить на акциях кругленькую сумму — ровно триста семьдесят пять тысяч фунтов, без шиллингов и пенсов.

Добавьте сюда и Мортимера Лайтвуда, который входит с томным видом, заимствованным у Юджина еще в те дни, когда он, Мортимер, увеселял Общество рассказом о человеке неизвестно откуда.

Блистающая свежими красками фея, леди Типпинз, чуть не взвизгивает при виде своего вероломного поклонника. Она манит к себе дезертира, помахивая ему веером, но дезертир, заранее решивший не подходить к ней, беседует с Подснепом о Британии. Подснеп всегда заводит беседы о Британии и отзывается о ней так, точно его наняли в личные сторожа к этой даме на предмет охраны ее британских интересов от посягательств всех других стран.

— Мы знаем, что затевает Россия, сэр,— говорит Подснеп.— Мы знаем, что нужно Франции. Мы видим, куда клонит Америка, но мы знаем также, что представляет собой Англия, и этого нам вполне достаточно.

Однако, когда все садятся за стол и Лайтвуд занимает свое обычное место напротив леди Типпинз, отделаться от нее нелегко.

— Отшельник! Робинзон Крузо! — говорит эта чаровница, обменявшись с ним поклоном.— Как там ваш необитаемый остров?

— Благодарствуйте! — отвечает Лайтвуд.— Он ни на что не жаловался.

— А как там ваши дикари? — спрашивает леди Типпинз.

— Когда я выехал из Хуан-Фернандеса *, они начинали помаленьку приобщаться к цивилизации и поедать друг друга, что, собственно, одно и то же,— отвечает Лайтвуд.

— Изверг! — возмущается это прелестное юное существо.— Вы догадываетесь, о чем я спрашиваю, и испытываете мое терпение! Расскажите мне — немедленно! — о молодой супружеской чете. Вы же присутствовали на свадьбе!

— Дайте подумать.— Мортимер делает вид, будто вспоминает что-то.— Да, действительно присутствовал.

— Как была одета невеста? В костюме гребца?

Мортимер хмурит брови и умолкает.

— Она, наверно, положила руль сначала налево, потом направо, потом дала полный вперед, причалила, пришвартовалась,— словом, проделала все нужные эволюции, чтобы доставить самое себя на свадебную церемонию? — не унималась резвушка Типпинз.

— Это не важно. Важно то, что она украсила ее своим присутствием,— говорит Мортимер.

Кокетливо взвизгнув, леди Типпинз привлекает к себе всеобщее внимание.

— Украсила? Вениринг! Если со мной сделается дурно, приведите меня в чувство! Он хочет сказать, что эта ужасная лодочница красива!

— Простите, леди Типпинз, я ничего не хочу вам сказать,— говорит Лайтвуд и в подтверждение своих слов с подчеркнутым безразличием принимается за еду.

— Нет, от меня не так легко отделаться, злой бука! — восклицает леди Типпинз.— Как ни старайтесь, вам не удастся выгородить своего дружка, Юджина, который стал всеобщим посмешищем. Я вам докажу, что Общество единогласно осудило его сумасбродный поступок. Миссис Вениринг, душенька, давайте образуем парламентскую комиссию по расследованию этого дела!

Миссис Вениринг, большая поклонница этой болтливой сильфиды, восклицает: «Парламентскую комиссию? Давайте, давайте! Прелестно!» Вениринг говорит: «Кто *за* это предложение, прошу сказать «да». Кто против, прошу сказать «нет»... Принято большинством голосов». Но его остроты будто и не слышат.

— Председателем комиссии буду я! — заявляет леди Типпинз.

(«Сколько в ней жизни!» — восклицает миссис Вениринг, и тоже попусту.)

— Парламентская комиссия,— продолжает шаловливая Типпинз,— избрана для того, чтобы... как это?.. ну, словом, чтобы прозвучал глас Общества. Комиссии предстоит решить следующий вопрос: считать ли глупцом или умницей родовитого, недурного собой, не лишенного способностей молодого человека, который женился не то на лодочнице, не то на фабричной работнице.

— Протестую,— перебивает упрямый Мортимер.— Вопрос надо сформулировать так: хорошо или дурно поступил описанный вами человек, женившись на бесстрашной девушке (о ее красоте говорить излишне), которая спасла ему жизнь, проявив при этом поразительное мужество и находчивость,— на девушке, ничем не запятнанной, обладающей редкими душевными качествами, на девушке, которой он всегда восхищался и которая всем сердцем любила его.

— Но позвольте,— говорит Подснеп, выставляя напоказ свою крахмальную грудь и свой скверный характер.— Была эта молодая особа лодочницей или нет?

— Нет, не была. Но, насколько мне известно, ей приходилось иногда помогать отцу — лодочнику.

Дружный взрыв негодования по адресу молодой особы. Бруэр качает головой. Бутс качает головой. Буфер качает головой.

— А скажите, мистер Лайтвуд,— продолжает Подснеп, выставляя теперь напоказ свои бакенбарды, похожие на головные щетки.— Фабричной работницей она была?

— Нет, не была. Но, насколько мне известно, служила на бумажной фабрике.

Повторный взрыв негодования. Бруэр говорит: «Боже милосердный!» Бутс говорит: «Боже милосердный!» Буфер говорит: «Боже милосердный!» Их голоса протестующе рокочут.

— Тогда,— заявляет Подснеп, отмахиваясь правой рукой,— я имею сказать вот что: мне претит такой брак! Он вызывает у меня чувство омерзения, тошноту! И я даже слушать об этом не желаю!

(«Любопытно! — думает Мортимер.— Неужели Общество глаголет *его* устами?»)

— Браво, браво, браво! — восклицает леди Типпинз.— А ваше мнение об этом мезальянсе, достопочтенная коллега достопочтенного члена Комиссии, который только что сел на место?

Мнение миссис Подснеп таково, что в делах подобного рода должно соблюдать равенство рангов и состояний и что людям, привыкшим вращаться в Обществе, следует и жену подыскивать в Обществе, чтобы она могла вращаться в нем с непринужденностью и грацией, которые...— Миссис Подснеп останавливается на полуслове, деликатно давая понять слушателям, что люди из Общества обязаны искать в женах наибольшего сходства с ней самой, если только такое сходство возможно.

(«Любопытно! — думает Мортимер.— Неужели Общество глаголет *ее* устами?»)

Леди Типпинз обращается к Подрядчику в полмиллиона рабочих сил. Этот могучий властелин считает, что человек, о котором идет речь, должен был бы пристроить

молодую особу, то есть купить ей лодку и обеспечить ее небольшой рентой. И то и другое сводится к бифштексам и портеру. Вы покупаете молодой особе лодку. Прекрасно! Кроме того, вы покупаете ей небольшую ренту. По-вашему, ее рента равняется стольким-то фунтам стерлингов, на самом же деле это столько-то фунтов бифштекса и столько-то кружек портера. С одной стороны, молодая особа имеет лодку. С другой — она потребляет столько-то фунтов бифштекса и столько-то кружек портера. Бифштекс и портер служат топливом, приводящим в действие механизм молодой особы. Она черпает в этом топливе силы для управления лодкой, а за потраченные силы получает денежное вознаграждение. Добавьте к этому заработку небольшую ренту, и у вас получится точная сумма ее ежегодных доходов. Вот как надо подходить к этому вопросу, заключает Подрядчик.

Под конец его речи прелестная покорительница сердец, по своему обыкновению, погружается в легкий сон, нарушить который никому не хочется. К счастью, она пробуждается сама и следующей своей жертвой избирает Странствующего директора. Странник может судить о чужих делах только со своей колокольни. Если бы какая-нибудь молодая особа, подобная той, о которой тут говорят, спасла ему жизнь, он был бы ей весьма признателен, но не женился бы на ней, а определил бы ее в Электрическую Телеграфную контору, где молодые женщины как раз на своем месте.

А что скажет Гений, стоимостью в триста семьдесят пять тысяч фунтов, без шиллингов и пенсов?

Он отказывается говорить, не выяснив предварительно, были ли у этой молодой особы деньги?

— Нет,— бесстрастным голосом отвечает Лайтвуд.— Денег не было.

— Чушь и бред! — следует лаконичный приговор Гения.— В пределах закона за деньги на все можно пойти. Но без денег!.. Сумасшествие!

— Что скажет Бутс?

Бутс говорит, что меньше чем за двадцать тысяч фунтов он бы на это не пошел.

Что скажет Бруэр?

Бруэр говорит то же самое, что Бутс.

Что скажет Буфер?

Буфер говорит, что он знает одного человека, который женился на банщице и скоро сбежал от нее.

Опрошены все члены Комиссии (поинтересоваться мнением Венирингов никому и в голову не приходит), но, разглядывая сквозь монокль своих соседей по столу, леди Типпинз вдруг замечает мистера Твемлоу, который сидит, приложив ко лбу ладонь.

Боже милосердный! Твемлоу забыт! Мой Твемлоу! Милый! За что он голосует?

Твемлоу явно не по себе, но он отнимает руку ото лба и говорит:

— Я склонен думать, что тут надо принять в соображение чувства джентльмена.

— Джентльмен, который решается на такой брак, вообще лишен способности чувствовать что-либо,— кипятится Подснеп.

— Прошу прощения, сэр,— говорит Твемлоу — на сей раз далеко не так кротко.— Я позволю себе не согласиться с вами. Если чувство благодарности, уважения, восхищения и любви побудило джентльмена (не сомневаюсь, что так оно и было) жениться на этой леди...

— Леди? — как эхо подхватывает Подснеп.

— Сэр! — говорит Твемлоу, чуть ощетиниваясь манжетами.— Вы повторили это слово, и я повторю это слово. Да, леди! Как бы вы еще назвали ее, если б джентльмен присутствовал здесь?

Такой ребус не по зубам Подснепу, и он попросту отмахивается от него.

— Да,— говорит Твемлоу.— Если благородные чувства побудили этого джентльмена жениться на этой леди, такой поступок облагораживает и самого джентльмена и леди. Прошу заметить, что под словом «джентльмен» я подразумеваю человека высоких душевных качеств, а следовательно, джентльменом может стать всякий, кто поднимется на такую высоту. Джентльменские чувства для меня священны, и, должен сознаться, мне становится не по себе, когда их делают предметом обсуждения и насмешек.

— Хотел бы я знать,— с презрительной улыбкой цедит Подснеп,— поддержит ли вас в этом ваш благородный родственник?

— Разрешите вам ответить, мистер Подснеп,— говорит Твемлоу.— Может быть, поддержит, а может быть, и нет. Это трудно сказать. Но даже ему я не позволю поучать меня в столь деликатном вопросе, в котором я тверд.

Тут Общество за столом словно окатывают холодной водой, и леди Типпинз начинает сверх всякой меры капризничать и злиться. Веселеет один только Мортимер Лайтвуд. Мортимер спрашивал себя мысленно про каждого из членов Комиссии: «Неужели Общество глаголет его или ее устами?» Но он не задает себе этого вопроса, когда Твемлоу кончает говорить, и смотрит на Твемлоу так, словно благодарит его за что-то. Когда компания расходится — гости, сытые по горло честью, которую им оказали Вениринги, Вениринги, сытые по горло честью, которую им оказали гости,— Мортимер провожает Твемлоу до дому, на прощание сердечно жмет ему руку и возвращается к себе в Тэмпл в самом лучшем расположении духа.

ПОСТСКРИПТУМ

Вместо предисловия

Составляя мысленно план этого романа, я заранее предчувствовал, что среди моих читателей и критиков найдется немало таких, которые сочтут, что автор всячески старался скрыть то, что ему как раз всячески хотелось подчеркнуть, а именно, что мистер Джон Гармон не был убит и что он и мистер Джон Роксмит одно и то же лицо. Впрочем, это недоразумение нисколько не пугало меня; я предпочитал приписывать его сложности сюжета и думал, что искусству пойдет на пользу, если художник (в какой бы области он ни подвизался) скажет публике: «Имейте терпение! А уж мы как-нибудь справимся со своей задачей!»

Но самая трудная и самая увлекательная часть моего замысла состояла в том, чтобы как можно дольше держать читателя в неведении относительно другой сюжетной линии, которая вытекала из основной, развивалась посте-

пенно и в конце концов приходила к благополучному, счастливому завершению. Трудность эту усугублял способ публикации романа, так как нельзя же было рассчитывать, что многие из читателей, знакомящихся с ним не целиком, а по частям, на протяжении года, уследят за всеми тонкими нитями, из которых сплетается его узор, с самого начала зримый тому, кто ткет его своими руками. Однако преимущества такого способа публикации намного превышают свойственные ему недостатки, в чем можно поверить автору, который вернул его к жизни, выдавая в свет «Записки Пиквикского клуба», и с тех пор всегда пользуется им.

У нас в Англии почему-то существует странное обыкновение: не верить литературе, когда она говорит о тех фактах, которые встречаются в жизни на каждом шагу. Поэтому я отмечу здесь (хотя, может быть, и без всякой в том надобности), что есть сотни дел о наследствах, куда более поразительных, чем то дело, о котором рассказывается в моей книге, и что судебные архивы полны примеров, когда завещатели составляли, переделывали, противореча самим себе, запрятывали в потайные места, теряли, отменяли, оставляли в силе каждый такое количество завещаний, какое и не снилось старому мистеру Джону Гармону из Гармоновой тюрьмы.

С тех пор как миссис Бетти Хигден появилась у меня на сцене и потом исчезла, мне часто приходилось чувствовать гнев сторонников Министерства Волокиты, возмущенных моим отношением к Закону о бедных. Мой друг мистер Баундерби * не мог усмотреть никакой разницы между тем, чтобы предоставить кокстауновских рабочих самим себе или кормить их олениной и черепашьим супом и дичью с золотой ложечки. Мне навязывали множество не менее бессмысленных идей и вынуждали меня признаться, будто я готов давать пособие по бедности кому угодно, где угодно и когда угодно. Не считая нужным опровергать эти нелепые обвинения, я все же скажу, что у поборников Закона о бедных наблюдается подозрительная тенденция делиться на две партии. Первая партия утверждает, будто среди бедняков, заслуживающих уважения, не найдется ни одного, кто предпочел бы голодную и холодную смерть попечительским благодеяниям или стенам

работного дома. Вторая же, допуская наличие таких бедняков, заявляет, что у них нет ни причин, ни поводов поступать так, как они осмеливаются поступать. Факты, о которых сообщают наши газеты, недавние разоблачительные статьи в «Ланцете», чувства и простой здравый смысл простых людей опровергают и то и другое. Но чтобы моей оценке Закона о бедных не дали неправильного или ложного истолкования, я изложу ее здесь. Я считаю, что со времен Стюартов *у нас в Англии не было закона, который применялся бы с такой жестокостью, и так часто нарушался совершенно открыто, и за исполнением которого, в силу привычки, так плохо следили. Большинство постыдных для нас случаев болезней и смерти от нищеты, возмущающих наше общество и позорящих нашу страну, являются следствием равно как беззакония, так и бесчеловечности,— и нет слов в языке, чтобы должным образом заклеймить и то и другое.

В пятницу, 9 июня этого года мистер и миссис Боффин (в рукописном обличье принимающие у себя за завтраком мистера и миссис Лэмл) попали вместе со мной в страшную катастрофу на Юго-Восточной железной дороге *. Стараясь сделать все от меня зависящее, чтобы помочь пострадавшим, я влез обратно в вагон, лежавший на боку у самого края железнодорожной насыпи, и извлек оттуда эту почтенную супружескую чету. Они были с ног до головы покрыты землей, но, в общем, целы и невредимы. Так же счастливо отделались мисс Белла Уилфер в день своей свадьбы и мистер Райдергуд, который разглядывал в тот миг красный платок на шее у спящего мистера Брэдли Хэдстона. Чувство благоговейной благодарности не покидает меня при воспоминании, что я никогда не был так близок к вечной разлуке со своими читателями и к тому дню, когда моя жизнь должна будет завершиться тем словом, которым сейчас я завершаю эту книгу: К о н е ц.

Сентябрь 2-го 1865 г.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 17. *...«дряхлость, какую сердцу видеть тяжело»...*— строка из стихотворения «Жалоба нищего», принадлежащего английскому священнику-поэту Томасу Моссу (1740—1808).

Стр. 32. *Фальшфейер* — картонная гильза, наполненная пиротехническим составом; применяется судами для ночной сигнализации; фальшфейеры вставляют ночью в буи, которые бросают в воду при спасении утопающих.

Стр. 75. *Злобы я не опасаюсь...*— искаженные строки из стихотворения «У моего очага» шотландской писательницы Элизабет Гамильтон (1758—1816).

И не нужна вам...— искаженные строки из шотландской «Застольной» в обработке поэта Роберта Бернса.

Стр. 76. *Вперед, Честер, вперед!* — строка из поэмы «Мармион» (1808) английского писателя Вальтера Скотта.

Стр. 78. *«Кунсткамера» Керби, «Оригиналы» Колфилда, Уилсон.*— Речь идет о популярных в Англии в первой трети прошлого века сборниках занимательных биографий. Их полные названия: «Удивительный и научный музей, или Журнал любопытных персонажей, со всеми чудесами природы и искусства» Р. Керби, «Портреты, воспоминания, характеры замечательных людей» Д. Колфилда, «Удивительные характеры. Воспоминания и случаи из жизни наиболее замечательных людей всех времен и народов» Г. Уилсона.

... словно двадцать четыре скрипача.— Намек на детскую песенку «Старый дедушка Коль».

Стр. 94. *Покинут небосвод ущербною луной...*— из песенки «Английский флот» поэта и драматурга Чарльза Дибдина (1745—1814) и композитора Джона Браэма (1774?—1856).

Стр. 101. *«Родина, милая родина»* — популярная в Англии в XIX веке песенка на слова поэта Говарда Пейна (1791—1852).

Стр. 110. *Добрый самаритянин* — персонаж евангельской притчи. Житель Самарии, области в древней Палестине, увидев на дороге раздетого и израненного разбойниками путника, оказал ему помощь.

Стр. 116. *...по долине смертной тени...* — библейское образное выражение, популяризованное английским писателем Д. Беньяном (1628—1688) в аллегорическом романе «Путь паломника» (1678—1684).

Закон о бедных. — Закон о бедных от 1834 года «упорядочил» систему помощи бедным в Англии. Бездомных бедняков и сирот стали помещать в специальные дома призрения — работные дома, в которых царил полутюремный режим.

Стр. 121. *...чем если б ее украшали все статуи Вестминстерского аббатства.* — Вестминстерское аббатство — место погребения монархов, государственных деятелей и выдающихся граждан Англии; многие надгробия увенчаны статуями.

Стр. 143. *Шейлок* — персонаж из драмы Шекспира «Венецианский купец»; ростовщик, жестокосердный скряга.

Стр. 145. *«Если Питер Пайпер подобрал пинту перца...»* — английская скороговорка.

Стр. 157. *...призраку одной из многих голов, когда-то украшавших соседний Тэмпл-Бар...* — Тэмпл-Бар — ворота Сити — района, где помещается городское управление Лондона. До 1772 года на них выставлялись головы казненных.

Стр. 195. *Твоими глазами смотрю на него...* — искаженные строки из шотландской «Застольной» в обработке Р. Бернса.

Стр. 199. *Когда на сердце облако забот...* — песенка из «Оперы нищих» английского поэта и драматурга Джона Гэя (1685—1732).

Стр. 234. *«Голова Сарацина»* — популярное в Англии название кабачка.

Стр. 248. *...почему он до сих пор не занял место на мешке с шерстью.* — На мешке с шерстью сидел в палате лордов лорд-канцлер. В настоящее время мешок заменен кожаной подушкой, набитой шерстью. По старой традиции это должно напоминать о том, что шерсть занимает значительное место в экономике Англии.

Стр. 257. *Ричмонд* — город на южном берегу Темзы, входящий в состав Большого Лондона.

Стр. 260. *...где был изображен кинжал, пресекший жизнь Уота Тайлера.*— Вождь крестьянского восстания XIV века Уот Тайлер 15 июня 1381 года был предательски заколот мэром Лондона Уолвортом.

Стр. 282. *Здесь тенистый приют уготован тебе...*— строфа из стихотворения английского поэта Томаса Мура (1779—1852) «Обитель Эвелины».

Стр. 288. *Масоны* — члены тайного религиозно-философского общества, возникшего в Англии в XVIII веке.

Стр. 291. *И перед флотом Нельсон рек...*— строки из песни «Смерть Нельсона», написанной поэтом Арнольдом. Первоначально песня входила в оперу английских композиторов Джона Брэма и Мэтью Кинга (1773—1823) «Американцы» (1811).

Стр. 295. *...подняло с земли... старого инвалида...*— В Гринвиче находился знаменитый приют для престарелых моряков.

Стр. 296. *...воспоминания о праздничных открытках в день святого Валентина...*— 14 февраля, в день святого Валентина, молодые люди посылают своим избранницам анонимные объяснения в любви.

Криббедж — английская карточная игра. Отсчет в ней ведется с помощью колышков, вставляемых в углубления доски.

Стр. 305. *«Любовь, любовь, одна любовь повелевает миром!»* — популярная в XIX веке в Англии песенка.

Стр. 321. *...как тот самодовольный паренек, который ел пирожок и похвалялся своим благонравием.*— Намек на детскую песенку о «крошке Джеке Хорнере».

Стр. 326. *Миссис Хабберд* — персонаж сказок, образцовая хозяйка.

Стр. 393. *Царь Давид* — библейский герой, царь Израиля. Плач царя Давида дается во второй Книге Царств: Давид оплакивает гибель своего сына Авессалома, восставшего против отца.

Стр. 394. *Амориты* — семитские племена, упоминаемые в библии.

Стр. 462. *...«таков удел ваш с детских лет» и что-то там про свирель и газель...*— Имеются в виду строки из поэмы Томаса Мура «Лалла Рук» (1817).

Стр. 466. *...великан из сказки...*— намек на английскую сказку «Джек — истребитель великанов».

Стр. 471. *Аркадия.*— Древнегреческая область Аркадия изображалась в поэзии как страна блаженной пастушеской жизни.

Отсюда переносное значение: «обитать в Аркадии» — жить беспечно и счастливо.

Я могу сказать о музыке своего пульса то же, что сказал Гамлет.— «Мой пульс, как ваш, размеренно звучит. Такой же здравой музыкой...» — обращение Гамлета к матери, акт III трагедии Шекспира.

Стр. 473. *...палата общин состояла из Веніринга и из шестисот пятидесяти семи его самых близких друзей.*— В палату общин английского парламента избирается 658 человек.

Стр. 474. *Хуан-Фернандес* — острова в Тихом океане. На одном из них прожил в одиночестве более четырех лет прототип Робинзона Крузо — шотландский матрос Селькирк.

Стр. 480. *Баундерби* — герой романа Диккенса «Тяжелые времена», воплощающий худшие черты промышленника-эксплуататора.

Стр. 481. *...со времен Стюартов...*— Стюарты — королевская династия, правившая в Англии в XVII — начале XVIII века. Стюарты тщетно пытались укрепить позиции абсолютизма в обстановке кризиса феодально-абсолютистской системы и буржуазной революции.

...в страшную катастрофу на Юго-Восточной железной дороге.— Речь идет о действительном эпизоде биографии Диккенса.

Д. ШЕСТАКОВ

СОДЕРЖАНИЕ

НАШ ОБЩИЙ ДРУГ

Книга третья

Долгая дорога

Книга четвертая
Поворот

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

Собр. соч., т. 25

Редактор А. Миронова. Художник Н. Семпер.
Худож. редактор Л. Калитовская
Технич. редактор Г. Каунина. Корректор В. Седова

Сдано в набор 27/IV — 1961 г. Подписано к печати 20/VII — 1961 г.
Бумага 84 × 108[1]/32 — 15,37 печ. л. = 25,02 усл.-печ. л. 24,62 уч.-изд. л.
Тираж 460 000 (300 001—460 000) экз. Заказ № 3635. Цена 1 руб.

Гослитиздат, Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.